

ИНСТИТУТ
ПЕТРА ВЕЛИКОГО

ОРГАНИЗАТОРЫ КОНГРЕССА

Комитет по культуре Санкт-Петербурга

Государственный Эрмитаж

Государственный музей истории Санкт-Петербурга

Санкт-Петербургский институт истории РАН

Институт культурных программ

Фонд имени Д.С. Лихачева

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Е.В. Анисимов, научный руководитель Института Петра Великого, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

В.Е. Багно, директор Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Г.В. Вилинбахов, заместитель директора Государственного Эрмитажа

Д.А. Гранин, председатель Правления Фонда имени Д.С. Лихачева

Д.Ю. Гузевич, сотрудник Школы высших социальных исследований, Париж

Е.Я. Кальницкая, генеральный директор Государственного музея-заповедника «Петергоф»

А.В. Кобак, заместитель директора Института культурных программ

А.Н. Колякин, директор Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Н.Л. Корсакова, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

О.Л. Лейкинд, заместитель директора Фонда имени Д.С. Лихачева

В.П. Леонов, директор Библиотеки Российской академии наук

М.Б. Пиотровский, директор Государственного Эрмитажа

В.Н. Плешков, директор Санкт-Петербургского института истории РАН

А.Р. Соколов, директор Российского государственного исторического архива

Ю.К. Чистов, директор Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН

Институт Петра Великого

СТОЛИЦЫ И ПРОВИНЦИЯ

Материалы
IV Международного конгресса
петровских городов

Санкт-Петербург
8–9 июня 2012 года

ЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ
Санкт-Петербург
2013

Конгресс петровских городов поддержали:

Международный благотворительный фонд
«Константиновский»

Информационное агентство «Интерфакс Северо-Запад»

Газета «Санкт-Петербургские ведомости»

Научный редактор
Е.В. Анисимов

Составители:
А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина

Редакторы:
Б.В. Останин, Г.Б. Богуславская

Столицы и провинция. Материалы IV Международного конгресса петровских городов. *Санкт-Петербург, 8–9 июня 2012 года.* — Санкт-Петербург — Издательство «Европейский Дом» — 2013 — 360 стр., илл.

На первой стороне обложки: Вид Нарвы и Ивангорода. Гравюра. XVII век.

ISBN 978-5-8015-0309-7

© Фонд имени Д.С. Лихачева, 2013
© СПб ГБУК и ДО «Институт культурных программ», 2013
© Издательство «Европейский Дом», 2013

Содержание

Введение 9

ЕВРОПЕЙСКИЕ СТОЛИЦЫ

И. Шварц (Вена). Проблема столиц в Австрийской империи 11

В.А. Писарева (Дрезден). Между двумя столицами. Дрезден и Варшава во время правления Августа Сильного 19

МОСКВА И САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: ТРАДИЦИИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

В.К. Кантор (Москва). От Москвы к Петербургу: городская структура как путь к цивилизации 31

Х. ван Конингсбрюгге (Гронинген). Как голландские дипломаты восприняли появление новой столицы 44

М.В. Шкаровский (Санкт-Петербург). Почитание апостола Андрея в Петербурге и Москве в петровское время 51

О.Г. Усенко (Тверь). Столицы в массовом сознании россиян XVIII века (на примере монархического самозванчества) 61

С.А. Мезин (Саратов). Дени Дидро о Петербурге и Москве 70

К.Г. Исупов (Санкт-Петербург). Столицы отечества: спор о приоритетах 79

Г.Л. Тульчинский (Санкт-Петербург). Санкт-Петербург – город-инноватор России 83

ОСНОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ

Е.В. Анисимов (Санкт-Петербург). Санкт-Петербург – блестящая ошибка Петра? 89

Д.Ю. Гузевич, *И.Д. Гузевич* (Париж). Петербург как зримый принцип «новой территории»: основная модель петровских изменений 97

П.Е. Сорокин (Санкт-Петербург). Петербург до Петербурга и юбилей российской государственности 107

В.П. Леонов (Санкт-Петербург). Тема пути в биографии Санкт-Петербурга 118

Е.А. Андреева (Санкт-Петербург). Цена Петербурга: развенчание мифа о «городе на костях» 121

В.В. Лапин (Санкт-Петербург). Москва и Петербург. Столицы России в военном измерении. Период империи 141

Н.Р. Славнитский (Санкт-Петербург). «Столичный» и городской гарнизоны Санкт-Петербурга в царствование Петра I 152

Э. Вагеманс (Лювен). Голландец Питер ван Вунсел о Санкт-Петербурге 159

А.И. Богданов, *Н.С. Трофимова* (Санкт-Петербург). Газета «Санкт-Петербургские ведомости» первой половины XVIII века (1728–1750) как источник по истории промышленности Санкт-Петербурга и его окрестностей 164

А.М. Пашков (Петрозаводск). «Твоих оград узор чугунных...»: чугунное художественное литьё Олонецких горных заводов в архитектуре Санкт-Петербурга и его окрестностей конца XVIII – первой четверти XIX века 172

С.Н. Искюль (Санкт-Петербург). 1812 год: «Петербургу быть пусту?» 175

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ СТОЛИЦ И ПРОВИНЦИИ

В.В. Аристов (Кингисепп). Нарва — несостоявшаяся морская столица Петра I 196

П.А. Аваков (Аксай). Азов и Троицкий как исторические предтечи Санкт-Петербурга 224

Л.Б. Перепечаева (Азов). Некоторые черты быта города-крепости Азов конца XVII – начала XVIII века 235

И.А. Орлова (Александров). Александровская слобода — опричная столица России (по материалам опубликованных источников и работам российских историков) 245

А.А. Андреев (Санкт-Петербург). Хива и Россия в начале XVIII века, или история одной несостоявшейся провинции 259

А.Н. Акиньшин (Воронеж). Приезды императоров в Воронеж как отражение роли провинциального города в жизни страны 273

В.Я. Чернышёв (Муром). Материалы ревизии Мурома 1723 года как источник для изучения быта провинциального города петровской эпохи 282

Н.В. Колышницына (Санкт-Петербург). Взаимовлияние столицы и провинции на примере развития народного образования в России XVIII – начала XIX века 294

О.А. Рашитова (Кингисепп). Влияние новой столицы на церковную жизнь Ингерманландии (на примере Ямбургской земли) 306

С.А. Корепанова (Екатеринбург). Столичные учёные и провинциальное научное объединение (Из истории Уральского общества любителей естествознания) 314

Список сокращений 324

Список авторов 325

Иллюстрации 329

Издания института Петра Великого 354

Введение

В сборнике публикуются тексты докладов, заслушанных на IV Международном конгрессе петровских городов. Конгресс, прошедший в Санкт-Петербурге 8–9 июня 2012 года, был посвящён широкой теме: «Столицы и провинция. К 300-летию перенесения столицы из Москвы в Санкт-Петербург».

Достоверно известно, что в 1712 году в Петербург переехал Правительствующий Сенат, который был учрежден в 1711 году в Москве и признавался царем главнейшим государственным органом России. Именно эта дата — 1712 год — и стала в исторической науке основанием для датировки переноса столицы.

Организаторами Конгресса-2012 выступили Комитет по культуре Санкт-Петербурга, Государственный Эрмитаж, Институт Петра Великого, при поддержке Института культурных программ, Государственного музея истории Санкт-Петербурга, Санкт-Петербургского института истории РАН, Фонда имени Д.С. Лихачева.

Международные конгрессы петровских городов приурочены ко дню рождения Петра Великого. Законом Санкт-Петербурга «О праздниках и памятных датах в Санкт-Петербурге» 9 июня – день рождения Петра I – внесен в перечень общегородских праздников и памятных дат.

В петровское время в России было основано более 50 больших и малых городов, многие старые русские города оказались тесно связаны с деятельностью Петра. Всех их по праву можно назвать петровскими городами, ибо петровское время изменило их судьбу.

Петровские города есть не только в России – множество европейских городов видели Петра. Прошли столетия, но в этих городах сохраняются музеи, памятники, мемориальные доски, произведения искусства, посвященные Петру.

В работе Конгресса принимали участие представители учреждений культуры, науки и образования многих петровских городов России: Петербурга, Москвы, Азова, Аксая, Астрахани, Александрова,

Архангельска, Воронежа, Екатеринбурга, Кингисеппа, Мурома, Омска, Петрозаводска, Саратова, Твери, Тулы. На форуме выступили представители европейских городов, связанных с именем Петра Великого: Будапешта, Вены, Гронингена, Дрездена, Лювена, Парижа.

Конгрессы направлены на всестороннее изучение петровской эпохи и ее наследия, на культурную интеграцию больших и малых петровских городов России, на расширение сотрудничества российских и европейских учреждений науки и культуры.

Первый (учредительный) конгресс петровских городов прошел в Санкт-Петербурге в мае 2009 года и дал толчок широкому распространению петровской программы в регионах России. Второй конгресс, состоявшийся в июне 2010 года, был посвящен культурным инициативам Петра Великого. Темой конгресса 2011 года были петровские реликвии в собраниях России и Европы.

Петровская программа – это не только Конгрессы петровских городов и другие события в Петербурге. Это многообразные инициативы в регионах, которые присоединились к петровскому движению. Все это составные части общероссийского движения, которое мы называем «Путь Петра Великого». В нём принимают участие и профессиональные историки, и местные краеведы, и деятели культуры. Главнейшая идея этого движения — культурная интеграция больших и малых российских городов.

Символом этой интеграции является знамя программы. С 2010 года знамя ежегодно вручается одному из петровских городов, который активно участвует в программе. В 2011 году знамя было вручено городу Архангельску, в 2012 — городу Екатеринбургу.

Инициатор петровской программы писатель Даниил Гранин в приветствии к участникам конгресса сказал:

«Конгрессы Петровских городов стали не только приятной традицией, но и потребностью собраться, увидеть — сколько нас, какие мы. Казалось бы, повторение не приносит удовольствия. Однако петровское время каждый раз открывается нам новыми гранями.

За прошедший год вышли о Петре замечательные книги. Каждая из них – открытие, новый материал по истории петровского времени. Но кроме книжных трудов, мы продолжаем расширять круг памятников по истории петровского времени.

Петровское время не оставляет нас, оно тысячами нитей связано с сегодняшним днем. И ассамблея Петровских городов – одна из этих важных нитей».

ЕВРОПЕЙСКИЕ ТРАДИЦИИ

И. Шварц (Вена)

Проблема столиц в Австрийской империи[1]

Проблема столиц и феномен «многостоличность как культурологическое явление» сравнительно недавно стали предметом пристального изучения. Причиной этого в современной науке является, с одной стороны, актуальность и малоизученность проблемы, с другой, возникновение в конце XX в. новых суверенных государств и, вместе с тем, новых столиц и столичных регионов. Современные тенденции развития показывают, что информационно-технический прогресс ведёт к стиранию четких границ между столицей и прилежащим к ней регионом. В то же время традиционное представление о столице как центре прежде всего государственной власти меняет свои параметры и приобретает новые характеристики. Такое отношение к проблеме требует изучения и переосмысления представления о столице и взаимоотношениях столичных и периферийных городов как в современности, так и в историческом плане.

Обратимся к определению понятия «столица». Согласно современному Брокгаузу — свободной сетевой энциклопедии «Википедия», столица — это «официальный главный город государства»,

[1] Под Австрийской империей имеется в виду не государство Австрийская империя (Kaisertum Österreich), провозглашённое в 1804 г. императором Францем II, а государство, находившееся под властью императора Священной Римской Империи германской нации (Heiliges Rцmisches Reich Deutscher Nation). В хронологическом плане это период с конца позднего средневековья по 1806 г., когда Наполеон эту государственную систему упразднил. С небольшими исключениями императорами Священной Римской Империи были представители династии Габсбургов, во времена их правления города-резиденции Габсбургов становились столицами государства.

в котором, «как правило, располагаются высшие органы власти и управления: резиденция главы государства (монарха, президента), парламент, центральные министерства и ведомства, Верховный суд»[2].

Рассматривая феномен «столицы», российский исследователь С.Т. Тархов особое внимание уделяет функции столиц и подчёркивает, что «главным отличием политической столицы от любого крупного экономического и/или культурного центра является выполнение столичных функций — управление территорией государства и его населением. В столицах, как правило, размещаются институты трех главных ветвей государственной власти — законодательной, исполнительной и судебной. Таким образом, столица является главным центром государственного управления страной»[3].

В этих определениях всё чётко и ясно, но как быть с такими государствами, где нет столиц с сочетанием этих функциях? В некоторых странах столичные функции сосредоточены не в одном городе, а распределены между несколькими, поэтому в таких государствах де-факто сосуществуют два, а иногда и три столичных города[4]. Именно с таким феноменом многостоличности мы сталкиваемся в истории Австрийской империи. Габсбургская монархия даёт нам немало примеров многостоличности в смысле переноса столицы из одного центра в другой и в смысле территориального разделения функций власти — законодательная, исполнительная и судебная власть сосредоточены не в одном центре, её институты находятся в разных городах.

Когда речь идёт о столице Священной Римской империи германской нации, обычно называется Вена, нередко упоминается и Прага, «золотая Прага» времён императора Карла IV (1355–1378). Часто Прага называется и как столица Рудольфа II (1576–1612), но мало известно то, что любимой столицей Фридриха III (1452–1493) был Виенер Нойштадт (Neustadt, Nova Civitas), «Новый город Вена», расположенный на берегу реки Лайта, в 62 километрах от Вены. Этот город построен во времена герцога Леопольда V Бабенберга, для его строительства были использованы деньги, полученные от выкупа пленного английского короля Ричарда I Львиного Сердца[5]. Здесь, в дворцовой

---

[2] http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D1%82%D0%BE%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B0 (09.01.2013 г.).

[3] *Тархов С.А.* Столицы. В: http://geo.1september.ru/articlef.php?ID=200700311 (09.01.2013 г.).

[4] Там же.

[5] http://de.wikipedia.org/wiki/Wiener_Neustadt (09.01.2013 г.).

резиденции родился и в капелле св. Георгия был похоронен император Максимилиан I (1508–1519), хотя сам Максимилиан отдавал предпочтение альпийскому городу Инсбрук, который являлся его резиденцией[6]. При Фердинанде II (1619–1637) статус города-резиденции наряду с Прагой получили Вена и его любимый город Грац в Штирии. Назовём ещё Мюнхен, столицу курфюрста Баварии и императора Священной Римской империи Карла VII Альбрехта (1742–1745) из династии Виттельсбахов. Выбор столицы не всегда был связан с геостратегическими и политическими соображениями, часто он зависел от личных интересов, эстетических представлений и политических устремлений монархов.

До нас дошёл интересный рассказ посла российской дипломатической миссии в Австрийской империи, будущего министра иностранных дел и канцлера России, графа Николая Румянцева. Как-то при встрече с императором Иосифом II в 1782 г. на вопрос императора, почему Румянцев выбрал своей дипломатической резиденцией Франкфурт на Майне, Румянцев ответил вопросом: «Ваше Величество, а какой город Вы считаете столицей Священной Римской империи?» — и очень удивился, услышав: «В сущности, столицей и истинным центром империи является, само собой разумеется, Рим»[7]. Предполагая, что император шутит, Румянцев продолжал настаивать на ответе, но другого так и не получил.

Как ни странно, в конце XVIII в., когда существовали практически все крупные европейские государства, невозможно было сказать, какой город являлся столицей Священной Римской империи. Вена воспринималась как столица Габсбургской монархии, но не империи в целом. В Регенсбурге на берегу Дуная до распада империи регулярно заседал её высший сословно-представительный и законодательный орган — Рейхстаг. С 1663 г. Рейхстаг приобрёл постоянный характер, его авторитет значительно вырос, но, несмотря на это, он оставался сословным учреждением, представляющим интересы только политической элиты империи. Второй центр власти находился в старинном Вецларе (Wetzlar), недалеко от Франкфурта, ныне индустриальном и культурном центре Среднего Гессена. Здесь заседал высший судебный орган империи — Имперский камераль-

[6] Сердце императора, согласно завещанию хранится в Брюгге, в саркофаге его первой жены Марии Бургундской.

[7] «Eigentliche Hauptstadt und wirkliche Mitte des Reichs sei selbstverständlich Rom». *B: Hagen Schulze*, Staat und Nation in der europäischen Geschichte. München, 1999. S. 128.

ный суд. А во Франкфурте-на-Майне с середины XVI в. в кафедральном соборе св. Бартоломея праздновалась торжественная коронация императоров Священной Римской империи[8].

Разделение центров государственной власти не только в функциональном, но и в географическом плане стимулировало развитие конституционно-правовой системы, зарождение демократических структур и принципов будущего парламентаризма. Вряд ли будет ошибкой сказать, что современный Европейский союз воспринял эту модель разделения власти, и потому сейчас в Брюсселе находится высший орган исполнительной власти — Европейская комиссия, в Страсбурге — Европейский парламент, а суд Европейского Союза проводит свои заседания в Люксембурге. У Европейского Союза три столицы: Брюссель, Страсбург и Люксембург.

Чем объясняется многостоличность и подобный феномен власти в Священной Римской империи? Корни следует искать прежде всего в историческом процессе преобразования природы политической власти. Известно, что европейские монархи классического средневековья жили и правили в дороге[9]. Передвижение короля со свитой по стране от одного стратегического пункта к другому — это, собственно, и была власть в действии, её материализация в отдельных местностях королевства и во взаимоотношении с разными социальными группами[10]. Так, Рудольф I Габсбург (1218–1291), с которого начался восход династии Габсбургов, хотя и являлся императором Священной Римской империи, не имел города-резиденции — его крепости и дворцовые резиденции находились в Ааре, Цюрихе, Эльзасе и т.д.

Империя напоминала пёстрое лоскутное одеяло — её границы были неясными, правовая система полна противоречий, фискальный аппарат сложный, казна, несмотря на рост налогов и иных поборов, пуста. Ещё в XVII в. юрист и историк Самуэль Пуфендорф опубликовал острый памфлет («*De statu Imperii Germanici Liber unus*») на конституцию Священной Римской империи германской нации,

---

[8] Франкфурт играл в Священной Римской империи важную роль. Германские короли и императоры с 885 г. выбирались во Франкфурте и короновались в Ахене. С 1562 г. королей и императоров короновали во Франкфурте, первым коронованным здесь королём стал Максимилиан II.

[9] *Усков Н.Ф.* Кочующие короли: государь и его двор в монастыре // Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. Вып. I, М.; СПб., 2001. С. 33.

[10] *Усков Н.Ф.* Указ. соч. С. 34.

в котором называл правовую систему этого государственного образования чудовищной, само же государство — чудовищем — MONSTRUM. А в конце XVIII в. Фридрих Шиллер удивлённо восклицал: «Германия? Но где же она находится? Я не могу найти такую страну...»[11]

Как мы уже говорили, когда речь идёт о столице Австрийской империи, традиционно называется Вена. Город расположен у подножия Альп, на берегу Дуная, с древних времён главной транспортной артерии Центральной Европы, что во многом определило его стратегическое значение. Прекрасная природа, мягкий климат. До начала XVII в. Вена наряду с Прагой, Инсбруком и Грацем была одним из городов-резиденций Габсбургов. С переносом в 1619 г. императором Фердинандом II столицы из Праги в Вену город становится не только резиденцией, но и столицей империи. Теперь в документах всё чаще встречается выражение «Вена — город императора», *Kaiserstadt, Hauptstadt*[12].

Статус Вены как столицы Священной Римской империи во многом определил её будущее развитие. В XVII и особенно в XVIII в. Вена становится средоточием многочисленной придворной аристократии. Императорский двор являлся обществом-потребителем, которое хотело не только хорошо жить, но и демонстрировать свой высокий социальный статус. Такой потребительский подход стимулировал развитие мануфактуры, прежде всего текстильной, выработки шёлка и сукна, фарфора и фаянса, предметов роскоши. Рост производства привёл к росту рынков, развитию городских инфраструктур, улучшению условий городской жизни, строительству канализационной сети, открытию новых аптек, больниц, пожарной службы.

Решающий этап в градостроительстве и оформлении архитектурного облика города наступил после второй осады Вены турками в 1683 г. Изрядно пострадавшие фортификационные сооружения, крепостная стена, бастионы, равелины, земляные валы были восстановлены. Именно эту новую фортификационную систему увидел Пётр I летом 1698 г., когда прибыл в Вену с Великим посольством.

Два архитектора мировой величины — Иоганн Бернхард Фишер фон Эрлах и Иоганн Лукас фон Хильдебрандт — построили немало дворцов в стиле барокко не только в старом городе, но и за пределами

[11] Цит.: *Schulze*. Staat und Nation in der europäischen Geschichte. München, 1994. S. 128.

[12] *Vocelka Karl*. Rudolf II und seine Zeit. Wien; Köln; Graz, 1985. S. 90.

крепостной стены. Следует отметить, что когда мы говорим о городе как городе-резиденции, то мы имеем в виду не только дворцовый градоустройственный комплекс, но и прилегающие к городу окрестности. Невозможно отделить дворец Хофбург в Вене от охотничьих и развлекательных резиденций императора и дворцовых комплексов венской аристократии в окрестностях. Многие из них, как Бельведер, находятся ныне на территории современного города Вены. К венской императорской резиденции, помимо дворца Хофбург, принадлежали дворцовые комплексы Старая Фаворита (Alte Favorita)[13], Новая Фаворита (Neue Favorita)[14], Шенбрунн (Schönbrunn), Нойегебойде (Neuegebäude)[15], Кайзереберсдорф (Kaiserebersdorf)[16] и Лаксенбург (Laxenburg)[17]. Поддерживался циклический порядок: зимой император и его двор жили в Хофбурге, весной выезжали в Лаксенбург, летом и осенью император с семьёй пребывали в резиденции Фаворита. С начала XVIII в. любимыми резиденциями Габсбургов стали Клостернойбург (Klosterneuburg), известный как «австрийский Эскориал», и дворцово-парковый комплекс Шенбрунн. Подобно испанской королевской резиденции Эскориал, Клостернойбург являлся одновременно монастырём, дворцом и резиденцией императора. Этот архитектурный комплекс служил выражением ностальгии Карла VI по утрате испанского наследства и неосуществлённой мечте восстановить империю Карла V[18]. Резиденцию Шенбрунн Карл VI подарил в 1728 г. своей дочери Марии-Терезии, которая впоследствии превратила его в центр венской политической и дворцовой жизни. Регулярный парк Шенбрунна — один из самых красивых в Европе. Клумбы, газоны, оранжереи, бассейны, фонтаны, многочисленные скульптуры представляют собой продолжение дворцовой архитектуры. Парк состоит из множества террас, которые по мере удаления от дворца поднимаются вверх, в отличие от Версаля, где парк образует снижающиеся от дворца уровни, так что возникает впечатление пирамиды, вершиной которой является дворец. В парке Шенбрунна располагаются также несколь-

[13] Сейчас это парковый комплекс Аугартен во 2-м районе Вены.

[14] На территории бывшего дворцового комплекса сейчас размещаются Терезианум и Дипломатическая академия.

[15] В 11-м районе Вены.

[16] Также в 11-м районе Вены.

[17] В окрестностях Вены.

[18] *Huss Frank*. Der Wiener Kaiserhof: Eine Kulturgeschichte von Leopold I. bis Leopold II. Gernsbach, 2008. S. 203f.

ко небольших дворцеобразных сооружений. Самый впечатляющий архитектурный памятник комплекса — символ славы Глориета, который замыкает пространственную перспективу.

Резиденция императора была не просто жилым архитектурным комплексом и дворцово-парковым ансамблем. Она репрезентировала власть монарха и его династии. «Скажи мне, где ты живёшь, и я скажу, кто ты» — так вполне можно переделать известную старинную пословицу[19]. Например, Людовик XIV и Версаль немыслимы друг без друга. Людовик XIV — это Версаль, а Версаль — Людовик XIV. Версаль являлся художественно-архитектурным выражением идеи абсолютизма и символом главенствующей роли Франции в европейской политике, первообразом резиденции абсолютного властителя — все монархи хотели иметь свой Версаль! А что оставалось Габсбургам? Что представители Габсбургской династии могли противопоставить концепции Людовика XIV? Специфика репрезентации власти Габсбургской династии выражалась прежде всего в желании подчеркнуть богатую историческую традицию. Возьмём в качестве примера зимний дворец — Хофбург. У венского Хофбурга нет единого архитектурного замысла и характерного для барочного стиля репрезентативного фасада. Несмотря на желание Карла VI усовершенствовать свою зимнюю резиденцию, Хофбург оставался конгломератом зданий разного периода, поскольку никто не решался снести старый комплекс и построить на его месте новый архитектурный ансамбль. Только в XIX в., после строительства нового дворца и Кайзерфорума, «Площади героев» (Heldenplatz), Хофбург приобрёл репрезентативные, монументальные черты.

В стиле традиции была и концепция «Вена — новый Рим»[20]. Осада турками Вены в 1683 г. послужила поводом к созданию цикла литературных произведений, имеющих своим прообразом «Илиаду» Гомера и «Метаморфозы» Овидия. Сравнение осаженной Вены с древней Троей, которую в античной традиции считали матерью Рима, было в стиле пропаганды Габсбургами политической концепции *translatio imperii*. Хвалебные дифирамбы провозглашали Вену «новым Римом на новом Тибре»[21]. По указу Леопольда I и проекту Лукаса Хильдебрандта в центре Вены был возведён новый храм

[19] *Vocelka Karl.* Lynne Heller, Die Lebenswelt der Habsburger: Kultur- und Mentalitätsgeschichte einer Familie. Graz; Wien; Köln, 1997. S. 227f.

[20] Die Residenzstadt Wien im Spiegel lateinischer Gedichte des 16. bis 19. Jahrhunderts. В: https://kphil.ned.univie.ac.at/node/124979 (09.02.2013).

[21] Ibid.

св. Петра по образу и подобию ватиканского собора св. Петра. Неудивительно, что Иосиф II говорил: «Столица империи — это Рим». Имел ли он в виду вечный город Рим или «новый Рим» на берегу Дуная — этого мы уже не узнаем.

Подводя итог, можно сказать, что многостоличность Священной Римской империи, в смысле территориального разделения органов законодательной, исполнительной и судебной власти, привела к зарождению демократических структур и принципов будущего парламентаризма. Сохранение принципа преемственности привело к своеобразному симбиозу в пространственном архитектурном ансамбле Вены. Сегодня австрийская столица является модерным, инновативным городом, в котором сохранились культурные традиции, следы и глянец былого величия, и этот симбиоз делает его уникальным городом.

В.А. Писарева (Дрезден)

Между двумя столицами. Дрезден и Варшава во время правления Августа Сильного

В 1697 г. саксонский курфюрст Фридрих Август I (1670–1733) становится королём польско-литовского государства Речи Посполитой под именем Августа II. Управление двумя странами требовало от курфюрста-короля, прозванного позже Августом Сильным, попеременного пребывания в Саксонии и в Польше и, соответственно, в обеих столицах — Дрездене и Варшаве. Персональная уния двух государств с различным политическим строем, экономикой, вероисповеданием и культурой, продлившаяся до 1763 г., получила неоднозначную оценку историков[1]. Если в Саксонии свидетельства «Августейшего времени» до сих пор восхищают потомков, то «саксонское время» в соседней Польше стало символом упадка, разрухи и ослабления государства[2]. Как свидетельствуют новейшие исследо-

[1] С 1734 по 1763 г. польским королём Августом III был сын Августа Сильного Фридрих Август II (1696–1763).

[2] Лишь некоторые обзорные публикации: *Komaszynski Michael*. August der Starke und seine Herrschaft an der Weichsel im Spiegel der polnischen Geschichtsschreibung // Sachsen und die Wettiner: Chancen und Realitäten. Internationale wissenschaftliche Konferenz, Dresden vom 27. bis 29. Juni 1989, *Dresdner Hefte*. Dresden, 1989. S. 132–144; *Hecker Hans*. Die sächsisch-polnische Union in der russischen Historiographie // Sachsen und Polen zwischen 1697 und 1765, Beiträge der wissenschaftlichen Konferenz vom 26. bis 28. Juni 1997 in Dresden. Saxonia. Schriftenreihe des Vereins für Sächsische Landesgeschichte e. V., Dresden, 1998; S. 167–175; *Groß Reiner*. Sachsen in der sächsisch-polnischen Verbindung – Versuch eines historiographischen Überblickes // Ebenda. S. 17–26; *Krzemiński Adam*. Sachsen und Polen — eine gescheiterte Union? // Polen und Sachsen. Zwischen

вания, блестящий двор Августа Сильного, снискавший известность во всей Европе, не только оставил яркие следы в Саксонии, но и оказал позитивное влияние на развитие культуры и искусства в Польше. Наиболее зримо, хотя и в разной степени, это сказалось в развитии обеих столиц — Дрездена и Варшавы.

Какими были эти города в конце XVII в., как долго находился Август в каждой столице и какие изменения привнесло его правление в их развитие? Чтобы ответить на эти вопросы, остановимся на главных политических и культурных событиях этого периода.

ДРЕЗДЕН

Август Сильный становится курфюрстом Саксонии после неожиданной смерти старшего брата в 1694 г. и получает в наследство государство с развитой экономикой и торговлей. Его предшественники сумели успешно преодолеть последствия разрушительной 30-летней войны (1618–1648) и вернуть Дрездену славу культурного центра.

Внешний облик столицы определяли многочисленные каменные постройки с дворцом саксонских курфюрстов в центре города. О важнейших достопримечательностях Дрездена во второй половине XVII в. рассказывает книга инспектора кунсткамеры, математика и астронома Тобиаса Бойтеля: знаменитой кунсткамере саксонских курфюрстов, придворной конюшне и 36 помещениях Оружейной палаты[3]. Здесь же упоминаются библиотека, анатомический кабинет, придворная аптека, театр, помещения для игры в мяч и стрельбы, манеж, зверинец и охотничий двор.

Среди многочисленных знатных гостей Дрезден посещал и русский царь Пётр I. Он был здесь четыре раза (в 1698, дважды в 1711 и 1712) и открывал для себя каждый раз всё новые стороны столичной жизни европейского города[4]. Пётр I многократно бывал в кунсткамере и арсенале, проявлял большой интерес к новинкам науки и техники, к учёным и мастерским саксонской столицы.

Nähe und Distanz. Dresdner Hefte 50, 2 / 1997, S. 4–8; *Czok Karl.* Zur Neubewertung der sächsisch-polnische Union (1697–1763) // Ebenda. S. 9–16.

[3] *Beutel Tobias*. Churfürstlicher Sächsischer stets grünender hoher Cedernwald auf d. grünen Rauten-Grunde oder kurtze Vorstellung d. chur-fürstl. sächs. hohen Regal-Wercke <…>]. Original-Ausgabe 1671. Leipzig, 1975. [164] S.

[4] *Syndram Dirk*. August der Starke und seine Kunstkammer zwischen Tagespolitik und Museumsvision // Die kurfürstlich-sächsische Kunstkammer in Dresden-Geschichte einer Sammlung. Dirk Syndram, Martina Minning (Hrg.). Dresden, 2012. S. 121–151.

ВАРШАВА

Когда в соседнем польско-литовском государстве Речи Посполитой в 1696 г. умирает король Ян III Собеский, Август Сильный решительно воспользуется своим шансом. Польская корона не только повышала статус имперского князя, открывая новые перспективы на политической арене, но и означала существенное увеличение подвластных территорий — Речь Посполитая превосходила территорию Саксонии в 21 раз. Чтобы претендовать на польскую корону, молодой правитель ведущей протестантской страны Священной Римской Империи идёт на беспрецедентный шаг — переходит в католичество. В решительной схватке за вакантный польский престол ему удалось обойти своего главного соперника, французского принца Конти и в сентябре 1697 г. короноваться в Кракове. Через четыре месяца он впервые въезжает в свою королевскую резиденцию в Польше — Варшаву[5]. Хотя польская столица и была сравнима с Дрезденом по численности населения, внешний вид города изрядно отличался от саксонской столицы[6]. В Варшаве, которая сильно пострадала в Северной войне (1655–1660), даже в центре города преобладали деревянные постройки. Старая часть Варшавы с тёмными и узкими средневековыми улицами не производила на приезжих приятного впечатления. «Нет здесь ничего особенного, кроме памятника Зигмуниду III <...> Сам город очень грязный и очень маленький», — пишет французский драматург Жан Франсуа Реньяр, посетивший польскую столицу в 1683 г.[7]

В Королевском замке, где также заседал сейм, правящему королю предоставлялись лишь несколько апартаментов. При последнем короле Яне III Собеском, который много времени проводил в своих владениях, а в конце правления перенёс свою резиденцию в Виланув, королевский двор утрачивает своё господствующее культурное значение, обрекая Варшаву на провинциальное существование.

---

[5] О коронации Августа: *Bäumel Jutta*. Auf dem Weg zum Thron. Die Krönungsreise Augusts des Starken. Dresden, 1997.

[6] В конце XVII в. население Дрездена с пригородами составляло около 18 тысяч жителей. В польской столице и предместьях к началу правления Августа Сильного проживало около 20 тысяч жителей. *Kowalczyk Jerzy*. Dresden und Warschau // Unter einer Krone. Kunst und Kultur der sächsisch-polnischen Union. Leipzig, 1997. S. 79–81; *Żórawska-Witkowska Alina*. Muzyka na dworze Augusta II w Warszawie. Warszawa, 1997. S. 51–53.

[7] *Żórawska-Witkowska A.* Muzyka na dworze Augusta II w Warszawie. S. 52.

ЭТАПЫ ПРАВЛЕНИЯ

Окрылённый своей политической победой, Август Сильный с большим энтузиазмом приступает к своим новым обязанностям. Хотя в начале правления ему и приходится бороться за расположение своих польских подданных, курфюрст-король полон амбициозных планов[8]. Несмотря на внушительные размеры, аграрная Речь Посполитая значительно уступала Саксонии в экономическом развитии. Август наметил долгосрочные планы по реорганизации экономики, образования и обороноспособности Польши, которые способствовали бы укреплению его позиции на востоке центральной Европы[9]. Не менее энергично король начинает обустраивать королевский двор в Варшаве. В первые 4,5 года своего правления (1697–1702) он почти не покидает Польшу и приезжает в Дрезден всего на 6,5 месяцев[10].

Но стремительное развитие Северной войны, спровоцированное им самим, положило конец всем его планам. В 1702 г. он покидает занятую шведами Варшаву. 14 февраля 1704 г. его объявляют низложенным, а 4 октября 1705 г. королём становится Станислав Лещинский. Год спустя, по Альтранштадскому миру 1706 г. Август Сильный вынужден отказаться от польской короны. Втянутая в Северную войну Польша становится полем военных действий для шведской, саксонской и русской армий. К разрушениям и грабежам добавляются неурожай и эпидемия чумы.

Лишь победа Петра I под Полтавой в 1709 г. позволяет его союзнику Августу Сильному вновь занять польский престол. Возвратившись в Польшу в 1710 г., он стремится следовать ранее намеченному курсу. Но его попытки централизации власти и ослабления влияния сейма, необходимые для реализации реформ, приводят в 1715 г. к восстанию магнатов, опасающихся за свою «золотую свободу». Лишь

---

[8] Официально он был признан королём через два года после коронации, на июльском сейме 1699 г.

[9] *Gierowski Józef Andrzej*. Ein Herrscher — zwei Staaten: Die Sächsisch-polnische Personalunion als Problem des Monarchen aus polnis cher Sicht // *Rexheuser, Rex* [Hrsg.] Die Personalunionen von Sachsen-Polen 1697–1763 und Hannover-England 1714–1837. Wiesbaden, 2005. S. 130–131.

[10] Обзор поездок Августа Сильного: Unter einer Krone: Kunst und Kultur der sächsisch-polnischen Union. Leipzig, 1997. S. 49–53; *Żórawska-Witkowska A.* Muzyka na dworze Augusta II w Warszawie. S. 37–51. По подсчётам автора, во время своего правления Август Сильный 26 раз посетил Польшу и провёл в Варшаве 11 лет и 3 месяца.

после подписания мирного соглашения в ноябре 1716 г., перечеркнувшего, впрочем, его политические планы в государстве, наступает период стабильности, который позволит Августу воплотить многие проекты его культурной политики. Хотя в Варшаве возрождается музыкальная и театральная жизнь и намечены градостроительные планы, после драматических событий и разочарований в Польше Август Сильный бульшую часть времени будет теперь уделять Саксонии. Приводим краткий обзор культурных преобразований в обеих столицах во время правления Августа.

АРХИТЕКТУРА

Уже в начале своего правления курфюрст-король планировал воздвигнуть строения «для вечной славы и памяти»[11]. В первую очередь это касалось королевского дворца в Варшаве и дворца саксонских курфюрстов в Дрездене, которые уже не соответствовали репрезентативным стандартам абсолютизма. Несмотря на интенсивную подготовку, бурные события в первый период правления Августа строительной деятельности не способствовали[12].

После счастливого возвращения на польский престол в 1709 г. он почти одновременно возобновляет перестройку новых резиденций в обеих столицах. Но кардинальные изменения в Королевском дворце в Варшаве оказались практически невозможными, поскольку всё, что строилось, приобреталось или перестраивалось польским королём, принадлежало государству и требовало разрешения сейма[13]. Чтобы обойти эти ограничения, Август Сильный решает построить в Варшаве свой дворец как частное лицо. Эта была первая комплексная и современная концепция застройки в польской столице. Для реализации планов короля в 1715 г. в Варшаве основывается строительное ведомство, объединившее плеяду блестящих архитекторов, скульпторов и художников. В Саксонский дворец с театром и большим пар-

---

[11] *Hentschel Walter*. Die sächsische Baukunst des 18. Jahrhunderts in Polen. Berlin, 1967. S. 13.

[12] *Magirius Heinrich*. Historische Monumente als Grundlage der Barockarchitektur im augusteischen Zeitalter // Jahrbuch der Staatlichen Kunstsammlungen Dresden. Beiträge, Berichte. Bd. 18. Dresden, 1986. S. 31–40; *Staszewski*. Das Bauprogramm Augusts II. in Polen nach 1710 // Jahrbuch der Staatlichen Kunstsammlungen Dresden. Beiträge, Berichte. Bd. 19. Dresden, 1987. S. 77–82.

[13] Только строительство нового театрального зала в 1716 г. и перестройка Сенаторского зала в Королевском дворце в 1721 г. получили одобрение сейма.

ком, который будет достроен при Августе III, королевский двор переезжает в 1724 г.[14] С 1727 г. парк был открыт для посетителей.

Судьба Дрезденского дворца, повреждённого разрушительным пожаром 1701 г., оставалась долгое время неопределённой. С 1718 г. в Дрездене началась интенсивная подготовка к свадьбе сына Августа принца Фридриха Августа, назначенной на сентябрь 1719 г. Его брак с эрцгерцогиней Марией Жозефой Австрийской, дочерью покойного императора Иосифа I и племянницей правящего Карла VI, при счастливом стечении обстоятельств давал шанс саксонской династии Веттинов подняться на императорский трон. Поскольку времени на строительство нового дворца уже не было, во дворце саксонских курфюрстов полностью переоборудуется и заново оформляется парадный этаж[15]. Для театрализованных представлений архитектором Пеппельманом и скульптором Пермозером был создан удивительный памятник праздничной архитектуры — Цвингер (*илл. 1*). Всего за год в Дрездене возводится новый оперный театр на две тысячи мест — самый большой в то время в Германии (*илл. 2*).

Если в Саксонии Августу помимо дворца-резиденции принадлежали другие дворцы и в столице, и в её окрестностях, позволявшие расширить и разнообразить проведение различных праздников, то в Польше ему были предоставлены лишь апартаменты в Королевском дворце. Король пытался купить или получить в аренду дворцы в Варшаве, но большинство из них находилось во владении семьи предыдущего короля и его сторонников. Лишь в 20-е гг. XVIII в. он приобретает и арендует несколько дворцов, в которых будут осуществлены минимальные перестройки[16]. В 1726 г. начинается пере-

---

[14] Дворец был разрушен в 1944 г., парк (польск. Ogryd Saski) частично восстановлен.

[15] Для будущей постоянной экспозиции в Дрезденском Дворце будут реконструированы Зал аудиенций с уникальными текстильными пилястрами парижской работы и парадная спальня Августа. *Schneider Sabine*. Barocke Prunktextilien aus Sachsen im königlichen Paradeschlafzimmer der Dresdener Residenz // Dresdener Kunstblätter. 3 / 2012. S. 194–205.

[16] В 1720 г. Август арендует Уяздовский дворец и Чернякув, в 1724 покупает дворец Казимировский и в 1727 Маримонт, в 1729 г. арендует дворец Маривиль. *Kwiatkowska Anna.* Die Bedeutung Augusts des Starken für die polnische Kultur im 18. Jahrhundert // *Kopplin Monika*. Chinois: Dresdener Lackkunst in Schloß Wilanów. Münster, 2005. S. 18; *Jolanta Putkowska*. Das Ensemble der königlichen Residenzen Augusts II. in Warschau und der Anteil Matthäus Daniel Pöppelmann an seinem Entstehen // Matthäus Daniel Pöppelmann (1662–1736) und die Architektur der Zeit Augusts des Starken. Dresden, 1990. S. 464–472; *May Walter*. Der Bauherr August der Starke // August der Starke und seine Zeit. Beiträge des Kolloquiums vom 16./17. September 1994 auf dem Festung Königstein. Dresden, 1995. S. 61–71.

стройка дворца, приобретённого королём у Теодора Потоцкого. «Голубой дворец», получивший своё название по цвету крыши, станет одним из красивейших дворцов Варшавы. Август дарит его своей внебрачной дочери Анне Ожельской. После замужества она покидает Варшаву, и дворец снова переходит во владение короля.

Только в конце своего правления, в 1730 г., Августу Сильному удаётся, наконец, получить в пожизненную аренду королевскую резиденцию Яна III Собеского Виланув, обменяв её на Голубой дворец. После завершения реконструкции, в июле 1732 г. Август въезжает со своим двором в Виланув, однако через полгода умирает, и дворец с новой обстановкой переходит к прежним владельцам[17].

Гораздо успешнее были реализованы проекты Августа в Саксонии, которой он стал уделять особое внимание во второй половине своего правления[18]. В этот период реконструированы его знаменитые загородные дворцы: в восточном стиле оформляются павильоны дворца Пильниц (1720–1727), перестраивается охотничий замок Моритцбург (1723–1727), 60 помещений которого оформляются кожаными обоями с разнообразными тиснёными узорами. Для богатой коллекции восточного и майсенского фарфора, первого европейского фарфора, изобретённого в 1709 г. в Саксонии, в 1727–1733 гг. начинается перестройка Голландского дворца, получившего впоследствии название Японского. Закладываются парковые ансамбли в Гросседлице и Убигау[19]. При поддержке Августа в 1726 г. начинается строительство протестантского собора Фрауенкирхе, чей величественный купол вновь украшает силуэт Дрездена[20].

---

[17] *Kwiatkowska Anna.* Op. cit. S. 28.

[18] О тщательном и систематическом подходе к использованию и оформлению дворцов в Дрездене и окрестностях свидетельствует сохранившаяся записка Августа Сильного от 1716 г., в которой он определяет назначение дворцов, указывается вид мебели, оформление стен и приводит список архитекторов. *Jenzen A. Igor.* Stil und Modus in der Dekorationskunst Augusts des Starken, oder warum Schloss Moritzburg mit Ledertapeten ausgestattet wurde // Ledertapeten. Bestände, Erhaltung und Restaurierung. Dresden, 2004. S. 26–27.

[19] О парковых ансамблях в правление Августа II и Августа III: Barokowa sztuka ogrodowa w Polsce i Saksonii. Barocke Gartenkunst in Polen und Sachsen. Warszawa, 1997; «…von denen Schönen Gärten». Barocke Gartenkunst in Polen und Sachsen 1697–1763. Heidenau, 1997.

[20] Восстановлен в 2005 г.

ПРИДВОРНЫЙ ПРАЗДНИК

Праздники при дворе Августа получили поистине европейскую известность. Ещё в юности он познакомился с придворной жизнью правящих домов Европы. В 1686 г. вместе со своей матерью, датской принцессой, 16-летний Фридрих Август побывал в Дании, где ему вручили орден Слона. Год спустя, он отправился в двухгодичное путешествие (т.н. Grand Tour), во время которого посетил многие города Франции, Испании, Португалии и Италии. Важнейшими пунктами этой поездки были королевские дворы Мадрида и Лиссабона, двор императора в Вене и, конечно же, блистательный Версаль Людовика XIV, оказавший решающее влияние на формирования имиджа будущего курфюрста и короля[21]. На уровень придворной жизни «Короля-солнца» Август Сильный будет ориентироваться всю свою жизнь.

Вместе с тем, богатые традиции саксонского двора уходили своими корнями в XVI в. Различные события в жизни курфюрстов — начало правления, свадьбы, рождение детей, приёмы высоких гостей — сопровождались многообразной, зачастую многодневной праздничной программой. Шествия, турниры, карнавалы и маскарады, охота и травля зверей, музыкальные постановки, оперы, комедии и фейерверки — это далеко не полный репертуар праздничных представлений при дворе. С конца XVI в. саксонские курфюрсты документируют свои праздники, собирают эскизы костюмов, декораций, иллюстрации и сообщения о торжествах других дворов. Этот богатый материал, на основе которого возник дрезденский Гравюрный кабинет (1720), служил ценным источником информации для организации праздников самого Августа[22]. При этом в Оружейной палате саксонских курфюрстов хранился уникальный реквизит для праздничных постановок[23].

Август Сильный прекрасно понимал, что наряду с развлекательной функцией придворные праздники имеют важное репрезентативное и политическое значение. Придя к власти, он стал лично руководить их

---

[21] О поездке по Европе юного Фридриха Августа и его старшего брата: *Keller Katrin*. «Mein Herr befindet sich gottlob gesund und wohl». Sächsische Prinzen auf Reisen. Leipzig, 1994. S. 535.

[22] *Schnitzer Claudia*. «in angenehmster Ordnung». Die Gründung des Dresdner Kupferstich-Kabinetts als höfische Vorlagen- und Dokumentationssammlung // *Schnitzer Claudia, Hölscher Petra*. Eine gute Figur machen. Kostüm und Fest am Dresdner Hof. Dresden, 2000. S. 13–29.

[23] *Jutta Bäumel*. «So vil Dings zu sehen». Die Dresdner Rüstkammer als Festausstatter // *Schnitzer Claudia, Hölscher Petra*. Eine gute Figur machen. Kostüm und Fest am Dresdner Hof. Dresden, 2000. S. 41.

подготовкой и организацией, проявив себя как умелый организатор и режиссёр. Громкий успех замыслам короля обеспечила собранная при дворе интернациональная команда специалистов — архитекторов, художников, скульпторов, театральных постановщиков, оформителей и декораторов, поэтов, хореографов, танцоров и музыкантов.

Уже в начале правления Августа при дворе регулярно отмечались дни рождения короля (12 мая), дни его святых Фридриха и Августа (5 марта и 3 августа) и устраивались карнавалы перед Великим постом (*илл. 3*). Главным действующим лицом театрализованных представлений был сам король: в роли Меркурия, турецкого султана, предводителя африканцев или Аполлона. При Августе женские роли в праздничных программах вместо мужчин начинают исполнять женщины, как это уже было принято при дворе Людовика XIV, причём главная женская роль отводилась фаворитке.

Ряд событий политического и династического значения сопровождали грандиозные праздники, получившие европейский резонанс. Первое торжественное событие в Польше — коронация в Кракове оформляется Августом с особой тщательностью, дабы произвести должное впечатление на новых подданных. По приказу короля из Дрездена в Краков срочно отправляются многочисленные произведения искусства из собрания саксонских курфюрстов, мебель, продукты и серебряная посуда для коронационного банкета, лошади и богатая конская упряжь[24]. Коронационный костюм в римско-античном стиле, придуманный Августом, после торжеств был передан на хранение в Оружейную палату Дрездена (*илл. 4*). Самым высоким стандартам придворной французской моды того времени отвечает и его костюм для коронационного банкета, сохранившийся в Оружейной палате Дрездена[25].

Два политических события были отмечены в Дрездене с небывалым размахом, который соответствовал не только высокому статусу гостей, но и подчёркивал притязания Августа Сильного. В июне 1709 г. по случаю визита датского короля Фридерика IV саксонская

[24] Bäumel Jutta. Auf dem Weg zum Thron. S. 67–95.

[25] О коронационном костюме (Rüstkammer, Dresden, Inv.-Nr. i. 24): *Bäumel Jutta*. Die polnische Krönungsfigur Augusts II., des Starken, in der Dresdner Rüstkammer // Jahrbuch der Staatlichen Kunstsammlungen Dresden. Beiträge, Berichte. Bd. 27. Dresden, 1998/1999. S. 49–68; о костюме для коронационного банкета (Rüstkammer, Dresden, Inv.-Nr. i. 25.): *Jutta Charlotte von Bloh*. L'influence de Louis XIV sur les tenues officielles d'Aguste le Fort // Fastes de cour et ceremonies royales. Le costume de cour en Europe 1650–1800. Paris, 2009. P. 196. Fig. 171.

столица на четыре недели превратилась в средоточие небывалых празднеств с тщательно подобранной программой. Политические переговоры увенчались заключением военного союза с Данией[26]. Апогеем правления Августа можно считать упомянутую выше свадьбу его сына с эрцгерцогиней Марией Жозефой Австрийской. За бракосочетанием в Вене в августе 1719 г. последовали пышные четырёхнедельные торжества в Дрездене, затмившие все прежние праздники (*илл. 5*). Последним масштабным зрелищным представлением в Саксонии в правление Августа стал смотр реорганизованной 30-тысячной саксонской армии в мае 1730 г. недалеко от г. Цейтхайн.

МУЗЫКА И ТЕАТР

Высокий уровень музыкальных и театральных постановок Дрезденского двора достигает в «августейшее время» кульминации. С первых шагов своего правления Август уделяет большое внимание музыке и театру в обеих столицах. При нём начинается реорганизация придворной капеллы Дрездена в оркестр в его классическом понимании[27]. Талантливые капельмейстеры, профессионализм музыкантов (среди них были известные виртуозы из Италии и Франции), новейшие музыкальные инструменты[28] и обширный репертуар были важнейшими составляющими успеха Дрезденской капеллы, получившей при Августе европейское признание.

Одним из первых нововведений в Варшаве стало создание совместной «Королевской польской капеллы», в которой в 1698 г. состоял 41 музыкант. Перипетии Северной войны, а затем потеря польской короны привела в итоге к роспуску музыкантов. После возвращения на польский престол в 1709 г. Август вновь организует в Варшаве музыкальные капеллы[29], но в этот период они финансировались из скромных доходов польской казны.

---

[26] Один из этих праздников — «карусель» — был повторён в манеже для Петра I 21 октября 1711 г.

[27] «Wie Glanz von altem Gold». 450 Jahre Sächsische Staatskapelle Dresden. Kassel, 1998. S. 68–73.

[28] Так, в 1715 г. для саксонской капеллы закупается 12 инструментов у Антонио Страдивари. *Żórawska-Witkowska A.* Muzyka na dworze Augusta II w Warszawie. S. 123.

[29] Одна капелла была основана в Варшаве в 1715 г., в 1716 г. создан второй ансамбль, сопровождающий постановки итальянских артистов. В 1717 г. появляется капелла янычар. Ансамбль придворных трубачей и барабанщиков работал в Саксонии и в Польше.

Что касается театральных постановок, то при дворе польского короля работали первоклассные солисты и виртуозы, выдающиеся режиссёры и ведущие театральные, оперные и балетные труппы из Италии и Франции, которые выступали в обеих столицах[30]. Новейшие французские оперы и балеты, произведения Люлли, Корнеля, Расина и Мольера ставятся при дворе польского короля.

Курфюрст-король поддерживает реконструкцию имеющихся и возведение новых театральных площадок в Варшаве. В 1716 г. в Королевском дворце строится новый театральный зал. В 1725 г. в комплексе Саксонского дворца в Варшаве открывается придворный театр, который стал первым общественным театром Речи Посполитой. О возведении нового театра в Дрездене в 1719 г. уже упоминалось.

Несмотря на высокий художественный уровень постановок при Августе Сильном, в Польше долгое время критиковалось засилье иностранного репертуара и иностранных звёзд[31]. Тем не менее, именно в 20–30 гг. XVIII в. при дворах польских и литовских магнатов возникали многочисленные капеллы и даже оперные театры[32].

---

[30] Известно, что Август посылает свою труппу итальянских музыкантов во главе с композитором Ристори ко двору русской императрицы Анны Иоанновны в декабре 1730 г. См.: *Żórawska-Witkowska A.* Muzyka na dworze Augusta II w Warszawie. S. 115.

[31] Поначалу польская публика весьма сдержанно относилась к оперным постановкам на языке оригинала: итальянском или французском. Иногда сюжет и хореография казались консервативной публике слишком смелыми.

[32] О музыке при дворе Августа: *Żórawska-Witkowska A.* Muzyka na dworze Augusta II w Warszawie. 538 S.; *Żórawska-Witkowska A.* Die Folgen der Herrschaft Augusts II. für die Musikkultur Warschaus // Rexheuser, Rex [Hrsg.] Die Personalunionen von Sachsen-Polen 1697–1763 und Hannover-England 1714–1837. Ein Vergleich. Wiesbaden, 2005. S. 221–238; *Gordon-Smith Maria.* Oper, Theater und Ballett am Warschauer Hof unter den Königen August II und August III // Polen und Sachsen. Zwischen Nähe und Distanz. Dresdner Hefte 50, 2 /1997. S. 35–39; *Fechner Manfred.* Die Musik am Hofe zu Dresden im «Augusteischen Zeitalter» // Sachsen und Polen zwischen 1697 — und 1765, Beiträge der wissenschaftlichen Konferenz vom 26. Bis 28. Juni 1997 in Dresden. Saxonia. Schriftenreihe des Vereins für Sächsische Landesgeschichte e. V., Dresden, 1998. S. 442–449.

МУЗЕИ

Самым впечатляющим проектом Августа в Дрездене было создание доступного для публики музейного комплекса[33]. Для сокровищницы саксонских курфюрстов с 1723 по 1729 г. были перепланированы и оборудованы помещения в западном крыле Дрезденского дворца. Музей «Зелёные Своды» открыл свои двери для посетителей в 1732 г.[34]

Август Сильный инициировал также систематическое разделение богатейшего собрания кунсткамеры, заложив тем самым основу для создания отдельных музеев Дрездена. В Главном государственном архиве Дрездена сохранился эскиз музейного комплекса с 32 тематическими отделами, начертанный самим королём. Новое здание, однако, так и не было построено. В 1727 г. Август принимает решение превратить в музей помещения Цвингера, сохранившего своё назначение до наших дней[35]. Сюда переехали библиотека, гравюрный кабинет, собрание раковин, минералов, янтаря, окаменелостей, анатомический кабинет и коллекция инструментов. На другом берегу Эльбы планировалась реконструкция упомянутого выше Японского дворца для новой презентации богатой коллекции восточного и майсенского фарфора, собранной Августом. После его смерти «дворец фарфора» так и не был создан.

Ориентируясь на высокие стандарты французского абсолютизма, курфюрст-король сумел превратить свой королевский двор в центр культуры европейского значения. Август объединил талантливых специалистов, которые не только воплощали замыслы короля, но и работали для польско-литовских магнатов. Хотя фортуна не всегда была на стороне Августа-политика и военачальника, его культурная политика прославила его имя в истории и дала зримые и весомые результаты в сближении двух стран. Многие начинания Августа Сильного по модернизации обеих столиц были продолжены в правление его сына Августа III.

---

33 См.: *Syndram D.* August der Starke und seine Kunstkammer zwischen Tagespolitik und Museumsvision. S. 129.

34 *Зюндрам Дирк*. Зелёные Своды – памятник королю-коллекционеру // Кабинет драгоценностей Августа Сильного. Москва, 2006. С. 13–14.

35 *Heres Gerald*. Die museale Nutzung des Zwingers // Matthäus Daniel Pöppelmann (1662–1736) und die Architektur der Zeit Augusts des Starken. Dresden, 1990. S. 401–412.

МОСКВА И САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: ТРАДИЦИИ ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ

В.К. Кантор (Москва)

От Москвы к Петербургу: городская структура как путь к цивилизации

Город рождает исторический смысл культуры, выводит народ на уровень цивилизации. Когда-то Россия была Гардарикией, страной городов, форпостом Европы против Степи. После монгольского нашествия Россия стала страной деревенской, в глубине души ненавидящей города. Это чувствовали и западные философы. О. Шпенглер утверждал, что «никаких русских городов никогда и не бывало. Москва была крепостью – Кремлём, вокруг которого расстилался гигантский рынок. <...> У Москвы никогда не было собственной души». И вправду, Москва в течение столетий выступала как своего рода столица-антигород, продолжившая татарское уничтожение городской Руси (Новгород, Псков, Тверь). Однако возврат в городскую цивилизацию начался с Москвы. Москва всё больше приобретала городской облик с эпохи Ивана III, который усвоил себе византийский герб – двуглавого орла, привёз в Москву итальянских зодчих (Аристотеля Фиораванти и других), отстроивших каменный Кремль (Успенский собор, Грановитую палату и пр.). По слову О. Мандельштама: «Успенье нежное – Флоренция в Москве»[1]. И Кремль внёс в Московию какие-то

[1] Написано поэтом в 1916 г.:

В разноголосице девического хора.
Все церкви нежные поют на голос свой,
И в дугах каменных Успенского собора
Мне брови чудятся, высокие, дугой.

И с укреплённого архангелами вала
Я город озирал на чудной высоте.
В стенах Акрополя печаль меня снедала
По русском имени и русской красоте.

новые параметры, создававшие почву для возможности трагического бытия человека. Строительство Кремля с его итальянскими «ласточкиными хвостиками», как показала история русской культуры, не стало пустым эпизодом. К этому следует добавить строительство так называемой «немецкой слободы», где была воспроизведена структура западной городской культуры. Возникло пространство, где могли появляться европейские по своим устремлениям люди.

Не забудем, что Пётр Великий родился в Москве. Возврат России в Европу требовал создания более сложной городской структуры, города как некоей бусинки в раковине, бусинки, из которой возникла бы жемчужина европейской России. Пётр, строя Петербург, строил именно город, возвращал Россию в ее европейское прошлое, когда она была Гардарикией. Основанный и построенный Петром столичный град Санкт-Петербург создал в России духовное напряжение. Если Иван III приглашал из Италии архитекторов, то политика Петра была иной: он не только приглашал великих европейских архитекторов, но и посылал своих подданных учиться в Европу. Первым строителем Петербурга неслучайно называют П.М. Еропкина, по приказу Петра учившегося «архитектурному делу» в Риме. Петербург стал городом, структурировавшим новую Россию.

Москва, несмотря на своё стремление к Италии, на протяжении столетий выступала как своего рода столица-антигород, продолжившая татарское уничтожение городской Руси. Слишком влиятельно было антигородское монгольское наследство. Но именно в Москву, не знавшую напряжения и соблазнов исторической жизни, мечтали сызнова вернуть столицу славянофилы: «Мы <...> желаем видеть в Москве, – писал Иван Аксаков, – правительственное средоточие, свободное от начал, воплощаемых Санкт-Петербургом, и убеждены, что рано или поздно столица русской земли как прежде была столицею русского государства, так и снова будет!..»[2] Забыва-

---

Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,
Где реют голуби в горячей синеве,
Что православные крюки поёт черница:
Успенье нежное — Флоренция в Москве.

И пятиглавые московские соборы
С их итальянскою и русскою душой
Напоминают мне явление Авроры,
Но с русским именем и в шубке меховой.

[2] *Аксаков И.С.* Петербург или Киев? // *Аксаков И.С.* Отчего так нелегко живётся в России? М., 2002. С. 178–179.

лось, однако, что без петровских реформ, без Петербурга, без петербургского периода не было бы России как государственно-политической единицы[3], не было бы Пушкина и всей великой русской литературы, искусства, культуры, науки. Пушкинский период петербургской культуры завершается Блоком, Мандельштамом и Ахматовой, написавшей трагические строки о возвращении правительства в Кремль:

В Кремле не надо жить – Преображенец прав,
Там зверства древнего ещё кишат микробы:
Бориса дикий страх и всех иванов злобы,
И самозванца спесь взамен народных прав.

«Стансы» – 1940 год

И. Бунин назвал Петербург городом, созданным Петром и Пушкиным. В известном смысле это очень точно. Существует, наверно, так называемый «бог места». Пётр воспитывался в московской Немецкой слободе (где позже, на Басманной, жил духовный наставник Пушкина Чаадаев), там родился и Пушкин, молодость и юность проведший в Петербурге. Император создал город. Поэт, «певец империи и свободы» (Г.П. Федотов), его одухотворил и осмыслил. В них обоих была страсть к морю, которой ранее русская культура не знала. Пушкин море назвал «свободной стихией», но Петра называл «шкипером», памятуя о том, что он – покоритель стихии. На море и был возведён новый русский город, и не просто город, а столица. Почему, однако, Пётр увёл столицу из географического центра страны?

Можно, конечно, в этом контексте вспомнить две великие столицы, основанные на берегу моря: Александрию, созданную Александром Македонским, и Константинополь, построенный римским императором Константином. Более того, можно вспомнить и великого мыслителя эпохи Возрождения Макиавелли, писавшего: «Когда Александр Великий, стремясь увековечить своё имя, хотел заложить новый город, к нему явился архитектор Динократ и предложил построить его на горе Афон, которая не только хорошо защищена,

[3] Михаил Погодин, историк славянофильского толка, воспел, тем не менее, балтийский прорыв Петра: «Не думаю я, чтоб кто-нибудь сказал ещё, что нам не нужны были берега, и Пётр Первый должен был оставить их за Шведами, Поляками, Турками: в таком случае вопрос о самом политическом существовании России подвергся бы сомнению, о существовании, без коего нельзя б было теперь и рассуждать о действиях Петровых» (*Погодин М.П.* Пётр Великий // Погодин М. Историко-критические отрывки. М., 1846. С. 347).

но и могла быть приспособлена ко всем человеческим потребностям, так что город был бы единственным в своём роде и достойным величия Александра. Но когда Александр спросил архитектора, чем будут жить его обитатели, тот ответил, что не подумал об этом; посмеявшись, Александр отставил этот проект и основал Александрию, заселению которой благоприятствовали урожайность почвы и близость моря и Нила»[4].

Петербург создавал городскую Россию, не опровергая, но продолжая, переосмысливая движение Москвы к Европе, прежде всего к Италии. Москву её идеологи назвали третьим Римом, но именно Петербург Пётр строил как третий Рим с опорой на первый, это был город Святого Петра. Москва в системе новых координат, по ироническому слову Герцена, «служила станцией между Петербургом и тем светом»[5].

По мысли С.М. Соловьёва, основное противоречие развития России – между пытающейся встать из руин городской цивилизацией и постоянным её уничтожением со стороны Степи, насылавшей то печенегов и половцев, то татар, то казаков, пока всё это степное брожение не вылилось в Смуту, едва не уничтожившую Московское государство. Московские цари ничего не могли этой Смуте противопоставить, они носили Смуту в себе, ибо опирались на полный произвол, опасаясь проявления какой-либо общественной самодеятельности, унижая и уничтожая торговлю – фактор богатства города и государства. Соловьёв писал: «Уже не раз было нами говорено, что в основе преобразований должно было находиться преобразование экономическое. Для того чтоб видеть плод от преднамеренных великих дел, необходимых в народной жизни, нужны были большие финансовые средства, которых бедное, земледельческое государство дать не могло. <...> Нужно было вывести государство из этой односторонности поднятием промышленного и торгового движения, *поднятием города* (курсив мой – *В.К.*), который впоследствии мог поднять и освободить село»[6]. В своей работе «Социальные причины падения античной культуры» Макс Вебер,

---

[4] *Макиавелли Николо.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // *Макиавелли Николо.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь. М., 2002. С. 13.

[5] *Герцен А.И.* Москва и Петербург // *Герцен А.И.* Собр. соч. В 30-ти т. Т. II. М., 1954. С. 35.

[6] *Соловьёв С.М.* Публичные чтения о Петре Великом // *Соловьёв С.М.* Сочинения. В 18-ти книгах. Кн. XVIII. М., 1995. С. 71.

исходя из соображения, что античная культура прежде всего городская, венцом которой стал Рим и Римская империя, доказывал, что в тот момент, когда античная культура «сделалась деревенской», наступил крах Римской империи[7]. Вхождение России в Европу требовало создания городской структуры.

Москва на эту роль не годилась. Не годилась она и на роль военной столицы, ибо мало того, что веками пребывала в рабском подчинении, её не раз дотла сжигали за непослушание татары (в последний раз при Иване Грозном), захватывали силы с Запада. Говоря современным языком, она не держала удар. Последний раз перед Петром Москва была захвачена горстью поляков, о чём с насмешкой писал А. Хомяков: «Даже в 1612 году, которым может несколько похвалиться наша история, желание иметь веру свободную сильнее действовало, чем патриотизм, а подвиги ограничились победою всей России над какою-то горстью поляков»[8]. Москва не могла решить церковные споры, не могла провести удачно ни одной реформы, энергия народа ушла в бунты и раскол. Московское государство перед Петром – на грани распада, цари и бояре прячутся по монастырям от собственной армии, бегут от бунтующих стрельцов из Москвы, которой владеет разнузданная чернь и солдатчина. Восточное, даже не восточноевропейское, а азиатское начало Москвы очень точно ощутили евразийцы. Н.Н. Алексеев писал: «Власть московских государей получила своё идеологическое обоснование в Византии. В то же время Московское государство было не только государством православным, но и государством восточным, и монархические традиции Востока внедрялись в него не окольным путём, через Цареград, но непосредственно из азиатского мира. В силу этого черты восточной языческой монархии в Московском государстве были выражены не менее, если не более ярко, чем в Византии. И это признаётся в настоящее время не только “евразийцами”, к признанию этого всё более и более склоняется современная историческая наука. В непрерывной борьбе с Азией и в постоянном соприкосновении с азиатством Москва естественно проникалась бытом и понятиями Востока. Правда, московские цари любили ссылаться на римских и византийских императоров, на Августа и Константина; но в их придворном быту, в их управлении не было тех республикан-

---

[7] См.: *Вебер Макс*. Социальные причины падения античной культуры // *Вебер Макс*. Избранное. Образ общества. С. 447–468.

[8] *Хомяков А.С.* О старом и новом // *Хомяков А.С.* Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1994. С. 468.

ских повадок, которые давали себя знать и в языческом Риме, и в христианской Византии. Московское самодержавие походило гораздо более на восточный халифат, на тогдашнюю Турцию»[9].

После октябрьской революции в Москве стали очевидны две тенденции – мировой столицы и глухого азиатского угла. Е. Замятин писал: «Бомба революции упала в феврале 1917 года, но она ещё долго крутилась, ещё долгие месяцы после этого все жили, как во сне, в ожидании самого взрыва. Когда дым этого страшного взрыва рассеялся, – всё оказалось перевёрнутым – история, литература, люди, славы. <...> Неожиданно для Петербурга – и ещё неожиданней для себя самой – Москва оказалась столицей, резиденцией новой власти»[10]. В. Маяковский видел в коммунистической Москве центр мироздания, причём даже царский Кремль стал у него символом нового советского бытия.

Начинается земля,
как известно, от Кремля.
За морем,
за сушею —
коммунистов слушают.

У С. Есенина Москва – носительница Азии, причём самой что ни на есть маргинальной:

Низкий дом мой давно ссутулился,
Старый пёс мой давно издох,
На московских изогнутых улицах
Помереть, знать, судил мне Бог.
А я люблю этот город вязевый,
Пусть обрюзг он и пусть одрях.
Золотая дремотная Азия
Опочила на куполах.
А когда ночью светит месяц...
Когда светит чёрт знает как!
Я иду, головою свесясь,
Переулком в знакомый кабак;
Шум и гам в этом логове жутком,

[9] *Алексеев Н.Н.* Христианство и идея монархии // *Алексеев Н.Н.* Русский народ и государство. М., 1998. С. 60.

[10] *Замятин Е.* Москва–Петербург // *Замятин Е.И.* Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. М., 1999. С. 195.

Но всю ночь напролёт до зари,
Я читаю стихи проституткам
И с бандюгами жарю спирт.

Москва, по сути, стала снова выразительницей насилия и захвата страны. Переезд правительства большевиков в Москву символически завершал мечты славянофильствующих противников петровской Империи. Москва стала строиться как великая деспотия. Интересен новый архитектурный символ Москвы – мавзолей (азиатский символ). На построении мавзолея для Ленина настоял Сталин, окончательно достроивший в России вариант азиатской деспотии. Приведу наблюдение современного искусствоведа: «Внешне Мавзолей напоминает египетские или вавилонские пирамиды, в которых хоронили древних властителей. Но различие более существенно. Мумия фараона после погребения была недоступна для обозрения смертными. Неприкосновенность мумии внутри пирамид считалась, возможно, основной предпосылкой ничем не омрачённого существования по ту сторону бытия. <...> С самого начала Мавзолей Ленина является нам в виде комбинации пирамиды и Британского музея»[11]. Это и в самом деле чудовищное сочетание символа древнего властителя в стилистическом обличье современного музея, но не забудем, что посетители видят в этом помещении мертвеца, перед которым должны благоговеть, которого должны бояться. Мертвец, переживший всех живых, всех своих соратников, даже уничтожившего его Сталина. Ведь архитектура — это некое сообщение, как власть представляет себе свои взаимоотношения с народом. Сталинские высотки (блистательная затея, установить свою вертикаль власти) были единственным после Октября архитектурным сообщением, которое от власти пришло к народу. Оно означало, что народ подавлен (психологически) новыми деспотами, что он — никто. Не забудем о бараках и коммуналках, в которых жило большинство не сидевшего в лагерях и тюрьмах населения советской столицы, жило как бы вне истории. История творилась вождями-богами. Большевистская Россия выкинула за рубеж несколько миллионов российских интеллектуалов, после чего уничтожила ещё несколько миллионов людей, способных к критическому самостоятельному взгляду на жизнь, то есть потенциальных личностей. Заметим, впрочем, что, судя по количеству изгнанных и уничтоженных, процент потенциальных личностей был достаточно велик. Но в тоталитарном обществе ценится

[11] *Гройс Б.* Утопия и обмен. М., 1993. С. 353.

не особенность, не творческая сила личности, а чистое умение приложить знания к потребностям идеологии. Культура замирает в таких случаях, если не умирает вовсе.

Переход к структурам доисторического сознания, само собой разумеется, приводил к мифологической системе миропонимания, к выпадению из исторического процесса. Западные либеральные мыслители очень чётко это констатировали: «Бесклассовое общество – цель большевизма – обретается по ту сторону истории; оно – заново обретённая предыстория»[12]. Здесь очевидно и вступают в действие доисторические структуры сознания, но они рождают уже нечто новое – тоталитаризм, т.е. строй, где тирания помножена на идеологическое оправдание этой тирании, призывающее народ воспринимать эту тиранию как своё произведение. В каком-то смысле, это правда, ибо в тоталитаризме работают архаические стереотипы сознания.

Неслучайна, думаю, не утихавшая ненависть большевиков к городу русской петровской Империи, который стал «колыбелью революции», но революцию не принял. Отсюда и «кировский поток» в 30-е годы, и страшный ленинградский голод, вымороивший почти весь город, а сразу после войны – «ленинградское дело». Город хранил в себе память о европейской Империи, столь ненавистную строившим восточную деспотию большевикам. Именно верность Петербурга Империи отмечает Замятин: «Петербург рос как правительственный, императорский город, его строила казна, государство, система. Большая часть зданий, определяющих его лицо, – великолепные работы Растрелли, Гваренги, Томона, Воронихина – вышли из эпохи Екатерины, первых Александра и Николая. Безвкусие последних императоров, к счастью, не успело наложить на северную столицу своей печати: к этому времени основная архитектурная композиция Петербурга оказалась уже законченной. Таким он встретил и революцию, и эта его законченность, архитектурная полнота, была причиной того, что и после революции он сохранил своё прежнее лицо»[13]. Конечно, Петербург – трагический и фантастический город. На его улицах случается всё что угодно: здесь может зародиться и найти своё завершение мысль о преступлении, а в следующий момент преступник будет читать «вечную книгу» вместе с блудницей, чтобы постичь смысл жизни. Человеку трудно жить и дышать в этом городе, но ни у одного из героев не возникает мысль

[12] *Розеншток-Хюсси Ойген.* Великие революции. Автобиография западного человека. Tenafly, N. J. Hermitage Publishers. 1993. P. 101.

[13] Ibid. P. 184.

покинуть его. И поэтому несправедливо было бы воспринимать Петербург как воплощённую метафору катастрофы. Иначе непонятно, какая сила собрала здесь столько людей, верований, надежд, искусств и пр., почему этот город стал средоточием русского искусства. Достоевский это понимал.

Стоит обратиться к слову Достоевского, который, говоря о сложности города, видел в нём центр России. Сравнивая его с традиционалистской Москвой, он писал: «Не таков Петербург. Здесь что ни шаг, то видится, слышится и чувствуется современный момент и идея настоящего момента. Пожалуй: в некотором отношении здесь всё хаос, всё смесь; многое может быть пищею карикатуры; но зато всё жизнь и движение. **Петербург и глава и сердце России. Мы начали об архитектуре города. Даже вся эта разнохарактерность её свидетельствует о единстве мысли и единстве движения. Этот ряд зданий голландской архитектуры напоминает время Петра Великого. Это здание в расстреллевском вкусе напоминает екатерининский век, это, в греческом и римском стиле, – позднейшее время, но все вместе напоминает историю европейской жизни Петербурга в целой России** (выделено мной – *В.К.*). И до сих пор Петербург в пыли и в мусоре; он ещё созидается, делается; будущее его ещё в идее; но идея эта принадлежит Петру I, она воплощается, растёт и укореняется с каждым днём не в одном петербургском болоте, но во всей России, которая вся живёт одним Петербургом. Уже все почувствовали на себе силу и благо направления Петрова, и уже все сословия призваны на общее дело воплощения великой мысли его. Следственно, все начинают жить. Всё – промышленность, торговля, науки, литература, образованность, начало и устройство общественной жизни, – всё живёт и поддерживается одним Петербургом. Все, кто даже не хочет рассуждать, уже слышат и ощущают новую жизнь и стремятся к новой жизни. И кто же, скажите, обвинит тот народ, который невольно забыл в некоторых отношениях свою старину и почитает и уважает одно современное, то есть тот момент, когда он в первый раз начал жить. Нет, не исчезновение национальности видим мы в современном стремлении, а торжество национальности, которая, кажется, не так-то легко погибает под европейским влиянием, как думают многие. По-нашему, цел и здоров тот народ, который положительно любит свой настоящий момент, тот, в который живёт, и он умеет понять его. Такой народ может жить, а жизненности и принципа станет для него на веки веков»[14]. Только Пушкин так воспел Санкт-

[14] *Достоевский Ф.М.* Петербургская летопись <1 июня> 1847 // *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. В 30-ти тт. Т. 18. Л., 1978. С. 26.

Петербург. От Достоевского никто не ждёт хвалы городу. А она есть.

Архитектуру он очень чувствовал, и не только трущобные углы, но и другую ипостась города, почти итальянскую, которую имел в виду Пушкин с цитатой из Альгаротти (прорубленное окно – это итальянская балконная дверь). В «Белых ночах» такое дивное описание: «Мне тоже и дома знакомы. Когда я иду, каждый как будто забегает вперёд меня на улицу, глядит на меня во все окна <...> Но никогда не забуду истории с одним прехорошеньким светло-розовым домиком. Это был такой миленький каменный домик, так приветливо смотрел на меня, так горделиво смотрел на своих неуклюжих соседей, что моё сердце радовалось, когда мне случалось проходить мимо. Вдруг, на прошлой неделе, я прохожу по улице и, как посмотрел на приятеля – слышу жалобный крик: "А меня красят в жёлтую краску!" Злодеи! варвары! они не пощадили ничего: ни колонн, ни карнизов, и мой приятель пожелтел, как канарейка. У меня чуть не разлилась желчь по этому случаю, и я ещё до сих пор не в силах был повидаться с изуродованным моим бедняком» (2, 103).

А сделать шаг из туманного Петербурга, до заставы только дойти – и тут же Италия: «Я ходил много и долго, так что уже совсем успел, по своему обыкновению, забыть, где я, как вдруг очутился у заставы. Вмиг мне стало весело, и я шагнул за шлагбаум, пошёл между засеянных полей и лугов, не слышал усталости, но чувствовал только всем составом своим, что какое-то бремя спадает с души моей. <...> И я был рад, как ещё никогда со мной не случалось. Точно я вдруг очутился в Италии, — так сильно поразила природа меня, полубольного горожанина, чуть не задохнувшегося в городских стенах» (2, 104–105).

Итак, Италия. Но вот историософский анализ, показывающий неслучайность ощущения героя «Белых ночей». Мы знаем, что новую столицу Пётр строил, опираясь на идею Рима. Стоит напомнить очень верное и глубокое наблюдение российских исследователей о том, что семиотическая соотнесённость с идеей «Москва – третий Рим» неожиданно открывается в некоторых аспектах строительства Петербурга и перенесения в него столицы. Из двух путей – столицы как средоточия святости и столицы, осенённой идеей императорского Рима, Пётр избрал второй. «Ориентация на Рим, минуя Византию, естественно ставила вопрос о соперничестве за право исторического наследства с Римом католическим. <...> В этом новом контексте наименование новой столицы Градом Святаго Петра неизбежно ассоциировалось не только с про-

славлением небесного покровителя Петра Первого, но и с представлением о Петербурге как Новом Риме. Эта ориентация на Рим проявляется не только в названии столицы, но и в её гербе: <...> герб Петербурга содержит в себе трансформированные мотивы герба города Рима <...> и это, конечно, не могло быть случайным. <...> Символика герба Петербурга расшифровывается именно в этой связи. С одной стороны, якорь – символ спасения и веры. <...> Но одновременно якорь метонимически обозначает флот – помещённый на место ключей апостола Петра, он знаменует то, чем Пётр (император, а не апостол) намерен отворить дверь своего "парадиза"»[15]. Рим создал великую империю с её всеприемлемостью племён и народов. «Мечта о всемирном соединении и всемирном владычестве, – писал, рассуждая об идее империи, Н. Бердяев, – вековечная мечта человечества. Римская империя была величайшей попыткой такого соединения и такого владычества. И всякий универсализм связывается и доныне с Римом, как понятием духовным, а не географическим»[16]. Прозвучавшие в Москве итальянские мотивы окрепли в Петербурге.

Повторю: город рождает исторический смысл культуры. «Все флаги будут в гости к нам», – произнёс Пётр устами Пушкина («Медный всадник»). Спустя сто лет это подтвердил Мандельштам: «А над Невой – посольства полумира» («Петербургские строфы»). А в марте 1917 г. один из самых чутких к общественному бытию культуры русских мыслителей (говорю о Н.В. Устрялове) увидел сущностный для России смысл Петербурга (незадолго до переименования его в Ленинград): «Нет, не случайно, не по царской прихоти и не по историческому недоразумению Великая Россия самоопределилась именно в Петербурге. Тяга на Запад связана с исконными традициями русской истории, и путь Европы, как и путь в Европу, – исторический русский путь. Петербург – подлинно русский город, несмотря на его интернациональную внешность и немецкое имя. *Его призрачность призрачна*, ибо корни его уходят глубоко в русскую почву, неразрывны с некоторыми существеннейшими чертами нашей национальной души. Он сроднился с Россией, вошёл в её плоть и кровь, стал неотъемлемой частью её

[15] Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции «Москва – третий Рим» в идеологии Петра Первого // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3-х т. Т. III. Таллин: Александра, 1993. С. 205–206.

[16] Бердяев Н.А. Конец Европы // Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности. М., 1918. С. 117.

существа. *Через Петербург превратилась Русь в Великую Россию*»[17]. По сути, это утверждение того, что пока жива Россия, будет жить и её главный город.

В «Поэме без героя» Ахматова лаконично и просто передаёт исчезновение Петербурга. Достоевский запрещён, Петербурга, создавшего русскую культуру, тоже не стало. Вместо него на географической карте появился сначала славянофильский Петроград, а затем и Ленинград. Всё поглотил туман, в котором роились бесы:

И царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый,
Город в свой уходил туман.

И тем не менее, видевший из-за рубежа нечто более важное Г.П. Федотов предсказывал: «Что же может быть теперь Петербург для России? <...> Многие из этих дворцов до чердаков набиты книгами, картинами, статуями. Весь воздух здесь до такой степени надышан испарениями человеческой мысли и творчества, что эта атмосфера не рассеивается целые десятилетия. <...> Эти стены будут ещё притягивать поколения мыслителей, созерцателей. Вечные мысли родятся в тишине закатного часа. Город культурных скитов и монастырей, подобно Афинам времени Прокла, – Петербург останется надолго обителью русской мысли»[18]. Так оно и произошло. И немалую роль сыграло то, какие мысли были рождены в этом городе.

Чудо культуры в том, что «камень, который отвергли строители, сделался главою угла» (Псал. 117, 22), – великий закон, открытый библейской интуицией и повторенный в христианстве. Этим камнем оказался Петербург Неслучайно питерский поэт Мандельштам назвал первый сборник своих стихов «Камень». Именно петербургская интеллигенция, изгнанная в эмиграцию (и остававшаяся здесь — Ахматова, Мандельштам), оказалась среди тех, кто способствовал новому возрождению (антисоветской и постсоветской) высокой русской культуры.

Я хотел бы закончить доклад строчками моего любимого поэта Наума Коржавина:

---

[17] *Устрялов Н.В.* Судьба Петербурга // *Устрялов Н.В.* Очерки философии эпохи. М., 2006. С. 182.

[18] *Федотов Г.П.* Три столицы // *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России. СПб., 1991. С. 53.

Великий город над Невой!..
Как странно слышать мне сегодня,
Что ты – просторный и живой –
Казался мёртвым и холодным.

Ведь всё такое же: дворцы
И главный штаб с массивной аркой,
Проспекты, площадей торцы,
Нева, мосты, каналы, парки.
.....

Мост над Фонтанкою-рекой
На Невском знаешь?
Где в разгоне
Вдруг человеческой рукой
В прыжке задержанные кони.

В уже начавшемся прыжке,
В уже прорвавшейся стихии...
Но конь в узде, узда – в руке!..
Так Петербург владел Россией.

Ханс ван Конингсбрюгге (Гронинген)

Как голландские дипломаты восприняли появление новой столицы

Тема моей лекции: отношение правительства Нидерландов и голландских дипломатов к новой столице России — Санкт-Петербургу в начале XVIII в. При этом я имею в виду не только мнение голландцев об этом городе самом по себе, но и то, какие последствия имело основание Петербурга для международной политики.

Начать я должен с государственного устройства тогдашних Нидерландов. Страна называлась Республикой Семи Соединённых Нидерландов. Это означает, в первую очередь, что перед нами не одно государство, а семь, объединённых в одну республику. Общее собрание для всех семи провинций находилось в Гааге, т.е. Генеральные штаты были не правительством, а скорее постоянным собранием представителей. Приходилось долго всё обсуждать и согласовывать, поэтому решения в Нидерландах принимались очень медленно. Но в этой медлительности были и свои плюсы. Как считал видный голландский политик, великий пенсионарий Антоний Гейнзиус, 70% всех проблем, если не торопиться, решатся сами собой. Должность великого пенсионария тоже, кстати, весьма своеобразна. Будучи высшим чиновником провинции Голландия, крупнейшей из семи, он состоял на службе не у республики в целом, а лишь у одной из её частей. Тем не менее, именно он, сочетая функции премьер-министра и министра иностранных дел, определял политику всей страны.

Поскольку при подобном государственном устройстве вмешиваться во внешнюю политику могли, при желании, десятки и десятки правящих лиц, необходимо было принять некоторые меры. Послы Нидерландов за границей формально писали отчёты и донесе-

ния в Генеральные штаты. Там, на собрании представителей всех семи провинций, письма дипломатов публично зачитывали, и всё тайное становилось явным. Выход нашли такой: когда речь шла о вещах действительно конфиденциальных, послы отправляли свои письма лично великому пенсионарию или же писали шифром. Так можно было хоть что-нибудь сохранить в тайне, по крайней мере, теоретически. Ведь и в Гааге, и в Амстердаме правящая элита отличалась чрезвычайной разговорчивостью, поэтому хранить государственные секреты по-настоящему обычно не удавалось.

В то время, когда был заложен Санкт-Петербург, Нидерланды вели войну с Францией и Испанией. Известная в истории как война за испанское наследство, она продлится до 1713 г. С точки зрения голландцев, на кону стояло, ни много ни мало, само существование Нидерландов как независимого государства. Люди, пережившие «год бедствий» — 1672-й, прекрасно сознавали, что французский король Людовик XIV лишь чудом не стёр тогда Нидерланды с карты мира. Такое не должно было повториться. Понятно, что всё внимание голландцев привлекала к себе война в Западной Европе, балтийский театр военных действий оставался для официальной Гааги второстепенным.

Однако правящие верхи Республики хотели быть хорошо информированными. Голландский дипломат в Швеции Хендрик Рюмпф вёл регулярную переписку с великим пенсионарием Гейнзиусом. Отнюдь не симпатизируя России, Рюмпф весной 1703 г. сообщал в Гаагу о продвижении русской армии и о мерах, принимаемых шведами. Он писал о «непонятной медлительности», с которой они сосредоточивают в Лифляндии и на берегах Невы войска. Постоянно подчёркивал, что в Швеции опасаются, как бы их не затопила громадная масса русских солдат. Об основании Петербурга в его письмах не говорится. Ничего удивительного: в ходе войны то и дело возводятся новые крепости и форты. Новому укреплению на Неве ещё предстояло доказать свою важность в долгосрочной перспективе! В голландской дипломатической корреспонденции Петербург впервые упомянут в марте 1704 г. в донесении «разъездного посла» барона Йохана ван Харсолте о том, что царь Пётр отбыл в Санкт-Петербург для подготовки нового похода.

По мнению проницательного дипломата Рюмпфа, для Карла XII всё происходившее в Ингерманландии, т.е. на тех землях, где основан Петербург, особого значения не имело. Шведского короля занимала прежде всего Польша, где он пытался свергнуть с престола короля Августа, союзника царя Петра (эти попытки увенчаются

успехом). Рюмпф справедливо полагал, что отправка в Прибалтику дополнительных шведских войск, «для чего новый поход московитов на Нарву, которую они, по слухам, осадили, станет убедительным поводом», не состоится. Шведские стратеги рассчитывали на то, что их крепости — островки в русском море — вполне выдержат осаду. Но если падение Ниеншанца на Неве ещё можно было счесть досадным исключением, то взятие русскими Нарвы в 1704 г. было воспринято как катастрофа и вызвало в Стокгольме всеобщее возмущение. Отвечавший за оборону Нарвы шведский сенатор Вреде должен был предстать перед следственной комиссией. Сопротивление шведов в Нарве было незначительным. Об этом сообщил из Москвы голландский дипломат Ван дер Хюлст, восхищаясь тем, как мало потерь понесли русские и как недолго, всего 45 минут, длились бои на улицах Нарвы после того, как была проломлена городская стена. Грабежи и убийства жителей, совершённые солдатами Петра в Нарве, Ван дер Хюлст решительно осудил.

Как бы ни были в Гааге заняты своей собственной войной, но и новую ситуацию на востоке Балтики приходилось учитывать. В ответ на завоевание русскими Ингерманландии и Нарвы шведы ввели морскую блокаду этих земель, жертвами которой стали английские и голландские корабли. Их перехватывали шведские военные или пиратские суда и конвоировали в Швецию; этим кораблям грозила там продажа с торгов. С точки зрения шведов всё было просто: речь шла о торговле в портах, которые они по-прежнему считали своими, а значит, имели право её запретить. Естественно, и Лондон, и Гаага протестовали. Пока удавалось прикрывать всё флёром дипломатии, но долго так продолжаться не могло. Морская блокада и привлекла внимание властей Нидерландов к появлению на Неве нового города.

Насколько важен и дорог был Петербург русскому царю, голландец Ван дер Хюлст в Москве быстро понял. Весной 1705 г. Пётр попросил его поехать с ним в новый город[1]. Царь ясно дал понять дипломату, что хотел бы этого, и даже спросил, почему этого не случилось раньше. Ван дер Хюлст пожаловался на здоровье, однако Пётр ответил, что сейчас он выглядит превосходно!

Дипломат получил из Гааги разрешение сопровождать царя с войском в Петербург, но это ещё не означало, что новый город — вне контекста шведской морской блокады — попал в сферу особого интереса голландцев. В Гааге следили скорее за шведско-русскими

[1] National Archive The Hague, Archive Estates General, Liassen Moskoviё, 7366, Van der Hulst to Estates General, spring 1705.

столкновениями в Польше и других частях Прибалтики, где весной 1705 г. под угрозой захвата русской армией оказалась Рига. Рига была не только второй столицей Швеции, но и главным центром голландской торговли на востоке Балтики. Неудивительно, что правящие круги Нидерландов впрямую призвали царя Петра отказаться от атаки на Ригу. Царь согласился, но не из расположения к голландцам, а потому что его армия была не готова к захвату Риги. Представлено же это было русской дипломатией, разумеется, как жест доброй воли в отношении Нидерландов. Одновременно в Гааге с неудовольствием встретили известия об опустошительных действиях войск фельдмаршала Шереметева в Лифляндии. А то, что происходило в Петербурге и вокруг него, важной темой для властей Нидерландов не являлось, во всяком случае, до Полтавской битвы. Связано это было также с тем, что дипломат Ван дер Хюлст бульшую часть времени пребывал в Москве, поэтому ближе к Петербургу находился его коллега в Стокгольме.

Более заметен в голландской дипломатической переписке город на Неве стал после того, как умершего Ван дер Хюлста сменил Якоб де Би. Новый посол прибыл в январе 1712 г. уже в Петербург. Там он чувствовал себя явно не в своей тарелке. Не любил празднеств, страдал от бесконечных попоек. По словам де Би, своим пошатнувшимся здоровьем царь был целиком обязан самому себе. Ничего другого после неумеренных возлияний и чревоугодия ожидать было нельзя.

В письме от августа 1713 г. посол собрал все свои претензии воедино. Во-первых, жалованья его не хватало, чтобы жить в новой столице как подобает. Ведь всё там было дороже, «чем где бы то ни было в Германии»[2]. Вдобавок послу отвели в Петербурге жалкий деревянный домик, где были всего «две пригодные комнаты»[3]. Да к тому же город, когда армия и флот его покидали, оставался почти так же безлюден, «как пустыня». Поэтому Якоб де Би просил Гаагу избавить его от обязанности устраивать дипломатические пиры: для них не было ни денег, ни места в доме. Жаловался посол и на ненадёжную российскую почту, из-за которой он полностью зависел от информации, которую давали ему местные власти. Ещё одна проблема была религиозного свойства. В 1713 г. правительство Нидерландов получило прошение от проживавших в Петербурге гол-

[2] National Archive The Hague, Archive Estates General, Liassen Moskovië 7367, De Bie to Estates General, 25.07.1713.

[3] Ibidem.

ландцев, не столько купцов, сколько офицеров, матросов и ремесленников. Большинство из них было кальвинистского вероисповедания, но им приходилось совершать свои обряды вместе с лютеранами в саду дома вице-адмирала Корнелия Ивановича Крюйса. Они задумали иметь собственного проповедника, но содержать его было им пока не под силу, и они просили Гаагу помочь им деньгами. Посол де Би поддержал это прошение, хотя в успех этой затеи не верил. Ему казалось сомнительным, чтобы проповедник пожелал поселиться в Петербурге, если только ему не предложат «жалованье великое». На идеализм, полагал он, рассчитывать нельзя. Словом, посол всячески давал понять, насколько непривлекательным местом почитал новую царскую столицу.

У недовольства Якоба де Би были и политические причины. В июле 1713 г. российский флот атаковал пять безоружных голландских судов вблизи Гельсингфорса (ныне Хельсинки). Хотя команды показали нападавшим, что суда не шведские (были подняты громадные голландские флаги), атака продолжалась. Множество подданных Нидерландов было убито или ранено. Власти в Гааге поручили своему послу в России потребовать у царя возмещения убытков. Российская сторона покаялась, однако с возмещением не спешила. Так возник конфликт, который в течение долгих лет будет отрицательно влиять на взаимоотношения между двумя странами[4].

В том же 1713 г. возникла и другая проблема. В ноябре Пётр велел, чтобы половину всех товаров, которые обычно поступали в Россию через Архангельск, ввозили отныне через Петербург[5]. Достичь этого царь решил повышением пошлин в Архангельске и снижением их в Петербурге. Однако Северная война и шведские пираты делали путь в устье Невы из Западной Европы опасным. К тому же в Архангельске голландские купцы занимали господствующие позиции, а в новой столице им пришлось бы столкнуться с конкурентами из других стран. Наконец, из-за отмелей на Неве большим кораблям входить в петербургский порт было непросто. Понятно, что планы Петра не вызвали в Гааге большого энтузиазма. Генеральные штаты снова и снова просили царя отменить свой указ, но всё напрасно. «Боюсь, — писал Якоб де Би, — что огромная любовь Его Царского Величества к сему городу [Петербургу] возьмёт

[4] National Archive The Hague, Liassen Moskovië 7397(secreet), De Bie to Secretary Fagel, July-August 1713.

[5] *Knoppers J.* Dutch Trade with Russia from Peter I to Alexander I. Montreal, 1976. I, 221.

над ним верх, и он примет сие пагубное решение». Настойчивость дипломата в этих двух вопросах привела к тому, что российские должностные лица стали его избегать: сказывались отсутствующими или изобретали всяческие отговорки. Так что и эмоционально, и политически посол Нидерландов чувствовал себя в Петербурге неважно.

Дело было ещё и в тех чрезвычайных поручениях, которые приходилось выполнять послу де Би. Он должен был, например, добиваться освобождения одного капитана из моего родного города Гронингена — капитана, которого царь без церемоний велел похитить[6]. Считалось, что этот офицер владеет секретом, как поджигать воду, а это, если бы сведения подтвердились, грозило российскому флоту бедой. Власти Нидерландов, естественно, пришли в ярость. Но все попытки посла вызволить капитана оказались бесплодными: последний так и остался в заключении в Петропавловской крепости.

Не улучшило отношений между двумя странами и вмешательство Якоба де Би в дело царевича Алексея. Основываясь на том, что рассказал ему лейб-медик-голландец, посол имел дерзость донести своему правительству о роли Петра в смерти Алексея: царь поступил с сыном не так, как подобало христианину. Де Би писал не шифром, а на русской почте со всей дипломатической корреспонденции снимали копии. В результате царь узнал, что сообщил о нём посол Нидерландов. Неизбежно последовали домашний арест и высылка из России[7].

Впрочем, ещё до этих событий российско-голландские отношения заметно охладились. Когда в 1716–1717 гг. Пётр посетил Нидерланды во второй раз, его встретили без прежнего восторга. Царило убеждение, что государь московитов приехал лишь для того, чтобы во всём брать с голландцев пример. А когда у Петра и Екатерины родился сын и «господам Генеральным штатам» предложили стать его «восприемниками», это тоже не вызвало в Гааге воодушевления. Более того, когда ребёнок умер, голландские власти, если верить злоречию шведского посла Прейса, испытали немалое облегчение: не надо посылать в Петербург дорогие подарки.

---

[6] National Archive The Hague, Liassen Moskvië 7397(confidential), De Bie to Secretary Fagel, 14.12.1716.

[7] *Hovinga V.* In dienst van de Republiek: het mislukte residentschap van Jacob de Bie (1711–1718) // *H. van Koningsbrugge en E. Waegemans* (eds.). Van de Vierpotige Leeuw en de Tweekoppige Adelaar, Studies over Nederlands-Russische relaties. Groningen, 2002. P. 29–31.

Весьма деликатной была позиция Нидерландов и по отношению к Петербургу. И царь, и его посол в Гааге князь Куракин добивались от голландского правительства выдачи некоей гарантии российских прав на отвоёванную у шведов территорию, на которой основали новую столицу. Россия не должна была никогда потерять эту «колонию». Но ни о каких гарантиях в Гааге и слышать не хотели. Любовь Петра к своему Петербургу значила в глазах голландцев куда меньше их опасений задеть короля Швеции Карла XII.

В 1720 г. в Петербург прибыл новый представитель Генеральных штатов Якоб де Вилде. Он служил прежде лейтенантом Амстердамского гарнизона и имел самый низкий дипломатический ранг — резидент. Тем самым правящие круги Нидерландов давали понять царю Петру, что для них их связи с Россией не так важны, как для него. Де Вилде вёл себя во всём очень осторожно. Он, несомненно, слышал, что под Петербургом бродят медведи и волки и привёз с собой не менее 9 единиц огнестрельного оружия[8]. Хотя низкий ранг дипломата Петру не понравился, отношения между ними сложились добрые. Де Вилде подробно описывал устраиваемые царём празднества и приёмы. Можно сказать, что в целом послу удалось несколько сблизить обе страны.

Впрочем, умел он и критиковать. Когда после Ништадтского мира Пётр был провозглашён «отцом отечества» и императором, голландскому дипломату это показалось чрезмерным, и он с увлечением рассказывал в своих донесениях, что вскоре в Петербурге разразилась ужасная буря и город был почти целиком затоплен. Русский царь мог присваивать себе любые титулы, но последнее слово остается всё же за Царём Небесным. Эта история — своего рода символ отношения голландцев и к самому Петру, и к его детищу. Определённое восхищение было им не чуждо, однако той особой любви, которую царь питал к Петербургу, они не понимали. Уж слишком амбициозным казался им основатель Российской империи.

[8] National Archive The Hague, Liassen Moskovië, 7368, De Wilde aan Staten-Generaal, 19.06.1720.

М.В. Шкаровский (Санкт-Петербург)

Почитание апостола Андрея в Петербурге и Москве в петровское время

Имя святого апостола Андрея Первозванного связывало и связывает сейчас Петербург (Северо-Запад России) и Москву, что ярко проявилось в царствование Петра Великого. Согласно существующему церковному преданию, первоученик Иисуса Христа апостол Андрей, проповедуя слово Божие, в середине I в. по Рождеству Христову с берегов Чёрного моря поднялся по Днепру и далее по пути из Скандинавии в Византийскую империю («из варяг в греки») до северо-западных земель. Здесь на берегу реки Волхов (в районе будущего села Грузино) апостол поставил крест и далее отплыл на острова Валаама в Ладожском озере. На одном из островов, где до его прибытия находилось языческое капище, святой Андрей воздвиг на высокой скале каменный крест (позднее на островах возник Спасо-Преображенский Валаамский монастырь). Затем апостол вернулся на южный берег Ладоги и, направляясь в Рим, последовал по сухопутной дороге вдоль Невы по её правому берегу к Финскому заливу, где на корабле отплыл в Балтийское море. Далее святой отправился по очень известному в то время «янтарному пути», который начинался у берегов Балтики, от побережья севернее устья Немана до устья Вислы, шёл на юг и выходил на Карнунт — римскую крепость на Дунае.

К XI в. на Руси было создано собственное сказание о посещении святым Андреем Первозванным русских пределов — вошедшее в состав «Повести временных лет» «Слово о проявлении Крещения Рускыя земля святаго апостола Андрея, како приходил в Русь». Согласно этому тексту апостол, прибывший из Синопы в Корсунь

(Херсонес), узнал о близости Днепровского устья и «всхоте поити в Рим»; поднявшись вверх по Днепру, он благословил место будущего Киева и поставил там крест, а затем отправился на север, в землю словен, где позднее возник Новгород; подивившись местным обычаям, святой Андрей отбыл в Рим, а оттуда вернулся в Синопу (Малая Азия).

Уже в XI в. почитание апостола Андрея на Руси получило значительное распространение. Так, в 1030 г. младший сын князя Ярослава Мудрого Всеволод Ярославич был крещён с именем Андрей. В 1086 г. он основал в Киеве Андреевский (Янчин) монастырь, в это же время память апостола Андрея была внесена в православные святцы и т.д. Следствием пребывания апостола Андрея на северо-западных русских землях стало его особенное почитание здесь, существовавшее ещё во времена Новгородской республики. В конце XI в. святой князь Всеволод Ярославич построил в Новгороде первый храм во имя святого Андрея Первозванного. В 1417 г., вероятно, на месте этого храма на Щитной улице, в Плотницком конце была возведена новая церковь апостола Андрея.

Со времён святителя Макария, бывшего в 1526–1542 гг. архиепископом Новгородским, местные предания о проповеди апостолом Андреем в земле Русской, дополняющие «Повесть временных лет», получили общероссийскую известность и оказали сильное влияние на московских царей и москвичей в целом. Такие сказания содержит «Степенная книга» (1560–1563), где говорится, что, придя в землю словен, апостол проповедовал слово Божие, водрузил и оставил свой жезл в «веси, нарицаемой Грузине», где позднее была поставлена церковь во имя святого Андрея. Отсюда по реке Волхов, Ладожскому озеру и Неве он отправился в «варяги», затем в Рим и Царьград. Подкрепленное новгородскими преданиями начальное сказание о путешествии святого Андрея Первозванного по Днепру и Волхову обратилось в традицию об апостольской проповеди на значительной части Русской земли. Со времён царя Иоанна IV Грозного об этом заявлялось в тех случаях, когда требовалось защитить самостоятельность России в церковных делах.

В начале XVII в. часть северо-западных земель России была захвачена Швецией, при этом многие православные традиции там были утрачены. Возрождение и ещё более сильное распространение почитание апостола Андрея на этих землях получило с начала XVIII в., после возвращения Россией Петром Великим приневских и приладожских земель. Сказание о путешествии святого Андрея Пётр услышал в Москве и, таким образом, старая столица как бы передала

новой эту традицию, полученную ей, в свою очередь, с Северо-Запада Руси.

С момента создания Санкт-Петербурга святой Андрей Первозванный стал одним из его небесных покровителей, так как в день основания северной столицы 16/27 мая 1703 г. Пётр Великий заложил в фундамент крепости ковчег с частицей мощей апостола Андрея. Кроме того, святой Андрей Первозванный — родной брат апостола Петра, в честь которого назван город.

Ещё до основания Петербурга Пётр I учредил старейший из русских орденов — святого апостола Андрея Первозванного, ставший главным орденом Российской империи. Орден был учреждён предположительно в конце 1698 г. после возвращения царя из продолжительной поездки в составе Великого посольства в Западную Европу. Царь стремился таким образом укрепить престиж российского государства, продемонстрировать его право строить отношения с другими европейскими державами на равных. Не случайно Пётр написал в проекте устава ордена 1720 г., что он учреждается в честь апостола, «Крещением первоначально пределы Наши просветившего».

Император считал святого Андрея своим личным покровителем. Определённое влияние оказала и международная известность ордена св. апостола Андрея. Впервые намерение ввести его в России Пётр высказал во время пребывания в начале 1698 г. в Англии. Вводная часть проекта устава 1720 г. разъясняла, что орден учреждается «наипаче» по той причине, что древний шотландский орден св. Андрея «пресёкся», а посвящение тому же святому ордена Золотого руна со временем утратило силу. Таким образом, в Москве произошло как бы возобновление старинного христианского ордена.

Первое награждение состоялось 10 марта 1699 г., когда Пётр I возложил знаки ордена на генерал-адмирала (впоследствии и первого российского генерал-фельдмаршала) Фёдора Алексеевича Головина. В 1699 г. в Голландии была изготовлена специальная медаль в честь первого андреевского кавалера.

В первые годы ощущался традиционный русский подход к ордену как к виду «государева жалования». Проект устава 1720 г. называл главой ордена царя и отмечал, что награда учреждается «в воздаяние и награждение одним верность, храбрость и разные нам и отечеству заслуги, а другим для одобрения ко всяким благородным и геройским добродетелям, ибо ничто столько не поощряет и не воспламеняет человеческого любочестия и славолюбия, как явственные знаки и видимое за добродетель воздаяние». Орден вводился в первую очередь как награда царей, высших сановников и генералитета. В гла-

ве проекта устава «О кавалерах» говорилось, что кандидат должен иметь титул графа или князя, звание сенатора, министра, посла, генерала, адмирала, губернатора, иметь возраст не менее 25 лет, состояние, чтобы «важность сего события поддержать», и не страдать телесными недостатками. К иностранцам предъявлялись те же требования.

Одновременно кавалерами ордена могли быть не более 12 «природных российских кавалеров», а вместе с иностранцами не более 24. Это правило соблюдалось всё царствование Петра. Император награждал орденом очень редко — за 26 лет 39 человек, в том числе 12 иностранцев. Долго не мог забыть Пётр своей ошибки в выборе второго кавалера — гетмана Украины Мазепы, которому лично вручил знаки ордена 8 февраля 1700 г. После предательства Мазепы и его перехода на сторону Карла XII был изготовлен манекен гетмана, на который надели знаки ордена; 9 ноября 1708 г. манекен вынесли, сняв знаки ордена, бросили в руки палача, и тот, прицепив куклу за верёвку, тащил её по улице до виселицы и потом повесил. А в 1709 г. царь в самые напряжённые дни подготовки к решающей битве со шведами под Полтавой слал в Москву гонца за гонцом, торопя изготовить и доставить к нему «орден Иуды» — огромную двенадцатифунтовую медаль с цепью, на которой был изображён повесившийся над рассыпанными сребрениками Иуда и вычеканены слова: «Треклят сын погибельный Иуда, еже за сребролюбие давится». Мазепе посчастливилось избежать этого «пожалования», а в «орден Иуды» ещё в середине XVIII в. наряжался один из придворных шутов.

Остальные 38 кавалеров, награждённые Петром, были более достойны. Третьим стал бранденбургский посланник Принтцен (1701), четвёртым — известный полководец генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметьев (1701), пятым — саксонский канцлер граф Бейхлинг (1703). Сам царь был награждён орденом лишь шестым в 1703 г. за конкретный военный подвиг — захват двух шведских кораблей в устье реки Невы, которым Пётр руководил лично в звании бомбардир-капитана. Знаки ордена возложил на царя в походной церкви первый кавалер Ф.А. Головин. За эту же победу в 1703 г. были награждены ближайший сподвижник царя, будущий президент Военной коллегии и генералиссимус, первый генерал-губернатор Санкт-Петербурга А.Д. Меншиков, будущий Верховный канцлер граф И.А. Головкин.

После победы в Полтавской битве 1709 г. Пётр хотел учредить для солдат и низших офицеров крест синего цвета с распятием святого апостола Андрея, так как орден был слишком высокой наградой. По рисунку царя было изготовлено семь малых крестов, но ими

так никого и не наградили. Солдатам и низшим офицерам вручили лишь медаль «За победу под Полтавой», а немногим военачальникам — орден святого апостола Андрея, в том числе командовавшему русской артиллерией генералу Я.В. Брюсу. Сейчас в Государственном историческом музее в Москве хранится звезда ордена Якова Брюса — единственная из сохранившихся звёзд русских орденов петровской эпохи. Среди награждённых Петром Великим был его сын царевич Алексей, известный дипломат граф Толстой и другие сподвижники царя. Состоялось и одно секретное награждение. Орден за симпатию к России тайно получил валашский господарь Константин Брынковяну, который даже не был внесён в официальные списки награждённых. При этом одно из правил проекта устава 1720 г. специально говорило о неразумности награждения орденами малолетних и младенцев. Сын Петра I Алексей получил орден только в день своей свадьбы, а император Пётр II по молодости вообще не попал в список кавалеров.

Вскоре после учреждения ордена было создано особое объединение его кавалеров. Поначалу они собирались в первой церкви Санкт-Петербурга — любимом храме Петра I — соборе Пресвятой Троицы на Троицкой площади. Здесь отмечались полтавские годовщины и заключение победного Ништадтского мира со Швецией в 1721 г., когда Петру был поднесён титул императора. Здесь же отпевали казнённого за измену в 1718 г. по указу Петра царевича Алексея. В дальнейшем кавалеры ордена святого апостола Андрея собирались в Андреевском соборе, построенном на Большом проспекте Васильевского острова. Кавалеры ордена по определению Петра I должны были вносить «некоторую сумму денег, смотря по обстоятельствам, на выкуп пленных, на содержание и призрение инвалидов, в пользу посольств для приобщения неверных к христианству, на снабжение обедневших дворянских детей и на прочее».

Знаки высших орденов стали частью воинской символики русской армии. Так, андреевская звезда в военной атрибутике была своеобразным символом гвардии и украшала гвардейские головные уборы и лядунки (сумки для патронов). Старейший русский полк — Преображенский — учредил знак по эскизу креста, собственноручно выполненному Петром I, скопировав обе его стороны. Следует упомянуть, что Пётр I ввёл и близкий к орденам знак отличия — миниатюрный портрет императора, выполненный финифтью и украшенный бриллиантами. Он носился на груди на банте из голубой андреевской ленты. Этого знака были удостоены лишь немногие приближённые Петра. Император жаловал его тем, кого считал дру-

зьями и единомышленниками — А.Д. Меншикову, канцлеру И.А. Головкину и др.

Известна горячая любовь Петра к мореплаванию и флоту, а апостол Андрей был покровителем мореплавателей. Поэтому, учреждая русский военно-морской флаг, Пётр I выбрал изображение голубого косого андреевского креста. Символика Андреевского флага была также данью памяти Петра своему отцу, царю Алексею Михайловичу, который впервые учредил специальный трёхцветный (бело-сине-красный) флаг для первого военного российского судна — галиота «Орёл».

Став царём, Пётр I лично уделял много внимания разработке проектов флага. В 1692 г. он нарисовал первые два проекта: на одном имелись три параллельных полосы с надписями «белый», «синий», «красный», на втором — те же цвета с андреевским крестом поверх них. Предполагается, что второй вариант флага имелся у кораблей потешной царской флотилии на Плещеевом озере. С 1692 по 1712 г. Пётр I нарисовал ещё восемь проектов флага, которые последовательно принимались во флоте, во всех вариантах присутствует андреевский крест. Так, в 1699 г. царь изобразил на черновике инструкции российскому посланнику Е. Украинцеву, направлявшемуся на корабле «Крепость» из Азовского моря в Турцию, трёхполосный флаг с андреевским крестом.

Одно из существующих преданий гласит, «что Пётр Первый, заснувший ночью за рабочим столом, был разбужен утренним солнцем, лучи которого, переломившиеся через промёрзшую слюду окна, упали на белый лист бумаги синеватым диагональным крестом. Свет солнца и цвет моря — вот что символизирует Андреевский флаг».

В настоящее время считается, что Андреевский флаг был учреждён 30 ноября/11 декабря 1699 г. Официально же Пётр I утвердил военно-морской флаг только в 1703 г., после отвоевания русскими войсками у шведов устья Невы и острова Котлин. По мнению царя, Россия теперь окончательно закрепила своё влияние на четырёх морях (Балтийском, Белом, Чёрном и Каспийском), что символизировали четыре части Андреевского флага. В частности, Пётр I писал: «Слава, слава Богу за исправление нашего штандарта, который в образе креста Св. Андрея исправити благоволил». Крест располагался по диагонали малого прямоугольника в верхнем углу у древка или по диагонали всего полотнища.

Вскоре в образец Андреевского флага внесли исправления; в 1709 г. в таблице флагов всего мира были изображены три российских флага: белый, синий и красный с белыми крыжами (верхний угол флага), на которых имелись андреевские кресты. Белый флаг

был присвоен эскадре адмирала, синий — вице-адмирала, красный — контр-адмирала. В 1712 г. белый флаг адмирала (корде-баталии) стал изготавливаться с синим андреевским крестом по диагонали на всём поле. Составляя описание российских стягов, Пётр I пометил: «Флаг белый, через который синий крест Святого Андрея, того ради, что от сего апостола приняла Россия святое крещение». Впервые чин освящения Андреевского флага, который стал развиваться над кораблём «Святитель Николай» и фрегатом «Орёл», был совершён в 1718 г. в храме св. ап. Андрея в Кронштадте.

В XVIII–XIX вв. на Северо-Западе России, зачастую при личном участии Петра, было построено несколько андреевских храмов. Так, ещё во время посещения в 1702 г. Соловецких островов царь велел перестроить существовавшую там деревянную Андреевскую часовню в церковь. В 1717–1718 гг. в главной базе русского военно-морского флота Кронштадте по личному указанию Петра Великого был возведён деревянный Андреевский собор. Средства на строительство выделил генерал-губернатор Петербурга и Кронштадта Александр Данилович Меншиков, избравший место для храма вблизи своего дворца. 13 июля 1718 г. состоялось торжественное освящение храма в присутствие императора, и в 1720 г. Андреевская церковь стала главным храмом острова Котлин и всего побережья Финского залива, а её настоятель — «заказчиком духовных дел» (благочинным). Уже в 1721 г. по Высочайшему повелению церковь была наименована собором.

В дальнейшем вместо обветшавшего деревянного архитектор Андреян Захаров в 1805–1817 гг. возвёл в Кронштадте каменный собор св. ап. Андрея на Андреевской улице. Одной из главных святынь храма был золотой крест с частицей мощей св. Андрея Первозванного, находившейся в киоте храмовой иконы апостола Андрея. Не менее почитаемым был резной костяной медальон-образ св. Андрея Первозванного, вырезанный самим Петром Великим и подаренный им в первый деревянный собор.

В других храмах Кронштадта также хранились реликвии, связанные с ап. Андреем. Так, в Морском Богоявленском соборе находился принадлежавший Петру Великому небольшой золочёный с эмалями крест св. Андрея Первозванного на белом круглом медальоне и при нём — голубая орденская Андреевская лента, принадлежавшая императору и подаренная в храм после его смерти. Когда 30 мая 1872 г. праздновался 200-летний юбилей со дня рождения Петра Великого, во время всенощного бдения в Богоявленском соборе Андреевскую ленту вынесли в центр храма и поместили на бархатной подушке, к ней был приставлен почётный караул.

Помимо Кронштадта Пётр Великий задумал построить соборный храм ап. Андрея Первозванного на стрелке Васильевского острова (перед зданием Двенадцати Коллегий), где планировал создать центр своей новой столицы — Санкт-Петербурга. За год до своей кончины, в 1724 г. император заказал проект этого храма шведскому архитектору Никодемусу Тесину-младшему. Зодчему было поставлено условие: храм должен напоминать римский собор святого Петра и иметь в длину 427 футов (130 метров). Тессин согласился и в 1725 г. представил проектные чертежи собора; была изготовлена модель, но осуществить замысел из-за скоропостижной кончины императора не удалось.

В январе 1727 г. императрица Екатерина I — «первейшая Великая Магистра ордена Святаго Апостола Андрея кавалеров Российских» именным указом распорядилась отпустить 3 тыс. рублей для возведения церкви апостола Андрея на выделенном участке Васильевского острова (на углу Большого проспекта и 6-й линии). В том же году началась подготовка к строительству храма, которое частично шло на пожертвования кавалеров ордена св. апостола Андрея.

В 1729 г. архиепископ Нижегородский Питирим освятил закладку деревянного храма, построенного по проекту архитектора Джузеппе Трезини и освящённого после окончания строительства 8 октября 1732 г. во имя апостола Андрея «для торжества и праздников кавалеров Андреевского Ордена». Освящение храма совершил сподвижник Петра Великого архиепископ Новгородский и Великолукский Феофан (Прокопович) — духовный пастырь кавалеров ордена. Иконостас в новый храм перенесли из домовой церкви петербургского дворца А.Д. Меншикова. 4 февраля 1744 г. Андреевскому храму был присвоен статус собора. В церковной ограде был погребён сподвижник Петра Великого сенатор князь Б.Ф. Долгоруков. В 1761 г. деревянный собор сгорел, и вместо него в 1764–1780 гг. был построен существующий и в настоящее время каменный храм.

Вскоре после отвоевания Россией приладожских земель — в 1717 г. началось возрождение Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. В 1719 г. на Валааме была устроена первая после столетнего перерыва монастырская церковь во имя Преображения Господня с приделами святых Андрея Первозванного и Иоанна Богослова. На месте воздвигнутого по преданию апостолом Андреем на вершине высокой скалы каменного креста позднее были построены часовня и келии для братии, а затем и церковь.

Заложенные в петровское время традиции почитания апостола Андрея возрождаются в современном Петербурге. Так в 2001 г. на

6-й линии Васильевского острова перед зданием открытого в 1990-е гг. Андреевского собора был установлен обелиск в честь 300-летия учреждения ордена св. апостола Андрея. 6 июля 2007 г. в сквере вблизи храма был торжественно открыт памятник первому кавалеру ордена св. апостола Андрея Первозванного графу Фёдору Алексеевичу Головину, знаменитому государственному деятелю, полководцу и дипломату петровской эпохи. В настоящее время в соборе находятся две особо чтимые иконы св. апостола Андрея: одна с житием, датируемая 1728 г., из первого храма Санкт-Петербурга — деревянного собора Пресвятой Троицы на Троицкой площади, и вторая — аналойная, с частицей мощей апостола. Алтарный образ апостолов Андрея и Филиппа также содержит частицу мощей св. Андрея Первозванного.

В 1998 г. у возрождаемого главного монастыря Санкт-Петербургской епархии — Александро-Невской Лавры появился свой первый — Андреевский — скит, расположенный близ деревни Коркино в Колтушской волости Всеволожского района на Агафоновом лугу, месте, связанном памятью о святом апостоле Андрее. Скит находится на старинном сухопутном пути из Скандинавии в Византийскую империю («из варяг в греки»). По церковному преданию, апостол Андрей Первозванный, проповедуя слово Божие, направляясь в Рим, проследовал по сухопутной дороге вдоль Невы. Недалеко от дороги на лугу находится огромный древний валун, связанный преданием с именем апостола Андрея. Здесь неоднократно проходили идущие на врага новгородские дружины, а в октябре 1702 г. — войска Петра I, освобождавшие приневские земли от столетнего шведского владычества. В скиту уже возведено несколько деревянных храмов; наместник Лавры епископ Назарий планирует также возвести каменный Андреевский собор.

В настоящее время предполагается восстановить уничтоженный Андреевский собор в Кронштадте, в 2002 г. Андреевским союзом и другими общественными организациями был установлен на его месте камень в память о том, что здесь стоял собор апостола Андрея Первозванного.

В 1990-е гг. началось возрождение почитания апостола Андрея в Москве. Был возвращён Церкви и отреставрирован Андреевский монастырь (сейчас в нём находится Синодальная библиотека), учреждён Богословский институт имени апостола Андрея Первозванного, вновь стал главной наградой России орден св. Андрея, Российскому флоту был возвращён Андреевский флаг и т.д. С 13 декабря 2004 г. в Москве вручается ежегодная международная премия

святого апостола Андрея Первозванного «За веру и верность», учреждённая фондом Андрея Первозванного и Центром национальной славы России. В декабре 2006 г. на Пулковском шоссе, при въезде в Санкт-Петербург со стороны Москвы был установлен и освящён закладной камень будущего памятника первому апостолу Господню, который незримо свяжет две столицы России.

О.Г. Усенко (Тверь)

Столицы в массовом сознании россиян XVIII века (на примере монархического самозванчества)

Цель исследования — приблизиться к пониманию того, когда именно в массовом сознании россиян Санкт-Петербург заместил Москву в качестве подлинного центра страны, какой социокультурный ореол был у двух столиц в XVIII в. Под «массовым сознанием» разумеются взгляды не только тяглого населения, но и полупривилегированных слоёв, низшего духовенства, рядового дворянства.

Источниковую базу исследования составляют судебно-следственные материалы о 24 лжемонархах-россиянах[1]. Данная выборка охватывает 21% всех лжемонархов-россиян, «проявившихся» (представших в мифической ипостаси) с 1704 по 1800 г.[2]

Судя по источникам, до начала 1780-х гг. в массовом сознании россиян Москва успешно конкурировала с Петербургом. С одной стороны, все знали, что официальная резиденция правящего монарха находится в Городе на Неве (за исключением 1730–1731). Так, в 1712 г. крестьяне Нижегородского уезда на слова А. Крекшина, что он — «царевич Алексей Петрович», реагировали так: «Где де цареви-

[1] Г. Семионов (год «проявления» – 1709), А. Крекшин (1712), Девора (1717/18), А. Семиков (1725), Т. Труженик (1732), Л. Стародубцев (1732), С. Владыкин (1733), А. Костюнин (1735), И. Миницкий (1736), Иеракс (1737), Г. Дружинин (1747), И. Семилеткин (1761), А. Асланбеков (1763), Г. Кремнев (1765), Ф. Гришин (1766), И. Опочинин (1768), Е. Пугачёв (1772), А. Сытин (1776), М. Ханин (1778), К. Селиванов (1781/96), Амвросий (1782), Н. Сенютин (1786), С. Петериков (1796), И. Родде (1800).

[2] Таковых было, по моим подсчётам, не менее 112 чел.

чю быть — он де, Государь царевичь, в Санкт-Питербурхе при Государе!»; «Невозможно де сему быть; наш государь царевичь и ныне в Санкт-Питербурхе...»[3].

Один из последователей И. Миницкого (тоже «Алексея Петровича»), уже будучи в тюрьме при Тайной канцелярии (1738), рассказывал, что сына Петра I якобы «здесь, в Санкт-Питербурхе, уберегла баба...»[4]. В Город на Неве писал царице дворянин и офицер Сергей Владыкин — «император Пётр III, сын Петра II, названый сын императрицы Анны Иоанновны» (1733)[5].

То, что государыня пребывает в Петербурге, знал и беглый помещичий крестьянин Алексей Костюнин — «богоизбранный жених императрицы Анны Иоанновны» (1734)[6]. В северную столицу своей «суженой» писал и киевский монах Иеракс — «богоизбранный жених цесаревны Елизаветы Петровны» (1737)[7].

Однако далеко не все правители России воспринимались как легитимные, что, собственно, и доказывает история монархического самозванчества. Посему в массовом сознании «подлинной» столицей страны оставалась Москва. А. Крекшин — дворянский «недоросль», ставший бродягой, — в рассказах о себе как «царевиче» не забывал указывать, что странствовать он отправился из Москвы[8]. В 1714 г. помещичий крестьянин Г. Семионов селянам, жившим близ Переяславля-Рязанского, заявлял: «Я де был турской царь, а ныне де стал я на царьстве Белой царь; и царя де у нас на Москве нет — это де у нас на царьстве швед подменён». При этом он требовал, чтобы его отвезли именно в Москву[9]. Киевский монах Амвросий — «сын Елизаветы Петровны и эрцгерцога Фридриха Прусского» (1782) утверждал, что «рождён в Москве»[10].

В заявлениях ряда самозванцев прослеживается мысль, что в Москве находится российский престол. Вот что сообщает источник о гренадере А. Семикове, «проявившемся» в 1725 г. на Украине — в селе Пьяный Рог близ Почепа: «Он прибыл туда с некоторым числом вооружённых гренадеров, хорошо одет и с пышною услу-

---

[3] РГАДА. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 788. Л. 19, 64 об.

[4] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 227 об., 228 об.

[5] Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 367. Ч. 1. Л. 126 об.–127.

[6] Там же. Л. 220 об.–221.

[7] Там же. Д. 272. Ч. 16. Л. 174 об.–175.

[8] Там же. Ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. Д. 788. Л. 25–25 об.

[9] Там же. Д. 1274. Л. 5–5 об.

[10] Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2047. Ч. 4. Л. 98 об.; Д. 2599. Л. 34.

гою, называл себя царевичем Алексеем Петровичем, разсказывал о чудном своём избавлении и что, будучи послушным сыном, бояся Бога и не желая нанести во время царствования своего отца бедствия России, он скрывался до сего времени, но теперь, почитая себя законным наследником престола, едет в Москву принять царство своих предков»[11].

Беглый драгун и донской «бурлак» Л. Стародубцев («царевич Пётр Петрович», 1732), вербуя нового сторонника, говорил, что собирается добраться «до Черкаска, а из Черкаского де проводят ево, Стародубцова, в Москву старшины; и будет он в Москве на дедовском и их отцовском царстве...»[12]. Другим людям самозванец рассказывал, «что на нём, Стародубцове, есть на груди звезда, а на спине месяц, и он де подлинной царевичь; и был в Москве на царстве, а на царство де посажен 12 лет; и у боярина де был сын, и тому царевичю пришёл лик в лик, и у того де боярина тот сын умре, и оной боярин того мёртвого своего сына вменил в царевича — и бутто оной царевич умре, а этова де царевича свёз...»[13].

В 1736 г. И. Миницкий тоже вербовал сторонников (из жителей Киевского полка), чтобы вместе с ними направиться в Москву[14]. Монах Иеракс писал Елизавете Петровне: «Наяснейшая цесаревна, я де буду по сей императрице император в Москве, а ты, государыня цесаревна, мне женою»[15]. Нижегородский посадский человек Г. Дружинин посчитал себя «богоизбранным царём» (1747), когда «было ему... привидение: якобы кто, идучи с ним... дорогою, говорит, бутто бы... Государь Император Пётр Великий сидит в муке, а ему де, Дружинину, быть в Москве царём»[16]. Бродяга А. Асланбеков, он же «Пётр III» (1763, Белгородская губерния), будучи под караулом после первого задержания, говорил соратникам-однодворцам, «чтоб ево не отпустит в Москву, ибо де за караулом ехат ему бесчесно, и явитца де ему самому собою лутче». Потом, когда самозванец был уже на воле, однодворцы его настойчиво спрашивали, «скоро ль он поедет в Москву»[17].

---

[11] *Гайворонский И.* Отрывок из записок Н. Брешкова // Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света. 1826. Ч. 4. Кн. 2 (ноябрь). С. 160–161.

[12] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 187. Л. 68–68 об.

[13] Там же. Л. 25 об.

[14] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 10, 93–93 об.

[15] Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 272. Ч. 16. Л. 171 об.

[16] Там же. Ф. 349. Оп. 1. Д. 2102. Л. 54–54 об.

[17] Там же. Оп. 2. Д. 7086. Л. 380 об., 451–451 об.

Итак, массовое представление о том, что «подлинная» столица России — Москва, базировалось прежде всего на убеждении, что «истинный государь» должен там и короноваться, и постоянно жить. Однако для ряда самозванцев и сочувствующих им (прежде всего «раскольников» и тех, кто не мог принять петровских новшеств) было важно ещё и то, что первопрестольная виделась центром традиционной духовности.

Для беглой монахини и псевдоцаревны Деворы, а также её сторонников Москва была тайным прибежищем «староверов». Один из последователей Деворы в 1731 г. рассказывал, что «возил де он старицу <...> которая де называла себя царевною, из Мурома в Москву <...> И как де он <...> тое старицу привёз в Москву, и в дом де, в котором она жила, приезжали знатные господа к той старице на поклон»[18]. В 1735 г. Девора оказалась в слободе Мглинка Почепского уезда. Тамошний управитель на допросе показал: «Ехала некоторая монахиня с немалым людством, а сказывала де про себя, бутто она бывала Государыня царевна Наталья Алексеевна, и жила в местечке Ветке, и ис того местечка ехала в Москву, а из Москвы де поедет жить к Мурому в леса»[19].

Л. Стародубцев продиктовал своему писарю воззвание, в котором проводилась мысль, что до появления в России «императора» существовало единение царя и народа: «И тако же отцовския и дедовския законы были: при законе их были стрелцы московския, и рейтары, и копейщики, и потешныя, и были любимыя козаки — верныя слуги жалованныя, и тако же цари-государи наши покладались на них, якобы на каменную стену»[20].

Интересно, что образ Москвы был связан с образом Киева. Однако последний представлялся духовным центром для всех православных традиционалистов.

В письмах Л. Стародубцева повторялась такая фраза: «Спрогледевши, я от таких законов скрылся: и шёл я на Чернигов, а с Чернигова на Киев и в Киеве-граде кинул ерлык...»[21]. Кроме того, самозванец как-то сообщил, что «есть де у него, Стародубцова, в Киеве бабка...»[22].

---

[18] Там же. Оп. 1. Д. 1107. Л. 11–11 об.

[19] Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 278. Ч. 10. Л.153–153 об.; Ф. 349. Оп. 1. Д. 656. Л. 10.

[20] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 187. Л. 15–15 об.

[21] Там же. Л. 13, 15 об., 79 об. – 80.

[22] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 187. Л. 68–68 об.

А. Костюнину в 1730 г., когда он «жил у помещика своего в карачевской деревне», было видение: «Показалось ему, будто бы ево <...> ударило оземь, а в небе де над Москвою видел, что стоял крест, которой держали два ангела, а выше де креста стоял человек и обеими руками благословлял, а облаки де по обеим сторонам шли за ним, Костюниным, и над головою де ево аки голубь с небеси стоял»[23]. После этого «из оной деревни сошёл он, Костюнин, в Москву для моления...»[24].

Позднее, в 1733 г., когда самозванец находился уже в монастырском заключении, он «видел, что пришла к нему Пресвятая Богородица Печерская и Антоний и Феодосий Печерския ж и Николай Одринской чюдотворцы и говорили ему: "Поди де ты и донеси государыне, чтоб поехала в Киев богу молитца со всеми господами и кавалерами; и как де поедет, то де всех врагов под ноги свои покорит, и славу де свою прославит, и во всей де Великой и Малой и Белой России будет хлеб родитца, и будет де ей, государыне, здравие на многия и долгия лета со всем христолюбивым воинством и родом християнским, с священным собором и монашеским чином"»[25].

И. Миницкий своим новоиспечённым сторонникам говорил: «Я де вас возму до Нежина и до Москвы, и там меня будет архиерей киевской в Нежине объявлять, а я де, разобрав, лутчих людей возму до Москвы, а протчих отпущу по домам»[26]. Е. Пугачёв под Оренбургом в конце 1773 г. переименовал три населённых пункта: слобода Берда стала «Москвой», татарская слобода Каргалы (Сеитовская) — «Санкт-Петербургом», а казачий Сакмарский городок — «Киевом»[27].

Что касается города на Неве, то уже с 1730-х гг. отдельные самозванцы воспринимали его как достойное местопребывание «истинного государя». При этом лжемонархи и их сторонники (если таковые были) мечтали, как правило, делить власть с официальным правителем из династии Романовых.

С. Владыкин в 1733 г. собирался из Переяславля-Рязанского приехать в Москву и пройти коронацию. На церемонии должна была присутствовать и Анна Иоанновна, с которой лжемонарх собирался потом править в Петербурге[28]. Солдат петербургского гарнизона

---

[23] Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 367, ч. 1. Л. 220.

[24] Там же. Л. 219 об.

[25] Там же. Ф. 7. Оп. 1. Д. 367. Ч. 1. Л. 220 об.

[26] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 192. Ч. 1. Л. 72 об., 137 об., 181 об. – 182.

[27] *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: в 10 тт. Л., 1978. Т. 8. С. 213, прим. 15.

[28] РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. Д. 367. Ч. 1. Л. 127 об., 129 об.

Ф. Гришин («царь», 1766) надеялся на то, что Екатерина сделает его кавалером, а царём он станет «тогда, когда дождиотца своей лини(и)»[29]. Дворянин и офицер И. Опочинин («сын Елизаветы Петровны и английского короля»), действовавший в Устюжско-Железопольском уезде и Калуге, в 1769 г. собирался убить или свергнуть Екатерину II, возвести на трон её сына Павла и отстранить от власти Орловых[30]. Самозванец как-то заявил: «...Уж Голштиния мне отдана великим князем. Да и великой князь, как примет престол, то я при нём буду первым; а как он в здоровье своём слаб, то, может, и я буду императором, ибо по родству я имею право»[31]. Дворянин и чиновник А. Сытин, житель г. Галича, в 1776 г. заявил воеводе, «что Государыня Екатерина Алексеевна — его жена, и он, Сытин, с ней обвенчан, и что она ему принадлежит по всем правам, и чтоб он его, Сытина, тот же час отправил в Петербург к ней»[32].

Тем не менее, до 1780-х гг.в Петербург чаще всего воспринимался как временная резиденция «подлинного государя». Последний должен был пребывать в Москве и лишь гостить в Северной Пальмире. Данное представление у ряда лжемонархов подкреплялось уверенностью, что правящая царица добровольно поделится с ними властью.

Бродяга Т. Труженик — «царевич Алексей, сын Петра I и брат царевича Петра» (Л. Стародубцева), действовавший в 1732 г. в Тамбовском уезде, побудил многих крестьян к тому, что те начали готовиться к походу с ним на Москву. На предварительном следствии в Тамбовской провинциальной канцелярии самозванец «требовал, чтобы его отвезли в Москву к “сестре”, государыне императрице Анне Иоанновне. Только там, в императорском дворце, он и будет говорить»[33]. После отправки Т. Труженика в московскую Тайную контору по Тамбовщине поползли слухи, что он благополучно пребывает «в Москве и был де в Санкт-Питербурхе раза с три, и казаков де, которые ныне при нём, Труженик жалует, и набрал де себе голутбы ста з два»; «царевичь де Алексей Петровичь, которой был в Танбове под караулом и назывался Труженик,

[29] Там же. Оп. 2. Д. 2198. Л. 1–1 об.

[30] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 408. Л. 2 об., 8 об., 11 об.–15, 40 об., 50–51 об., 57–57 об.; Ф. 7. Оп. 2. Д. 2046. Ч. 2, кн. 2. Л. 91 об.–92 об.; Ф. 7. Оп. 2. Д. 2047. Ч. 1. Д. 1. Л. 180 об.; Д. 3. Л. 83 об.–85.

[31] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 408. Л. 9–9 об.

[32] Там же. Ф. 7. Оп. 2. Д. 2463. Л. 24 об.

[33] *Сахаров А.Н., Троицкий С.М.* Живые голоса истории. М., 1978. С. 150–151.

живёт ныне в Москве при государыне императрице, и прислан де от него в тот уезд к попу указ...»[34].

Под влиянием этих слухов Л. Стародубцев заявил жене: «Ожидаю де я из Москвы от брата своего, царевича Алексея Петровича, писма. Он де к Троицыну дни [в 1733 — 13 мая] не будет, а кончае будет к Петрову дни [29 июня]. А меня де хотя и в Москву возмут, и государыня де императрица от меня не отступитца — она де, государыня императрица, мне сестра двоюродная»[35]. Потом он, «приглася к себе товарыщев <...> хотел с ними итить в Москву к тому Труженику. А идучи в Москву, по городом призывать было ему, Стародубцову, к себе в товарыщи других, кто б к нему пристал, и с теми товарыщи в Москве хотел он, Стародубцов, сообщитца с <...> Тружеником для бунту — и хотели быть на царстве, а Ея Императорскому величеству быт бы с ними на царстве ж вместе. И о том де о всём с <...> своими товарыщи соглашались». Своих соратников лжецаревич заверял, что как только он приедет в Москву, императрица его узнает и поделится с ним властью[36].

И. Миницкий тоже наивно полагал, что «прямо будет признан он за царевича Алексея Петровича и будет принят к Ея Императорскому Величеству»[37]. «А по приходе де в Москву, ежели б де он, Иван, допущен к тому был, надеялся, что не пристанут ли ещё кто к нему <...> А из Москвы де хотел он, Иван, итить в Санкт-Питербурх и явитца Ея Императорскому Величеству, думая, что Ея Императорское Величество укажет быть ему при доме своём или куда определён будет, а злаго де умыслу никакова он не имел»[38]. После ареста самозванца по Украине прошёл слух, что он «в Санкт-Питербурхе и будет целым государем», а всех взятых по его делу скоро освободят[39].

В отдельных случаях (причём только при Екатерине II) самозванцы и их сторонники планировали военный поход на Москву и на Петербург для устрашения или даже свержения правящего монарха, после чего «истинный государь» должен был короноваться и жить в Москве.

В 1763 г. беглый рекрут И. Семилеткин, живший под личиной «Петра II Алексеевича» в Пошехонском лесу, поначалу хотел по-

---

[34] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 187. Л. 12 об., 22.

[35] Там же. Л. 26 об.

[36] Там же. Л. 12 об.–13, 66 об.

[37] Там же. Д. 192. Ч. 1. Л. 161.

[38] Там же. Л. 10, 157 об.

[39] Там же. Ч. 2. Л. 6 об.–7.

ехать в Петербург и представиться императрице[40]. Но вместо этого он послал письмо Екатерине II, где, назвавшись Петром II, «просил, чтоб дана была расколникам к волной записке свобода и ево б причислить в тот же раскол»[41]; «писал и то, что естли де с ним той милости <...> будет не зделано, то де он зберёт волницу и подёт боем»[42].

Бродяга Г. Кремнев («Пётр III», 1765), действовавший в Коротоякском уезде, вместе со своими сторонниками предполагал совершить поход по маршруту Воронеж — Москва — Петербург — Москва. Они собирались «присягу зделать, приехав в Воронеж, и послать в Москву и в Петербург о том, что бутто проявился Государь, разгласить, а потом ехать самим и там учинить то ж»[43]. Кроме того, «Кремнев говорил, что будет в Воронеже корону принимать и послал за полками»[4]4. Он обещал одному неофиту: «Я тебя возму с собою в Москву и не покину»[45].

Е. Пугачёв, только подняв мятеж (в конце 1773), планировал взять Оренбург, потом Казань, Москву и Петербург[46] или сразу двигаться по маршруту Оренбург — Москва — Петербург. При этом собирался Екатерину II сослать в монастырь[47]. В начале июля 1774 г. план самозванца был таков: овладев Казанью, «пройти в Москву и тамо воцариться и овладеть всем Российским государством». После отхода от Казани соратники напоминали Е. Пугачёву: «Время идти в Москву и принять престол!» Однако в ответ звучало: «Нет, детушки, нельзя! Потерпите! А когда будет, так и я сам без вашего зову пойду. Но я-де теперь намерен идти на Дон, — меня там некоторые знают и примут с радостью»[48].

У М. Ханина (тоже «Петра III»), действовавшего в окрестностях Царицына, первоначальный план (1779) был таким: идти на Москву, потом на Петербург, чтобы свергнуть царицу, посадить её в тюрьму, а «знатных всех особ перебить насмерть»[49]. Весной 1780 г. лжемонарх со своими сообщниками собирался поднять восстание

---

[40] Там же. Д. 403. Л. 13 об.

[41] Там же. Л. 13–13 об.

[42] Там же. Л. 36 об.

[43] Там же. Д. 402. Л. 8 об., 37 об., 172.

[44] Там же. Л. 9, 172 об., 187 об.

[45] Там же. Л. 12, 38 об.–39, 52 об., 59, 77–77 об.

[46] *Мавродин В.В.* Рождение новой России. Л., 1988. С. 401, 405–406.

[47] Емельян Пугачёв на следствии. М., 1997. С. 190, 215.

в Уральске, а уже потом «идти силою в город Москву и самый Петербург с тайным злодейством против высочайшей персоны»[50].

Судя по всему, после 1780 г. Москва как политический центр уже не конкурировала с Петербургом. В массовом сознании закрепилось мнение, что именно в Городе на Неве находится предназначенный «истинному государю» трон.

Бывший каторжник Н. Сенютин (1786, Воронежская губерния) «говорил, что он Санкт-Петербургской Пётр и имеет у себя шездесят полков; молитеся Богу, после девяти месяцов будите вы все свободны от своих господ, я де вас от того свобожу»[51]. Бродяга и «юрод» С. Петериков, тоже «Пётр III» (1796, Московская губерния), не оспаривал власти у Павла I. Он просто хотел перебраться в Стародуб, и перед отъездом в кругу почитателей «объявил себя Государем Петром Феодоровичем, но с таковым притом клятвенным им завещанием, чтоб им до времяни, когда Государь Император примет коронацию, онаго имя никому не сказывать: "Ежели де вы кому о сём скажите, то будет вам за то казнь"»[52].

Напротив, штаб-лекарь И. Родде, он же «сын Петра Великого» (1800, г. Вилейка) мечтал Павла I свергнуть. Он писал в Военную коллегию, чтобы она и Сенат признали его законным правителем России: «С получение[м] сего указа засадить Павла в цепах и виноватих в цепи, Павла ко мне прислать, привесть, при оном иметь старшого архирея, ко мне прислать...»[53].

Обратим внимание и на то, что глава скопцов К. Селиванов («Пётр III») в 1802–1820 гг. открыто проживал именно в Северной столице[54].

Таким образом, с 1780-х гг.в Петербург предстаёт уже в полном смысле главным городом страны — её безусловной столицей.

---

[48] *Мавродин В.В.* Указ. соч. С. 435, 438–439.

[49] РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 308. Ч. 3. Л. 11.

[50] *Юдин П.* К истории Пугачёвщины // Русский архив. 1896. Кн. 2. № 6. С. 181.

[51] РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 543. Л. 1 об.; Ф. 7. Оп. 2. Д. 2704. Л. 1 об., 3 об.

[52] Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 554. Л. 6 об., 13–13 об.; *Мельников П.И.* Материалы для истории хлыстовской и скопческой ересей... Б. м., б. г. Отд. 3. С. 20–21.

[53] РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. 3485. Л. 5.

[54] *Майнов В.Н.* Скопческий ересиарх Кондратий Селиванов // Исторический вестник. 1880. Т. 1. С. 762–773; *Дубровин Н.Ф.* Наши мистики-сектанты // Русская старина. 1895. Т. 84 (октябрь). С. 33–38; *Мельников П.И.* Указ. соч. Отд. 3. С. 41–43, 178, прим. 215.

С.А. Мезин (Саратов)

Дени Дидро о Петербурге и Москве

Знаменитый французский просветитель Дени Дидро (1713–1784) не был безусловным почитателем талантов Петра Великого. Он не разделял восторгов Вольтера по поводу гения царя — «творца новой нации». Философ ставил под сомнение и саму мысль о возможности «творения новой нации», и пользу трансплантации европейской культуры в Россию. Однако Дидро не был сторонником мнения Руссо о невозможности преобразований в России и скорой гибели созданной Петром империи. Философ не исключал постепенной «цивилизации» России и даже предлагал целую программу направленных на это конкретных действий. Он не отрицал здесь положительной роли просвещённого монарха, имея в виду Екатерину II. Вместе с тем Дидро строил свою концепцию «цивилизации» по контрасту с реальным историческим опытом России XVIII в., полагая, что петровские реформы заложили основы искусственной, ложной цивилизации России[1]. Заметим, что Дидро был единственным из корифеев Просвещения, кто побывал в России и, в частности, в Петербурге.

Одно из направлений критики Дидро петровских преобразований — критика Петербурга в роли столицы России. Впервые в скрытом виде скепсис философа в отношении русской столицы проявился в статье из Энциклопедии. Автором статьи «Петербург»[2] был Луи де Жокур, но Дидро — главный редактор Энциклопедии — разделял его взгляды.

---

[1] Сущность разработанной Дидро концепции «цивилизации» раскрыта в многочисленных работах французского исследователя Ж. Дюлака. Литературу вопроса и изложение концепции см.: *Мезин С.А.* Дени Дидро и возникновение концепции «цивилизации» России // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2012. Вып. 6. С. 46–56.

[2] Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers... A Neufchastel, 1765. T. 12. P. 463–464.

Автор сообщает, что основанный Петром в 1703 г. город был построен удивительно быстро — за шесть месяцев, причём в разгар войны. Петербург был создан по воле царя в крайне неудобном месте: «не мог выбрать худшего места». Основателя не останавливали многочисленные трудности и жертвы строительства: болотистая почва, удалённость от источников строительных материалов, эпидемические болезни, уносившие огромное число человеческих жизней. Этот «красивейший» город России, по словам автора статьи, лишь при поверхностном знакомстве может показаться красивым. На самом деле здания Петербурга построены плохо, из некачественных материалов, плохо содержатся и просто-напросто разрушаются. «Кто-то сказал, что в других местах здания разрушаются самостоятельно, но в Петербурге руины специально делаются. Жители вынуждены восстанавливать свои дома по несколько раз за жизнь, поскольку фундаменты на сваях совсем не прочны». Это суждение было позаимствовано Жокуром из «Писем о России» Ф. Альгаротти, который писал: «Не помню, кто именно сказал, что в других местах руины образуются сами собою, а здесь их возводят»[3].

Как база русского морского флота, — продолжает Жокур, — Петербург тоже очень неудобен: корабли гниют в пресной воде Невы, зимой залив надолго покрывается льдом, и корабли не могут выйти в море, наконец, западные ветры, которые здесь господствуют, постоянно мешают плаванию. Здесь энциклопедист также развивает идею Альгаротти, который подчёркивал отсутствие в России естественных условий для развития флота: «бесспорно, что страна, не имеющая большого количества торговых судов, никак не способна содержать много военных кораблей»[4]. Наводнения и пожары постоянно опустошают город, построенный в основном из дерева. Суровые зимы также осложняют городскую жизнь. Но все эти неудобства и огромные затраты не остановили царя Петра, который «находил удовольствие в том, чтобы побеждать трудности и насиловать (преодолевать) природу (forcer la nature)».

Обратим внимание на это «forcer la nature». Мы встречаем это выражение в «Письмах о России» Альгаротти, писавшего о страстном желании Петра I иметь военный флот вопреки природным не-

[3] (*Algarotti F.*) Lettres du comte Algarotti sur la Russie... Londres et Paris, 1769. P. 70. См. также: *Альгаротти Ф.* Русские путешествия. Письма о России. СПб., 2006. С. 72.

[4] (*Algarotti F.*) Lettres du comte Algarotti... P. 49.

удобствам: «Русские стараются, как могут, исправлять эти неудобства, можно сказать, что они почти преодолевают природу (ils forcent presque la nature)». Но эта идея ещё раньше была высказана Вольтером, восхищавшимся способностью русского реформатора «во всём преодолевать природу (forcer la nature en tout)»[5]. Дидро в дальнейшем будет разрабатывать свой план цивилизации России в противовес идее насилия над природой: нельзя побеждать природу, надо следовать её ходу, её законам[6]. «Следуйте постоянному ходу природы. Бесполезно было бы стараться уклониться от него. Вы увидите бесплодными ваши усилия и затраты; вы увидите всё погубленным вокруг вас. Вы окажетесь в том же состоянии варварства, из которого хотели выбраться; вы там останетесь до тех пор, пока обстоятельства не произведут из вашей собственной почвы местную культуру, рост которой можно ускорить с помощью иностранного просвещения. Не надейтесь на него и возделывайте собственную почву»[7], — напишет позже философ. Он будет часто возвращаться к мысли об искусственности, беспочвенности Петербурга, этого любимого детища Петра.

В энциклопедической статье «Москва», которая по объёму значительно уступает статье о Петербурге, можно усмотреть скрытое противопоставление старой и новой столицы. Москва находится в центре страны, Петербург — на окраине. Петербург — образцовый город веротерпимости: из 35 его церквей 5 — неправославные; Москва — центр православия, в котором никогда не смолкает колокольный звон. Хотя в обоих городах преобладают деревянные постройки, царь запретил каменное строительство в Москве, чтобы быстрее выстроить новую столицу, поэтому Москва «ежедневно приходит в упадок». Московские плохо вымощенные улицы «наполнены бро-

---

[5] *Voltaire*. Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand // Les oeuvres completes de Voltaire. Oxford, 1999. T. 47. P. 940; Idem. Histoire de Charles XII // Les oeuvres completes de Voltaire. Oxford, 1996. T. 4. P. 283.

[6] См.: Salon de 1765 // *Diderot*. Oeuvres complètes. Paris, 1984. T. XIV. P. 278; Salon de 1767 // Diderot. Oeuvres complètes. Paris, 1990. T. XVI. P. 308; (*Raynal G.-T.*) Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. Amsterdam, 1770. T. 2. P. 204–205; *Diderot*. Fragments politiques échappés du portfeuill d'un philosophe / Textes établis et présantés par G. Goggi. Paris, 2011. P. 164–175; см. также: *Diderot*. Oeuvres. T. III: Politique. Éd. L. Versini. Paris, 1995. P. 660–664; (*Raynal G.-T.*) Histoire philosophique et politique des établissements dans les deux Indes. Genêve, 1780. T. III. P. 167–178; T. X. P. 40–52.

[7] *Diderot*. Fragments politiques échappés du portfeuill d'un philosophe. P. 169–170.

дягами и нищими, которые грабят и убивают прохожих с наступлением темноты»[8].

Высказанные в Энциклопедии мысли о Петербурге будут подхвачены и развиты Дидро в серии его «русских» сочинений, Москва же останется для Дидро воплощением истинной России, городом, который философу не довелось увидеть и разгадать.

Примерно с 1765 г., когда Екатерина II приобрела у философа библиотеку и обеспечила ему безбедное будущее, Дидро начал уделять более пристальное внимание России и её столице. Он был посредником в приглашении в Петербург Э.-М. Фальконе. В парижском доме Дидро скульптор выполнил первый эскиз знаменитого памятника Петру I. Философ перед отъездом Фальконе из Парижа предложил ему идейную программу монумента, которую скульптор отчасти исполнил.

Петербург априори являлся для Дидро олицетворением искусственной, амбициозной и разорительной политики Петра I: «Петербург, который должен быть только полезным, на деле больше поглотил, чем обеспечил ресурсов стране, с тех пор как некстати стал столицей». За несколько лет до приезда в Россию (около 1770) Дидро считал необходимым для ускорения развития страны сократить значение Петербурга до простого порта и торгового склада и перенести двор внутрь страны[9].

В политических сочинениях Дидро ещё до его приезда в Петербург формируется концепция «цивилизации» России. Философ подходит к пониманию общественного развития как естественного, медленного, не допускающего скачков, детерминированного многими факторами процесса. Одно из звеньев его концепции — идея развития городов и третьего сословия в России, а также концентрации в городах экономически активного населения. По мнению Дидро, возникновение городов должно быть естественным следствием развития сельского хозяйства и ремёсел: «Во всём надо начинать с начала; начало — это приведение в действие ремёсел и низших классов. Научитесь возделывать землю, обрабатывать кожи, изготавливать шерстяные ткани, делать башмаки; и со временем у вас... появятся картины и статуи»[10]. Города должны вобрать в себя населе-

---

[8] Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers... A Neufchastel, 1765. T. 10. P. 751.

[9] (*Raynal G.-T.*) Histoire philosophique et politique des établissements et du commerce des Européens dans les deux Indes. Amsterdam, 1770. T. 2. P. 204–205.

[10] *Diderot*. Fragments politiques échappés du portfeuill d'un philosophe. P. 168.

ние, промышленность, богатство, стать местом развития третьего сословия. Богатство, дух свободы и конкуренция дадут толчок развитию искусства. Можно, конечно, — рассуждал Дидро, — открывать в Петербурге академии наук и художеств, можно посылать учеников к лучшим учителям Парижа и Рима. Однако после возвращения на родину эти таланты не находят применения, а их произведения — спроса[11]. Ибо цивилизация России идёт неверным, искусственным путём. В Петербурге имеются различные академии, наполненные иностранцами, — писал Дидро позже, — но чтобы таланты и знания могли процветать, необходим избыток местного населения. Но его не может быть в стране, где укоренилось рабство[12].

Во время пребывания в русской столице с 8 октября 1773 по 5 марта 1774 г. город не произвёл на Дидро благоприятного впечатления. Его личные наблюдения лишь подтвердили те сомнения в отношении невской столицы, которые он высказывал ранее. Дворцы и казармы, окруженные невзрачными, разбросанными по большому пространству домами простонародья, не соответствовали представлению философа о городе, призванном стать рассадником цивилизации. «Я не люблю одиноко стоящих дворцов; я люблю, когда они связаны множеством других частных жилищ»[13], — замечал он.

Если нельзя в скором времени перенести столицу в Москву, — говорил Дидро императрице, — «нельзя ли побольше заселить Петербург, сделать его более живым, более деятельным и торговым, присоединив к множеству изолированных дворцов частные дома?»[14] Философа поразил эфемерный характер городской жизни Петербурга. Он не увидел в нём настоящей экономической активности населения, не обнаружил обилия рабочего люда, которое так бросалось в глаза в Париже, славящемся своими каретниками, каменщиками, плотниками, канатчиками. Верный своим теоретическим взглядам Дидро советовал Екатерине сконцентрировать в Петербурге как можно больше ремесленного и торгового люда. Необходимо создать высокую концентрацию населения: «Поселите теснее ваших подданных и одним этим вы укрепите империю»[15]. Нужна конкуренция мастеров, тогда появление хороших мастеров и художников не заставит себя ждать. Как добиться притока населения

[11] Ibid. P. 172.

[12] *Diderot.* Oeuvres. T. III. P. 664.

[13] Ibid. P. 243.

[14] Ibid. P. 239.

[15] Ibid.

в столицу? Очень просто: освободить крестьян и постепенно сформировать из свободных людей третье сословие.

В своих беседах с императрицей Дидро не раз поднимал вопрос о переносе столицы из Петербурга в Москву. Одна из их бесед озаглавлена «О столице и о подлинном центре империи» (этот вариант названия отсутствует в русском переводе записок для Екатерины II[16]). Дидро рассуждает здесь о роли столицы. Столица ненасытна, — утверждает он. «Если она пожирает слишком много, то истощает все другие части (общества). Если она получает недостаточное питание, она становится слабой, и вслед за нею чахнут и другие»[17]. Функция столицы подобна функции сердца в организме: сердце получает и рассылает кровь, а столица получает и рассылает золото в обмен на всё, что удовлетворяет её прожорливость. Чуть ниже Дидро применяет это сравнение к Петербургу: «Столица на окраине империи словно животное, у которого сердце находится на кончике пальца или желудок на кончике большого пальца ноги»[18].

Сама столица ничего не должна производить, утверждает здесь Дидро и... противоречит сам себе. Ранее, в специальной беседе о Петербурге он доказывал, что столица обязана быть большим торговым и промышленным городом: тесное общение большого количества людей смягчает и цивилизует общество. Но в данном случае Дидро увлечён другими соображениями. Столица в центре государства обеспечивает лучшее развитие дорог (на чудовищное состояние русских дорог Дидро обратил внимание гораздо раньше Гоголя!). Столица должна притягивать и концентрировать население в центре страны. Её должна окружать целая сеть деревень, сёл, больших и малых городов.

Столица на окраине государства — фактор дополнительной военной опасности: нельзя постоянно ставить сердце под удар. Москва не только удалена от внешних врагов, но и расположена южнее, что также немаловажно.

Жизнь в Петербурге невыгодна для землевладельцев, которым приходится жить вдалеке от своих поместий. Учебные заведения и коллекции искусства способны принести в Москве гораздо больше пользы, чем в окраинном Петербурге. Смущал Дидро и космополи-

---

[16] Ibid. P. 310–319; ср.: *Дидро Д.* Собрание сочинений. Т. 10: Rossica. Произведения, относящиеся к России. М., 1947. С. 187–198.

[17] *Diderot.* Oeuvres. T. III. P. 314.

[18] *Denis Diderot*. Correspondance recueillie par G. Roth, établie et annotée par G. Roth et J. Varloot. Paris, 1966. Vol. XIII. P. 94; Diderot. Oeuvres. T. III. P. 314.

тический характер северной столицы, дурно влияющий на народные нравы.

Философ призывал Екатерину не жалеть о петербургских дворцах. «Я огорчён тем, что здесь столько больших зданий (дворцов), я хотел бы видеть здесь в десять раз больше хижин»[19], — восклицает он, вновь имея в виду, очевидно, неразвитость городской инфраструктуры, малочисленность рабочего люда.

Екатерина объясняла выбор северной столицы волей Петра I, который не любил Москву, ибо его там не любили. Это соображение Дидро считал преходящим, утратившим свою актуальность.

Наконец, убеждая Екатерину перенести столицу в Москву, Дидро высказывает ещё один смелый аргумент: тесное соседство дворцов и казарм в Петербурге чревато политическими переворотами, поскольку в России нет твёрдого порядка престолонаследования. В Москве следует разместить солдат среди мирных жителей и таким образом поставить войска под своеобразный общественный контроль.

Северная столица отнюдь не пленила Дидро своей красотой: «Петербург — это только двор: беспорядочное скопление дворцов и хижин, вельмож, окружённых крестьянами и поставщиками»[20]. Самый ухоженный и чистый город России того времени породил у Дидро, поражённого грязью на улицах и в жилищах, мысль о необходимости развивать в народе вкус к чистоплотности. Дидро считал, что чистоплотность нации воспитывается свободой[21].

В другом месте Дидро сделал для Екатерины набросок стоянки варваров: «Посмотрите на стоянку орды дикарей. Одна хижина здесь, а другая — там; без порядка, без продолжения, без связи. Представьте себе вместо хижин дворцы, и всё-таки картина останется прежней: перед вами будет нация, хотя и более могущественная и более благородная, но тем не менее варварская»[22]. В этих словах, конечно, содержался намек на Петербург, и более того, Дидро представил образ России после реформ Петра I как варварской, едва затронутой цивилизацией страны.

Прожив в Петербурге пять месяцев, Дидро не считал, что он узнал страну и народ. Он не хотел уподобляться тем путешественникам, которые (подобно Шаппу д'Отерошу) записывали поверхностные дорожные впечатления, не подозревая, что лгут. Философ

---

[19] *Diderot.* Oeuvres. T. III. P. 316.

[20] *Denis Diderot.* Corr. Paris, 1968. Vol. XIV. P. 72.

[21] *Diderot.* Oeuvres. T. III. P. 324–325.

[22] Ibid. P. 325.

признавался, что «не видел России». Он считал, что настоящую Россию можно было разглядеть в Москве, но упустил возможность съездить в Москву, о чём впоследствии сожалел[23].

Суждения Дидро о Петербурге могут показаться абстрактными, эмоциональными и противоречивыми. Французский философ отнюдь не был досужим путешественником, который описывает каждую улицу и каждый дом, и тем не менее, он уже до приезда много знал о России; поездка не изменила его представлений кардинальным образом. Он отнюдь не был обманут ласковым приёмом императрицы и предпринимал определённые шаги для сбора информации о России и её столице. «Я не пренебрегаю никакими усилиями, чтобы пополнять свои знания здесь»[24], — писал Дидро. В понимании Петербурга ему открылась немало истинного. Говоря о перспективах развития города и возможности перенесения столицы в *Москву, просветитель в скрытом виде обозначил главные условия успеха цивилизации в России: освобождение крестьян, формирование третьего сословия, ограничение деспотической власти монарха.

Мнение Дидро о Петербурге было близко А.В. Нарышкину, с которым философ ехал в одной карете из Голландии в Россию и в доме которого проживал во время пребывания в русской столице[25]. Не случайно в беседе с Екатериной II Дидро упомянул, что именно Нарышкин уподобил Петербург «сердцу на кончике пальца». Много позже, уже во время Французской революции, А.В. Нарышкин написал «Мысли о России», в которых отказался от либеральных идей молодости, но остался верен положениям Дидро о необходимости органического, постепенного развития общества и о преимуществах Москвы в качестве столицы[26].

Пожалуй, ещё более ярко влияние Дидро проявилось в суждениях о Петербурге в «Записке о древней и новой России» Н.М. Карамзина. Русский историк, осуждая царя за «основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осуж-

---

[23] *Denis Diderot*. Corr. Vol. XIV. P. 72.

[24] *Denis Dider*ot. Corr. Vol. XIII. P. 138.

[25] Не в доме Л.А. Нарышкина на Исаакиевской площади, о чём ошибочно сообщает мемориальная доска на нём, а в доме братьев Алексея и Семёна Васильевичей Нарышкиных, находившемся в приходе Владимирской церкви, на месте театра им. Ленсовета. См.: *Краснова Е.И.* Дидро в Петербурге. История одного поиска // История Петербурга. 2005. № 3 (25). С. 68–71.

[26] *Narychkine A.V.* Ressouvenirs sur la Russie. Riga, 1792. P. 22–24.

[27] *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 37.

дённых природою на бесплодие и недостаток»[27], скрытым образом цитирует отрывки Дидро из «Истории обеих Индий». Оба автора характеризуют деятельность реформатора как серию «блестящих ошибок» («brillantes erreurs»). Дидро предлагает «сделать из Петербурга, некстати ставшего столицей, только торговый склад и перенести двор внутрь страны»[28]. Карамзин рассуждает аналогично: Пётр «мог заложить на берегах Невы купеческий город для ввоза и вывоза товаров; но мысль утвердить там пребывание государей была, есть и будет вредною». Наконец, Карамзин, как и Дидро, выступает против идеи насилия над природой: «Человек не одолеет натуры!» Карамзин и Пушкин сделали мысль об искусственности Петербурга хрестоматийной.

История во многом подтвердила правоту Дидро и исправила ошибку Петра I: столица вернулась в Москву. Но поразительным образом остаются актуальными мысли Дидро о цивилизации России, о её идущей скачками модернизации, которая, по мнению философа, началась три столетия назад не самым удачным образом.

[28] (*Raynal G.-T.*) Histoire philosophique et politique des établissements dans les deux Indes. Genêve, 1780. T. III. P. 175.

К.Г. Исупов (Санкт-Петербург)

Столицы отечества: спор о приоритетах

«Москва/Петербург» — ведущая антитеза диалогического биецентризма русской культуры последних трёх столетий. Спор столиц отражён во множестве текстов, начиная с прозы Е. Дашковой, писем Екатерины II и обращённого к ней трактата кн. М.М. Щербатова «Прошение Москвы о забвении ея» (1787). Древняя столица, покинутая русскими государями ради новой, тяжело переживала это событие, но исконное кровнородственное мироощущение москвичей избавило их от возможного комплекса сиротства. «Языки» Москвы (далее: М.) и Петербурга (далее: П.) стали средством идеологической, литературной и художественной полемики. Патриотизм славянофилов (а позже — публицистика консерваторов и неонародников) окрасились в специфично московские интонации. Западники предпочли связать будущее России с европейской, т.е. петербургской, перспективой. М. стала живым музеем отечественной памяти, П. — тревожащим душу источником грозных перемен. В М. ездили за покоем и душевным комфортом, за отдыхом, в П. — делать дела (эти роли порой менялись). Дерево М. и камень П. на какое-то время стали полярными архитектурными символами русского зодчества и стилей жизни.

Амбициозная мифологема «Москва – Третий Рим» (с непременным дополнением: «и Четвёртому не быть!») и сегодня предстает в архитектурно- пластическом выражении.

Самые важные тексты, отражающие диалог столиц в XIX в., принадлежат В.Ф. Одоевскому (1835), Н.Б. Герсеванову (1939), М.Н. Загоскину (1841), А.И. Герцену (1842), Н.В. Гоголю (1844), В.Г. Белинскому (1844), А.А. Григорьеву (1847), Н.А. Мельгунову (1847), И.И. Панаеву (1840), К.С. Аксакову (1856), Ф.Ф. Вигелю (1859),

А.С. Хомякову (1859), И.Г. Прыжову (1861), П.Д. Боборыкину (1881), В.М. Гаршину (1882), Н.П. Аксакову (1886).

Почвенная изначальность стихийно растущей М. традиционно противостоит в мире ценностей русской культуры городу, воздвигнутому наперекор здравому смыслу — сплошь искусственному, рационально организованному П. Антитеза органического и неорганического, в контексте которой разворачивается диалог столиц, отразилась в описаниях города на Неве. Ведущим элементом петербургского мифа стала апокалиптика. Репутация П. как Града беззакония связана с восприятием Петра I как Антихриста, подменного царя и государя-самозванца. Чем чаще припоминали москвичи о М. — Третьем Риме, тем бульший ужас внушала с дьявольской помощью из ничего возникшая новая столица, грозившая обернуться Римом Четвёртым.

В борьбе за «римские» приоритеты М. обрела новую мифологию — контексты «Города-Феникса», в которых осмыслялась после 1812 г. послепожарная столица. Восставшая из пепла М. на долгое время приковала внимание всего мира, как отметил Герцен в памфлете «Москва и Петербург» (опубл. в 1859). Тему «М.-Феникс» обыгрывали К. Аксаков, Вл. Бенедиктов, Н. Языков, а также Дж. Байрон. Образ Града Несгораемого достиг и XX в. (Вяч. Иванов). Контрастным фоном для М.-Феникса послужила петербургская мифология Града Обречённого, осложнённая ещё одним ценностным стереотипом мирового города, в котором П. осмысляется как носитель «цивилизации» и, стало быть, как энтропийный оборотень «культуры». Это — «Город-Вавилон». Образ Вавилона в раннюю пору диалога столиц не сразу находит «свою» смысловую корреспонденцию (см. стихи Ф. Иванова). Сцепления Вавилона с М. встречаются и позднее (М. Лермонтов), но со временем многоязычный и суетливый П. всё более прочно связывается с судьбой наказанного за свою гордыню и рассеянного по земле грешного библейского города (Быт. 11, 1–9). «Роскошным Вавилоном» назвал его А. Бестужев-Марлинский; для Н. Огарева П. — «Новый Вавилон»; сходные интонации — у Герцена.

Цивилизаторский энтузиазм Новой Столицы был воспринят апокалиптически. «Цивилизации», — записал Ф. Достоевский на принадлежащем ему экземпляре «Откровения» Иоанна Богослова. Город-цивилизатор в ожидании Страшного Суда — таков П. Достоевского, таков же он у Н. Языкова. Картины разрушения некоей древней столицы даны в мистерии В. Печерина, которую автор назвал «языческим Апокалипсисом». Образ Града Обречённого сводит в себе символы Страшного Суда и конца света, Четвёртого Рима и Вавилона.

В XX в. пророчества о скорой гибели столицы вновь вошли в моду. Действительность вокруг горожанина начала века зазвучала голосами Апокалипсиса (В. Розанов, А. Кручёных, Б. Савинков, В. Брюсов, А. Блок). Фальконетов монумент — центральный символ Града Обречённого — слился в сознании носителей катастрофического мироощущения со Всадником из «Откровения». Градостроительная математика города на Неве традиционно противостоит здесь «кривому» пространству М. В городе Петра торжествует в своём мироустроительном начале Число-Логос. Но П. — Город-оборотень, поэтому и числа его (древние знаки совершенства и порядка) обратились у Е. Иванова в свою противоположность — в символ энтропийного, на грани безумия живущего города.

На этом фоне усилилась партия М., её голос начинает звучать в тонах утешения и надежды. Город почвенного обетования и национальной жизнестойкости в противовес беспочвенной и безосновной гордыне Северной Пальмиры — такова М. в философском мемуаре Б. Эйхенбаума, в эссе П. Муратова, В. Тана-Богораза). Реставрируются старые контрасты столиц: о М. говорят как о разнородно-органическом существе, о П. — как об однородно-отчуждённой каменной пустыне, о М. — в интонациях нежности и благодарения, о П.– как о мучительной любви. Всё более определённо П. осознаётся как Город-Жертва, каменный каприз, воздвигнутый на зыбкой стихии.

XX в. приносит мистериальное восприятие Северной столицы: Пётр I обретает черты Космократора, Нева — безликой стихии Хаоса, архитектурная громада Города — картины единократного мирового зодчества, в замысле которого — погубить всякую малую частность. Из П. правил Империей Пётр-Антихрист, потому столица осталась вечным топосом власти Князя Тьмы и его зловещих вестников, — так полагают Д. Мережковский, Д. Аркин, авторы сб. «Петербург и Москва» (1918).

Эмиграция увезла с собой петербургскую апокалиптику. Когда для зарубежной печати большевистская Россия утвердилась в качестве факта, П. припомнили его грех европеизма. Вновь, как в памфлетах XIX в., на первый план выходит антитеза Города и страны (Ф. Степун). Для Г. Федотова П. также есть «Рим», и потому он воссоздаёт картину киевско — азийско — западной Империи, соединившей в своих географических и исторических горизонтах духовный опыт и государственность рас-антиподов, племён-родичей, наций-врагов и наций-друзей. Результатом этого синтеза, полагает Г. Федотов, стало формирование в России культурных центров более азиатских, чем сама Азия (М.), и более европейских, чем сама

Европа (П.). Пусть Святая София Киевская, полагает философ, напомнит об утраченной чистоте греческого православия и спасет нас как от гордого национального самодавления (М.), так и от латинского цивилизаторства (П.). Модному в эмигрантских кругах апокалипсису культуры противостоит Е. Замятин, исторический оптимизм которого окрашен внутренним сомнением; тем отчётливее звучит в его прозе пассеистическая нота. На позиции пассеизма стоят В. Вейдле и архим. К. Зайцев. Страх и ужас перед будущим преодолеваются в историческом катарсисе.

Петербургский Апокалипсис, как и судьба святой московской земли, не завершены: они стали для нас живой эсхатологией надежды. Душа М. и гений П., образовавшие двуголосие и внутренне напряжённый диалог русской национальной культуры, стоят теперь на пороге новых голосовых инициатив[1].

---

[1] **Тексты:** *Анциферов Н.П.* 1) Душа Петербурга, 1922; 2) Петербург Достоевского, 1923; 3) Быль и миф Петербурга, 1924; *Аркин Д.* Град Обречённый, 1917; *Бестужев-Марлинский А.А.* Подражание первой сатире Буало, 1819; *Вейдле В.В.* Петербургские пророчества, 1939; *Герцен А.И.* Москва и Петербург (опубл. в 1859); *Зайцев К.И.* В сумерках культуры, 1921; *Замятин Е.* Москва-Петербург, 1933 (опубл. в 1963); *Зозуля Е.* Гибнущие ризы, 1918; *Иванов Евг.* Всадник. Нечто о городе Петербурге, 1906; *Иванов Вяч. И.* Москва, 1906; *Иванов Ф.* На разрушение Москвы, 1812; *Лермонтов М.Ю.* Панорама Москвы, 1833–1834; *Лукаш И.* 1) Невский проспект, 1918; 2) Сны Петра, 1931; Мережковский Д.С. «Быть Петербургу пусту...», 1908; Москва и Петербург. Сб. статей. 1918; *Муратов П.П.* Красота Москвы, 1917; *Огарев Н.П.* Забытье, 1862; *Печерин В.С.* Торжество Смерти, 1833; *Потапенко И.* Пруклятый город, 1918; Степун Ф.А. Николай Переслегин, 1929; *Тан (Д. Богораз).* Чрево Москвы, 1922; *Федотов Г.П.* Три столицы, 1929; *Щербатов М.М.* Прошение Москвы о забвении ея, 1787; *Эйхенбаум Б.М.* Душа Москвы, 1917; *Языков Н.Я.* Мой Апокалипсис, 1825.

Исследования: *Артемьева Т.В.* Философия «московская» и «петербургская» // Метафилософия, или Философская рефлексия в пространстве традиций и новаций. СПб., 1998. С. 318–329; Метафизика Петербурга. СПб., 1993; Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 1. СПб., 1994; Петербург как феномен культуры. СПб., 1994; Москва / Петербург: pro et contra. Диалог столиц в истории национального самосознания / Сост., вступ. ст., комм., библ. К.Г. Исупова. СПб., 2000; Проблема «Москва–Петербург в русской культуре». Исследования, публицистика, мемуары конца XVIII – начала XX в. / Сост. И.Л. Беленький // Россия и современный мир, 1993. № 3. С. 242–253; № 4. 322–321; *Смирнов С.Б.* Петербург–Москва. Сумма истории. СПб., 2000; *Спивак Л.Д.* Метафизика Петербурга: Начала и основания. СПб., 2003; *Classen C. J.* Die Stadt im Spiegel der Descriptiones und Landes urbium in der antiken und mittelalterlichen Literatur bis zum Ende des zwoelften Jahrhunderts. Hildesheim; New York, 1980. – 128 S.; Nordost-Archiv: Nordost-Institut, Luneburg, 2003. Bd. XI.

Г.Л. Тульчинский (Санкт-Петербург)

Санкт-Петербург — город-инноватор России

Санкт-Петербург — с самого возникновения — город-идея, которая пропитывает всю российскую историю уже более трёх столетий. Речь идёт о стремлении к разумному обустройству российской жизни. Город-жест, «демоверсия» петровских реформ, с их ставкой на освоение передовых практик, науку, образование, формирование новой элиты.

Город-презентация: «Европы в России» и «России для Европы» одновременно. Пиар-бург, столица российского пиара: императора-основателя, императриц и трёх революций, нынешних либерал-реформаторов и коммунофундаменталистов, нашистов и политтехнологий «чёрного пиара».

Однако утрата статуса имперской столицы и последующая история породили ситуацию «означающих без означаемых». Город перестаёт быть «городом для» чего-то, становится самодостаточным знаком самого себя. «Означающие без означаемых» порождают его современное значение и смысл.

В сухом остатке бывшей имперской столицы остался город — символ общечеловеческой Культуры, несущий в себе мощное духовное начало, поэтику просветлённого состояния духа, торжества разума, особой красоты рационального устройства жизни и энергии преображения; схем властной воли и антигуманного насилия; культуры просвещенной аристократии и особого аристократизма культуры; испытания личности, высшего напряжения сил — интеллектуальных, нравственных, просто человеческих, переживания существования как наваждения, заглядывания в иные миры, поиска и надежды на обретение спасения; порыва к лучшей жизни и траги-

ческой участи интеллигенции; мужества и героической стойкости жителей города; классицизма и авангарда, модерна и постмодерна.

Санкт-Петербург с его надэтничностью, надконфессиональностью, многокультурием, с его атмосферой рациональности — и инфернальности, имперскости — и экзистенциальности, интересом к маленькому человеку и судьбам державы, с его напряжениями и противостояниями естественной и культурной среды — по самой своей сути — город-инноватор — духовный, интеллектуальный и организационный центр преобразования практически всех сфер российского общества, инициатор и проводник (транслятор) практически всех модернизаций российского общества, экономики, промышленности, политики, науки, образования, искусства...

А главным фактором и результатом модернизации всегда является определённый человеческий капитал, определённый тип личности. Действительно, любые серьёзные реформы предполагают ставку на освоение передовых практик — заимствование этого опыта у других, обучение ему своих, в т.ч. за рубежом, приглашение «учителей» и носителей этого опыта к себе. А это означает также ставку на науку и образование. В результате возникает, формируется, выходит на ведущие позиции новая элита — люди с длинными мыслями, открывающие новые горизонты и пути к ним.

Наверное, именно в этом и заключается историческая роль Санкт-Петербурга. Само основание Петром Великим Санкт-Петербурга было символическим жестом утверждения новых устоев российской жизни, ориентированных на «плоды просвещения», представленные в западноевропейской культуре. И результаты ***интенсивной рецепции рационализма Просвещения*** не замедлили сказаться.

В технических заимствованиях, в хозяйственной деятельности, в политической жизни, в военном деле результаты были достаточно быстры. Петровские реформы востребовали и явили обществу целую плеяду ярких личностей разных сословий, предоставили инициативным людям невиданные ранее в России возможности самореализации.

По известным словам А.И. Герцена, «русский народ в ответ на царский приказ образоваться ответил через 100 лет громадным явлением Пушкина». Не случайно ярчайший период в развитии культуры города носит название «Пушкинского Петербурга», который отнюдь не заканчивается со смертью великого поэта.

Не менее ярким результатом петровских реформ стали декабристы — молодые офицеры, т.е. представители самого образованного тогда слоя общества, большинство из которых имело опыт победо-

носной войны 1812 г., поколение победителей, поивших своих коней в Сене, прошедших всю Европу и своими глазами видевших разумное обустройство жизни.

Поразительно, но к личностям декабристов как персонифицированным образцам восходят практически все направления последующего российского революционно-демократического движения: к Бестужевым — реформаторство, к Батенькову — либерализм, к Пестелю — большевистское якобинство, к Каховскому — тираноборческий терроризм, к Якубовичу — азефовщина.

В 1810–1820-х гг. Санкт-Петербург был центром свободомыслия в России. 14 декабря 1825 г. всё разом и катастрофически рухнуло. Николаевский Петербург стал символом реакционного деспотизма, бюрократического ханжества, великодержавного шовинизма — ситуация, несколько напоминающая нынешнюю.

Основание и развитие Санкт-Петербурга породило новый для России тип личности — ***просвещенного аристократа-дворянина*** как первого российского интеллигента. Однако представляется, что дело несколько глубже и интереснее. Петербург с его противоречивостью, культурной полифонией перманентной диалогичности не мог не породить двойственный — «двуполюсный» — феномен. Речь идёт о двух ***персонологических векторах***, чутко уловленных А.С. Пушкиным в «Медном всаднике» — о противостоянии «медного истукана» (бездушного и антигуманного имперского величия) и «бедного Евгения» (простого «маленького» человека), нашедшего в себе силы для духовного протеста. Пушкиным, похоже, был обнаружен и архетипический для российской интеллигенции жест: грозить власти «ужо тебе!», а самому бежать к Параше.

Так или иначе, но именно в Петербурге была сформулирована тема трагедии маленького человека, с которой великая русская литература вошла в мировую литературу в творчестве Гоголя и Достоевского. Наверное, только в культуре этого города, в его материальной среде могла дать такие неожиданные и своеобразные плоды рецепция романтизма — ещё одного побега культуры Просвещения.

Следующий этап в развитии петербургской культуры неспроста получил название «Петербурга Достоевского». Речь идёт о формировании типа ***«разночинца-интеллигента»***. Но и в этом случае, думается, ситуация не столь однозначно определенная.

Во-первых, конечно же, «разночинцы-евгении» всё более вытесняли дворянство на периферию общественной жизни. Но важно учитывать то, что на этот очевидный социологический факт пришлась следующая волна влияния западноевропейской обществен-

ной мысли и её интенсивного восприятия в России. Речь идёт о ***рецепции позитивизма***, обернувшейся на Руси феноменом ***«нигилизма»***. Воистину — что русскому хорошо, то немцу — смерть! И наоборот. Книги О. Конта, Ч. Спенсера, Д.С. Милля, И. Бентама были восприняты как ответы на предельные вопросы, как руководства к активным действиям. Ф.М. Достоевскому удалось наиболее точно изобразить (в «Преступлении и наказании», «Бесах») плоды этой рецепции, приведшие к террору народовольцев и эсеров, охоте за царём-освободителем, событиям 1905–1907 гг. и, в конечном счёте, — к краху интеллигенции в 1917–1918 гг.

Во-вторых, был ещё «Серебряный век», период расцвета верхнего, «парникового» слоя российской имперской культуры культур. С его активными духовными поисками, когда Д.С. Мережковский писал, что Ветхий Завет открыл нам Бога как истину, Новый Завет — истину как любовь, грядущий Завет откроет любовь как свободу.

Таким образом, в-третьих, и на этом этапе мы имеем раздвоение личности ***на интеллигента-разночинца-революционера и интеллигента имперской культуры культур***. Между ними шёл интенсивный диалог, иногда — в сознании отдельных личностей. Достаточно в этой связи вспомнить ницшеанца М. Горького и А. Блока, призывавшего «слушать музыку революции». Чем это закончилось — слишком хорошо известно.

Следующий — советский — этап привёл к формированию третьего типа питерского интеллигента. Если говорить о динамике духовной культуры, то и в этом случае мы имеем дело с плодами рецепции западноевропейского рационализма. В данном случае — в лице ***марксизма***.

Революция, гражданская война, индустриализация породили ***советского интеллигента*** «в первом поколении» — детей рабочих, крестьян, служащих, получивших более-менее серьёзное образование. Крах старой питерской интеллигенции, сохранившейся от «Серебряного века», ярко описан в творчестве К. Вагинова, М. Зощенко.

Все эти на первых порах «шариковы», а тем более — их дети, получая образование, были вынуждены как-то относиться к культурно-историческому наследию, обильно представленному в бывшей имперской столице.

Тем временем сложился свой образ Ленинграда, связанный с революцией, первой советской столицей, центром индустриализации, блокадой, «кузницей кадров»... Этот образ был уже не так целостен и ярок, как образ Санкт-Петербурга — имперской столицы, определяющий сердцевину питерской культуры.

Но именно в советское время сложился миф о Ленинграде и ленинградцах как носителях и хранителях высокой культуры, противостоящей политико-идеологическому официозу.

На самом деле — и это главное — продолжилась биполярность питерской персонологии. С одной стороны — упомянутая ленинградская интеллигенция, с другой — продолжатели линии «Серебряного века», на какое-то время ушедшие в «параллельную независимую культуру» (И. Бродский, В. Кривулин, А. Битов, Н. Катерли).

Однако жизнь продолжается. В этом городе культура «сама собой получается» — по крайней мере, получалась до самого последнего времени. Самиздат, независимые машинописные журналы, театры-студии, рок-клуб и т.д. в Питере всегда были самыми многочисленными и продвинутыми в стране. Возможно, срабатывала ландшафтно-климатически-архитектурная среда, её напряжения и парадоксы. Недаром именно отсюда исходили одновременно импульсы как новой культуры, демократии, экономического и духовного обновления, так и консерватизма, большевистского фундаментализма, национал-коммунизма и «нашизма».

Прорубленное Петром в Санкт-Петербурге «окно в Европу» способствовало нескольким волнам влияния западноевропейского рационализма. Каждый персонологический тип порождён очередной волной европейского влияния, был рецепцией этой прививки и ответом на неё.

Ускоренно интенсивное переживание этих рецепций (то, что в Европе последовательно накапливалось столетиями, в Петербурге реализовывалось единовременно) способствовало формированию личностных типов, не свойственных российской духовной культуре. Не случайно главной почвой возникновения интеллигенции как специфического феномена российской культуры стал «отдельный», «умышленный» Петербург, а не «родовая» Москва.

Однако конец 1990-х — начало 2000-х наводят на грустные мысли. Не исчерпана ли критическая масса культурного потенциала, необходимая для специфического персоногенеза в Петербурге? Не растрачен ли уровень, на который этот потенциал был поднят в пушкинскую эпоху?

Нельзя не обратить внимание на систематическое снижение культурной планки. Тенденция от петровской эпохи к раздвоению на евгениев-да-акакий-акакиевичей и аристократию, крах последней и раздвоение образованного разночинства на революционеров-демократов и гиппиус-мережковских, крах последних и раздвоение петроградцев-ленинградцев на зощенковских и вагиновских персо-

нажей, продолжение полуподпольного существования последних на фоне формирования образованщины — слишком очевидна и убедительна. Амплитуда маятника российской культуры, широко раскаченного Петром, уменьшалась и уменьшалась. В наши дни маятник почти встал. Неужели миссия Санкт-Петербурга в России выполнена? Или эта функция всё более переходит Москве, а Санкт-Петербург становится только хранителем традиции поиска нового, не бывшего, но желающего стать?

Крах и несостоятельность петербургского демократического движения, деградация административной элиты только подтверждают эту тенденцию. Мультикультурный город стал родиной русского нацизма.

Хотя... Питер — парадоксальный город. А парадокс Санкт-Петербурга и питерской культуры заключается в том, что имперский по своей сути город оказывается противостоящим неким глубинным основам российско-советской империи. Думается, где-то здесь и проходит главный нерв петербургской культуры, только нащупав который и можно говорить о нынешних её перспективах.

Санкт-Петербург — город-мечта России о новой, светлой, разумно устроенной жизни, более того, место, где утопии имеют склонность к реализации. Проект Петра I завершён, но можно, тем не менее, говорить о новой петербургской идее, дающей новые импульсы историческому развитию России. В основании, в становлении, в революциях, в блокаде Санкт-Петербург был и остаётся Городом, испытанием России, испытанием физических и нравственных сил, синонимом культуры вообще — как истока, процесса и результата этого испытания. Которое продолжается.

ОСНОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СЕВЕРНОЙ СТОЛИЦЫ

Е.В. Анисимов (Санкт-Петербург)

Петербург — блестящая ошибка Петра?

Название этого доклада — раскавыченная цитата из книги великого историка Николая Михайловича Карамзина «Записка о древней и новой России» (1811). Только в подлинной цитате никакого вопроса нет, Карамзин не сомневался: «Утаим ли от себя ещё одну блестящую ошибку Петра Великого? Разумею основание новой столицы на северном крае государства, среди зыбей болотных, в местах, осуждённых породою на бесплодие и недостаток»[1].

При этом Карамзин, как многие другие (включая и меня), с пиететом относился к личности Петра и его деяниям. Величие его замыслов, мечта сделать Россию европейской страной, ввести её в ойкумену западной цивилизации, перестроить жизнь страны на началах разума, воспитать нового русского человека — всё это признаётся безусловной заслугой Петра. Но в каждом деле есть другая сторона, и её, вслед за Михаилом Щербатовым в XVIII в., заметил Карамзин.

Известно, что если умный человек высказывает очевидную нелепицу, не следует сразу же осуждать его, необходимо пройти по следу его мысли, оценить аргументы и, быть может, мысль его не покажется такой уж нелепой. В самом деле, признаем, вслед за Карамзиным, что место для основания города и столицы выбрано крайне неудачно. Природное расположение Петербурга — предмет беспокойства десятка поколений петербуржцев. Жизненные центры города расположены не просто в низине, не просто на берегу Невы, а возле настоящего водного Везувия, готового в любой момент, за

[1] *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношениях // Пётр Великий: pro et contra. СПб., 2001. С. 104.

несколько часов, обрушить на город тысячи тонн воды и при высоте более 4 метров стереть его с лица земли. По шведским источникам известно, что за 12 лет до основания Петербурга, в 1691 г. было катастрофическое наводнение, когда вода достигала уровня 7,62 метров. И хотя в эту цифру слабо верится, даже половина этой высоты выше ординара при столь низких тогда берегах устрашает. Об этом, затевая стройку по Неве гораздо ниже возвышенных Песков, Пётр знал, но проигнорировал это, и как только город был основан, с августа 1703 г. началась череда наводнений, число которых до прошлого 2011 г. достигло трёх сотен.

В 1706 г. Нева залила и самого Петра. В письме Александру Меншикову он сообщал: «Третьего дни ветром вест-зюйд-вест такую воду нагнало, какой, сказывают, не бывало. У меня в хоромах было сверху пола 21 дюйм (53 см — *Е.А.*)... И зело было утешно смотреть, что люди по кровлям и по деревьям, будто во время потопа, сидели... Вода, хотя и зело велика была, беды большой не сделала»[2]. Ну, конечно, царю-то что — ему смешно было смотреть на горожан, спасающихся на крышах и деревьях, зато по другим источникам известно, что приносило петербуржцам даже небольшое, без человеческих жертв наводнение: затопленные лавки, склады и особенно погреба с продуктами, испорченные вещи и мебель в жилых помещения (представьте себе свою комнату, и в ней на полметра воды!), унесённые водой суда, дрова, заготовленный для стройки лес, погибшие в хлевах и стойлах домашние животные. Даже рыба, найденная после спада воды в самых неожиданных местах, понесённых убытков никак не оправдывала. А впереди было ещё три Великих наводнения 1777, 1824, 1924 гг. Не случайно в художественной литературе петербургского периода господствует эсхатологизм, мрачная предопределённость судьбы нашего города.

И только осенью прошлого, 2011 года, миллионы петербуржцев не испытали привычного беспокойства, когда вода в Неве стала подниматься — сработала наша Дамба (а сколько лет мы считали её «Панамой»!), и ворота защитных сооружений впервые закрылись и защитили город от наводнений. По этой причине 28 ноября 2011 г. — поистине историческая дата, стоящая в одном ряду с важнейшими датами в истории Петербурга. А ведь до этого более 300 лет город висел над бездной. Здесь нельзя не вспомнить министра по чрезвычайным ситуациям С.К. Шойгу, который в ответ на вопрос, как он относится к Петру, ответил вопросом: «Как можно относиться к государ-

[2] ПиБ. Т. 4. Ч. 1. СПб., 1900. С. 368.

ственному деятелю, поместившему свою столицу в столь природоопасной зоне?»

Вот как раз это обстоятельство и является, как писали в XVIII в., «точкой прешкоды». Никто не возражал и не возражает, что на устье Невы России нужно было встать «твёрдою ногой», основать крепости, словом, «запереть устье каменным замком», построить морской порт, базу флота. Более того, можно было построить город, такой, как Таганрог, Севастополь, Одесса, Николаев, но зачем переносить сюда столицу? Карамзин писал: «Ещё не имея ни Риги, ни Ревеля (торговых городов — *Е.А.*), он мог заложить на берегах Невы купеческий город для ввоза и вывоза товаров; но мысль утвердить там пребывание государей была, есть и будет вредною. Сколько людей погибло, сколько миллионов и трудов употреблено для приведения в действо сего намерения? Можно сказать, что Петербург основан на слезах и трупах. Иноземный путешественник, въезжая в государство, ищет столицы, обыкновенно, среди мест плодоноснейших, благоприятнейших для жизни и здравия; в России он видит прекрасные равнины, обогащённые всеми дарами природы, осенённые липовыми, дубовыми рощами, пресекаемые реками судоходными, коих берега живописны для зрения, и где в климате умеренном благорастворённый воздух способствует долголетию, — видит и, с сожалением оставляя сии прекрасные страны за собою, въезжает в пески, в болота, в песчаные леса сосновые, где царствует бедность, уныние, болезни. Там обитают государи российские, с величайшим усилием домогаясь, чтобы их царедворцы и стража не умирали голодом и чтобы ежегодная убыль в жителях наполнялась новыми пришельцами, новыми жертвами преждевременной смерти! Человек не одолеет натуры!»[3]

Иной может поморщиться в стиле министра и историка Мединского — опять про мифические жертвы, злопыхательство иностранцев! Увы, сохранившиеся факты свидетельствуют, что, особенно в начальный период стройки, число больных и умерших работников достигало четверти, а то и половины пригнанных партий. По моим подсчётам, за 15 лет царствования Петра на стройке работали не менее 500 тысяч человек. Уморить из них каждого пятого, в условиях тяжелейшей земляной работы на болоте в холодной воде, жизни в подтапливаемых водой лачугах или землянках, не составляло, так сказать, труда: дизентерия, цинга и что самое скверное — «горячка», регулярно посещавшие город эпидемии гриппа. Много лет спустя, в

[3] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 104.

1782 г., современник писал из Петербурга: «У нас такая нездоровая и сырая зима, что умерло бесчисленное множество людей всех сословий»[4]. О петербургской погоде не говорим: выходя осенью на улицу, часто вспоминаю слова из Подённого журнала Меншикова: «День мразен, с пасморным движением облак, шол (дождь) с перемешкою снег»[5]. Пётр относился к этим потерям как к должным, люди для него были кирпичиками, материалом, из которого он возводил город.

Теперь рассмотрим, как строился город. Ничего подобного ранее в России не было, строительство на почвах дельты Невы было делом чрезвычайно сложным, затратным. Нужно было во многих местах осушать землю, подсыпки земли привели к возвышению территорий города на метры (до 6–8 м). Но главное — сваи. Их забивали под всякое сооружение, причём порой не по периметру, а сплошь. Так, здание Двенадцати коллегий стоит на «острове свай», массиве из 3786 6–12 метровых свай6. Поверх свай и между ними укладывали синюю, водонепроницаемую глину, фашины, засыпали гравий и битый камень и только после этого клали фундамент дома. Истинно египетская работа! При этом весь материал привозной: лес, камень, песок. В архиве мне попалась смета о поставке на одну из строек 20 тысяч брёвен с указанием точных параметров. Я попросил инженеров обсчитать объёмы. Оказалось, это 62 тысячи кубометров леса, на перевозку которых потребовалось бы 1040 современных вагонов[7]. И так на стройках города было повсеместно.

У Петра первоначально не было чёткого плана застройки города, потом его планы стали меняться. Изначально общего представления о современном Петербурге при Петре не было. В некотором смысле город развивался стихийно. Вначале он застраивался на будущей Петроградской стороне, потом Пётр решил перенести его на остров Котлин, затем было решено перенести центр города на Васильевский остров. Одновременно активно развивался город на Адмиралтейском острове, где селились кораблестроители, морские пехотинцы и прочие, не желавшие перебираться на острова, в межсезонье отрезанные от материка ледоставом и ледоходом. Естественным образом заселялась Московская сторона, где жили ямщики и солда-

---

[4] *Пикар.* Письма к князю Куракину // Русская старина. 1870. Вып. 4. С. 49.

[5] Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова // Российский архив. М., 2000. Т. 10. С. 277–278.

[6] *Анисимов Е.В.* Юный град. СПб., 2003. С. 132.

[7] Там же. С. 120.

ты гвардейских полков. Пётр же гнул линию на «морскую столицу», выдвинутую в море (отсюда и фантастическая идея построить столицу на Котлине). По этой причине город поражала истинная чума переселений, особенно жёстоко гнали людей с неправильной, стихийно застраиваемой Адмиралтейской стороны. Царскими указами, под угрозой разрушения от людей, только что с немалыми трудами построившими дом, требовали перенести его на Васильевский остров. Для многих это было подлинное несчастье, разорение.

Ну, да ладно! Город с величайшим трудом построили, на берега Невы почти из каждого русского города начали гнать жителей, ставших против своей воли петербуржцами. Но, вслед за Карамзиным, воскликнем: зачем сюда переносить столицу? Не достаточно ли ограничиться крепостью, фортами, военным портом, базой флота, наконец?

Впрочем, с переносом столицы до сих пор нет никакой ясности. Прежде всего, Москва полностью не утратила статуса столицы, стала второй, «старой» столицей. Её традиционное значение главного города Московии долгое время сохранялось и даже было подтверждено сохранением церемонии коронации в Успенском соборе Кремля. Поэтому было бы правильнее говорить о переносе на берега Невы резиденции монарха, хотя здесь возникает отдельная проблема соотношения столицы и резиденции.

Как бы то ни было, ни специального указа, ни конкретных указаний Петра о переезде столицы-резиденции на берега Невы не сохранилось — думаю, что такого указа или распоряжения и не было. Всё произошло как бы естественным образом. Если мы встанем относительно переноса столицы на современную точку зрения, то обычно выделяют следующие атрибуты: переселение двора, переезд иностранных посольств, перевод государственных учреждений (правительства, суда). И здесь — в двух случаях из трёх — мы не можем дать точного ответа. Во-первых, переезд двора фактически произошёл сразу же — Пётр в 1703 г. поселился на берегах Невы, чуть позже обзавёлся семьёй, в 1708 г. перевёз в новый город других родственников. Правда, некоторые из них потом вернулись в Москву и окончательно обосновались в Петербурге лишь в 1710 г. Во-вторых, установить столичность Петербурга по факту переезда посольств также невозможно. Пётр был совершенно равнодушен к букве дипломатического протокола: первое иностранное посольство (турецкое) он принял в Петербурге в 1704 г., где были устроены «Посольские хоромы», в других случаях он принимал верительные грамоты посланников в самых разных местах, иностранные послы сопровождали его

в походах, ездили в обозе. Наконец, в-третьих, достоверно известно, что в 1712 г. в Петербург переехал Правительствующий Сенат, который был учреждён в 1711 г. в Москве и признавался царём главным законодательно-судебным органом. Пётр официально представлял его в указах как коллективного регента государства на время поездок государя по стране и за рубежом. Эта дата — 1712 год — и стала в науке и в традиции основанием для датировки переноса столицы. Но и здесь нет чёткой определённости, а именно — отсутствует указ или что-то подобное о переезде Сената из Москвы в Петербург. Есть упоминание о том, что, начиная с 16 января 1712 г., Пётр и приехавшие с ним из Москвы в Петербург сенаторы проводили заседания о мерах по улучшению снабжения армии. И, наконец, в официальной «Гистории Свейской войны», написанной в 1720-х гг., сказано определённо, что 14 апреля 1712 г. в Петербург прибыли «несколько сенаторских персон. И с того времени сенатори жить и **сенаторское правителство началось быть в Санкт-Питербурхе**»[8]. Именно эта фраза, а главное — реальное присутствие Сената в Петербурге, которое можно наблюдать по рассылаемым им из Петербурга указам[9], и позволило большинству историков, а также официальным властям России считать 1712 г. датой переноса столицы из Москвы в Санкт-Петербург. Это наиболее реальная, обоснованная фактической обстановкой в то время, дата.

Почти сразу же стало ясно, что вынесенная на границу столица находится в чрезвычайно уязвимом геополитическом положении. Она оказалась оторванной от основной России, коммуникации в виде бездорожья и опасного для плавания Ладожского озера были страшно растянуты, трудны и даже опасны, завоз продуктов, стройматериалов поначалу был настоящей проблемой. Известно, что скот на мясо месяцами гнали даже из Украины! Только постепенно торговые пути под сильнейшим давлением власти стали поворачиваться на Петербург (к этому добавим резкое ограничение архангелогородской торговли), вокруг него начала возникать минимальная аграрная инфраструктура, но всё равно прокормить стотысячный город было тогда очень сложно.

---

[8] Гистория Свейской войны. М., 2004. Ч. 1. С. 379–380.

[9] Важно отметить, что в сознании современников столица – прежде всего, место, где находится в данный момент государь. Если он был за пределами Москвы, то в делопроизводстве тогдашних приказов и канцелярий отмечалось, что «государь пребывает в походе». Так было как раз до 1712 г., после которого эта фраза из документов исчезает. Более чем десятилетний «поход» завершился, государь вернулся (в данном случае – переехал) в столицу.

Ещё хуже выглядела внешняя сторона местоположения столицы. По мысли Петра, от врага её должны были защищать форты, крепости, а главное — флот. Но многие знают, что с флотом произошло сто лет спустя после Петра, в ночь на 7 ноября 1824 г. — за несколько часов он был сметён наводнением и ветром, превращён в беспорядочное месиво поломанных мачт и корпусов. Уязвимость столицы, даже если флот был в порядке, ощущалась постоянно. Так, начав в 1788 г. войну против России, шведский король Густав III обещал высадить десант на Дворцовой набережной. И это не было пустое хвастовство — как раз в это время обе русские армии находились в Северном Причерноморье, Екатерине пришлось собрать в город все инвалидные команды и вооружать местных жителей (памятник в Рыбацком об этом). 6 июля 1788 г. она со страхом наблюдала, как дрожат окна Зимнего дворца от пушечных залпов морского сражения у острова Гогланд, в непосредственной близости от столицы. А какое унижение испытал император Николай I, этот «жандарм Европы», который в 1854 г. из Александрии видел стоящий в Финском заливе англо-французский флот и ничего не мог с ним поделать.

Карл Маркс в своё время писал, что местоположение русской столицы на расстоянии пушечного выстрела от неприятеля обрекло потомков Петра на непрерывные имперские завоевания в этом районе с тем, чтобы столица, в конце концов, оказалась бы на безопасном удалении от границы. Действительно, дальнейшая история с завоеваниями Финляндии, Прибалтики, Восточной Пруссии, со стремлением подчинить и ослабить балтийские страны укладывается в эту концепцию удаления границ и потенциальных противников от столицы. Но одно дело концепция, желание, а другое — реальность. Иногда с ужасом думаешь, что было бы в 1941 г., если бы Ленинград остался столицей СССР?

Оценив всё это, неизбежно задумываешься, что же было причиной столь экстравагантного поступка Петра, зачем вопреки в целом ему присущей рациональности он перенёс сюда, на эти топкие берега столицу? «Назло надменному соседу»? Пушкин был отчасти прав — король Карл XII был совершенно бескомпромиссен и не в грош не ставил Петра, для царя сохранить за собой устье Невы стало принципом. Но главное — другое: явление Петербурга как столицы стало естественным продолжением довольно печальной, даже трагической истории Петра, ненавидевшего Москву, где его политическое и физическое существование в детстве и юности, учитывая острую борьбу кланов, подвергалось риску. В столице предков ему было страшно и душно — недаром позже он никогда не жил в Москве в Кремле,

только в Преображенском. И эту ненависть к Москве — символу своего несчастного детства и тревожной юности — он пронёс через всю жизнь. А здесь, в мае 1703 г., на берегу этой реки, он вдруг нашёл то желанное для каждого человека место, где мог бы поселиться навсегда. Здесь, вдали от ненавистных бояр, Москвы, старых страхов, тяжких воспоминаний он нашёл свою «малую родину» и сразу же велел срубить дом в желанном для него «голландском» стиле, основал свой «Новый Амстердам» и зажил впервые так, как ему хотелось. Он стал называть свой убогий тогда поселок «парадизом», раем, даже своей столицей (первое упоминание в 1704 г.). Он страстно любил свой городок и как только мог старался вырваться в Петербург. Вот что делает с человеком внезапно нагрянувшее чувство! Ну, остальное приложилось само собой — флот, адмиралтейство, Летний сад, дома. На берега погнали каторжников, работные бригады из разных городов, началась невиданная для России стройка. А как тут чувствовали себя люди — было для Петра, как вообще для всех правителей России, дело второе: мол, ничего, приспособятся, а вымрут — бабы новых нарожают. Как тут не вспомнить Мицкевича, писавшего, что Пётр построил себе столицу, «но не город людям».

Прошлого не изменишь, так уж получилось, недаром Карамзин завершает свой пассаж словами: ошибки Петра «трудно или невозможно изгладить — как хорошее, так и худое делает он навеки. Сильною рукою дано новое движение России, мы уже не возвратимся к старине!»[10]

[10] *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 104.

Д.Ю. Гузевич, **И.Д. Гузевич** (Париж)

Петербург как зримый принцип «новой территории»: основная модель петровских изменений[1]

Два вопроса, которые уже почти три столетия задаёт себе Россия: Что собой представляли петровские преобразования? Какой термин надо подобрать, чтобы он отражал реалии?

Если резюмировать в современной терминологии дискуссии за последние 300 лет, то получится триада: «Революция – Реформа – Эволюция». Это, одновременно, и три сценария действа под общим названием «Пётр I и Россия», правда, сильно осложнённые их этическими оценками по принципу: «хорошо – плохо», «полезно – вредно» и т.п. Оставив в стороне этику, попробуем разобраться с главной проблемой, которая перед ней стоит.

Первый, ***революционный сценарий***, по определению, подразумевает коренную ломку, а то и уничтожение старого здания и возведение на этом месте нового: «...разрушим до основанья, а затем мы наш, мы новый мир построим». Это универсальная поэтическая формула революции. До воплощения второй части формулы в ходе революций добирались не всегда, но первую, как правило, осуществлять успевали. Именно поэтому в первую группу сценариев войдут не только те, в которых с восторгом описывается петровская революция, но и те, в которых она описывается в терминологии катастроф, начиная с почтенного П.Н. Милюкова, который, не будучи ни экономистом, ни демографом, допустил грубейшие ошибки в расчётах

[1] Ввиду ограниченного объёма статьи, ссылки даны лишь при цитировании, а также на источники, которые содержат богатую библиографию по рассматриваемым вопросам. От ссылок на справочную литературу и интернетовские статьи, легко находимые по ключевым словам, пришлось отказаться.

и пришёл к выводу, что за петровскую эпоху численность населения России сократилось на 20%, а налоговое бремя выросло в три раза. Это из области ошибок великих. В результате, несмотря на очевидный непрофессионализм подсчётов, полученные цифры повторяются уже целое столетие. Ну, а исследования, которые их опровергают (начиная с работ М. Клочкова 1911 г., выявившего, что население не уменьшилось, а выросло на 20%, и С.Г. Струмилина 1959 г., показавшего, что тяжесть обложения снизилась на 15%, и объяснившего, как это произошло[2]), сторонники катастрофического сценария стараются не замечать. На IV Конгрессе Петровских городов прозвучал доклад Е. Андреевой «Цена Петербурга: развенчание мифа о "городе на костях"», где рассматривалась версия этого мифа на пространстве Петербурга. Заметим, что почти полвека назад к выводу о крайне низкой смертности рабочих на петербургских заводах артиллерийского ведомства (литейных и пороховых) в петровскую эпоху (и это несмотря на тяжёлые условия труда), пришла Л.Н. Семенова[3]. Примеры можно множить, тем не менее, миф упорно возвращается.

К революционному сценарию относятся все определения, данные Петру из «крайних» и эпатажных групп: тут и бердяевский «большевик на троне», и волошинский «первый большевик», и «царь-революционер», и «Антихрист», вплоть до антитезы «Пётр Великий — "чудо" или "чудовище"». Касательно действий: «петровская революция», «Великий Петровский перелом» и т.п.

В целом группа сторонников революционного сценария хотя и достаточно шумна (особенно ныне в Интернете), но и по численности, и по глубине проработки значительно уступает сторонникам более спокойного ***сценария реформ***, пусть кардинальных, но реформ. Само слово определяет действие по перестройке уже существующего здания. Не слом, а реконструкцию, придание ему другой формы. К этой группе относится большинство исследователей, публицистов, писателей, занимающихся петровской эпохой. Тем не менее, эту позицию постоянно атакуют как слева, так и справа, что свидетельствует о неполноте предлагаемой «реформистами» картины.

---

[2] *Струмилин С.Г.* К вопросу об экономике петровской эпохи // Полтава: К 250-летию Полтавского сражения: Сб. ст. М., 1959. С. 179–189. Сама дискуссия с богатой библиографией по вопросу разобрана в книге: *Баггер Ханс.* Реформы Петра Великого: Обзор исследований / Пер. с датского, послесл. В.Е. Возгрина; примеч. А.Н. Медушевского. М., 1985. С. 116–117.

[3] *Семёнова Л.Н.* Рабочие петербургских заводов артиллерийского ведомства в первой половине XVIII в. // Исследования по истории феодально-крепостнической России: Сб. ст. М.; Л., 1964. С. 69–115.

Ну, и наконец, третий сценарий, который лишь условно можно назвать ***эволюционным*** или (по П.Н. Милюкову) органическим. Другие термины будут ещё хуже. Его разрабатывает весьма малочисленная группа, чьими героями являются царь Фёдор Алексеевич, царевна Софья, князь Василий Голицын, братья Лихуды, их оппонент Сильвестр Медведев и иные деятели конца 1670-х – 1680-х гг. Впрочем, среди авторов находятся и критики вроде М.Н. Покровского, ни к кому из правящей династии не питающие симпатий. Они в разной степени отказывают Петру в оригинальности, утверждая, что он всё запорол и испортил, что изменения – медленные, эволюционные, органичные для России, были начаты правительством Софьи Алексеевны, а то и Фёдора Алексеевича или возникли к концу XVII в. независимо от них, по объективным условиям. Многие из указанных изменений, по мнению одной части этих авторов, продолжались всю петровскую эпоху, а по мнению другой части, Пётр привёл все начинания к краху.

Конечно, деление на указанные три группы очень условное и грубое, к тому же на них накладывается упомянутая решётка этических оценок. Тем не менее, оно даёт общее представление о ситуации бесконечных, не имеющих решения дискуссий. С этой точки зрения удручающее впечатление производит книга «Пётр Великий: Pro et contra»[4]: собранные под одной обложкой аргументы сторонников и противников Петра создают впечатление дурной бесконечности или полного тупика, что, впрочем, одно и то же.

Исследователи по-разному выходят из этой ситуации. Так, обнаружив абсолютную бесплодность этих споров, Е.В. Анисимов в мае 2011 г. провёл в Париже семинар-спектакль под условным названием «Прощание с концептуальной историей», где замечательным образом показал: справедливы доводы обеих сторон, что никак не влияет на справедливость доводов оппонентов. Дискуссия, а в данном случае концептуальная история, оказалась в тупике.

Подчёркиваем: ***аргументы каждой группы в целом обоснованы, отражают реалии, но не опровергают аргументов других групп***.

Вспоминается притча: два еврея заспорили и обратились к рабби бен Лазару. Тот выслушал одного и объявил «Ты прав», выслушал второго и говорит ему: «Ты прав». Тогда его ученик спрашивает:

[4] Пётр Великий: Pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Предисл. Д.К. Бурлаки, Л.В. Полякова, А.А. Кара-Мурзы. СПб., 2003. 1024 с. В сборнике имеются цитаты из работ представителей всех трёх упомянутых нами групп.

«Как же так, рабби, и один прав, и другой прав. Такого не может быть». «И ты прав», – ответил рабби. Притча кажется абсурдной, но перед нами очень похожая на неё ситуация в историографии, длящаяся уже третье столетие.

Есть ли в истории аналоги, которые могли бы объяснить причину подобной ситуации? Есть. Всем известные со школьной скамьи апории Зенона, выдвинутые им почти 2,5 тысячи лет назад, в том числе знаменитая «Ахиллес и черепаха», гласящая: «Быстроногий Ахиллес никогда не догонит неторопливую черепаху, если в начале движения черепаха находится впереди Ахиллеса». Вроде, всё верно, все правы, а решения нет – логика не работает. И только с появлением исчисления бесконечно малых, т.е. с XVII–XVIII вв., стало понятно, что эта апория показывает принципиальную невозможность описать движение методами элементарной математики. То есть, не подходил язык, ибо математика – это язык. Требовались иные термины, отражающие иные реалии.

А что, если в петровской историографии мы имеем дело с такой же ситуацией? Давайте попробуем, не используя терминов революции, реформ, эволюции, рассмотреть механизмы петровских действий.

Для начала определимся: никто из спорящих не отрицает, что в эпоху Петра в России произошли некоторые изменения, которые будем называть «петровскими изменениями». Из других терминов наиболее нейтральный – термин «преобразования». Однако, используя его, следует помнить, что это паллиатив, ибо он представляет русскую кальку с термина «реформа», разве что не очень идеологически нагруженную.

Рассмотрим для примера несколько главных изменений.

Ярчайший символ «большевика на троне» – картина В.И. Сурикова «Утро стрелецкой казни». Пётр рубит головы участникам мятежа (на картине он, правда, целомудренно показан на коне, а не у плахи) и уничтожает стрелецкое войско. Н.Н. Молчанов в своих книгах договорился даже до того, что, когда в 1699 г. принималось решение о войне со Швецией, «Россия <...> вообще практически не имела армии, поскольку Петру пришлось ликвидировать стрелецкие полки»[5]. В действительности же из 20 полков московских стрельцов были «скасованы» (расформированы) лишь те, которые находи-

[5] *Молчанов Н.Н.* Пётр I. М., 2003. С. 15. Фактически, 5-е издание, но под другим названием, работы Молчанова «Дипломатия Петра Первого» или «Дипломатия Петра Великого», содержащих то же ошибочное утверждение.

лись в Москве. Остальные, хотя и назывались московскими, квартировали в других городах и репрессиями затронуты не были, не говоря о 29 полках «немосковских» стрельцов и множестве мелких гарнизонов из городовых стрельцов. К тому же стрельцы составляли лишь часть пехоты. Первый набор 1699 г. для её пополнения составил 32 тыс. человек, а только 4 полка новой организации, которые не переформировывались – Преображенский, Семёновский, Первомосковский и Бутырский, имели общую численность в 28 тыс. человек.

Стрелецкие полки на окраинах были сохранены, их численность даже увеличилась за счет части бывших «москвичей», ибо последние направлялись не в солдаты, а оставались стрельцами. Солдатские же полки формировались на новом месте из новых людей и существовали параллельно со стрелецкими.

Вот у нас и вырвалось: «новое место».

Более того, Пётр и в дальнейшем продолжал формировать стрелецкое войско. Так, только в 1701–1703 гг. было сформировано и переформировано 6 московских и 6 псковских стрелецких полков, а также 5 полков в Курске; они принимали участие в боевых действиях, несли гарнизонную службу. Стрельцы участвовали в Прутском походе 1711 г., большинство московских полков просуществовало до 1713 г. Окончательно процесс ликвидации стрелецкого войска завершился лишь в середине 1720-х гг., к моменту смерти Петра I, чего не скажешь про городовых стрельцов, которые просуществовали до 1727–1728 гг. и несли не только сторожевую, но и полицейскую службу до появления полиции, а кое-где в качестве «служилых людей старых служб» сохранялись ещё в эпоху Елизаветы Петровны[6].

Просто стрельцы после бунта 1698 г. перестали быть основой армии, да, собственно, и не могли ею быть. Пётр создавал регулярную армию. А стрельцы представляли собой постоянное, но не регулярное войско. Ну, так в российской армии нерегулярные части существовали ещё два столетия и были упразднены лишь в советское время после Гражданской войны (хотя и возродились в Великую Отечественную войну в виде партизан и ополчения).

Так что же, уничтожил Пётр стрелецкое войско, создав на его месте регулярную армию? Нет. Реформировал стрелецкие полки в регулярную армию? Нет. Медленно их развивал и улучшал с тем,

[6] Подробнее см., в т.ч. библиографию и архивные источники: ***Рабинович М.Д.*** Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. Т. 58. 1956. С. 273–305.

чтобы они со временем безболезненно вошли в эту армию? Тоже нет. Он их просто маргинализировал, создав на новом месте, параллельно им, полки регулярной армии и экипажи регулярного флота, сохранив за стрельцами вспомогательные, сторожевые и полицейские функции, которые они выполняли и ранее.

Возьмём другую реформу – алфавита. В московском государстве практически не публиковалось светской литературы, за полтора столетия допетровского книгопечатания было опубликовано лишь две такие книги. В 1647–1649 гг. – воинский устав на основе книги Иоганна Якоби фон Вальхаузена: «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей»[7] (да и то часть книги печаталась в Голландии), а в 1650 г. – основной закон Московского государства – Соборное уложение 1649 г.

Старая кириллица в глазах русского человека была священной. «Лишь слово Божие достойно тиснения». А Петру необходима была светская (в терминологии тех лет – «гражданская») литература: техническая, военная, публицистическая, учебная. Но при её издании он столкнулся с сильнейшим внутренним сопротивлением, которое поначалу пытался обойти печатанием с 1698 г. книг за рубежом (знаменитые привилегии Тессингу и Избранту, деятельность Ильи Копиевича)[8]. Результат оказался ничтожным: такая работа оказалась не под силу нескольким человекам, не обладавшим ни властью, ни деньгами. И тогда в 1707–1708 гг. был создан гражданский алфавит. Первой набранной им книгой была «Геометриа славенски землемерие»[9]. Была ли при этом отменена старая азбука, как это произошло в Турции в 1928 г., когда при переходе на латиницу арабский алфавит был вычеркнут из употребления, или в ряде постсоветских республик, когда переход на латиницу либо уничтожил предыдущую графическую память языка (Молдавия – в 1989, Азербайджан – в 1991), либо ещё уничтожит, если старые указы (Туркмения – 1992, Узбекистан в 1993) окончательно войдут в жизнь? От-

---

[7] *Вальхаузен И.* Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. [М.], 1-26.8.1647/7155. [225] с. (На титуле: 7157 = 1649); *Зернова А.С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках: Сводный каталог. М., 1958. С. 66, 147–148.

[8] Описание и критику многочисленных публикаций на эту тему см. в нашей работе (по именному указателю): *Гузевич Д., Гузевич И.* Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006 . СПб., 2008. 911 с.

[9] Геометриа славенски землемерие Издадеся новотипографским тиснением <...>. М., 7216 = 1708. [2], 4, 3–233, [10] с., [1], 122 л.

нюдь нет. Пространство духовных текстов, для которых использовалась старая кириллица, осталось тем же. Более того, этой литературы в петровскую эпоху было издано гораздо больше, чем в допетровскую. К тому же вытеснение кириллицы из светской печати произошло не сразу – она применялась ещё в конце царствования Анны Иоанновны, а о запрещении и речи не было. Память старославянского языка сохранилась, как и корни современного, а на основе новой графики стал развиваться новый русский литературный язык, которого раньше не было. И тем не менее, кириллица всё-таки была маргинализирована, ибо основной (не по количеству, а по значению) литературой, публиковавшейся государством в петровскую эпоху, была светская. И территория «гражданской», или светской, литературы была новой по отношению к территории богослужебной и богословской литературы. Так и сохранилось параллельное существование этих миров на столетия.

И последний знаковый пример: смена высшего органа власти. Была Боярская дума, стал Правительствующий Сенат. Что, Боярская дума была уничтожена или реформирована (преобразована) в Сенат, как то пишут в литературе? Ни то, ни другое – нет таких петровских указов. А может, она медленно эволюционировала в сторону Сената? Отнюдь. Просто с рубежа веков перестали раздаваться думские чины, и Боярская дума перестала собираться, хотя её никто не отменял, и Петр продолжал советоваться с теми же боярами в узком формате Ближней канцелярии, упоминаемой в 1704 г. Ну и за десять с лишним лет Дума просто тихо скончалась путём естественной убыли – люди-то там были немолодые.

С начала XVIII в. зафиксировано лишь четыре случая пожалования боярского звания. Пётр наградил им П.М. Апраксина, Ю.Ф. Шаховского и П.И. Бутурлина. Последним русским боярином стал С.П. Нелединский-Мелецкий, пожалованный в 1725 г. Екатериной I. Последним долгожителем, обладавшим боярским званием, был И.Ю. Трубецкой, который умер 27 января 1750 г.

Ну, а Сенат был создан указом от 22 февраля 1711 г.[10] не вместо Думы (она в указе даже не упоминается), а на новой территории. Даже географически. Хотя до 1714 г. Сенат в основном заседал в Москве (лишь иногда в Петербурге), но с 1714 г. окончательно перебрался на новую территорию. И вообще принцип «непроизвод-

[10] ПСЗ. Т. 4. № 2321: Об учреждении Правитествущаго Сената <...>, от 22 февраля 1711 г. С. 627.

ства в старые чины», которые при этом никто не отменял, привёл к тому, что когда в 1722 г. вводился Табель о рангах, официально даже не вставал вопрос о соответствии старых московских чинов новым рангам, ибо носители их за два десятилетия после последних производств или вымерли, или получили новые, или были переименованы по должности (что характерно для низших, канцелярских чинов). Последний носитель звания стольника – Василий Фёдорович Салтыков, брат царицы Прасковьи Фёдоровны. Долгое время он предпочитал это звание петровским чинам, но смирился с ними при возвращении на службу при Анне Иоанновне, хотя с гордостью продолжал именовать себя «стольником». Умер он в 1751 г., при Елизавете Петровне, которую помог возвести на престол.

По этой же модели шло реформирование приказов, во всяком случае, вначале. Первой перестройкой (на которую мало кто обращает внимания), выполненной по этой схеме, было преобразование Посольского приказа весной 1699 г. Поскольку приказ во главе с боярином Л.К. Нарышкиным и думным дьяком Е.И. Украинцевым оказался не в состоянии решать вставшие вопросы (что выявилось во время миссии дьяка К.Н. Нефимонова в Вену 1695–1697, Великого посольства 1697–1698 и Карловицкого конгресса 1698–1699), Украинцева, после трёх недель опалы, назначили послом в Константинополь, de jure не отставляя с поста. Нарышкин тихо исчез, а все дела, под предлогом отъезда Петра в Воронеж, передали новой структуре – походной канцелярии, которой заведовал Н.М. Зотов. Не будем углубляться в эту реформу, которая описана в нашей книге о Великом посольстве[11]. Для нас сейчас главное, что она была едва ли не первой, проведённой по принципу «нового места»: никто не отменял никаких чинов, должностей и структур, просто параллельно была создана новая организация, которая взяла на себя часть их функций.

Итак, принцип изменений ясен. Уже на данном этапе объяснений очевидна принципиальная нерешаемость споров, с описания которых мы начали наш доклад. В состоянии российского социума, государственной машины, градостроительства, искусства каждый может найти аргументы, удобные для своей точки зрения, но они не опровергают другую сторону, а сосуществуют с ней. Иногда на протяжении одного-двух десятилетий (как со стрельцами), иногда на протяжении целого поколения (как с чинами), а иногда на протяже-

[11] *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008. С. 134–139.

нии столетий, как с алфавитом. Другой не менее «зрительный» пример – введение европейского костюма для одних сословий и сохранение традиционного костюма – для других. Это параллельное существование буквально раскололо нацию: две группы сословий, одетых в разные костюмы, напоминают два субэтноса, чему способствует и различие в языке, связанное с франко-русским двуязычием высших слоев общества.

К сожалению, принцип «новой территории» до сих пор не рассматривался как основа для особого типа изменений, за исключением одного случая, впрочем, считавшимся нетипичным. Скорее, символическим. Мы имеем в виду появление новой столицы – Петербурга.

Москва – замкнутый на себя организм. Её «genius loci» («дух местности») не только не помогал движению в Европу, но отчаянно ему сопротивлялся. Для того, что задумал Пётр, – даже не задумал, а только ещё предчувствовал, – требовалась новая местность, свободная от старых традиций.

Нельзя сказать, что место было выбрано сразу – первоначально примерялись южные земли. На конгрессе на эту тему был доклад П.А. Авакова «Азов и Троицкий как исторические предтечи Санкт-Петербурга». Лишь со сменой главного вектора политики с южного на северное встал вопрос об Ингерманландии. Да и то не сразу, окончательно – лишь после Прутского поражения в 1711 г.

Петровское изменение под названием «две столицы» можно признать безупречным по всем параметрам: это и новая территория, и её новое наполнение: от строительных объектов до новых государственных институтов, от «больших технических систем» (флот, фортификация, мануфактуры) до жителей. И национальная, и социальная, и профессиональная, и демографическая ситуации в Питере той эпохи не были характерны для других российских городов. О семиотике – костюм, жильё, водное пространство, – мы не говорим. Дух местности, тот самый, «genius loci», – другой.

Ко всему прочему описанное изменение осуществлялось так плавно, что мы до сих пор точно не знаем, когда Петербург стал столицей. Был частный парадиз царя Петра. И вдруг – столица. На конгрессе прозвучал доклад А.Л. Пунина, пытавшегося реконструировать этот процесс. Однако никакого специального указа Петра не было. И Москва никуда не делась, осталась столицей – первопрестольной, хотя и второй по значению. Так и просуществовали параллельно две столицы, иногда меняясь местами. Их непростые взаимоотношения суть иллюстрация отношений между старой, сохра-

няемой, но маргинализируемой территорией, и новой, свободной от традиций – и в прямом, и в переносном смысле этого слова. Ведь никому не придёт в голову сказать, что Москва была реформирована, преобразована или реорганизована в Петербург? Или, что она была разрушена, а на её месте воздвигнут Петербург. Но ***заменена*** в качестве первой столицы – да. А ведь в отношении Боярской думы даже в справочниках пишут, что она была преобразована в Сенат. И про стрелецкое войско – что оно было уничтожено, а на его месте создана армия. Хотя на самом деле перед нами изменения другого типа. Просто в тех случаях, когда маргинализируемая система быстро исчезает или становится неразличимой в туннеле времени, мы склонны называть это изменение реформой или революцией. Но Москва – она стоит.

Итак, петровские преобразования в своей массе – это не революция, не реформы и не эволюция, а изменения четвёртого типа по принципу ***новой территории***, при котором старые формы не превращаются в новые, а долгое время, а то и в течение всей видимой истории, сосуществуют с ними параллельно. Потому-то проблема в используемой ныне терминологии и не решается. Ну, а Петербург является не только символом, но и квинтэссенцией петровских изменений.

П.Е. Сорокин (Санкт-Петербург)

Петербург до Петербурга и юбилей российской государственности

Невский регион, занимающий важное геополитическое положение, на протяжении столетий был вовлечён в общеевропейские исторические процессы. В средневековье, когда по Неве проходили торговые пути «из варяг в греки» и «...в арабы», в устье Невы останавливались проходившие здесь суда. Об этом свидетельствуют обнаруженные здесь клады с арабскими и западноевропейскими серебряными монетами VIII–XI вв. и торговые договоры Новгорода и городов Ганзейского союза, заключённые в XIII–XIV столетиях. Здесь же размещалась морская стража земли Ижорской, контролировавшая продвижение по водному пути и защищавшая купцов от нападений разбойников. Согласно письменным источникам, бассейн Невы был заселён в это время финским племенем ижора, находившимся в зависимости от Новгорода. Эти земли на протяжении столетий были и полем брани, где русские войска отстаивали свободный выход в Балтику от шведских вторжений. В ряду этих сражений: Невская битва 1240 г. в устье реки Ижоры, сражение за Ландскрону в 1300–1301 ггг. на реке Охте и ряд других, менее известных военных столкновений.

После основания крепости Орешек в XIV в. побережье Невы начинает интенсивно осваиваться русским и ижорским населением. В результате земледельческой колонизации в последующие столетия здесь формируется развитая поселенческая структура, включавшая погосты, сёла и деревни, которые были связаны между собой и с административными центрами водными и сухопутными дорогами. В XV–XVI вв. поселения в устье Невы включаются в международную торговлю, вследствие чего в устье Охты возникает протогородской центр. В 1521 г. в шведском документе упомянут располагавший-

ся здесь город Ниен, в русских документах XVI в. это поселение носит название Невское устье. В 1611 г. по приказу шведского короля в устье Охты была сооружена крепость Ниеншанц. В XVII в. под прикрытием этой крепости на правом берегу Охты стоял город Ниен, населённый шведами, немцами, финнами и русскими. В его центре, в окружении усадеб горожан располагались: ратуша, шведская и немецкая церкви, школа, порт и торговая площадь (*илл. 1*). Русская церковь находилась на противоположном берегу Невы в селе Спасском. В начале Северной войны 1 мая 1703 г. русские войска взяли Ниеншанц, что стало преддверием основания Петербурга, открывшего новую эпоху в истории Приневья. Однако факты свидетельствуют о том, что город возник не на пустом месте и унаследовал многое из того, что было создано в прошлом. Так, в первые свои годы Петербург занимал Заячий остров, южную половину Петроградского и северную часть Адмиралтейского островов, а также Стрелку Васильевского острова, перекрывая территории самых крупных населённых пунктов, существовавших здесь с позднесредневекового времени. Далее городская территория простиралась вдоль берегов Невы, до устья Охты, на освоенных ранее, свободных от леса, сухих территориях, где также раньше существовало несколько поселений.

Несмотря на все эти свидетельства, по-прежнему бытует мнение, что Петербург возник на необжитых землях по прихоти Петра Великого. Во многом это подтверждается отсутствием в бассейне Невы видимых археологических памятников. Зарождение археологической науки в России теснейшим образом связано с Петербургом и Петром I, основателем первого русского музея — Кунсткамеры и Академии наук. Научный интерес к древностям на территории города и его окрестностей возник гораздо позже — это связано с тем, что на территории Российской империи было множество классических памятников древности. Исследования в окрестностях Петербурга начинаются только в конце XIX — начале XX в. и охватывают Ижорское плато, Южное Приладожье и Карельский перешеек, где были найдены археологические памятники эпохи неолита и средневековья. В первой половине XX в. обнаружены первые стоянки древних людей на включённой в настоящее время в пределы Петербурга территории — в районе Лахты и Сестрорецкого разлива.

Несмотря на то, что начало освоения земель в устье Невы восходит к доисторическим временам, а с эпохи средневековья они играли важную роль в европейской истории, памятники древних эпох здесь почти не были известны. Основываясь на имеющихся данных по предыстории Петербурга, историк И.П. Шаскольский писал: «... археология

Ижорской земли в I тыс. н.э., археология территории Ленинграда и его ближайших окрестностей в I тыс. н.э. и в I тыс. до н.э. — белое пятно на археологической карте», и отсутствие здесь находок особенно парадоксально в условиях постоянных земляных работ по строительству города и окрестностей, которые ведутся более 270 лет[1]. По мнению археолога Е.А. Рябинина, редкость находок ижорских древностей объясняется тем, что многие из них были уничтожены при строительстве Петербурга в XVIII–XIX вв., а также сложностью поиска[2]. Причинами отсутствия в Приневье средневековых древностей считались неблагоприятные природные условия и военная опасность в бассейне Невы, уничтожение памятников в процессе урбанизации, специфика ижорских памятников.

Регулярное археологическое изучение Приневья и территории Петербурга было начато Санкт-Петербургской археологической экспедицией в начале 1990-х гг. Его этапами стали: поле Невской битвы в Усть-Ижоре, город Ниен с крепостью Ниеншанц, поселения писцовых книг XV–XVI вв., ижорские памятники XII–XIII вв. в Приневье. В результате исследований была получена новая информация об освоении Приневья, позволяющая проследить его этапы с эпохи неолита (7 тыс. лет назад) до нового времени. Центральная часть Петербурга и отдельные памятники археологии в Приневье были поставлены на государственную охрану, что создало предпосылки для их дальнейшего изучения и сохранения.

Самым масштабным проектом, позволившим обнаружить следы обитания людей с эпохи неолита до нового времени в Петербурге, стали раскопки в устье реки Охты 2006–2009 гг.[3] На Охтинском мысу были выявлены исторические сооружения и участки археоло-

---

[1] *Шаскольский И.П.* Проблемы этногенеза прибалтийско-финских племён юго-восточной Прибалтики в свете данных современной науки / Финно-угры и славяне. Л., 1979. С. 44–46.

[2] *Рябинин Е.А.* Финно-угорские племена в составе древнерусской народности. СПб., 1997. С. 71–72.

[3] Раскопки велись на месте предполагаемого строительства Охта-центра. *Сорокин П.Е.* Археологические исследования города Ниена, крепости Ниеншанц и перспективы создания Археологического музея Петербурга // Реликвия. № 18. СПб., 2008. С. 54–58; *Сорокин П.Е.* Археологические исследования Ландскроны и Ниеншанца // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Том II. М., 2008. С. 519–522; *Сорокин П.Е., Поляков А.В., Иванова А.В., Михайлов К.А., Лазаретов И.П., Гукин В.Д., Ахмадеева М.М., Глыбин В.А., Попов С.Г., Семёнов С.А.* Археологические исследования крепостей Ландскрона и Ниеншанц в устье реки Охты в 2008 году. Предварительные результаты // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 3. СПб., 2009. С. 188–203.

гического культурного слоя разных эпох, как известные из письменных документов: Ландскрона, Невское устье и Ниеншанц, так и впервые открытые. Среди них: стоянки и промысловая зона эпох неолита — раннего метала V–III тыс. до н.э., находки бронзового века, поселение раннего железного века середины I тыс. до н.э — середины I тыс. н. э., средневековое мысовое городище, могильник поселения Невское устье и раннего Ниеншанца. Эти находки во многом меняют наши представления о Невском регионе как о безжизненном пространстве, где до основания Петербурга среди лесов и болот встречались лишь редкие рыбачьи селения.

Культурные слои эпохи неолита раннего металла выявлены на всей территории мыса при впадении р. Охты в Неву. От средневековых слоёв они отделены песчаными отложениями мощностью до 1 м, которые связываются со временем образования реки Невы. Появление первых людей на этой территории происходит после отступления Литоринового моря. Стратиграфия культурных напластований, многочисленные объекты с остатками деревянных конструкций, состав находок указывают на неоднократное заселение территории в эпоху неолита и раннего металла. Здесь обнаружены ямы с остатками деревянных сооружений, связанные с промысловой и хозяйственной деятельностью человека. Материальная культура поселений представлена изделиями из органики (дерево, кора), несколькими группами глиняной посуды, разнообразным каменным инвентарем и янтарными украшениями. Поселение «Охта-1» по своим масштабам и сохранности остатков деревянных конструкций входит в число редчайших объектов на территории Северо-Восточной Европы.

В центральной части мыса обнаружены также следы пребывания человека в эпоху бронзы и поселение раннего железного века, с которым связаны: очаги, хозяйственные ямы и керамика. Памятники этих эпох чрезвычайно редки на Северо-Западе.

В 2005–2012 гг. в южной части Карельского перешейка и в бассейне реки Мга были открыты погребальные памятники средневековой ижоры XII–XIII вв., свидетельствующие о значительной плотности населения на территории Приневья в этот период. Раскопки показали, что ижорские захоронения с богатым погребальным инвентарём совершались на горизонте в каменных оградах под невысокими курганными насыпями[4].

[4] *Сорокин П.Е.* Археологическое изучение средневековых памятников в Приневье // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. Вып. 2. Древности Ижорской земли. СПб., 2008. С. 88–127.

Земли у устья реки Охты — возвышенные и недосягаемые для наводнений, с хорошей гаванью для стоянки судов, защищённые водными рубежами — издревле один из самых благоприятных для обитания районов в низовьях Невы. Место это занимает удобное географическое положение — на пересечении важнейших путей того времени — водного, проходившего по Неве, и сухопутного, связывавшего Новгород и Ижорскую землю с Карелией и Финляндией. Всё это и предопределило возникновение здесь поселенческого центра округи, который развивался вплоть до основания Санкт-Петербурга. Первоначальное мысовое укрепление, время существования которого предстоит уточнить, располагалось в северной, наиболее возвышенной части мыса. Здесь на протяжении около 80 м прослежен оборонительный ров, пересекавший мыс в широтном направлении между двумя реками. За ним исследованы остатки вала. Датировку мысового укрепления предстоит уточнить, прекращение его существования связано со строительством крепости Ландскрона в 1300 г., когда древние рвы были засыпаны при строительстве новых укреплений.

Согласно сообщениям письменных источников, крепость Ландскрона основана шведами летом 1300 г. Описание похода и построенных на Неве укреплений имеется в шведской хронике Эрика начала XIV в. Шведский флот с войском в количестве 1100 человек возглавлял королевский наместник Тергильс Кнутсон. «Над тем рвом стояла стена с восемью башнями с бойницами; ров был вырыт между обеими реками, за ними стояло все войско»[5]. В Новгородской I летописи говорится: «придоша из замория свеи в силе велице в Неву, приведоша из своей земли мастеры, из великого Рима от папы мастер приведоша нарочит, поставиша город над Невою на усть Охты рекы, и утвердиша твердостию несказаньною, поставиша в нем порокы, похвалившеся оканьнии, нарекоша его Венець земли». В следующем 1301 г., по свидетельству летописи, «...приде князь великый Андрей с полкы низовьскыми, и иде с новгородцы к городу тому, и приступиша к городу месяца мая 18, ... град взят бысть, овых избиша и исекоша, а иных извязавше поведоша с города, а град запалиша и розгребоша ...»[6]

Две линии рвов, относящиеся к крепости Ландскрона, прослежены с северной, восточной и южной сторон мыса (*илл. 2*). Сложив-

[5] *Шаскольский И.П.* Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в X1V в. Л., 1987. С. 18–25.

[6] Полное собрание русских летописей. Новгородская первая летопись. Т. 3. М., 2000. С. 91.

шееся на основании письменных свидетельств представление о Ландскроне как о построенном наспех типичном мысовом укреплении было опровергнуто полученными в результате проведённых раскопок данными. Они показали, что Ландскрона была мощной регулярной деревоземляной крепостью типа костёла, с прямоугольными очертаниями. При этом её размеры значительно превосходили размеры современных ей крепостей, строившихся крестоносцами в Восточной Прибалтике. Рвы крепости имели в разрезе трапециевидную форму и были облицованы деревянными конструкциями. Они сохранились местами на полную глубину — до 2,8 м — и почти полностью маркируют план древних укреплений. При строительстве крепости пересеченная территория мыса была спланирована — здесь была сделана насыпная платформа, в основание которой заложены бревенчатые городни. Всё это свидетельствует о том, что крепость возводилась по единому проекту и должна иметь регулярную планировку. На берегу Невы исследовано основание башни — колодец. Раскопки открыли следы штурма крепости — на склоне первого оборонительного рва исследованы нагромождения сгоревших крепостных стен. В них найдены арбалетные болты и наконечники стрел и копий.

Местное население осваивает территорию в устье Охты на протяжении следующих столетий. В конце XV в. земли в нижнем течении Охты принадлежали знатным боярским родам Великого Новгорода, а после присоединения к Москве расположенные здесь селения входили в состав владений Великого князя, которые названы как волость «на реке Неве у моря» и «деревни на усть Охты». Согласно Писцовой книге Водской пятины в 1500 г. здесь были три деревни и сельцо в 18 дворов[7].

Судя по отрывочным документам, уже в XVI в на их основе формируется поселение с торговыми функциями, получившее название Невское устье. Сведения об этом поселении имеются в Писцовых и Обыскных книгах XVI–XVII вв. В Невском устье имелись церковь Михаила Архангела, корабельная пристань, Государев гостиный двор, таможня и велась международная торговля[8]. Находки,

---

[7] Временник общества и древностей Российских. Кн. 11. Переписная Окладная книга по Новугороду Вотьской пятины 7008 г. М., 1851. С. 119–121.

[8] *Шаскольский И.П.* Старейшее известие о русском торговом селении на территории будущего Петербурга (начало XVII в.) // Феодальная Россия. Новые исследования. СПб., 1993. С. 42–45., *Селин А.А.* К исторической топографии Невского устья. Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. СПб., 1998. С. 269–272. *Сорокин П.Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб., 2001. С. 22–36.

связанные с ним, представлены в основном фрагментами керамических сосудов. В могильнике этого времени на левом берегу Охты, который был открыт в 1993 г., исследовано 216 захоронений (*илл. 3*). Часть могил была уничтожена фортификационными сооружениями Ниеншанца, заводскими постройками и коммуникациями. Сопутствующие находки в погребениях редки, в пяти могилах среди костей обнаружены свинцовые пули, свидетельствующие о военных действиях. Могильник по находкам может быть датирован XVI — первой половиной XVII в.

Раскопки позволили зафиксировать несколько этапов строительства Ниеншанца. Работы по его сооружению велись с весны до зимы 1611 г., когда новая крепость, вмещавшая 500 человек, в основном была завершена. Согласно заключённому в 1617 г. Столбовскому миру, ослабленная внешними и внутренними войнами Смутного времени Россия вынуждена была уступить Швеции Ижорскую землю и значительную часть Карелии. На ранней карте устья Невы 1643 г. крепость изображена в виде неправильного шестиугольника с тремя бастионами. Во время войны 1656–1661 гг. Ниеншанц был взят и разрушен отрядом русских войск. После его отхода шведы построили новую крепость с пятью бастионами в форме звезды (*илл. 4*). Во второй половине XVII в. концепция укрепления Ниеншанца была изменена. В проектах этого времени предлагалось сконцентрировать силы и средства на укреплении мыса между Невой и Охтой. По плану генерал-квартирмейстера Эрика Дальберга земляные укрепления с тремя бастионами предполагалось возвести только на самом уязвимом, южном направлении — между Охтой и Невой[9]. Осада Ниеншанца русскими войсками с двумя приступами и массированным артобстрелом продолжалась с 25 апреля по 1 мая 2003 г., после чего гарнизон капитулировал[10].

В процессе раскопок были выявлены и исследованы укрепления разных периодов строительства Ниеншанца, маркирующие его планиграфию. Самые значительные по масштабам — участки крепост-

---

[9] *Bonsdorff C.* Nyen och Nyenskans. Helsingfors 1891; *Гиппинг А.И.* Нева и Ниеншанц. Т. 2. СПб., 1909. С. 86; *Лапно-Данилевский А.С.* Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А.И. Гиппингом и А.А. Куником. СПб., 1913; *Кальюнди Е.А., Кирпичников А.Н.* Крепости Ингерманландии и Карелии в 1681 г. // Скандинавский сборник. Т. XX. Таллин, 1975. С. 68–69; *Сорокин П.Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб., 2001. С. 37–80.

[10] Книга Марсова или воинских дел. СПб., 1776. С. 14–18; *Сорокин П.Е.* Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб., 2001. С. 81–88.

ных рвов Ниеншанца второй половины XVII в. с хорошо сохранившимися основаниями Старого, Мёртвого, Карлова и Гельмфельтова бастионов (*илл. 5*). Оборонительные рвы, засыпанные в XVIII–XX вв., сохранились на полную ширину до 28 м и на глубину до 4 м. Их борта были укреплены дёрновой кладкой с деревянными конструкциями в основании. В центральной части крепости исследованы: колодец, погреб и основание каменной постройки. Разрушения крепостных сооружений в виде обвалившихся при штурме участков земляных валов прослежены на южных бастионах и куртине. Ко времени штурма Ниеншанца относятся: ядра, картечь, осколки чугунных мортирных бомб, а также целые бомбы, найденные как на дне крепостных рвов, так и внутри крепости (*илл. 6*).

Таким образом, помимо археологических культурных слоёв на Охтинском мысу были выявлены хорошо сохранившиеся части фортификационных сооружений — рвы: мысового городища, Ландскроны XIII в. и Ниеншанца XVII в., объекты культурного наследия — остатки фортификационных сооружений, содержащие информацию об исторической планировке крепостей разных периодов, которые, согласно Закону об объектах культурного наследия, должны быть сохранены на месте обнаружения.

В результате раскопок, проведённых в последние два десятилетия в Приневье, получена новая научная информация, в значительной мере заполняющая белое пятно на археологической карте Приневья. В ходе этих работ обнаружены архитектурно-археологические объекты и собрана ценная коллекция артефактов с V тысячелетия до н.э. по XVII в., позволяющая ставить вопрос о создании Археологического музея Петербурга. Удобным местом для размещения музея мог бы стать Охтинский мыс — исторический центр допетровской истории края, где сохранились руины древних крепостей, свидетелей богатой и славной истории этих мест. Учитывая уникальность выявленных объектов и их общеевропейскую историко-культурную значимость, необходимо предусмотреть их дальнейшее сохранение. Лучшим вариантом сохранения выявленных сооружений было бы создание ландшафтного археологического музея-заповедника.

Дискуссия о том, что Петербург — прямой наследник Ландскроны или Ниеншанца, началась в средствах массовой информации в канун празднования 300-летия Петербурга. За точку отсчёта возникновения Петербурга предлагалось признать годы основания этих крепостей — 1300 или 1611 с тем, чтобы удревнить существование города и причислить его к западноевропейской традиции. Общая дата существования поселений в устье Охты — Ландскроны, по-

зднесредневековых поселений, Невского устья, Ниеншанца и Санкт-Петербурга — составляет более семи столетий. Возникает вопрос, насколько правомочно объединять эти разновременные населённые пункты в единый урбанистический процесс?

Смена одних поселений другими с возможным перемещением до нескольких километров в пространстве была широко распространена истории. Только в древнерусское время можно назвать несколько таких примеров: Киев с его разновременными поселениями на киевских горах, Гнездово — Смоленск, Рюриково городище–Новгород, Любша–Ладога. В истории перемещение городов на небольшие расстояния — явление довольно частое. Причины этого разные — политические, экономические, природные. Дискуссии о преемственности разных городских центров продолжаются до настоящего времени — возникло даже понятие переноса городов.

В научной традиции дата основания города определяется либо первым упоминанием его в исторических документах, как, например, даты основания Москвы, Новгорода, Пскова, либо археологическими данными, подтверждающими время его возникновения и непрерывного развития на одной территории. В этой ситуации определение точной даты, за редким исключением, невозможно. Существует и другая проблема, связанная с возникновением городов — определение времени превращения поселения в городской центр. В российской историографии под городом понимается поселение, обладающее рядом определённых функций, среди которых: административные (управленческие), культовые (религиозные), экономические (торгово-ремесленные) и оборонительные (наличие укреплений). В европейской традиции города зачастую отсчитывают свою историю не со времени первого упоминания в документах, а с момента получения городских прав. Таким образом, в мировой практике существуют разные принципы определения времени и признаков появления городов.

Дата основания Ландскроны — 1300 г. — упоминается в документах, но, как показали археологические раскопки, эта крепость появилась на месте предшествующего городища, время возникновения которого требует уточнения. Ландскрона прекращает своё существование уже в следующем году, при этом непрерывное заселение территории крепости вплоть до 1500 г., когда здесь упоминается сельцо на Усть Охты, пока надёжно не подтверждено археологическими данными, хотя, судя по находкам, местное население осваивает эту территорию предположительно в XIV–XV вв.

Крепость Ниеншанц была построена в 1611 г. на оккупированной русской территории — на землях торгового поселения Невское устье. Это, несомненно, значимое историческое событие, способствовавшее развитию здесь города Ниена. Вместе с тем, этот шанец был всего лишь звеном оборонительного рубежа по северному берегу Невы, который мыслился шведским командованием как граница с Россией. Русское поселение, существовавшее вблизи крепости, названное шведами Ниеном, получает первые городские права в 1632 г., а первое распоряжение о создании здесь города, подписанное королём Густавом II Адольфом относится к 1618 г. (через год после Столбовского мира 1617 г., когда эта территория официально отошла к Швеции).

Поэтому, если говорить о Ниене, то датами его основания, помимо 1611 г., можно считать: 1500 — время первого упоминания сельца на Усть-Охты; рубеж XVI–XVII вв., когда на его основе развивается русское торговое поселение Невское устье; 1618 — распоряжение Густава II Адольфа о создании города в устье Невы; 1632 — предоставление тем же королём поселению первых городских прав; 1642 — предоставление Ниену полных городских прав королевой Кристиной.

Другая проблема — преемственность Ниена (Ниеншанца) и Петербурга. Известно, что город Ниен был уничтожен в октябре 1702 г., за полгода до основания Петербурга, а его население ушло в Выборг. Петербург же был основан в мае 1703 г. на новой территории, которая не входила в состав Ниена, и до 1718 г. территория Ниена располагалась за пределами административных границ Петербурга. Отсюда сообщения иностранцев о том, что Петербург построен не на месте шведского города, а на месте финских деревень. В письмах Петра Великого, написанных из устья Невы, эти понятия также различаются — они подписаны «из Санкт-Петербурга» или «из Шлотбурга». Вскоре после взятия Ниеншанца военный совет решал, оставить ли город на прежнем месте или перенести ближе к устью Невы, и по целому ряду обстоятельств был принят второй вариант. Следует признать, что между этими городами отсутствует не только генетическая, но и культурно-историческая преемственность. Петербург возникает на новой экономической и культурной основе и не является развитием Ниена. Несмотря на то, что в идее его создания отчётливо прослеживается тип североевропейского города, а в проектировании участвуют западноевропейские архитекторы, инженеры и мастера, строительство ведётся русскими рабочими, призванными из всех губерний России. Таким же разнообраз-

ным становится и постоянное население города, принёсшее с собой разнородные традиции жизни и городского строительства на берега Невы. Город, проектировавшийся по единому плану, в первые годы своего существования во многом развивается стихийно. Его центр — подражание центрам европейских городов — обрастает русскими, татарскими и немецкими слободами, развивающимся по своим градостроительным и культурным законам.

Возникновение города в устье Невы было предопределено географическим положением этого места — в ключевом пункте магистрального пути из Восточной Европы в Северную. Древнерусские города-предшественники Петербурга на Северо-Западе — Ладога и Новгород, имевшие торговые и столичные функции и обеспечивавшие европейские связи Руси, появляются здесь ещё в раннее средневековье. В течение длительного времени Швеция пыталась взять под контроль этот участок и закрепиться в устье Невы. Шведские Ландскрона и Ниен призваны были выполнять те же функции организации международной торговли между Востоком и Западом, но уже под властью шведской короны. Но Русь, а впоследствии Россию такой вариант посредничества не устраивал, поэтому возвращение выхода в Балтику и строительство Петербурга стало закономерным завершением многовекового процесса.

Петербург возник в 1703 г. как новое явление в мировой истории и культуре, впитав в себя и русские, и европейские черты, что ни в коем случае не умаляет его богатой предыстории, связанной с Ниеншанцем, Невским устьем, Ландскроной, средневековым мысовым городищем, с поселениями древних людей. Памятные места и даты, связанные с предысторией нашего города, не должны быть забыты. Названия древних поселений и городов необходимо вернуть в городскую топонимику, а связанные с ними даты — в городской календарь. Для Петербурга важно сохранить его семитысячелетнюю предысторию, связанную с Охтинским мысом. Идея города на Балтике, восходящая к глубокой древности, напрямую связана с юбилеем русской государственности, так как исторический предшественник Петербурга — Старая Ладога — стал первой резиденцией князя Рюрика, легендарного основателя древнерусского государства.

В.П. Леонов (Санкт-Петербург)

Тема пути в биографии Санкт-Петербурга

В докладе путь — это мифологема, образ движения, времени, изменений, происходивших в жизни города Санкт-Петербурга. В конечном счёте, «мифологема пути» — это текст, на языке которого написана *«Книга Петербурга»* с его духовной и земной направленностью. Понятие *«Книга Петербурга»* представляет собой метафору, определяющую цель чтения — раскрытие и постижение смысла, зашифрованного в символическом тексте города. Предполагается, что скрытый в *«Книге Петербурга»* смысл может быть прочитан и понят (не исключая возможных ошибок, поскольку на разных этапах истории он мог иметь разную направленность). Поэтому в качестве смысловых образов, которые возникают при чтении текста «Книги Петербурга», мною выбрана тема пути, дороги, проходящая через всю его биографию.

Ведущая к Петербургу дорога начиналась с Великого посольства Петра (1697–1698). Замечу сразу, что тема пути в биографии Санкт-Петербурга раскрывается мною в двух направлениях. Первый — *«по вертикали»*, т.е. путь астрономический, небесный, я бы подчеркнул — духовный. Второй путь — *«по горизонтали»*. Это путь земной, пройденный и пережитый Петербургом (путь с Небес на Землю). Путь, отчуждённый от своего духовного создателя. Горизонтальный путь берёт начало с рождения города. Таким образом, оба пути оказываются взаимосвязанными.

Начнём с «вертикали» Санкт-Петербурга. Для меня она берёт начало с астрономических данных и наблюдений. Давайте спросим: задумываемся ли мы над тем, что очень многие известные столицы находятся почти на одном меридиане, т.е. на одной географической долготе? До некоторых пор я тоже не задумывался об этом, но дан-

ные программы Google Earth показались мне любопытными. Судите сами, вот краткий перечень некоторых городов:

Хартум — 32 градус
Карнак — 32 градус
Каир — 31 градус
Александрия — 30 градус
Пафос (Кипр) — 32 градус
Стамбул (Константинополь) — 29 градус
Никея (Турция) — 30 градус
Киев — 30 градус
Великий Новгород — 31 градус
Санкт-Петербург — 30 градус (Пулковский меридиан)

Такого количества столиц нет ни на одном другом меридиане. Может что-то притягивает их именно к 30-му меридиану? Девять столиц на двух континентах лежат на одной прямой!

В начале 1999 г. петербургский астроном К.П. Бутусов опубликовал статью с интригующим названием «Космический смысл Петербурга. Меридиан: Александрия — Константинополь — Киев — Санкт-Петербург». В ней он попытался показать удивительные связи географии столиц и истории мировых империй от Александрии до наших дней. Александрия, напоминает Бутусов, географически находится точно на тридцатом меридиане — том самом, который мы с XIX в. ещё называем «Пулковским». На нём в 1703 г. основан Санкт-Петербург, ставший через несколько лет столицей Российской империи. Как и Александрия, а потом Константинополь, Киев, он связан с именем своего основателя.

Обратимся теперь к «земному пути» города, пути «по горизонтали». Казалось бы, на Северо-Западе нет места менее подходящего для города, чем устье Невы. В северной части области есть возвышения, дающие обзор местности. В южной — Красная Горка, устье Луги. Почему Пётр выбрал именно это место?

Возможный ответ кроется в истории Северной войны. Существует мнение, что основание Санкт-Петербурга — результат гениальной (блестящей) ошибки Петра. В ходе Северной войны он терпел поражение за поражением и отступал на восток. Отступал, пока не упёрся в самую восточную точку Финского залива.

Строительство началось между севером и югом в устье Невы, на Заячьем острове. Заячий остров представлял собой как бы палубу корабля, на которой можно было со всех сторон установить орудия и защищаться от врагов. А потом произошло то, что всегда происходило в Средние века: под защитой крепости, под её стенами, уже на

известном нам тридцатом меридиане возникал город. Даже имя Санкт-Петербург не просто было дано городу, а произошло от названия крепости. Потом, когда заложили собор Петра и Павла, крепость стала называться Петропавловской, а первоначальное её имя перешло к городу.

Ещё один петербургский исследователь, обратившийся к этой теме — доктор технических наук М.Б. Игнатьев, так подытожил выбор астрономического пути в биографии Петербурга: «Вдоль Пулковского (тридцатого) меридиана проходил путь “из варяг в греки”; по линии Пулковского меридиана проходила оборона славян от нашествия татаро-монгол и таким образом народы Западной Европы были спасены от разорения и уничтожения... немецкие войска не смогли преодолеть рубеж Пулковского меридиана».

Итак, в чём *смысл* пути, пройденного нашим городом, расположенном на тридцатом меридиане, в течение трёх столетий? Ответ, на самом деле, звучит лаконично. Смысл пройденного пути в том, что Санкт-Петербург стал местом проведения как космического, так и земного *эксперимента*. Энергия неба и земли соединилась в одной точке. Такой эксперимент нужен был для раскрытия заложенной в нём создателем потенциальности. И сегодня эта потенциальность ещё далеко не исчерпана.

Этими факторами объясняется и особая острота противостояния Петербурга с Москвой — естественно возникшей столицей на тридцать восьмом меридиане. Уже в 1708 г. в Петербург из Москвы переехала семья царя, в 1712 г. — двор. С 1712 г. новый город стал действительно резиденцией царя и столицей России. Но странное дело, пишет исследователь Петербурга Е.А. Игнатова, при невероятном количестве петровских указов не было указа о перенесении столицы, хотя уже в 1704 г. Пётр называл Петербург именно так. Очевидно, он принял решение задолго до того, как, минуя законодательные формы, поставил Россию перед фактом, переселившись в новый город и постепенно переводя сюда административные учреждения. Замечу, что это не было случайностью. Нечто подобное (отсутствие указа о создании государевой библиотеки) произошло впоследствии и с Библиотекой Академии наук.

На тридцатом меридиане строился город, который притягивал к себе национальную и культурную энергию России и Европы. Его интеллектуальное и научное притяжения были громадными. Из Петербурга во многие страны расходились волны новых мыслей, новых проблем, новых сомнений, новых трагедий, новых надежд и новых начинаний...

Е.А. Андреева (Санкт-Петербург)

Цена Петербурга: развенчание мифа о «городе на костях»

Среди самых известных петербургских мифов одно из главных мест занимает миф о «городе на костях». Что послужило основанием к его созданию? И насколько он соответствует действительности?

Первыми о большой смертности при строительстве Петербурга заговорили иностранцы. Так, датский посланник при русском дворе Юст Юль в своих «Записках» за 1710 г. отмечает: «как говорят, при сооружении Петербургской крепости (то есть летом-осенью 1703 г.), погибло 60 тысяч человек, а при строительстве зимой 1703/04 годов Кроншлота — более 40 тысяч, то есть более 100 тысяч человек за первый год»[1].

Наименьшую численность погибших приводит в 1726 г. французский путешественник О. де ла Мотрэ — 30 тыс. за первые два года и 80 тыс. за всё строительство Петербурга. Попавший в русский плен при сдаче выборгской крепости финляндский швед Л.Ю. Мальм (с 1719 — Эренмальм), находившийся на берегах Невы в 1710–1712 гг., говорит о 50–60 тысячах погибших при строительстве Петербургской крепости в первые два года. По свидетельству секретаря прусского посольства при русском дворе И.Г. Фоккеродта, приехавшего в Россию в 1718 г., при возведении деревоземляной Петербургской крепости «по собственным показаниям русских от голода и болезней» погибло до 200 тыс. человек. Французский дипломат де Лави, сообщал в 1717 г. в Париж: «Я слышал от нескольких архитекторов и инженеров <...> что он [царь] ежегодно теряет около двух третей людей, употребляемых на эти работы». Английский путешествен-

[1] *Юль Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом: 1709–1711 // Лавры Полтавы: Юст Юль, Оттон-Антон Плейер. М., 2001. С. 153.

ник Фр. Дэшвуд в своём «Дневнике» в 1733 г. говорит уже о 300 тыс. человек, погибших при основании Петербурга и Кронштота[2].

Итак, иностранцы называют общие цифры погибших при возведении Петербурга — от 80 000 до 300 000; за первые два года — от 30 000 до 100 000; ежегодно — две трети от количества работающих. Таким образом, в Европе в то время формировалось мнение о русских как о варварах, не жалеющих человеческие жизни.

Здесь стоит оговориться: иностранцы сообщают о большой смертности не только в Петербурге, но и на других стройках того времени, они вообще отмечают большую смертность среди низших классов населения России, не выделяя особо смертность в городе на Неве по сравнению с остальной страной.

С другой стороны, важно отметить, что никто из этих «очевидцев» не был в Петербурге в первые годы его строительства, и самый первый — Ю. Юль — впервые увидел Петербург только в конце 1709 г. и, следовательно, не мог быть непосредственным свидетелем массовой смертности в первые два года. Скорее всего, этот уже сложившийся к тому времени миф поведали иностранцам жители города.

Один из них, живший в Петербурге с 1712 г. знаменитый книговед и библиофил А.И. Богданов, автор первого труда по истории Петербурга, не называя конкретных цифр, заключает: «<...> и тогда где кто при тех работах находился, а Волею Божиею занемог, как по тогдашнему времени воздуха и новости места не без великаго упадку людей было; и кто где по Воли Божией умре, тут того и хоронили. И такими умершими телами все берега всех островов изнаполнены были»[3].

Ужасающая картина, не правда ли? Разные её вариации за триста лет перешли в литературу, поэзию, кинематограф. Миф о петербур-

---

[2] Донесения французских посланников и поверенных в делах при Русском дворе. Повеления правительства и отчёты о пребывании русских послов, посланников и дипломатических агентов, находившихся во Франции. Часть 1. 1681–1718 гг. // Сб. РИО. Т. 34. СПб., 1881. С. 223; *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. Л., 1991. С. 21, 80; *Фоккеродт И.Г.* Россия при Петре Великом, по рукописному известию Иоганна-Готтгильфа Фоккеродта / Перевод А.Н. Шемякина // Неистовый реформатор: Иоганн Фоккеродт. Фридрих Берхгольц. М., 2000. С. 79; *Дэшвуд Фр.* Дневник пребывания в С.-Петербурге в 1733 году // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 56, прим. 27. С. 73; *Беспятых Ю.Н.* Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм). СПб., 1998. Прим. 5 к гл. 2. С. 397–398.

[3] *Богданов А.И.* Описание Санктпетербурга. СПб., 1997. С. 320–321.

гских «костях» подтверждали большинство дореволюционных и советских исследователей, он вошёл в учебники по истории.

Первым в приводимых в иностранных источниках цифрах усомнился в конце XIX в. П.Н. Петров, сочтя их сильно преувеличенными. Изучив именные погодные списки Канцелярии городовых дел, он определил, что там из года в год повторялись имена одних и тех же работных людей, «что доказало жизнь и деятельность их, а не умиранье»[4]. А.В. Предтеченский в середине XX в. утверждал, что «сплошной» смертности среди строителей будущей столицы не было. С.П. Луппов отмечает обычную для того времени высокую заболеваемость и смертность, «когда погибали тысячи людей», и «попытки» Петра I бороться с людскими потерями, в частности, обеспечивая медицинским персоналом и доступными лекарственными средствами[5].

И.Г. Дуров, занимаясь провиантским обеспечением флота в первой четверти XVIII в., приходит к выводу, что в Петербурге в то время была высокая смертность как среди работников, так и среди населения. Среди главных причин автор называет: необеспеченность города продовольствием; перебои с выплатами денежного и хлебного жалованья; тяжёлые условия труда; почти полное отсутствие медицинских учреждений; злоупотребления администрации. Исследователь также отмечает как одну из главных причин возрастающей смертности среди работников в отдельные годы — неурожаи, приводившие к отсутствию продовольствия и к задержкам с выплатами денежного и хлебного жалованья[6].

Е.В. Анисимов, с одной стороны, считает преувеличенными сведения Ю. Юля о гибели 100 тысяч человек в первый год строительства Петербурга и Кронштадта, поскольку такого количества людей там просто не было. С другой, он полагает, что «отмахнутся от данных, приводимых в мемуарах, нельзя», как и «считать, что большая смертность на стройке — миф и пустые слухи». И заключает: «при такой массе строителей за 15 лет смерть 100 тысяч человек не кажется невероятной»[7].

---

[4] *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города, до введения в действие выборного городского управления, по учреждениям о губерниях. 1703–1782. Переизд. М., 2004. С. 21–22.

[5] *Предтеченский А.В.* Население и быт Петербурга // Петербург петровского времени. Л., 1948. С. 130; *Луппов С.П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957. С. 94–96.

[6] *Дуров И.Г.* Провиантское обеспечение флота в эпоху Петра Великого. Н. Новгород, 2002. С. 209–210.

[7] *Анисимов Е.В.* Юный град: Петербург времён Петра Великого. СПб., 2003. С. 105–106, 109.

О.Г. Агеева, рассматривая петровский Петербург сквозь призму русского общественного сознания начала XVIII в., подробно останавливается на интересующем нас вопросе. Автор впервые в историографии идёт вразрез с общепринятым мнением и утверждает, что большой смертности в Петербурге не было. Исследователь выводит свои подсчёты об общей смертности в Петербурге только из одного документа за 1716 г., согласно которому на сооружении будущего Невского проспекта из 3262 работных людей умерло 27 человек, что составляет 0,74 процента. Исходя из этого, О.Г. Агеева подсчитывает, что ежегодно петербургская стройка уносила около 150 человек, что за 1703–1715 гг. составило примерно две тысячи человек. Таким образом, автор приходит к выводу, что сообщаемые иностранцами цифры завышены в 50–100 раз и явление это — не более чем слухи, миф, отражающие реакцию населения «на дискомфорт петербургской жизни»[8].

Интересно, что Ю.М. Овсянников в своих трудах, посвящённых Доминико Трезини, наоборот, приходит к выводу о большой смертности в Петербурге, также основываясь только на одном документе за тот же 1716 г. Это известное письмо петербургского губернатора А.Д. Меншикова кабинет-секретарю А.В. Макарову о скончавшихся в Петергофе и Стрельне более тысячи работников[9]. Данные, сколько всего человек там трудилось в то время, отсутствуют. Исходя из выявленных С.П. Лупповым сведений, что годом ранее, в 1715 г., при строительстве дворцов работали 3000 человек, Ю.М. Овсянников полагает, что и в 1716 г. там было столько же и приходит к выводу, что скончалась треть работников. Исследователь заключает на этом основании, что на строительстве Петербурга умирал каждый третий работник[10].

Приведённые Ю.М. Овсянниковым и О.Г. Агеевой документы показывают, что даже в один и тот же год данные о смертности одной и той же категории людей сильно отличались, поэтому необходима гораздо бульшая выборка.

Чтобы подтвердить или опровергнуть известный миф о «городе на костях», нужно выявить процентное соотношение скончавшихся

---

[8] *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете» – град Святого Петра: Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999. С. 79–81.

[9] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 1. Кн. 28. Л. 86. Цит. в: *Луппов С.П.* История строительства Петербурга... С. 94.

[10] *Овсянников Ю.М.* Доминико Трезини. Л., 1987. С. 34.

работников к количеству трудившихся в Петербурге, а затем сравнить получившиеся цифры, с другими объектами петровского времени. Только после этого можно говорить о том, велика ли была смертность в Петербурге или нет. Попробуем ответить на этот вопрос применительно к первым десяти годам строительства Петербурга — 1703–1712, относительно которых иностранцы приводят огромные цифры потерь.

С самого начала на строительстве Петербурга трудились как квалифицированные[11], так и неквалифицированные работники. В обеспечении будущей столицы рабочей силой можно выделить два этапа:

1. **1703–1706.** В эти годы существовала разнарядка работников не в один Петербург, а в три города Ингерманландской (с 1710 — Санкт-Петербургской) губернии[12] — в Шлиссельбург, Петербург и Нарву. В Петербург направляли только половину от общего наряда неквалифицированных работников и небольшое количество квалифицированных.
2. С **1707** — разнарядка неквалифицированных работников следовала только в Петербург, и практически весь наряд мастеровых направлялся в Петербург и его окрестности.

Подавляющим большинством первых строителей Петербурга были неквалифицированные — «государственные» или работные люди, «посошане», «посох» — как их тогда называли. Посошан набирали из податного населения (государственных, дворцовых, помещичьих, вотчинных и церковных крестьян, а также из посадских жителей). Сезонные работы в Петербурге длились шесть месяцев с 25 марта (с 1707 — с 1 апреля) и до 25 сентября (с 1707 — до 1 октября). Работников присылали не всех сразу, а посменно: сначала на

---

[11] В исторической литературе применительно к первому десятилетию существования Петербурга об этой категории работников говорится только в связи с указом 1710 г. о переселении 4720 мастеровых разных специальностей в Петербург на постоянное проживание. Складывается ощущение, что до 1710 г. квалифицированных работников здесь не было. (См., напр.: *Луппов С.П.* История строительства Петербурга... С. 85; *Семёнова Л.Н.* Рабочие Петербурга в первой половине XVIII в. Л., 1974. С. 37–38).

[12] Ингерманландская губерния была создана 18 октября 1702 г., её главой стал А.Д. Меншиков, первоначальным центром — Шлиссельбург. Эта губерния стала своеобразным экспериментом, на основе которого в 1707–1709 гг. была проведена губернская реформа, поделившая страну на 8 губерний (*Андреева Е.А.* Рождение Петербурга / художник А.А. Тронь. СПб., 2011. С. 58–61).

три перемены по два месяца каждая, затем на две перемены по три месяца каждая (см. таблицу ниже). После отработки посошанин возвращался домой[13].

Первая разнарядка работных людей в Невскую дельту последовала уже летом 1703 г.: по царскому указу от 30 июня надлежало прислать работников к 20 июля на четыре месяца[14]. Общая численность разнарядки в невскую дельту в этом указе не обозначена, но из писем царю отвечающих за строительство Петербургской крепости губернатора А.Д. Меншикова и Г.И. Головкина следует, что наряд был выполнен. К концу августа численность строителей крепости составила около 20 тысяч человек, основную часть работников составляли солдаты оставшихся в Невской дельте после завоевания Ниеншанца полков, которых насчитывалось 14–14,5 тысяч человек, значит, разнарядка посошан в 1703 г. находилась в пределах 5–6 тысяч человек[15].

Указная численность разнарядки посошан в Петербург и их численность в одну перемену за 1704–1712 гг. сведена в *таблицу*[16]:

Год	Наряд в Петербург	Количество перемен	Численность работных людей в одну перемену
1704	20 000	3	6666
1705	20 000	3	6666
1706	23 000	3	7666
1707	30 000	2	15 000
1708	40 000	2	20 000
1709	40 000	2	20 000
1710	48 928	2	24 464
1711	30 448	2	15 224
1712	на Петербург – 28 800, на о. Котлин – 3000. Всего 31 800	2	в Петербурге – 14 400; на о. Котлине – 1500

Кроме того, небольшую часть работников в отдельные годы присылали на «зимнее» время: 1000 человек — с середины декабря 1706 по

[13] *Андреева Е.А.* Начало строительства Петербурга: Обеспечение работными и мастеровыми людьми в 1703–1712 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. (Архив СПбИИ РАН. Фонд диссертаций). С. 116–142.

[14] Архив СПбИИ РАН. Ф. 181. Оп. 1. Д. 5886. Ст. 1.

[15] *Андреева Е.А.* Начало строительства Петербурга... С. 144–151, 261–262.

[16] *Андреева Е.А.* 1) Начало строительства Петербурга... С. 116–142; 2) Петербург Петра I – «город на костях»: миф или правда? // Меншиковские чтения–2006: Сб. научн. ст. / Отв. ред. П.А. Кротов. СПб., 2006. С. 12.

середину марта 1707 г. и по 3000 человек в 1709 и в 1710 — с 1 февраля до 1 мая.

Итак, если сложить указную численность за все годы, выходит, что в 1704–1712 гг. в Петербург назначалось прислать 284 176 посошан в летнее время, плюс 7000 в зимнее, итого — 291 176 человек. Но это указная численность, а что же в реальности? Выполнялись ли эти указы?

Сведения о фактической присылке посошан в Петербург выявлены за 1709, 1711 и 1712 гг., установлено также количество присланных работников из Архангелогородской губернии (1707–1709) и из Московской губернии в 1710 г. Эти данные сведены в таблицы:

Присылка посошан в Петербург (весь наряд)

Годы	Разнарядка	Фактическая присылка	Проценты
1709	40 000	21 450	54%
1711	30 448	25 272	83%
1712	31 800	20 372	64,06%
Средний процент:			65,61%

Присылка посошан в Петербург (по отдельным губерниям)

Годы	Губернии	Назначено	Выслано	Проценты
1707	Архангелогородская	6234	5913	95%
1708	Архангелогородская	7321	4015	54,8%
1709	Архангелогородская	6508	1287	20%
1710	Московская	15 816	12 063	54%
Средний процент:				64,87%

Сопоставив эти сведения с указной численностью, получаем, что в среднем наряд выполнялся на 65%, что составляет около 190 тысяч человек. Прибавим сюда посошан, строивших крепость в 1703 г. — 5–6 тысяч человек, выходит около 195 тысяч человек.

Квалифицированные работники — мастеровые также набирались из податного населения и разделялись по специальностям (более 20, из них преобладали плотники и каменщики) и по квалификации (мастера, подмастерья, десятники и рядовые). Мастеровых людей присылали не посменно, а сразу на весь сезон. Обычно они трудились в невской дельте с 1 апреля до 1 октября. Вместе с тем, нередко специалистов присылали на строительство конкретных объектов вне зависимости от сезона. Если срок постройки объекта невозможно было определить, мастеровых присылали «бессрочно». Например, «бессрочно» следовало прислать 500 плотников на стро-

ительство деревоземляной Адмиралтейской крепости, которая была сооружена за сентябрь-ноябрь 1705 г.[17]

В 1703 г. разнарядки мастеровых в Невскую дельту не было, отдельные специалисты либо присылались, либо направлялись из находившихся в Невской дельте полков. Петербургские разнарядки специалистов следовали ежегодно в течение последующих девяти лет, с 1704 по 1711: в 1704 г. — 100 человек, в 1705 — 50, в 1706–1709 — 2000 человек, в 1710 — 2600, в 1711 — 3686. Как нам удалось установить, указы о присылке мастеровых в среднем были выполнены на 75% (то есть на 10% больше, чем по посошанам). Итак, за 1704–1711 гг. в Петербурге трудилось приблизительно 10 800 специалистов. В 1711 г. была сделана последняя разнарядка мастеровых в Петербург. Начиная с 1712, новую российскую столицу возводили квалифицированные работники, переселённые на Невские берега на постоянное жительство. В 1712 г. их численность составляла 1095 человек. Таким образом, в первые десять лет Петербург строился силами приблизительно 11 900 мастеровых[18].

Помимо посошан к работам периодически привлекались урядники и солдаты. Как показано выше, именно они были основной рабочей силой при строительстве летом 1703 г. крепости на Заячьем острове. В 1704 г. к строительным работам было привлечено 249 человек. С 1710 был сформирован Батальон городовых дел, численность которого составляла 500 урядников и солдат. Помимо них при необходимости к работам привлекались и другие солдаты. Так, петербургский обер-комендант Р.В. Брюс в декабре 1711 г. определил к сооружению Литейного двора 500 солдат. С 1710 г. к петербургским работам были привлечены шведские пленные, которых в тот год насчитывалось в ведомстве Канцелярии городовых дел 650 человек. В следующем году на работы в Невскую дельту было прислано 384 человека. В 1712 г. сюда было прислано около тысячи пленных. С 1711 г. в Петербурге появляются наёмные работники, которые, численностью 900 человек, трудились на кирпичных заводах. Перечисленные категории, как показано выше, не были многочисленны, и за первые десять лет, по всей видимости, составили 5–6 тысяч человек. В каче-

[17] *Андреева Е.А.* Начало строительства Петербурга... С. 258–259, 263–265.

[18] *Андреева Е.А.* Квалифицированная рабочая сила на строительстве Петербурга (1703–1712 гг.) // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XXXII: Петровское время в лицах-2006. СПб., 2006. С. 5–19. (Здесь мы не приводим численность мастеровых, поступавших в ведомство Петербургского адмиралтейства, поскольку основная часть этих работников была занята на сооружении судов и к строительству городских объектов не привлекалась).

стве неквалифицированной рабочей силы использовались также каторжники, но их численность установить не удаётся[19].

При общем подсчёте реально трудившихся в Петербурге в первые десять лет — посошан, мастеровых, солдат, шведских пленных, наёмных работников, получается около 227 тысяч человек. Следовательно, свидетельства иностранцев о 200 или 300 тысячах погибших в первые годы строительства Петербурга не могут соответствовать действительности.

***

Какова же была смертность в Петербурге?

Исследователи, пытавшиеся выявить число скончавшихся на работах в Петербурге сталкивались с одной сложностью, которую отмечает Е.В. Анисимов: «проверить и систематизировать сведения о причинах гибели людей, как и вообще дать сводные данные о потерях работных практически невозможно», поскольку о смертности в Петербурге сохранились только «отрывочные, краткие данные»[20].

Действительно, при выявленном нами обилии делопроизводственных документов о разнарядке и присылке работников в Петербург сведения о скончавшихся оказались скудны. Вряд ли именно данные о погибших были утрачены. Или их не было? Сопоставляя данные шести ведомостей за 1711 г. о присылке работников в Петербург[21], удалось установить, что губернии не должны были присылать работников взамен умерших. Восполнялся некомплект только взамен недопоставленных изначально, сбежавших по пути в Петербург или в самом городе и заболевших. Именно поэтому по скончавшимся в Петербурге работникам нет сводных ведомостей. Ниже представлены все выявленные сведения о скончавшихся, а также о заболевших работниках за 1703–1712 гг.

---

[19] РГАДА. Ф. 198. Оп. 1 Ед. хр. 31. Л. 5–5 об.; РГИА. Ф. 467. Оп. 1. Кн. 10а. № 42. Л. 190; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 95. Л. 1–11; Д. 3538. С. 484; Д. 4822. Л. 2 об.; *Семёнова Л.Н.* Участие шведских мастеровых в строительстве Петербурга (первая четверть XVIII в.) // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв.: Сб. ст. Л., 1970. С. 273; *Андреева Е.А.* 1) Начало строительства Петербурга... С. 111–256; 2) Шведские строители российской столицы // Полтава: Судьбы пленных и взаимодействие культур / Под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой, Л. Юнсон. М., 2009. С. 139–154.

[20] *Анисимов Е.В.* Юный град... С. 107.

[21] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 4437. Л. 1; Ед. хр. 4438. Л. 2; Ед. хр. 4460. Л. 2; Ед. хр. 4578. Л. 1; Ед. хр. 4592. Л. 1; Ед. хр. 4645. Л. 1.

В 1703 г. за строительство деревоземляной крепости на Заячьем острове перед царём отвечали губернатор края А.Д. Меншиков и будущий вице-канцлер Г.И. Головкин. Из их отчётов Петру I узнаём, что из-за холодной и ветреной погоды среди строивших крепость солдат и работных людей было много заболевших, но сведений о скончавшихся в этих отчётах нет[22].

За 1704 г. выявлены данные только по Шлиссельбургу. Согласно ведомости от 6 апреля, из доставляемых с Олонецкой верфи 190 работников Пошехонского уезда скончался 1 (0,53%), заболели 12 (6,32%) и «лежат в розных деревнях». К 9 мая, то есть за первые полтора отработочных месяца из 1267 работников заболели 272 (21,47%), скончались 38 (3%). К 19 июля, то есть к концу второй смены[23], из 1525 посошан, присланных с Каргополя, Белоозера и Ржевы Володимеровой, больных было 610 человек (40%), умерли — 202 (13,25%); из 808 каменщиков хворали 237 (29,33 %), 46 умерли (5,69 %); из 375 кирпичников заболел 101 человек (26,93 %), скончались — 36 (9,60 %)[24].

В 1706 г. из 529 плотников Петербургского адмиралтейства скончался один человек (0,19%), болели 33 (6,24%), ещё пятеро находились в бегах (0,95%). Представление о заболеваемости в Невской дельте в то время может дать «Именная роспись полкам Ингерманландской провинции», поскольку, как уже отмечалось, солдаты привлекались к работам, да и условия их жизни были примерно такие же, как у работников. В первую очередь к работам привлекались урядники и солдаты Петербургского гарнизона, состоявшего из трёх полков: губернатора А.Д. Меншикова, обер-коменданта Р.В. Брюса и И.Д. Гамильтона и насчитывавшего 4361 человека, из которых заболевших (включая раненых) было 12–15%. Кроме того, здесь находились три пехотных полка — коменданта Петербургской крепости А. Шарфа, П. Островского и Ф. Толбухина численностью 1838 человек, заболеваемость в которых составляла от 5 до 7%[25].

---

[22] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 2. Л. 911–912, 927; ПиБ. СПб., 1889. Т. II. Прим. к № 564. С. 607; Прим. к № 567. С. 612; Прим. к № 568. С. 612–614; Прим. к № 571. С. 625.

[23] Вторая смена работала с 25 мая до 25 июля.

[24] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 234. Л. 1; Ед. хр. 239. Л. 1; РГВИА. Ф. 13095. Оп. 1. Ед. хр. 92. Л. 1–3.

[25] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 894. Л. 1–8 об.; *Семёнова Л.Н.* Рабочие Петербурга... С. 60.

В 1708 г. из 1400 астраханских работных людей, трудившихся в Адмиралтействе, больных было 400 человек (28,57%)[26].

В 1709 г. на петербургские работы было прислано 10 734 посошан, из которых заболевших и скончавшихся было 1428 человек (13,30%), однако в документе не раскрывается, сколько из них составили умершие. Отдельной категорией, не входившей (по документам) в общую численность работных людей, проходят присланные в тот год на работы в Невскую дельту 2229 татар, чувашей и «мордвинцев» (мордвы). Из документов видно, что регионы, откуда они присланы, должны были обеспечивать их денежным и хлебным жалованьем, размер которого был меньше, чем у посошан. Татары, чуваши и мордва поступили в ведомство Канцелярии городовых дел, и его глава обер-комиссар У.А. Сенявин в донесении губернатору отмечал их «самоскудость», вследствие которой ему пришлось выдать им денежное жалованье за прошедшие полгода из денег работных людей. Из-за необеспеченности этой категории работников денежным и хлебным жалованьем среди них была большая заболеваемость и смертность, которую, как нечто из ряда вон выходящее, отмечает обер-комиссар в своём отчёте губернатору: больных было почти половина — 1009 (45,27%) и большой процент скончавшихся — 417 (18,71%)[27].

Переписная книга 1709 г. по Малоярославцу зафиксировала потери населения города на петербургских работах — 7 человек скончавшихся, что составляет 2,3% от всего посадского населения мужского пола — 303 человека. Вместе с тем, в документе нет сведений, какое количество работников из этого города направлялось на работы в дельту Невы, и скончались ли эти работники в 1709 г. или это сведения за несколько лет[28].

В том же 1709 г. в Лифляндии появилась «моровая язва» (чума), продолжавшаяся и в 1710–1711 гг. До Петербурга моровое поветрие не дошло благодаря срочно принятым мерам предосторожности — таким как выставление застав, проведение карантинных мероприятий, запрет на передвижение и т.д. Губернатор в это время пристально следил за состоянием здоровья жителей «парадиза», о чём говорят донесения к нему подчинённых. Так, согласно составленной

[26] ПиБ. Т. VIII. Вып. 2. Прим. к № 2549. С. 579.

[27] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 10. Л. 750; Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 3223. Л. 4.

[28] *Митрошенкова Л.В.* Малоярославецкий уезд в конце XV–XVIII в.: Историко-географическое исследование. М., 2004. С. 197.

доктором Ф.Г. Шнедлером именной росписи петербургских больных «мужеска и женска полу», на 5 октября 1710 г. заболевших было 85 человек, среди болезней чаще других назывались «огневая» и лихорадка. Что касается сезонных работников, то на 3 августа 1710 г. из 1335 человек заболело 79 (5,92%). Из зимней смены к 15 декабря от «огневой болезни» скончалось два посошанина, болели семеро татар и посошан. Из солдат в ноябре 1710 г. в Петербурге скончалось 15, в Шлиссельбурге 11 человек[29].

В число умерших при строительстве Петербурга мы включаем не только скончавшихся в самом городе, но и по дороге в Петербург. Документы по этим потерям выявлены за 1711 г.: всего 67 человек, что составляет 0,26% от 25 272 присланных в тот год посошан[30]. Возможно, большая смертность по дороге в Петербург была связана не столько с условиями, в которых находились доставляемые на берега Невы работники, но и с тем, что губернии зачастую отправляли на работы больных и старых людей, что отражено в многочисленных документах и указах, запрещающих присылать таких работников. Из высланных из далекой Сибирской губернии 2405 человек по дороге скончалось 3 (0,12%), а из отправленных Смоленской губернией 1547 человек умерли 13 (0,84%)[31].

Сведения о заболевших и скончавшихся в тот год выявлены только по квалифицированным работникам. По донесению У.А. Сенявина губернатору А.Д. Меншикову, из 1210 прибывших в Петербург каменщиков и кирпичников 34 были «больные и дряхлые», что составляет 1,14%, но неясно, сколько было заболевших, а сколько «дряхлых». В документе также отмечается, что из 2969 трудившихся в Петербурге в тот год мастеровых часть заболела уже в самом городе «и по свидетельству лекарей, вылечить их невозможно», но здесь не сообщается численность этой «части». Установлено также, что за два года — 1711–1712 — из 2210 присланных в Петербург на постоянное место жительства мастеровых умер 61 человек (2,76%)[32].

За 1711 г. выявлены сведения о заболеваемости и смертности среди работников Адмиралтейского ведомства. Так, к началу сентября, из 2448 посошан и татар, трудившихся в петербургском Адмиралтействе,

---

[29] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 3890. Л. 1–5; Ед. хр. 3732. Л. 1–2; Ед. хр. 3978. Л. 1–1 об.; Ед. хр. 4037. Л. 1.

[30] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 4639. Л. 4.

[31] Там же. Ед. хр. 4460. Л. 2.

[32] Там же. Ед. хр. 4602. Л. 1–2; Ед. хр. 4639. Л. 4; Ед. хр. 4650. Л. 7; ДППС. Т. II. Кн. I. № 506. С. 410; Кн. II. № 759. С. 216–217.

больных было 335 человек (13,68%); из 1005 плотников хворых значилось 45 человек (4,47%). Согласно ведомости служителя Адмиралтейской канцелярии комиссара А.Д. Кушелева, с 29 августа по 25 сентября на адмиралтейских работах скончались 22 мастеровых, сбежали — 59[33]. 22 человека за месяц — большая цифра, вместе с тем, мы не знаем ни общей численности мастеровых, трудившихся в тот год в Адмиралтействе, ни причины — возможно, эти 22 человека были изначально присланы больные и «дряхлые», как упомянутые выше 34 каменщика и кирпичника, присланные в Канцелярию городовых дел.

Из приведённых выше документов видно, что сведения о смертности имеются только за отдельные годы и почти всегда по небольшой части присылаемых работников, поэтому невозможно с высокой точностью подсчитать, сколько людей погибло на строительстве Петербурга в 1703–1712 гг. Средний процент смертности, по нашим подсчётам, составил 6–8%. Исходя из установленной реально численности трудившихся в Петербурге различных категорий работников — 220 тысяч, получается, что количество погибших в первое десятилетие существования Петербурга составило 13–17,5 тысяч человек. Таким образом, полученные данные подтверждают существующее в историографии, но не имевшее ранее документального обоснования, мнение о том, что приводимые в иностранных описаниях цифры скончавшихся в Петербурге работников чрезвычайно завышены.

Безусловно, цифра 13,5–18 тысяч умерших кажется очень большой, но считались ли потери в 6–8% в то время большими, если даже в конце XIX в. средняя смертность в России составляла 3,73%[34]? Чтоб ответить на этот вопрос, сравним полученные результаты с положением дел в те же годы на других объектах.

Олонецкий комендант И.Я. Яковлев сообщал А.Д. Меншикову 26 апреля 1704 г. с приладожской Сясьской верфи: «Корабельные мастеры иноземцы многие больны и дело карабельное починает медленно в работе, а лекаря у нас нет, кой был, Павел, и тот давно болен, просим милости о присылке лекаря, а у нас весьма нужда в лекаре, а иные из мастеров 2 иноземцов и умерло»[35].

В ноябре 1709 г. Ю. Юль записал в своём дневнике, что возле Нарвы «одна треть лошадей у крестьянских подвод пала, значи-

[33] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 4650. Л. 1–7.

[34] *Котельников А.* Экономическая сторона в вопросе о смертности населения // Наблюдатель. 1893. № 3. С. 59.

[35] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 209. Л. 1.

тельная часть крестьян умерла от голода, а 400 человек разбежались», поскольку провианта у них было на 2 месяца, находились они там 4 месяца и «от правительства ни сена лошадям, ни хлеба крестьянам не выдавалось»[36].

Известны данные о заболеваемости и смертности на воронежских верфях. Согласно письму адмиралтейца Ф.М. Апраксина царю в сентябре 1703 г., там из 350 плотников хворых было 270 человек (77%). Ф.М. Апраксин здесь же отмечал: «Воистину, Государь, и нам не без страху между таких многочисленных болезней, а и мёртвых с довольством». Большая заболеваемость и смертность была вызвана тяжёлым и непривычным для русских климатом, который ощутил на себе и сам адмиралтеец, сообщавший: «А и сам лежу, тому уже 4 недели не вставал с постели». Он предлагал решить этот вопрос присылкой 400 украинских плотников, поскольку «замосковные... коль скоро придут дни 3 или 4 помешкают и станут немочь». Но, по всей видимости, его просьба не была удовлетворена, так как в 1705 г. только за один месяц — с 1 июля по 3 августа — из 1098 плотников скончались 549 человек, то есть 50%[37]. Вывод очевиден — смертность в Петербурге была на порядок ниже, чем на воронежских верфях.

Как говорилось выше, помимо Петербурга иностранцы приводят явно сильно завышенные цифры людских потерь на других строительных объектах. Так, ганноверский резидент Ф.Х. Вебер отмечает: «Люди, знающие основательно это дело, уверяют, что при возведении крепости в Таганроге у Чёрного моря погибло более 300 000 крестьян...»[38]. Но, в отличие от Петербурга, это не послужило рождению мифа о «Таганроге — крепости на костях».

***

По всей видимости, зарождению петербургского мифа «о костях» послужила большая заболеваемость и смертность в первые два года. Как отмечалось выше, в первый год строительства деревоземляной Петербургской крепости многочисленные донесения царю

---

[36] *Юль. Ю.* Записки Юста Юля, датского посланника... С. 72.

[37] История русского флота. Период Азовский / Сост. С.И. Елагин. СПб., 1864. Приложения. Ч. II. Приложение IV. № 117. С. 18; МИРФ. Ч. III. Отдел IV. № 12. С. 501; РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Ед. хр. 4. Л. 26–26 об.

[38] *Вебер Ф.Х.* Записки о Петре Великом и его царствовании брауншвейгского резидента Вебера // Русский архив. 1872. Вып. 6. Ст. 1119.

А.Д. Меншикова и Г.И. Головкина свидетельствуют о большой заболеваемости среди работников и солдат. Как одну из причин Г.И. Головкин отмечает аномально холодную и ветреную погоду, простоявшую весь июль[39]. Заметим, о скончавшихся в этих донесениях упоминаний нет.

Какие же меры были предприняты и насколько они были эффективны? Часть заболевших солдат губернатор по царскому указу отправил под присмотром боярина князя М.Н. Львова в Великий Новгород. В середине августа 1703 г. взамен заболевших работных людей и солдат прислали новых. Однако эта августовская присылка себя не оправдала, поскольку в Петербург отправляли либо уже хворых людей, либо они заболевали по дороге, что видно из письма Г.И. Головкина царю от 17 августа, где сообщается: у новоприсланных «болезнь одна: понос и цинга». Итак, предпринятые меры не дали результатов[40].

Через пять дней, 22 августа, Г.И. Головкин извещает Петра I об «умножении» болезни. Этот документ представляет для нас особый интерес, поскольку показывает отношение правительства к работникам. Из этого письма мы узнаём, что заболевших, наряду со здоровыми, обеспечивают и хлебным и денежным жалованьем, а также выдают соль и уксус. По этой причине Г.И. Головкин предлагает отпустить заболевших работников, так как пользы от них никакой, а «только хлеб едят, а когда наступят дожжи и стужи, выходить им будет трудно»[41].

Какова же была судьба отправленных в Новгород заболевших солдат? Из донесения военного коменданта Петербургской крепости К.Э. Ренне А.Д. Меншикову от 18 января 1704 г. видно, что отправленные летом 1703 в Новгород урядники и солдаты, выздоровев, вернулись в дельту Невы: «Также в Питербурх из Новагорода приходят разных полков урядники и салдаты и приносят челобитные, что они при бытности милости твоей в Питербурхе записались на вечное житьё, и после того заболели и за теми болезньми отпущены были в Новгород, а ныне обмоглись в списку каков дан подполковнику Николаю Нейтерту, они не написаны. И их в тот полк поволишь ли принимать

[39] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 2. Л. 927.

[40] ПиБ. СПб., 1889. Т. II. Прим. к № 564. С. 607; Прим. к № 568. С. 612–614; Прим. к № 571. С. 625; Русский биографический словарь. СПб., 1914 (Репринт: М., 1996). Т.: Лабзина-Ляшенко. С. 776; *Андреева Е.А.* Кто строил Петербург в 1703 г.? // Меншиковские чтения-2004: Сб. науч. ст. / Отв. ред. П.А. Кротов. СПб., 2004. С. 13–14.

[41] РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Кн. 2. Л. 911–912.

также и оптекарским ученикам впредь месячное жалованье давать?» На полях резолюция: «Записывать имяна»[42].

Не сохранилось документов о численности отправленных в Новгород летом 1703 г. заболевших солдат и о том, сколько из них вернулось в Петербург. Из письма К.Э. Ренне видно, что какое-то количество к январю 1704 г. выздоровело и вернулось назад. Интересно, что, как видно из документа, летом — в начале осени они записались сюда на постоянное проживание. Ещё не была построена до конца деревоземляная крепость на Заячьем острове, не было создано вокруг неё города, а первые постоянные жители уже были.

Вернёмся к заболевшим работникам и солдатам летом 1703 г. Как видно из приведённых выше документов, среди заболеваний отмечены дизентерия и цинга. Цинга в то время была народным бедствием, сопровождала войны, считалась заразной болезнью и уносила тысячи жизней во всех странах[43].

Какие же меры власти принимали для снижения заболеваемости, и каковы были в то время возможности и средства для их лечения? Пётр I, столкнувшись с проблемой большой заболеваемости среди работников и, вероятно, усмотрев в этой ситуации угрозу своим замыслам, в тот же год попытался её решить. Уже в конце лета 1703 г. в невскую дельту были присланы первые лекарства[44] и 500 вёдер (6149,5 л) уксуса (его применяли для борьбы с цингой и дизентерией)[45]. Учтя неудачный опыт первого года и стараясь в дальнейшем предупредить большую заболеваемость среди посошан, царь уже в августе 1703 г. отдаёт распоряжение Г.И. Головкину купить на следующий год в низовых городах на 40 тыс. работных людей (то есть на весь ингерманландский наряд) рыбьего жира «на семь недель», который последний и закупил[46].

---

[42] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 4 об.; См. об этом также: Андреева Е.А. Деятельность первого петербургского коменданта // Петровское время в лицах – 2003: Краткое содержание докладов научной конференции, посвящённой 300-летию основания Санкт-Петербурга. СПб., 2003. С. 12.

[43] *Петров Б.Д.* Очерки истории отечественной медицины. М., 1962. С. 210; Куприянов В.В. Из истории медицинской службы на Русском флоте: По материалам архивов и по страницам трудов доктора флота А.Г. Бахерахта. М., 1963. С. 62–68; *Будко А.А., Шабунин А.В.* История медицины Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 2002. С. 131–132.

[44] В документе не указывается характер этих лекарств.

[45] РГИА. Ф. 466. Оп. 1. Ед. хр. 477. Л. 14.

[46] ПиБ. Т. II. Прим. к № 514. С. 529. Содержащий витамины A и D рыбий жир применяется: внутрь — для профилактики и лечения цинги и авитаминоза; наружно как антисептик при различных нагноениях, ранах и ожогах.

С началом рабочего сезона 1704 г. Пётр I распорядился провиантмейстеру И.П. Бестужеву-Рюмину отпустить «для спиртного сиденья» в гарнизонную аптеку и «на дело лекарств» её управляющему И. Левкенсу 40 вёдер (492 л) вина. В целях борьбы с дизентерией И. Левкенс изобрёл водку, настоянную на сосновых шишках, которая продавалась по 4 рубля 32 копейки за ведро (12,3 л). В 1705 г. в Петербурге было продано 231,5 ведра (2847,2 л) этой водки[47].

В царской резолюции от 20 мая 1704 г. стольнику Ф.П. Вердеревскому, находившемуся при строительстве Петербургской крепости, было велено заболевших работных людей отсылать из города «в особые учреждённые места», сообщать о них коменданту и отмечать имена в росписях[48]. Однако из документа неясно — идёт ли речь о лазаретах, где за больными был какой-то уход, или их просто отправляли умирать вне общих шалашей, чтобы не заразили других работников (в то время цинга считалась заразной болезнью).

В 1710 г., согласно ведомости коменданта Петербургской крепости Д.В. Бильса, из находившихся при Кронверке 1335 работных людей 741 (55,5%) сооружал больницы. К декабрю 1713 г. на Петербургском острове на берегу Малой Невы находились 18 изб солдатских лазаретов, а позади Кронверка располагались 11 «казарм с печми», где держали заболевших каменщиков и работных людей. В 1711 г. в Адмиралтейском ведомстве тоже строились больницы — на Адмиралтейском острове и на реке Тосне[49].

Несмотря на принятые меры, в 1704 г. правительство столкнулось с другой проблемой. Как говорилось выше, смертность работников, присланных из Каргополя, Белоозера и Ржевы Володимеровой составила более 13%, заболеваемость — 40%. Это самый высокий встречающийся в документах процент заболевших и скончавшихся среди посошан. Такие большие потери были связаны с локальным неурожаем зерновых, случившемся в Пошехонском, Белоозёрском, Олонецком уездах[50]. Поскольку города и уезды обеспечи-

---

[47] РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Кн. 11. № 64. Л. 740; Чистович Я.А. История первых медицинских школ в России. СПб., 1883. С. 570; Божерянов И.Н. Первые годы существования С.-Петербурга // Божерянов И.Н., Никольский В.А. Петербургская старина: Очерки и рассказы. СПб., 1909. С. 8.

[48] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 292–292 об.; Анисимов Е.В. Юный град... С. 111.

[49] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 3732. Л. 1–2; Ед. хр. 4602. Л. 1–2; РГАДА. Ф. 26. Оп. 1. Ед. хр. 4817. Л. 6 об., 48.

[50] *Желябужский И.А.* Дневные записки И.А. Желябужского // Рождение империи: Неизвестный автор. Иоганн Корб. Иван Желябужский. Андрей Матвеев. М., 1997.

вали своих работников провиантом, то, к примеру, новгородские посошане были в тот год обеспечены провизией, а пошехонские и белозерские из-за её отсутствия не работали и «скитались по миру». Вот цитата из письма шлиссельбургского коменданта В.И. Порошина губернатору от 8 августа 1704 г.: «А хлебных анбаров одделывать некому потому что <...> которые олонецкие работники те ан[б]ары строили и те все бежали а [по]шехонцы заскорбели <...>»[51].

Думается, что одна только большая заболеваемость и смертность в ранние годы строительства Петербурга, как мы показали, характерная не только для строительства будущей российской столицы, не могла спровоцировать создание мифа. Вероятно, было что-то ещё. На наш взгляд, вторая причина, послужившая зарождению мифа о Петербурге — «городе на костях», это обнаруженные при строительных работах в конце 1710-х–1720-х гг. человеческие кости, которые принимались в то время за останки первых строителей Петербурга. Например, О. де ла Мотрэ, отмечает, что при строительстве дома английского купца Г. Эванса на углу Невского пр. и Фонтанки «было найдено множество черепов тех несчастных людей, что погибли при рытье этого протока». Вместе с тем, в результате проводившихся под руководством П.Е. Сорокина археологических раскопок возле дворца Шереметевых (наб. р. Фонтанки, 34) было обнаружено кладбище XV–XVI в. Возможно, в описанном О. де ла Мотрэ случае тоже были обнаружены захоронения допетровского времени, принятые современниками за могилы первых строителей Петербурга и отчасти породившие миф о костях, на которых был возведён город[52].

Согласно изысканиям П.Е. Сорокина, на территории, где возводился Петербург, находилось много ранних кладбищ: там, где был основан Александро-Невский монастырь, при впадении Охты в Неву (на месте бывшего шведского города Ниена), в западной части Васильевского острова (возле чухонских деревень). В результате археологических раскопок второй половины XIX в. были обнаружены погребения на Васильевском острове: по берегам Малой Невы и Смолен-

---

С. 96; *Священник Словцов*. Историческое и статистическое обозрение неурожаев в России // Сборник статистических сведений о России. СПб., 1858. Кн. III: С. 469, 491–493; *Дуров И.Г.* Провиантское обеспечение флота... С. 210.

[51] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Ед. хр. 384. Л. 2.

[52] *Мотрэ О. де ла*. Из «Путешествия...» // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I... С. 227; *Сорокин П.Е.* Освоение Нижнего Приневья в допетровское время // Приневье до Петербурга: Сборник научных татей. СПб., 2006. С. 26–27.

ки, было выявлено, что на берегу Малой Невы в районе Биржевого моста с XV в. находилось крупное поселение, естественно, рядом располагалось кладбище[53]. Так что действительно можно утверждать, что Петербург — «город на костях». Вот только история появления этих костей часто другая — не имеющая отношения к строительной деятельности Петра I.

Вместе с тем, нельзя оставить без внимания тот факт, что выявленные археологами захоронения первых жителей Петербурга напоминают скудельницы — массовые захоронения, к которым прибегали во время неожиданно большой смертности населения: моров (эпидемий) или военных действий. П.Е. Сорокин установил несколько признаков, характеризующих погребения раннего Петербурга: 1) они коллективные; 2) без гробов; 3) тела зарыты на небольшой глубине; 4) расположены вдали от храмов (не на освящённой земле), и пришёл к выводу, что эти погребения делались по законам военного лагеря, а не русского поселения того времени[54].

Характер выявленных погребений подтверждает свидетельство немецкого автора описания Петербурга, бывшего на невских берегах в 1710–1711 гг., о том, как хоронили в то время: «Со смертью бедных простолюдинов не соблюдают особых церемоний. Завернув тело в рогожу, привязывают двумя верёвками к жерди, и затем два человека его уносят или увозят в санях, как я видел собственными глазами, совершенно нагим, и хоронят без песнопений, колокольного звона и провожающих»[55].

Подобный способ захоронения простолюдинов характерен и для Петербурга последующих лет, например, времён Анны Иоанновны. Так, находившийся в Петербурге в 1736 г. датский путешественник П. фон Хавен отмечает: «Похороны и проводы умершего простого человека <...> обычно не производят большого впечатления <...> я часто наблюдал, как лишь два парня приходили с телом, неся его на плечах на доске почти совершенно нагое, примерно так же, как носят муку к пекарю <...> Однажды два парня в обычной рабочей одежде так притащили тело <...> положили <...> в пустынном месте

---

[53] *Сорокин П.Е.* О захоронениях начала XVIII века в центре Петербурга // Петровское время в лицах-2005: Материалы научной конференции. СПб., 2005. С. 202–207.

[54] Там же. С. 207.

[55] Точное известие о... крепости и городе Санкт-Петербург, о крепостце Кронштлот и их окресностях... // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I... С. 62; См. об этом также: *Сорокин П.Е.* О захоронениях начала XVIII века... С. 205.

на берегу реки, забросали его землей, а поскольку голова высовывалась из-под земли, они сломали шею и наконец с большим трудом зарыли её в землю. На следующий день они снова пришли туда и понесли тело дальше на кладбище»[56]. В то время уже не было угрозы шведского нападения, кроме того, местность была достаточно обжитой, да и смертность работников стала намного ниже, чем в первые годы существования новой российской столицы. Значит, подобный способ захоронения объясняется, прежде всего, небольшой ценностью человеческой жизни в то время.

***

Быстрота создания Петербурга напрямую зависела от наличия значительного количества здоровой и трудоспособной рабочей силы. Работников с большим трудом удавалось собрать в губерниях, доставить в Петербург, часть их сбегала по дороге и в городе, так что каждый работник был в цене, и царю приходилось заботиться об их здоровье и даже поставлять для них рыбий жир и другие лекарства.

Миф является только мифом. Смертность среди первых работников была обычной для того времени и гораздо меньше цифр, приводимых иностранными наблюдателями.

[56] *Хавен П. фон*. Путешествие в Россию // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны... С. 324; *Беспятых Ю.Н.* Введение // Там же. С. 22–23.

В.В. Лапин (Санкт-Петербург)

Москва и Петербург. Столицы России в военном измерении. Период империи

«Питер будит барабан, Москву — колокол». В этих словах неизвестного россиянина зашифрована колоссальная разница между двумя главными городами России. Они — лики двух эпох в её истории. Под каким бы ракурсом ни смотреть на Москву и Петербург (политика, экономика, социальный уклад, культура), отличий будет больше, чем сходства. Сам российский исторический миф складывался под воздействием этих различий, а затем (и одновременно с тем) указанные различия становились основой для формирования новых мифологем. Посмотрим на эти два города из-под козырька форменной фуражки, глазами военного человека...

Петербург был, прежде всего, военной столицей. Свидетельство тому — архитектура и топонимика, городской календарь и организация пространства, облик жителей и их занятия, наконец, акустическая атмосфера города и наполнявшие его запахи. Помпезные здания военного и морского ведомства формировали облик центральной части столицы (Главное Адмиралтейство, Главный штаб, Манеж конной гвардии, казармы Павловского, Преображенского, Семёновского, Гренадерского и других гвардейских полков). Судя по «Объяснениям к историческим планам Столичного города Санкт-Петербурга с 1714 по 1839 год», в 1830-е гг. каждое четвёртое капитальное строение являлось собственностью военного или морского министерства. В дальнейшем город стал менее похож на двор огромной крепости, но гвардеец-караульный оставался настолько обязательной фигурой столичного пейзажа, что автор известного романса завершил один из куплетов словами «...И на штыке у часового горит полночная звезда».

Измайловский и Забалканский проспекты, Офицерская улица, набережная Кутузова, Кадетская линия, Семенцы, Пороховые — в этих названиях отражается военный стиль городских магистралей и районов. Майский парад на Марсовом поле, уход гвардии в Красносельские лагеря и её возвращение, многочисленные полковые праздники — всё это являлось важнейшей частью петербургского календаря. Огромными незастроенными пространствами город также был обязан гарнизону: Марсово поле и Семёновский плац оставались свободными для экзерциций гвардии, огромный парк южнее Петропавловской крепости появился на месте эспланады Кронверка. Подступы к этому фортификационному сооружению должны оставаться свободными, дабы не мешать обстрелу и не предоставлять укрытия наступающим.

Петербург был сосредоточением власти, а вооружённые силы и власть были неразделимы. Прежде всего, сами императоры и вообще все мужчины-члены царской фамилии имели военные чины, а все женщины считались шефами полков. Ежедневно на улицах и площадях северной столицы разыгрывались военные спектакли: разводы, парады, смотры, смены караулов, прохождения частей и т.д. Совсем не шуткой выглядит утверждение: чтобы затеряться в петербургской толпе, лучше всего было надеть военный мундир. Это была привычная одежда даже для многих российских литераторов, композиторов и художников. Прапорщик лейб-гвардии Преображенского полка Модест Мусоргский и военный врач Александр Бородин познакомились «при служебных обстоятельствах» — когда дежурили во 2-м сухопутном госпитале.

В Санкт-Петербурге находились все военные академии и все специальные военные училища (инженерное, морское, артиллерийское), а также несколько кадетских корпусов. Поэтому мундиры носили люди всех возрастов — от дряхлых отставных до мальчиков-кадетов. Поскольку казармы и караулы располагались по всему городу, везде можно было увидеть марширующих солдат, услышать дробь барабана и командные возгласы. Военных в последний путь провожал специальный эскорт, величина которого зависела от чина усопшего. При опускании гроба в могилу звучали ружейные залпы (при погребении генералов — залпы артиллерийские). Звучный голос столичного гарнизона — почти обязательный элемент в петербургских воспоминаниях вне зависимости от эпохи.

Наконец, в Петербурге сосредотачивалась презентация военных успехов империи. Здесь были установлены памятники А.В. Суворову, М.И. Кутузову, М.Б. Барклаю-де-Толли. Бронзовые фигуры Петра I и Николая I также следует включить в список победных симво-

лов. Нарвские и Московские триумфальные ворота, монумент «Румянцева победам», Колонна славы у Троицкого собора, элементы декора ряда столичных храмов, Суворовский музей и Александрийский столп на главной площади империи — всё это дополняло общую «военно-победную» картину.

В дореволюционной Москве тоже располагался солидный гарнизон, но его влияние на городскую жизнь во всех отношениях не шло ни в какое сравнение с ролью гвардии на берегах Невы. Здания военного ведомства «растворялись» в московском пейзаже, общую картину определяли церкви, дворянские особняки и домишки прочих городских обывателей. «Военные» названия улиц терялись среди колоритных «истинно русских» топонимов. Наконец звучание московского гарнизона по силе и по роли в общем акустическом фоне было просто ничтожным. В «белокаменной» явно главенствовала церковь с колокольным звоном, подавляющим все остальные звуки. Древний город слушал колокольню, новый — бастион. Эту разницу в топике двух столиц отметил А.М. Панченко: «Даже акустическая, так сказать, примета Москвы православна: это колокольный звон. Для Петербурга же характерны гром пушек и цокот копыт по торцам, тяжелозвонное скаканье по потрясенной мостовой». Колокольный звон считался одним из национальных (русских) и религиозных (православных) идентификационных признаков. В народном фольклоре не слышать такового означало расставание с родиной.

Радикальный поворот в жизни России начала XVIII в. сопровождался передачей пушке функций главного сигнального инструмента, что полностью соответствовало смене вектора культурного развития. Колокол оставили Москве, как бороду — купцам и крестьянам. Пушка гораздо лучше подходила для новой власти, для организации триумфов, для возвеличивания светского, военного начала.

Историческими и географическими центрами обеих столиц являются крепости. Московский кремль по своей фортификационной «философии» (высокие стены, вытянутые в линию и ещё более высокие башни как локальные цитадели) восходит к временам, когда для преодоления силы земного притяжения могла использоваться только мускульная сила, а бились почти исключительно холодным оружием. Линия зубцов на стенах — средневековый военный орнамент. Существенную роль играла каждая лишняя пядь в высоте стены, поскольку для подъёма на неё требовалось преодолевать не только сопротивление обороняющихся, но и собственный вес. Образно говоря, Кремль был готов к налёту визжащей от ярости Азии. Когда закладывалась Петропавловская крепость, по всему миру гре-

мели тысячи пушек — смертоносных машин, в которых чугунному ядру придавалось ускорение, достаточное для полёта и разрушения всего, что встретится на его пути. Это был грозный голос Европы. Поэтому крепости Нового времени распластывались по земле, чтобы минимизировать ущерб от бомбардирования. Их стены не вытягивались по холмам, а принимали причудливые конфигурации, чтобы атакующий противник оказывался под перекрестным ружейным огнём. Кремль и Петропавловская крепость олицетворяли собой разные эпохи ратного дела, государственной организации и представлений о мироздании.

Общей функцией двух твердынь было только то, что в них находили себе последнее успокоение правители России. Но в Кремле покоился прах царей Московского царства, а в Петропавловском соборе — члены августейшей фамилии, усопшие уже после основания града Петрова. Далее мы видим расхождения: в Москве за крепостными стенами никогда не чеканили монету и не содержали политических преступников. Разумеется, общим является то, что ни Московский кремль, ни Петропавловская крепость никогда не использовались по своему прямому назначению — как опора в борьбе с иностранными захватчиками или внутренними мятежниками. Стены, возведённые в XV столетии, лучше годились как преграда на пути взбунтовавшейся городской черни, а вот за бастионами XVIII в. можно было укрыться и от мятежных гвардейских полков, даже если они имели артиллерию.

Расположение Москвы в глубине «истинно российских» земель обеспечило ей безопасность от вторжения армий как «морских» держав, так и тех государств, у которых главную силу составляли сухопутные войска. Движение войск во все времена напоминало путь льдины в весенней воде: полки таяли из-за болезней и дезертирства. Сотни вёрст до ближайшей границы, да ещё в совокупности с непроезжими российскими дорогами, бедным и редким населением, неспособным прокормить проходящие войска и обеспечить их кровом, являлись мощной защитой сами по себе. К тому же империя располагала сильной армией, которая в течение всего XVIII в. успешно раздвигала границы, а её командование не особо задумывалось о защите древней столицы. Складывается впечатление, что безопасность Москвы для россиян была чем-то само собой разумеющимся. Этот психологический момент в недостаточной мере оценен в историографии при анализе событий августа–сентября 1812 г. Никаких фортификационных сооружений вокруг города не возводилось со времён Северной войны, и от них уже при Елизавете Петровне не осталось следов. В период существования единого государ-

ства чужие стяги дважды реяли над Кремлём с интервалом в два столетия. В первом случае государства как такового не было, поскольку на землях Московского царства в 1612 г. царила Великая Смута. Во втором случае в пределы России вторглась огромная армия под предводительством Наполеона — одного из лучших полководцев, которых только знала история. Образное выражение «Москва — сердце России» отражает не только взгляд на этот город как на центр православия, как на географическое местоположение души русского народа, но и на орган, поражению которого должно предшествовать тяжёлое ранение.

В каждом национальном историческом мифе военный элемент занимает одно из ведущих мест. Российский «исторический роман», если судить по символическому пантеону, наполнен бряцанием оружия. Ярчайшая страница российского мифа — Отечественная война 1812 г., самая великая победа России в имперский период. Во время подготовки и проведения юбилейных торжеств в 1912 г. наблюдался повышенный интерес к отдельным элементам национального исторического мифа, к элементам, которые по различным причинам актуализировались и приобретали новое звучание. В юбилейном полемическом потоке не могло не найтись места для конкуренции двух столиц. Патриоты белокаменной, а также те политические силы, которые под словом Петербург понимали прежде всего ненавистную столичную бюрократию, доказывали, что патриотизм и самопожертвование 1812 г. — это прежде всего Москва, которую Петербург «оставил один на один с неприятелем»[1]. Противостояние Москва-Петербург прорывается в письме М.А. Волковой к В.И. Ланской от 3 сентября 1812 г.: «Ежели Москва погибнет, все пропало! Бонапарту это хорошо известно; он никогда не считал равными наши обе столицы. Он знает, что в России огромное значение имеет древний город Москва, а блестящий нарядный Петербург почти то же, что все другие города в государстве. Это неоспоримая истина. Во время всего путешествия нашего (в Тамбов — *В.Л.*) даже здесь вдалеке от театра войны нас постоянно окружают крестьяне, спрашивая известий о матушке-Москве. Могу тебя уверить, что ни один из них не поминал о Питере. Жители Петербурга, вместо того, чтобы интересоваться общественными делами, занимаются госпожой Сталь...»[2].

---

[1] Бородино и Москва // Утро России. 26 августа 1912. № 197.

[2] Частные письма 1812 года от Марии Аполлоновны Волковой к Варваре Ивановне Ланской // Двенадцатый год в воспоминаниях и переписке современников. М., 1912. С. 257.

Общеизвестно, что в коллективной российской исторической памяти московский пожар 1612 г. — символ очищения и одоления Смуты. Очищенная огнём новая Москва приняла новую династию. Уже по одной этой причине для торжества всякого рода конструкций с монархическим и патриотическим наполнением внимание к сожжению белокаменной становится практически неизбежным. Несмотря на эпический характер сражения при Бородино, у современников и у потомков сложилось впечатление, что Москва была сдана без боя. Здесь не выручило даже то, что битва произошла практически в предместьях и за несколько дней до вступления первых частей наполеоновской армии в опустевший город. Известно сравнение столицы, взятой неприятелем, с обесчещенной женщиной — восстановить репутацию не представлялось возможным. Но в драмах прописан один выход из такого трагического положения — гибель, причём аудитория готова даже простить самоубийство, обычно осуждаемое как большой грех. Отсюда, по нашему мнению, стойкость тезиса о том, что москвичи сами сознательно уничтожили город, несмотря на отсутствие веских доказательств в пользу этого. Пожар — форма сопротивления, героизировавшая уничтожение столицы. Такая схема поднимала статус Москвы после 1812 г. Вторжение огромной наполеоновской армии «переплавило» в коллективном сознании россиян исторический опыт татарского нашествия, память о котором в течение нескольких веков «освежала» противостояние с Крымском ханством, и Смуты начала XVII столетия, когда иностранцы хозяйничали в Москве.

Возвышение Москвы в сознании россиян во многом объяснялось тем, что её гибель в огне воспринималась как очистительная жертва во спасение России и даже всей Европы, что ясно видно из рескрипта Александра I Растопчину от 11 ноября 1812 г.: «Хотя великолепную столицу нашу пожрал ненасытный огонь, но огонь сей будет в роды родов освещать лютость врагов и нашу славу. В нём сгорело чудовищное намерение всесветного обладания, приключившее толико бедствий всему роду человеческому и приготовлявшее столько же зол предбудущим родам». Московский викарий Августин в обращении к жителям города писал: «Домы ваши обращены в пепел; но под сим пеплом угасла навеки слава ненавистного завоевателя. Расхищены и истреблены сокровища ваши; но ценой погибших сокровищ вы искупили свободу не только всей России, но и целой Европы. Разрушены великолепные здания, украшавшие град сей; но падением своим они сокрушили страшное могущество Наполеона»[3].

[3] Московские ведомости. 1812 г. № 71–94. С. 1756.

Москва и Бородино в эпопее 1812 г. неразделимы. Москва стала конечным пунктом продвижения Наполеона на восток. Москва стала символом коренного перелома не только в кампании 1812 г., но и во всей наполеоновской эпохе. Этим прежде всего объясняется столь важное место белокаменной в героической картине российской истории.

Петербург другим путём вошёл в национальный военный миф. Безусловно, его название вплетено в колоссальную картину петровских побед на суше и на море, но поворотным пунктом Северной войны стала всё-таки Полтава. Основание города и превращение в столицу оказало значительное влияние на военно-стратегическую ситуацию, на решение Россией ряда внешнеполитических проблем. Город на Неве рисковал стать жертвой решительной атаки с моря, причём десантные суда и канонерские лодки с малой осадкой могли преодолеть мели в устье реки и причалить прямо к крыльцу царской резиденции. Пётр Великий для защиты своего детища построил мощный флот, укрепил Кронштадт и устье Невы. Местоположение столицы стало для штабных чинов морского ведомства чем-то вроде ядра, прикреплённого цепью к ноге каторжника. Именно оборона Петербурга стала альфой и омегой всех военно-морских доктрин России, уступая лишь иногда другим имперским задачам.

После присоединения в начале XVIII в. Эстляндии и Лифляндии, а затем и Курляндии, после установления фактического контроля над Речью Посполитой удар с юго-западного направления выглядел исключительно теоретическим. На северо-западе граница прошла в 150 верстах от северных окраин столицы. Её прочность обеспечивалась оборонительной линией, опиравшейся на крепости Выборг и Кексгольм (совр. Приозерск). Тем не менее, шведская угроза постоянно присутствовала в расчётах русского командования и в политическом сознании россиян вплоть до начала XX столетия. Хотя войны 1700–1721, 1741–1743, 1788–1790 и 1808–1809 гг. продемонстрировали, что Стокгольм в единоборстве с Петербургом не имеет шансов на успех, вероятность присоединения Швеции к европейской коалиции вызывала в России большую тревогу. Особенно беспокоила перспектива появления в устье Невы британского флота. Самым простым, радикальным и «естественным» способом решения проблемы (при взгляде на географическую карту) выглядело присоединение Финляндии. Поэтому в течение всего XVIII столетия различные государственные деятели Рос-

сии считали завоевание этой части Шведского королевства очень полезным в военно-стратегическом отношении шагом[4].

Шаг этот был сделан в 1809 г.: в состав империи была включена Финляндия. Почему это произошло? По условиям Фридрихсгамского мирного договора новая граница России продвигалась до Ботнического залива, а Финский залив фактически превращался во внутренний имперский водоём. Отныне на карте между потенциально опасным соседом (Швецией) и Санкт-Петербургом, являвшимся не только административно-политическим, но и важнейшим экономическим и культурным центром государства, создавался солидный защитный барьер. Именно это стремление повысить безопасность столицы считается главной (и едва ли не единственной) причиной насильственного включения Великого княжества Финляндского в состав России. В отечественной историографии укоренились представления о том, что Финляндия представляла собой удобный плацдарм для вторжения в Россию с северо-западного направления[5], с чем в целом соглашаются и финские историки[6]. При этом наблюдается «смешение» причин Русско-шведской войны 1808–1809 гг. и причины присоединения Финляндии к России. В первом случае — принуждение Стокгольма к участию в Континентальной блокаде, во втором — обеспечение безопасности Петербурга. Однако «аксиоматичность» отодвигания границы империи до Ботнического залива не кажется таковой при детальном рассмотрении военно-стратегической ситуации в Восточной Прибалтике.

Даже оборонительная линия Выборг–Кексгольм создавала практически непреодолимые препятствия для наступающей армии. Этого мнения в начале XX столетия придерживался начальник береговой и морской обороны Свеаборга генерал-майор А.М. Витмер. Сам Пётр Великий считал Выборг достаточным обеспечением Петербурга, несмотря на то, что шведская армия в первой четверти XVIII в. оставалась грозным противником[7].

После победоносной для России войны со Швецией в 1741–1743 гг. граница между двумя северными державами продвинулась ещё на 250–300 километров в западном направлении. По линии

---

[4] *Каменский Н.* Современное положение Финляндии. СПб., 1908. С. 10.

[5] *Зеленева И.В.* Геополитика и геостратегия России. XVIII–первая половина XIX века. СПб., 2005. С. 99–100.

[6] *Клинге Матти.* Имперская Финляндия. СПб., 2005. С. 16, 37.

[7] *Евреинов Г.А.* Национальные вопросы на инородческих окраинах России. Схема политической программы. СПб., 1908. С. 72.

реки Кюмени была создана мощная оборонительная линия, основу которой составляли крепости Рочесальм, Нейшлот, Фридрихсгам, Кюмень-город, форт Давыдов, Вильманстранд. Как и на рубеже Выборг–Кексгольм, который с того времени составил второй эшелон оборонительной системы Петербурга, фортификационные сооружения были вписаны в комплекс природных преград (реки, озёра, болота, труднопроходимые леса). Прочность названных оборонительных линий возрастала из-за того, что войска, двигавшиеся с запада по территории Финляндии к границе России, неминуемо испытывали огромные трудности в снабжении и перевозке припасов. Дорожная сеть была неразвита, а бедное и редкое население даже при условии тотальных реквизиций не могло обеспечить провиантом и фуражом даже десятую часть армии, которая могла всерьёз угрожать Петербургу. Навигация в Ботническом и Финском заливах прекращалась на 4–5 зимних месяцев. Снабжение экспедиционного корпуса морем становилось в связи с этим крайне сложной задачей[8]. Примечательно, что авторы, пугавшие своих читателей превращением Финляндии в неприятельский плацдарм, старательно замалчивали голод, который мучил русские войска в кампаниях 1741–1743 и 1808–1809 гг. Не афишируются также высказывания А.В. Суворова о том, что движение войск севернее Нейшлота — дело немыслимое и что система крепостей, строительством и реконструкцией которых он занимался в 1791–1793 гг., является непреодолимой преградой.

В ходе войны 1788–1790 гг. шведский король отказался вести свои войска по собственной земле и пробиваться через оборонительные линии Фридрихгам–Нейшлот и Выборг–Кексгольм. Вместо этого он планировал крайне рискованное предприятие — высадить десант на южном берегу Финского залива, разгромив предварительно русский флот. Но поскольку второе не произошло, не состоялось и первое. То, что шведы для движения на Петербург предпочли чужие «хляби», а не собственные «тверди», свидетельствует: путь через Карельский перешеек к устью Невы — самый невыгодный из всех существующих. Россия в конце XVIII столетия имела неоспоримое военное преимущество над своим северным соседом. Более того, в самой финляндской элите существовала влиятельная группировка (генерал Спренгпортен и др.), желавшая отделения края от Швеции. Однако Екатерина II, представлявшая себя

[8] См.: Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. 1. Ч. 1–8. СПб., 1848–1851

наследницей дел Петра Великого, ограничилась сохранением статуса кво и лишь приняла меры к дополнительному укреплению границы, проведённой в 1743 г.

Морской вариант нападения на Петербург с поправками на технические возможности кораблестроения разных эпох выглядел в целом следующим образом. Мощный неприятельский флот прикрывал армаду транспортов, доставлявших в Финский залив многотысячную армию, способную на равных сражаться с теми войсками, которые Россия в состоянии перебросить в сравнительно сжатые сроки на угрожаемый участок. Место для высадки должно было удовлетворять трём условиям: располагаться по возможности близко к устью Невы; иметь удобный и безопасный рейд для стоянки огромного флота; иметь прибрежные глубины и конфигурацию берега, позволяющие расчищать, а затем прикрывать место высадки огнём корабельной артиллерии. Идеальным оказался Бьёрке-зунд (современный Приморск) и вполне подходящим Высоцк. По мнению того же генерала А.Н. Витмера, «более чем вероятное превосходство» на море позволяло будущему противнику высаживаться в любом пункте Балтийского побережья, и в этой связи странно было бы предполагать высадку неприятельских войск в западной части Финляндии с последующим движением на восток. Он находил самым удобным местом для вражеского десанта Бьёрке-зунд, откуда до северных окраин Петербурга оставалось всего 3–4 перехода[9]. То, что неприятельские войска будут высаживаться на ближайших подступах к Петербургу, полагали и другие военные специалисты[10]. Заметим, что оба вышеназванных пункта были российскими уже в 1721 г., а в 1743 г. даже утратили статус приграничных. Таким образом, в 1809 г. ни «морскую», ни «сухопутную» безопасность Петербурга присоединение Финляндии не повышало.

Военно-стратегическая (а вместе с ней и политическая) ситуация радикально изменилась в 1811 г. Земли, отторгнутые от Швеции в 1721 и 1743 гг., были включены в состав Великого Княжества Финляндского, граница которого стала проходить по реке Сестре, рукой подать до северных городских окраин. Это обострило вопрос о политической благонадежности автономии и о степени её самостоятельности. Финляндия в границах 1811 г. действительно по военным соображениям должна была находиться в составе империи.

---

[9] *Витмер А.М.* Военные порта Финского побережья и Чёрного моря. Стратегический обзор. СПб., 1913. С. 3–4.

[10] *Золотарёв А.М.* Военно-статистический очерк Финляндии. СПб., 1890. С. III. Паг. 1-я; С. 92–93. Паг. 2-я.

Неслучайно самое горячее одобрение действия Александра I получили в конце XIX–начале XX в., когда обострение отношений между Петербургом и Гельсингфорсом способствовало росту опасений, что эта область империи может стать удобной площадкой для потенциального агрессора. Политическая культура высшей российской бюрократии предполагала признание агентурным любое антиправительственное выступление. В данном случае в представлении Петербурга нити «заговора» тянулись в столицы враждебных держав. Шведская и германская угроза Финляндии стала излюбленной темой отечественных журналистов[11].

Манифест от 1 октября 1809 г. «О заключении мира между Россией и Швецией» обещал финскому народу, «бедствиями войны доселе почти непрерывно обуреваемому», пребывание в «тишине и безопасности»[12]. Однако, будучи континентальной державой, Россия не могла оградить от посягательств извне свои приморские окраины, поскольку для этого было необходимо иметь господство на море, немыслимое с точки зрения финансовых ресурсов империи. Вера финляндцев в способность России защитить их от внешнего врага была сильно поколеблена во время Крымской войны. Англо-французский флот беспрепятственно хозяйничал на Балтике. Неспособность защитить Финляндию ставила Петербург в щекотливое положение при выдвижении требований к финнам «быть как все» в вопросах обороны империи. Стратегический выигрыш от продвижения границы империи до Ботнического залива при тщательном анализе не выглядит столь блестящим, как это кажется с первого взгляда.

Таким образом, Москва и Петербург и в «военном» измерении занимают в российском историческом мифе разные позиции.

[11] *Каменский Н.* Современное положение Финляндии. СПб., 1908. С. 20.

[12] ПСЗ. Т. 30: 1808–1809. [СПб.], 1830. № 23883. С. 1186–1193.

Н.Р. Славнитский (Санкт-Петербург)

«Столичный» и городской гарнизоны Санкт-Петербурга в царствование Петра I

Первые сведения о расположенных в пределах города войсках относятся к 1704 г., когда в распоряжении обер-коменданта Санкт-Петербурга Р.В. Брюса имелось 7 полков, насчитывавших 5500 человек, и до 2000 человек нерегулярной конницы[1]. Эти войска вполне можно считать петербургским гарнизоном, усиленным в условиях военного времени. В 1704–1705 гг. они защищали будущую столицу Российской империи от нападений шведского корпуса под командованием Г.Я. Майделя. В работе М.Д. Рабиновича указано, что в этот период гарнизонную службу в Санкт-Петербурге несли: Полк Р.В. Брюса (называвшийся также Санкт-Петербургским оберкомендантским полком), Солдатский полк под командованием подполковника Фёдора Буларта, Солдатский полк М.И. Фливерка, Солдатский полк плац-майора М.О. Чемесова (сформирован в 1705), Солдатский полк П. Островского (в 1704, с 1705 находился на острове Котлин), Конный полк М. Зажарского — в начале 1705 (весной этого же года вернулся в Астрахань), Стрелецкий полк Рауха (в 1706 переформирован в одноименный гарнизонный солдатский полк). Скорее всего, были и другие не выявленные в настоящее время соединения.

[1] *Тимченко-Рубан Г.И.* Оборона Петербурга в 1704–1705 гг. СПб., 1899. С. 4; *Он же*. Первые годы Петербурга: Военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 105. Н.Г. Устрялов, впрочем, считал, что в распоряжении Р.В. Брюса было шесть пехотных полков: *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. IV. Ч. I. СПб., 1863. С. 255.

В дальнейшем полки, находившиеся под командованием Р.В. Брюса (ещё несколько полков было сформировано в 1706)[2], вошли в состав корпуса Ф.М. Апраксина, расположенного в Ингерманландии и противостоявшего в 1708 г. войскам шведского корпуса под командованием Г. Любекера. В следующем году некоторые из них были направлены на Украинский театр военных действий для усиления главной армии. В 1710 г. корпус Ф.М. Апраксина осуществлял осаду Выборга, а с 1712 вёл боевые действия на территории Финляндии.

Несомненно, что в 1708–1710 гг. часть этих войск несла гарнизонную службу по охране крепости и городских построек. Можно предположить, что одним из этих полков наверняка был полк плацмайора М.О. Чемесова. М.Д. Рабинович упоминает солдатский полк Юрлова, нёсший гарнизонную службу в 1710–1712 гг.

Сведения о составе и численности войск, находившихся под командой петербургского обер-коменданта, содержатся в донесении Р.В. Брюса А.Д. Меншикову 17 сентября 1709 г. (с этими полками он отправился к Нарве): «генерал маеора Брюса 886 человек, полковника Порошина 914 человек, подполковника Денисьева 833 человека, каменданта Билса 895 человек, брегадира Фразера батальон 674 человека, полковника Стобинского 744 человека, батальон маеора Савенкова 580 человек, коменданта Зотова 800 человек, полковника Буша 953 человека, полковника Болобанова 953 человека, полковника Шкота 800 человек, полковника Неклюдова 770 человек, маеора Бранвицкого 950 человек, всего 10 765 человек»[3]. В ноябре часть этих войск вернулась вместе с Р.В. Брюсом в Петербург[4], в дальнейшем эти соединения, скорее всего, составляли основу корпуса Ф.М. Апраксина.

М.В. Бабич и И.В. Бабич упоминают части, находившиеся в Ингерманландии в 1711 г. (большинство из них в первом десятилетии XVIII в. находились под командованием Р.В. Брюса): Луцкий драгунский полк, Нарвский драгунский полк, Вологодский драгунский полк, Олонецкий драгунский полк, Санкт-Петербургский полк, Архангелогородский полк, Галицкий полк, полки Инглиса, Бильса, Чемесова, Шувалова, Неклюдова, Толбухина, Островского, Молчанова, Желтухина, Зотова, Козлова, Нарышкина, Апраксина, Юрло-

[2] *Рабинович М.Д.* Полки петровской армии 1698–1725. Краткий справочник // Труды государственного исторического музея. М., 1977. Вып. 48.

[3] Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 3378. Л. 1–2.

[4] Там же. Д. 3452. Л. 1.

ва, Олонецкий батальон[5]. Очевидно, не все они входили в состав Петербургского гарнизона — к примеру, полки Толбухина и Островского все эти годы размещались на острове Котлин. Указанные части принимали участие в боевых операциях — при этом потери были небольшие (основные боевые потери приходятся на 1704, 1705, 1708 и 1710), а вот небоевые потери (от болезней) весьма значительные, особенно в первый год существования того или иного полка. В полку Бильса, в частности, в 1704 г. умерло 269 человек, в 1705 — 387 человек, тогда как в боях 1705 г. погибло всего 28 человек. В полку Чемесова в 1705 г. погибло 5 человек, а от болезней скончалось 546 (и 269 человек — в 1704). В других частях небоевые потери были ниже, но тоже изрядные (в Санкт-Петербургском полку Р.В. Брюса в 1704–1705 умерло 314 человек, погибло в боях 52). М.В. Бабич и И.В. Бабич связывают массовую смертность с резкой сменой привычной среды обитания и полагают, что рост заболеваемости вызывает, помимо природных факторов, совместное существование многих людей, сформировавшихся в разных условиях, с набором адаптации или, напротив, восприимчивости к разным типам инфекции[6].

Постоянный гарнизон, по всей вероятности, появился в Санкт-Петербурге в 1712 г. В этой связи интересно упоминание Л.Ю. Эренмальма, который отмечал, что гарнизон в 1712 г. состоял всего из нескольких тысяч человек, так как остальных отправили с войсками, которые направлялись в Финляндию[7]. Надо сказать, что петербургский комендант М.О. Чемесов 16 июля 1712 г. получил предписание, в котором указывалось «по отбытии нашем <...> иметь крепкую осторожность как в гварнизоне, так и вне гварнизона» и находиться в команде генерал-майора Бутурлина, который должен был с полками подойти к Петербургу и принять команду над всеми сухопутными войсками в Санкт-Петербурге и окрестностях, причём ему было приказано расположиться «перешед реку Неву, где стояли при нас обретающиеся полки»[8]. Бутурлин должен был прикрывать тыл

---

[5] *Бабич М.В., Бабич И.В.* Потерявши... помним: к истории небоевых потерь частей, дислоцированных в Ингерманландии в 1711 году // Война и оружие. СПб., 2012. Ч. 1. С. 47–55.

[6] Там же.

[7] *Эренмальм Л.Ю.* Описание города Петербурга вкупе с некоторыми замечаниями // Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 92.

[8] *Мышлаевский А.З.* Пётр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 гг. Совместная операция сухопутной армии, галерного и корабельного флотов. СПб., 1896. Приложения. № 6–7. С. 9–11.

корпуса Ф.М. Апраксина и служить резервом, поэтому его соединения нельзя считать гарнизоном.

Скорее всего, к этому времени относится выделение полков, находившихся в подчинении М.О. Чемесова (именно о них писал Л.Ю. Эренмальм), в постоянный гарнизон Санкт-Петербурга. В пользу этого предположения служит и тот факт, что в это время на Городском острове стали строиться солдатские слободы[9]. Это, на наш взгляд, связано с тем, что после перенесения театра военных действий в Финляндию непосредственная угроза Санкт-Петербургу со стороны шведских войск отпала, и сюда стали переезжать центральные учреждения страны. К этому времени — августу 1712 г. — относится и появление термина «Санкт-Петербургский гварнизон». Р.В. Брюс писал тогда Ф.М. Апраксину: «Всеподданнейше доношу вашему высокографскому превосходительству. В нынешнем 712 г. февраля в 29 день по указу светлейшаго князя пожалованы в плац-майоры в Санкт-Питербургский гварнизон архангелогородского полку ис капитанов Алексей Киселев, ис полковых маеоров Афанасий нёмцов»[10] (хотя «гварнизонные полки» упоминались в документах и раньше).

Вместе с тем, юридически формирование гарнизона было оформлено, по-видимому, лишь в январе 1720 г., когда, по данным С.Н. Долгорукого, «в Санкт-Петербурге положено быть 4 гарнизонным полкам, в котором и состояли: Комендантский, Колтовский, Белозерский и Бухгольцов»[11].

К декабрю 1713 г. относится «Табель караулная петербурсгкого гарнизона»[12], позволяющая установить его численность на тот момент. Судя по табели, в состав гарнизона входил 21 офицер, 29 унтерофицеров, 1215 капралов и рядовых. По данным О.Г. Агеевой, в 1716–1717 гг. гарнизон составляли три гарнизонных полка — полковника Чемесова, Белозерский и полковника Колтовского, в которых числилось 2926 человек[13]. Всего же, по данным А. Жуковского, число сухо-

---

[9] *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города до введения в действие выборного городского управления по учреждениям о губерниях. 1703–1782. М., 2004. С. 78–79.

[10] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 33. Л. 137–138.

[11] *Долгорукий С.Н.* Хроника российской императорской армии. Из разных сведений собрана генерал-майором, Государственной Военной коллегии членом и орденом Св. Анны кавалером князем Долгоруким. СПб., 1799.

[12] ПиБ. Т. 13. Вып. 2. М., 2003. № 6386. С. 224–228.

[13] *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов на свете» — град Святого Петра. Петербург в русском общественном сознании начала XVIII века. СПб., 1999. С. 135–136.

путных войск, расположенных в Петербурге и уездах, достигало под конец царствования Петра 10 000 человек[14]. Но эти цифры, скорее всего, учитывают и гвардейские полки, которые к тому времени были уже переведены на постоянные квартиры в Санкт-Петербург.

В функции гарнизона, по данным О.Г. Агеевой, входили патрульно-постовая служба, наблюдение за разнообразными работами и непосредственное участие в них, служба по пожарной, медицинской части[15]. Имеющиеся в нашем распоряжении источники подтверждают эти сведения. Можно в качестве примера добавить, что в 1718 г. гарнизонные солдаты использовались для работ в Адмиралтействе[16], в мае следующего года 200 человек солдат с офицерами было направлено на работы в Летний дворец[17].

Караульную и постовую службу солдаты этих полков несли в первую очередь на военных объектах. В частности, в 1713 г. на караулах в Санкт-Петербургской крепости находилось 425 человек[18]. Караулы имелись также и на Зелейном и Литейном дворе, возле домов генералов и дипломатов, у полковых судов и лодок, один пост — возле церкви Сампсона Странноприимца. Следует отметить, что с 1717–1718 гг. в караульной службе в Санкт-Петербурге были задействованы и солдаты Преображенского и Семёновского гвардейских полков[19].

Несомненно, часть войск размещалась в Санкт-Петербургской крепости, где уже в 1704 г. были построены деревянные дома для коменданта и плац-майора. П.Г. Брюс отмечал, что в крепости есть дома для офицеров и бараки для гарнизонных солдат, большой цейхгауз, склады[20]. Ф.Х. Вебер писал, что в крепости не живет никто, кроме коменданта, нескольких офицеров и аптекарей да ещё нескольких сот солдат[21].

---

[14] *Жуковский А.* Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. III. Ч. I. Санкт-Петербургская губерния. СПб., 1851. С. 1.

[15] *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов на свете». С. 136.

[16] Журнал Санкт Петербургской крепости // Библиотека Академии наук. Отдел рукописей, редких книг, картографии. Ф. 57. № 31. 7. 14. Л. 40.

[17] Там же. Л. 62.

[18] ПиБ. Т. 13. Вып. 2. М., 2003. № 6386. С. 224.

[19] См.: *Карцов П.* История лейб-гвардии Семёновского полка. СПб., 1852. Приложения № 48–49. В «Журнале Санкт-Петербургской крепости» также постоянно упоминается о несении караулов в крепости гвардейцами.

[20] *Брюс П.Г.* Из «Мемуаров...» // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 163.

[21] *Вебер Ф.-Х.* Преображённая Россия // *Беспятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 106.

Кроме того, как уже говорилось, в 1712 г. стали строиться солдатские слободы на Городском острове возле крепости, где в 1713 г. существовала слобода Белозерского полка[22]. Гарнизонные полки были расположены возле крепости и должны были прикрывать её с северо-западной стороны. Интересная деталь: именно в солдатские слободы была перенесена из крепости деревянная церковь Петра и Павла, освящённая в 1720 г. во имя апостола Матвея и ставшая первым полковым храмом Санкт-Петербурга. Военнослужащие селились и за пределами крепости — по данным О.Г. Агеевой, офицерам и нижним чинам в 1716–1717 гг. принадлежало 1143 двора[23].

Во втором десятилетии XVIII в. Санкт-Петербург стал резиденцией царя и столицей государства, что, естественно, повлекло за собой и перевод на берега Невы царского двора и центральных государственных учреждений. Сюда же постепенно переводили гвардейские полки — Преображенский и Семёновский, ставшие со временем неотъемлемой частью гарнизона столицы — гвардейцы, как уже упоминалось, стали выполнять ряд функций, возложенных и на полки городского гарнизона Санкт-Петербурга. По сути дела, в столице возникло два, дополнявших друг друга, гарнизона — «столичный» и «городской».

Гвардейские полки появлялись в Санкт-Петербурге и раньше. Так, в Походном журнале Петра I за 1704 г. значится: «На страстной неделе в последних днях пришли в Санктпетерсбурк Преображенский и Семёновский полки и стали обозом подле Невы реки, в палатках, с Новгородской стороны»[24].

То же встречается и в 1714 г.: «В 4 день апреля прибыл в Питербурх Семёновский полк, который шёл також мимо Государева Зимнего Двора на квартиры за реку», «Во 2 день апреля пришёл в Питербурх Преображенский полк, шли мимо Государева Зимнего Двора за реку; и как взошли на площадь, палили из ружья»[25]. Впрочем, это были лишь эпизоды, связанные с участием полков в боевых действиях.

Местом дислокации Семёновского полка первоначально были Петербургская сторона и Васильевский остров, впоследствии один батальон перебрался на Адмиралтейскую сторону. Квартиры военнослужащим отводились во всех домах (из расчёта два жильца на одну комнату). Распоряжение по жилью делала Полицмейстерская

---

[22] *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга... С. 80.

[23] *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов на свете». С. 102.

[24] Походный журнал 1704 г. СПб., 1912. С. 18.

[25] Походный журнал 1714 г. СПб., 1913. С. 7.

канцелярия, образованная в 1718 г., которая получала из полка списки личного состава. Офицеры нанимали помещения для своей прислуги. С 1723 г. офицеры сами были обязаны нанимать себе квартиры или строить дома. В 1720 г. Пётр I приказал найти место для постройки помещений всем полковым чинам. Место отвели за Фонтанкой, между Аничковым и Обуховским мостами, представили план, но до смерти царя строительство начать не успели[26].

Основной функцией гвардейских полков в столице стала караульная служб, причём они регулярно несли караулы в Санкт-Петербургской крепости. Кроме того, гвардейцы принимали участие в торжественных церемониях и викториальных праздниках — именно они олицетворяли «парадность» столицы (в том числе и в глазах иностранных посланников и гостей).

По состоянию на 1725 г. численность гарнизона выглядела следующим образом: гвардия (Семёновский и Преображенский полки) — 6630, 4 пехотных полка — 5469, моряки Балтийского флота — 2349, всего 14 448 человек[27]. Отметим, что матросов во флот также нередко набирали из гарнизонных частей. В частности, Ф.М. Апраксин в 1715 г. получил предписание Сената: «Приведено ныне из губерний в Санкт-Питербурх гварнизонных полков салдат и рекрут, ис Казанской 242, из рижской 288, из Московской 461, из Санкт-Питербурхской 152, ис Киевской 512, всего 1955 человек.

И оных изволте приказать принять и употребить из них в матрозы сколько надобно, а досталных отпустить в комплект в полки Финляндского корпуса на тех судах, которые с провиантом в Финляндию отправляются, или на иных морских судах по своему рассмотрению. И денежного жалованья велено дать оным рекрутам на дорожный на месяц ис канцелярии Сената, а правианта на два месяца из Санкт-Питербурхского магазейна»[28].

Подводя итоги, следует сказать, что Санкт-петербургский гарнизон формировался постепенно и поначалу не имел постоянного статуса, его численность менялась в зависимости от обстановки на театре боевых действий. Лишь во втором десятилетии XVIII в. появились постоянные поселённые полки, и к концу Северной войны гарнизон Санкт-Петербурга состоял из 4 пехотных полков. В этот же период сюда были переведены гвардейские полки, ставшие со временем неотъемлемой частью гарнизона столицы Российской империи.

---

[26] 300 лет военной истории Санкт-Петербурга: Санкт-Петербург — военная столица, военно-научный и военно-промышленный центр страны. СПб., 2003. С. 19.

[27] Там же.

[28] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 92. Л. 21.

Э. Вагеманс (Лювен)

Голландец Питер ван Вунсел о Санкт-Петербурге

Питер ван Вунсел родился в 1747 г. и в 1771 г. получил степень доктора медицины. С 1771 по 1778 г. работал в Санкт-Петербурге как врач в госпитале Сухопутного шляхетского кадетского корпуса. В 1781 г. вышла его книга «De tegenwoordige staat van Rusland» (Нынешнее положение России)[1], подробное описание России при Екатерине II, в которой он лестно отзывается о её Наказе. В предисловии Ван Вунсел пишет: «Сейчас нет другой державы, которая влияла бы на положение в Европе более, чем Россия». В другом месте он пишет о «долгом, славном, мягком» правлении Екатерины. Русский историк Бильбасов сожалеет о том, что этот солидный труд не переведён на русский[2].

В 1784 г. Ван Вунсел отправился в Стамбул. Не совсем ясно, что именно он там делал. Об этой поездке он пишет в своей подчас забавной книге «Заметки о путешествии по Турции, Анатолии, Крыму и России в 1784–1789»[3]. Пробыв два года в Турции, он был завербован агентом в Трабзоне как лекарь Черноморского флота и почти два года провёл в Крыму. В 1788 г. Академия наук в Санкт-Петербурге опубликовала его «Заметки о чуме и Заметки о месте Севастополе»[4]. В 1789 г. Ван Вунсел вернулся в Голландию, где занимался литературным трудом.

---

[1] *Pieter van Woensel.* De teegenwoordige Staat van Rusland. Amsterdam, 1781. Французский перевод: Etat prйsent de la Russie. St. Petersbourg & Leipzig, 1783.

[2] *Bilbasoff B. von.* Katharina II. Kaiserin von Russland im Urtheile der Weltliteratur. I. Band. Berlin, 1897. Nr. 417.

[3] Aanteekeningen, gehouden op eene reize door Turkijen, Natolien, de Krim en Rusland in de jaaren 1784–1789. [Amsterdam], 1791–1795.

[4] Mémoire sur la Peste. Mémoire... sur le local de Sevastopole. Русский перевод: *Фон Вунзел П.* Разсуждение о моровой язве. М., 1791

В книге «Записки во время путешествия по Турции...» он предстаёт убеждённым туркофилом, что в XVIII в. представляло собой редчайшее явление. Он пытается убедить читателя в том, что турки — далеко не варвары и отнюдь не пребывают в рабстве. Только о военном потенциале Турции он отзывается отрицательно. Величие Османской империи уже в прошлом, сейчас ей грозит опасность быть поглощённой Россией и Австрией. Ван Вунсел настолько убеждён в миролюбии турок и в воинственности русских, что предлагает туркам последнее средство противостоять могучему соседу: чуму как биологическое оружие!

Ван Вунсел описывает положение дел в Крыму после присоединения к России как ужасающее (развалины, во всём недостаток, русские — никудышные земледельцы, жалкие садоводы, черноморский флот он ни во что не ставит). Он утверждает, что был свидетелем Таврического путешествия Екатерины II, про которую пишет, что она сама же себя обманывала. По его словам, австрийскому императору Иосифу стоило немалого труда не рассмеяться при виде «дурацкого представления» т.н. потёмкинских деревень. Потёмкин выглядит у него незаслуженно нелицеприятным. Своему пребыванию в России Ван Вунсел посвящает много сотен страниц. С сочувствием пишет о русских крестьянах, которых называет «белыми неграми».

В своём выступлении я хотел бы остановиться на описании Ван Вунселом Санкт-Петербурга.

Интерес к учёности и книгам у русских невелик. «Так, в СПб. есть тысячи лавок, где торгуют игральными картами, но нет ни одной, где нашлись бы карты географические». Хотя он настроен лирично по отношению к Санкт-Петербургу, он недоволен состоянием, в котором находится город: здания не содержатся в надлежащем состоянии, улицы выглядят отвратительно, осенью город превращается в болото. Голландец суров в своём приговоре: «слабая сторона в характере русских — привычка состряпать что-нибудь на скорую руку. Им уже доводилось учиться у иностранцев, как делать всё наилучшим образом; таковые уроки нужны им и сегодня». Ван Вунсел не в восторге от русской кулинарии и гигиены, кабаки наводят на путешественника уныние (государство извлекает выгоду из производства водки). Русский стол «отличается скорее обилием, нежели тонкостью». Ван Вунсел отмечает беспорядочность русских, они живут «как душе угодно». Дворянство не знает меры, осмотрительности и хозяйственности, «обжорство и дурацкая страсть к игре» отличают столичную знать. Голландец — один из немногих, кто критикует решение Петра Великого перенести столицу в Петербург.

Сочетание столицы и торгового города он считает вредным: «Пышность, красота, праздность и непомерные расходы, как правило, присущи дворам и придворным. Предприимчивость, честность, бережливость и трудолюбие купцов обеспечивают их благоденствие. Возможно ли, чтобы при таком правлении, когда император и двор главенствуют во всём, всё освещают и согревают, купец не был бы развращён необходимостью хоть в какой-то степени быть придворным? Вот одна из причин, по которой Петру I, желавшему превратить Петербург в крупный торговый город, не следовало бы основывать здесь свою резиденцию».

Ван Вунсел посвящает три обстоятельные главы столице. «Великолепная Нева стремит свои воды через весь город и возвеличивает Санкт-Петербург, престол Российского Императора. Возвеличивает, повторяю, ибо вода её великолепная, выше всяких похвал, чистая, здоровая, приятная для питья, почти всюду прозрачна и загрязнения весьма мало. В глаза бросается отличие Невы от Сены и Мааса: это всё равно что сравнивать минеральную воду в Спа — со сточной канавой». Упоминая наводнение, свидетелем которого он был (в 1777), он пишет: «Несмотря на сие неудобство, безумная красота воды, если бы мы всё ещё жили при древней мифологии, сделала бы эту реку достойной обожествления». «В начале января здесь увидишь такое, чего нет во всём мире, такое, что есть лишь в Санкт-Петербурге. Прямо-таки молочные реки и кисельные берега — само собой разумеется, за деньги. Горы свиных туш, молочных поросят, кур, гусей, индеек, всевозможного мяса, рыбы, трески — огромные замороженные глыбы! В таком состоянии они могли бы оставаться годами и нисколько не портиться».

О художественных достоинствах памятника Петру Великому работы Фальконе Ван Вунсел позволяет себе отозваться довольно пренебрежительно. Он считает, что «поза Императора полна выразительности», однако его простёртая длань «скованна и неестественна». В противоположность Фальконе и его соотечественнику Дидро, которые связывали с этой простёртой дланью всяческие возвышенные рассуждения: Пётр-де простёр свою руку, защищая народ, наш критик приводит прелестный анекдот. Мимо памятника проходят два мужика, и один спрашивает другого, чего это император вытянул руку, и тот отвечает: «Пробует, не идёт ли дождь». Это один из примеров стремления голландца лаконично снижать высокопарное красноречие.

О Таврическом дворце Ван Вунсел не желает и говорить. Критика его типична для демократически настроенного человека эпохи

Просвещения: «Если вид этой роскоши и красоты очаровывает зрителя и приводит в восторг, то к этому добавляется то, что неминуемо огорчит его, если это человек думающий и чувствительный... Не вызовут ли все эти излишества и пустые траты, кои суть не плоды усердия владельца, но достигнуты потом тысяч подневольных людей, мысли о том, что всё это не что иное, как прекрасные ремни, вырезанные из чужой кожи?» Критика, конечно же, в первую очередь направлена на Потёмкина, для Ван Вунсела мишень номер один. Далее, однако, он пишет: «После того как читатель мой следовал за своим чичероне по всем этим местам, разве, вспомнив о том, что сотню лет назад здесь вовсе ничего не было, кроме небольшой деревушки, где жили несколько бедных чухонцев, — а затем вновь вернувшись в своём воображении ко многим и многим дворцам; разве не простит он мне этот пафос, с которым я называю Санкт-Петербург одним из чудес нашего времени?»

Об интеллектуальной среде российской столицы Ван Вунсел отзывается весьма критически, не скупясь на саркастические замечания: «30 лет тому назад (т.е. в 1770 г.) приехавшего в эту страну ради книжной негоции следовало бы уподобить тому, кто захотел бы открыть магазин шляп или парикмахерскую для мусульман, кои, как известно, свои бритые головы покрывают тюрбанами»... Академию наук он язвительно называет «зверинцем заморских птиц, которые чахнут в чуждом им климате». Объясняется это близорукой политикой Петра Первого, «учредившего сей учёный зверинец высших наук по изучению естественной истории и астрономии для народа, нуждающегося в школах для детей и таковых не имеющего». «Учёный, человек, отмеченный гением», не пользуется почётом в России, его не поощряют, а то, что члены академии «получают твёрдое ежегодное жалованье за всё скопом, а не за отдельные достижения», сказывается на них пагубно. При этом оплачивают их весьма скудно, по каковой причине вынуждены они подрабатывать, — короче, небезызвестный нам рассказ из постсоветского времени.

В последней главе книги («О политических интересах России») Ван Вунсел подводит итоги своего видения этой страны. Прежде всего, Россия должна оставить в покое соседей (Швецию и Турцию). Морской державе это «явное доказательство враждебных намерений, стремление к расширению» совершенно не нужно. Отказавшись от «войн с другими странами и от дипломатических интриг», она сможет посвятить себя внутреннему развитию. Ей следует отказаться от желания считаться европейской страной,

«поскольку Россия знает, что находит счастье в себе самой». Наибольший её изъян — малая численность населения: ввоз колонистов не сможет решить вопроса. Дворянству следует заняться сельским хозяйством и промышленностью. В России слишком много праздников. Правитель во время бедствий (пожары, наводнение, землетрясение) обязан приходить на помощь народу, необходимо смягчить налоги, государство должно уметь предусмотреть жизненно необходимые потребности. Сельское хозяйство нуждается в улучшении; ни к чему строить новые города («большие города в основном суть прибежище праздности»). Больше денег надо пустить в обращение, и крестьянин должен стать собственником. Следует разработать систему образования («приумножение национальной цивилизации»). И наконец, необходимо составить свод гражданских и уголовных законов. Но более всего потребны «опытные, честные, неподкупные судьи».

А.И. Богданов, Н.С. Трофимова
(Санкт-Петербург)

Газета «Санкт-Петербургские ведомости» первой половины XVIII века (1728–1750) как источник по истории промышленности Санкт-Петербурга и его окрестностей

Одним из источников по истории промышленности России, в том числе по истории промышленности Петербурга в XVIII в., являются отечественные периодические издания. Особое место среди них занимает газета «Санкт-Петербургские ведомости», издававшаяся Петербургской академией наук с 1728 г. До появления в 1756 г. «Московских ведомостей» она была единственной, а на протяжении всего XVIII в. — главной газетой Российской империи. «Санкт-Петербургские ведомости» выходили дважды в неделю по почтовым дням, 104–105 номеров в год. Большое место на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» занимали казённые и частные объявления — объявления о купле и продаже, подрядах, найме на работу, аренде, финансовых операциях, ценах на продукты и т.д. В газете можно найти сведения о развитии промышленности, сельского хозяйства, торговли, транспорта, науки и просвещения, искусства, здравоохранения, застройки и благоустройства городов, о быте городского и сельского населения России.

Но прежде всего «Санкт-Петербургские ведомости» были городской газетой и содержали важную информацию по истории Санкт-Петербурга.

В первой половине XVIII в. на территории Санкт-Петербургской губернии развивалась преимущественно добывающая промышлен-

ность, связанная с производством строительных материалов. Одновременно здесь появлялись первые небольшие заводы и фабрики по изготовлению стекла, бумаги, изделий из кожи и металла. Возведение новой столицы России в ранее необжитой местности потребовало больших строительных работ, в том числе сооружения военных и оборонительных укреплений, казённых и частных городских строений, новых царских резиденций, дворцов для вельмож и знати, технических сооружений (каналов и пр.). Многие строительные предприятия работали по заказам Адмиралтейства. На этих предприятиях, большинство которых были казёнными, производились кирпичи, разнообразные пиломатериалы, известь, велась добыча и обработка каменной плиты. Они возникали прежде всего там, где находились запасы сырья, многие по берегам Невы, Ижоры, Назии и др. Это было удобно для транспортировки готовой продукции, а лесопильни получали дешёвую водную энергию.

На страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» сведения о промышленных предприятиях можно найти в объявлениях о получении подрядов на поставку сырья для предприятий и о заказах на стройматериалы для сооружения тех или иных объектов. Например, 30 декабря 1734 г. помещена «роспись... материалам, которые в Кронштадт заготовить и поставить надлежит»[1]. Среди них «Крупной [плиты] с Волхова 7 ½ кубических сажен. Ординарной [плиты] с Назьи и Сяси и Волхова 19 кубических сажен. Из Нарвы 2970 куб. сажен»[2].

Газета часто помещала информацию о добыче строительного камня. Самым известными тогда были каменоломни и плитоломни, расположенные близ селений Путилово, Тосно, Пудость, Сясь, около Лисинской мызы в деревне Захонье, на р. Шельдихе, недалеко от города Нарвы, который входил тогда в состав Санкт-Петербургской губернии.

Нарвская казённая ординарная плита добывалась в основном по заказу Конторы Кронштадтских строений для строительства канала и доков в Кронштадте. Бутовая нарвская плита использовалась для построек в Петергофе.

Тосненская, сясьская, путиловская плиты применялись для перестройки при Ладожском канале обветшалых деревянных спусков и замены их каменными, для облицовки канальных берегов. Кроме того, тосненские отборные и ординарные плиты употреблялись «к строению вместо имеющегося при Галерной гавани ветхого дере-

[1] Санкт-Петербургские ведомости. 1734. 30 декабря.

[2] Там же. 1734. 30 декабря.

вянного канала вновь с каменными стенами», «к строению в Санкт-Петербургской адмиралтейской госпитали <...> каменной лаборатории» и для исправления Адмиралтейской крепости. Тёсаные парадные (облицовочные) плиты из Тосно находили применение в строительстве Кронштадтского каменного канала. Для фортификационных исправлений Санкт-Петербургской крепости также шла тосненская плита.

В 1748 г. для строительства при императорском Конюшенном дворе каменных кузниц поставлялась путиловская плита — «лещедей тёсаных квадранты в 25 сажен»[3], о чём писала газета 30 августа этого года. Ранее она сообщала, что по «По высочайшему её императорского величества повелению на здешнем конюшенном дворе в строениях имеют быть нынешним летом [1740 г.] переделки, к которым по объявлению архитекторов <...> надобны следующие материалы ординарной бутовой плиты, тосненского камня <...> сясьской серой извести»[4].

С конца 1740-х гг. на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» появляются сообщения о добыче плиты близ Лисинской мызы в деревне Захонье для строительства Воскресенского Новодевичьего (Смольного) монастыря. Например, 5 декабря 1749 г. на страницах газеты имеется сообщение о том, что «За перевозку к строению Воскресенского Новодевича монастыря наломанной плиты Лисинской мызы в деревне Заханье да в деревне Пудости явившиеся охотники просят с Заханья по три копейки, с Пудости по одной копейки по три четверти с пуда»[5]. Для возведения этого монастыря использовались также путиловский камень, тосненская и пудостские плиты. Пудостские плиты заказывали и для обновления каменных строений в Санкт-Петербурге, Петергофе и Кронштадте. Выжиг извести был налажен в Гостилицах, Пудости, Сяси, Тосно и других местах. Особенным спросом пользовались гостилицкая круховая серая известь (щебёнка), которая в большом количестве употреблялась для сооружения Кронштадтского большого каменного канала. Так, в 1748 г. для достройки канала необходимо было поставить серой свинорецкой или гостилицкой извести 6464 20-пудовых бочек[6] и для строительства в Петергофе в 1747 г. до 6000 бочек[7].

[3] Там же. 1748. 30 августа.

[4] Там же. 1740. 20 мая.

[5] Там же. 1749. 5 декабря.

[6] Там же. 1748. 27 декабря.

[7] Там же. 1747. 13 января.

Сясьская серая известь использовалась для укрепления фортификационных сооружений и строительства новых в Санкт-Петербургской и Выборгской крепостях, для постройки каменного строения при Конюшенном дворе.

Добыча знаменитой синей глины производилась в Мартышкино, недалеко от Ораниенбаума. В «Санкт-Петербургских ведомостях» часто помещали объявления о её поставке для строительства Кронштадтского большого каменного канала. Так, на 1747 г. для строительных работ требовалось 28 куб. саженей этой глины[8].

Большого размаха достигло в то время кирпичное производство. Достаточно вспомнить Славянские кирпичные заводы на р. Славянке, кирпичные заводы в Мартышкино и завод возле дворцовой деревни Кайкуши вверх по Неве и в других местах. В конце 40-х — начале 50-х гг. много кирпича шло на строительство Воскресенского Новодевичьего (Смольного) монастыря. В «Санкт-Петербургских ведомостях» от 12 января 1750 г. есть объявление о заказе на 6 млн. кирпичей для Славянских кирпичных заводов[9].

Для строительства русского флота через Адмиралтейскую коллегию шли заказы на выборгский тир (смолу), а также охру, значительные разработки которой были вблизи Копорья. Сведения об этом есть, в частности, в разделе объявлений газеты за 20 января 1732 г.: «Сим чинится Государственной Адмиралтейской коллегией от Подрядной конторы известно, что надлежит по ординарной на сей 1732 год росписи заготовить покупкою и подрядом разных материалов»[10]. Для этих целей требовалась как «нетёртая», так и светлая и мытая копорская охра. Заказывали для своих нужд копорскую охру Санкт-Петербургский и Кронштадтский морские госпитали. Стоит упомянуть о сообщениях в газете про добычу на Толбухинской косе строительного песка, который использовали для строительства в Санкт-Петербурге и Кронштадте. Так, в разделе объявлений газеты от 26 сентября 1749 г. помещена информация о том, что «К строению Кронштадтского канала желающие поставить с Толбухинской косы песку 25-ти пудовых 7012 бочек да при возке из бассейна зимнем временем земли содержать лошадей, явиться могут в Кронштадте в Конторе строений»[11]. Особо следует остановиться на газетном материале о пильных мельницах и лесопильных заводах,

[8] Там же. 1747. 3 марта.

[9] Там же. 1750. 12 января.

[10] Там же, 1732. 20 января.

[11] Там же. 1749. 26 сентября.

поскольку лесопильное производство достигло тогда значительных размеров. Самыми крупными в то время считались Ижорские пильные мельницы, которые уже с 1734 г. использовались для заготовки лесоматериалов для строительства судов в Адмиралтействе. Поставкой леса туда занималась Контора генерал-интенданта над верфями.

Из газетных объявлений и сообщений можно узнать о характере поставляемого на лесопильные мельницы лесного материала: сосновые брёвна, еловый лес, кокоры, специальный мачтовый лес, шесты и дубовые леса. Для пиления сосновых и дубовых лесов из-за границы выписывали мельничные пилы длиной в пять и шесть футов. Это в какой-то степени даёт представление о технических возможностях пильных мельниц. Об объёме работ на Ижорских и Назинских заводах видно из следующих объявлений в «Санкт-Петербургских ведомостях». В номере от 12 октября 1750 г. сообщается о намерении поставить на Ижорскпе пильные мельницы в 1751 г. 40 000 брёвен[12], а в газете от 5 января 1750 г. — о поставке на Назинские заводы 10 000 брёвен[13]. Здесь же можно найти сведения о размерах пиломатериалов. Так, Назинские заводы получали брёвна длиной три — четыре сажени, толщиной в 7–9 вершков[14].

Назинские заводы поставляли по воде (по Назии, Ладожскому озеру, Неве) в Санкт-Петербург, Петергоф и Стрелину мызу «пилованные» доски, брусья и горбыли.

В 1750 г. в связи со строительством Воскресенского Новодевичьего (Смольного) монастыря в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 18 сентября помещено объявление о заказе 20 000 горбылей для строительства[15].

Кроме того, Ижорские пильные мельницы использовались в то время и для «молотья хлеба». Для развития пищевой промышленности столицы важное значение имело наличие хлебных мельниц вокруг Санкт-Петербурга, которые часто сдавали в аренду или на откуп. К примеру, в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 14 декабря 1738 г. есть объявление, что «В ведомстве Придворной конюшенной конторы в Копорском уезде в Кипиной мызе, находящиеся хлебные мельницы <...> были на откупу у иноземца Ягана Кристиана Кесера <...> а ныне срок оным мельницам приходит к окончанию, того ради чрез сие объявляется, ежели кто означенные мельницы <...>

[12] Там же. 1750. 12 октября.

[13] Там же. 1750. 5 января.

[14] Там же. 1750. 5 января.

[15] Там же. 1750. 18 сентября.

взять пожелает, то бы для договору явились в Придворную конюшенную контору немедленно»[16].

«Санкт-Петербургские ведомости» оставили нам интересный материал о Красносельской казённой бумажной фабрике. Из газеты можно узнать, что фабрика работала на сырье «из холщ'вого трепья (или трапиц) 1, 2, 3, 4, 5, 6 номеров». Для склеивания бумаги на бумажную мельницу завозили сухие кожи черкасской и русской скотины и кожевные обрезки[17]. Есть сведения о поставках заморского дерева кизилf, пильных сосновых досок и еловых брёвен.

Красносельская бумажная фабрика снабжала Государственную мануфактур-коллегию в Москве белой бумагой «под гербование». Производство стекла в России в XVIII в. было редким явлением. Поэтому в «Санкт-Петербургских ведомостях» имеется информация только о Лавинских и Ямбургских стекольных заводах. Из объявлений в газете за 1747 и 1750 гг. известно, что Лавинские стекольные заводы работали на привозном сырье: московской гжельской глине и андомской глине из Олонецкого края, которую, например, в 1751 г. заготовляли в объёме до 5000 пудов. Лавинские стекольные заводы специализировались на изготовлении стеклянной посуды, зеркального стекла и «оконнишних кругов». Ямбургские заводы выполняли ежегодные заказы Адмиралтейства по изготовлению чистых стёкол и заказы Санкт-Петербургского и Кронштадтского морских госпиталей. Для бесперебойной работы этих и других подобных заводов необходимо было иметь достаточное количество топлива. Объявления о подрядах на его поставку часто появлялись на страницах газеты. Так в номере от 11 мая 1739 г. сообщается: «На Лавинские и Петербургские стеклянные заводы потребно для топления печей, в которых делается разного звания хрустальная и стеклянная посуда и всякие стёкла, заготовить дров, а именно на Лавинские трёх аршинных плашных берёзовых, сосновых и ольховых до пятисот, на Петербургские заводы поленных берёзовых же и ольховых дров до шестисот»[18]. Желающим заняться поставками советовали обращаться в Канцелярию от строений.

Что касается заводов, связанных с производством металлических изделий, то «Санкт-Петербургские ведомости» содержали сведения о знаменитых Сестрорецких заводах и фрагментарно о медных заводах в Дудергофе и в Красном Селе. Так, за 24 февраля 1735 г. «Санкт-Петербургские ведомости» сообщили о посещении Сестрорецких

[16] Там же. 1738. 14 декабря.

[17] Там же. 1739. 8 мая.

[18] Там же. 1739. 11 мая.

заводов императрицей Анной Иоанновной. Из газеты известно также об использовании земель, принадлежавших этим заводам, о плотине при заводах, о питейных, водочных, пивных и медовых откупах на Сестрорецких заводах, о содержании кирхи при заводах[19]. Писала газета и о поставках сырья, на котором работали заводы. В частности, 7 марта 1734 г. она объявляла о том, что «требуется на Сестрорецкие заводы к предбудущему 1735 году для действия в домну <...> 100 000 пуд обозжённой железной руды здыбуна болота»[20]. На Чёрной речке у Дибунов около мызы Осиновая роща были найдены залежи болотной железной руды, с 1728 г. здесь работали две домницы. Из этой же руды с 1735 г. выплавлялся металл на Чернореченском чугунолитейном заводе, в качестве сырья она шла и на Сестрорецкий оружейный завод.

«Санкт-Петербургские ведомости» часто помещали объявления о поставках на заводы угля, дощатой зелёной меди на литьё драгунских и солдатских эфесов и других солдатских вещей, шпиотеру (цинковой руды) для переплавки красной меди в зелёную, о закупках английских точил (например, в 1747 г. до 600 штук) для заточки шпажных клинков, шомполов и штыков. Для армии Сестрорецкие заводы изготавливали холодное оружие — шпаги, штыки и др., а для гражданского населения на заводе делали пилы, наковальни, коромысла, готовые весы с гирями.

В заметке от 28 января 1729 г. приводятся сведения о медном заводе в Дудергофе, который посетил с инспекцией генерал граф Бурхард Христофор Миних. Сообщается о начале выплавки на нём меди, о работе уже запущенных четырёх топильных печей.

С присоединением вновь завоёванной территории и перенесением столицы на берега Невы Санкт-Петербург становится крупным торговым портом, а также местом, где создавалась новая военная флотилия для его защиты. С этой целью в Санкт-Петербурге было развёрнуто строительство военных кораблей при Адмиралтействе и гражданских торговых судов на других верфях города. Так, в мае 1728 г. в номере от 25 числа газета сообщает: «корабельное строение как в Адмиралтействе, так и на Галерном дворе здесь зело поспешно отправляется, яко же третьего дня к вечеру паки 8 новых галер на воду спущено»[21]. Сходное сообщение находим в газете от 29 октября того же года «В прошедший четверток, то есть 24 дня сего месяца к вечеру спущены здесь на

[19] Там же. 1735. 24 февраля.

[20] Там же. 1734. 7 марта.

[21] Там же. 1728. 25 мая.

Галерном дворе паки три новых галеры, из которых каждая о шестнадцати банках, и имянуются следующим образом 1 лазарет, 2 щука, 3 шар. При том присутствовал его превосходительство господин адмирал фон Сиверс»[22]. В середине декабря 1728 г. было «заложено здесь на Галерном дворе 15 новых галер, из которых три о 22, а прочие о 12 и 16 банках быть имеют»[23]. Позднее на этих верфях стали строить более мощные военные корабли. Уже на следующий год газета 2 декабря 1729 г. писала: «Вчерашнего дня заложен в здешнем Адмиралтейском верфе с обыкновенными церемониями и при выпалении из пушек с Адмиралтейской крепости, при присутствии обратающихся здесь адмиралов и флагманов паки новы фрегат о 44 пушках»[24].

В отдельных случаях газета сообщала имена строителей и способ сооружения кораблей. Из «Санкт-Петербургских ведомостей» от 4 июня 1733 г. мы узнаём, что «Недавно спущенный фрегат, “Принцесса Анна” называемый, заложен был от обер-интенданта и корабельного мастера Бруна французским манером, а другой, “Митава”, от российских мастеров Окунькова и Рамбурга также французским манером»[25].

В конце нашего доклада упомянем о кратком сообщении в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 28 февраля 1739 г. о замшевой кожевенной фабрике, расположенной между Шлиссельбургом и Новой Ладогой на реке Назии и об отдаче её в аренду голландцу, комиссару санкт-петербургского Монетного двора Генриху фон дер Слотену[26].

Таков неполный перечень видов промышленных предприятий Санкт-Петербурга и его окрестностей первой половины XVIII в., сведения о которых можно найти на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» за 1728–1750 гг.

В заключение отметим, что газетный материал, пусть и не претендующий на роль основного источника по истории промышленности Санкт-Петербурга и его окрестностей, может считаться ценным, а при отсутствии соответствующих архивных документов, и единственным историческим источником, позволяющим найти много неизвестных и интересных сведений, в том числе касательно места расположения производств, объёма работ, строительных объектов, куда поставлялись стройматериалы, владельцев мануфактур и многого другого.

---

[22] Там же. 1728. 29 октября.

[23] Там же. 1728. 17 декабря.

[24] Там же. 1729. 2 декабря.

[25] Там же. 1733. 4 июня.

[26] Там же. 1739. 28 февраля.

А.М. Пашков (Петрозаводск)

«Твоих оград узор чугунный…»: чугунное художественное литьё Олонецких горных заводов в архитектуре Санкт-Петербурга и его окрестностей конца XVIII — первой четверти XIX века

В поэме «Медный всадник», А.С. Пушкин писал о Петербурге:

«Твоих оград узор чугунный
Твоих задумчивых ночей
Прозрачный сумрак, блеск безлунный...»

Действительно, одним из самых ярких образов исторической части Петербурга можно считать многочисленные образцы чугунного художественного литья (решётки на набережных, ограды вокруг зданий, перила мостов, парадные подъезды в особняках и т.д.). В связи с этим возникают вопросы — когда чугунные художественные отливки начали устанавливаться в Петербурге и где они производились.

Ответить на них помогают документы о деятельности английского металлурга, инженера и предпринимателя Чарльза (Карла Карловича) Гаскойна (Charles Gascoigne) (1739–1806), который в 1786 г. переехал в Россию и в 1786–1806 гг. был начальником Олонецких горных заводов[1].

В России К.К. Гаскойн реконструировал Александровский завод в Петрозаводске и Кончезерский завод в его окрестностях, основал в 1790 г. Кронштадтский и в 1800 г. — Петербургский ли-

[1] Подробнее о деятельности К.К. Гаскойна в России см.: *Пашков А.М.* Иностранные специалисты на Олонецких горных заводах во второй половине XVIII–первой четверти XIX в. // Отечественная история. 2006. № 4. С. 46–54.

тейный заводы. Все четыре предприятия вошли в систему Олонецких горных заводов, только в 1827 г. Кронштадтский и Петербургский заводы стали самостоятельными предприятиями.

Помимо выпуска основной продукции — орудий и снарядов крепостной и морской артиллерии, Олонецкие горные заводы при К.К. Гаскойне и его преемнике А.В. Армстронге (1762–1818) (управлял заводами в 1807–1818 гг.) занимались выпуском гражданской продукции — товаров народного потребления и чугунного художественного литья. Историк Олонецких заводов И.К. Чудинов писал в 1860-е гг.: «По примеру заведённых мануфактур в Бирмингаме, Шефильде и прочих, введения эти были: <...> архитектурные украшения: решётки, вазы, урны, статуи, колонны, пирамиды и всякие украшения для балконов, базы для колонн, капители, карнизы, фризы, бордюры и панели»[2].

Из описания Олонецких горных заводов, сделанного в 1819 г., известно, что там были отлиты «решётка Ассигнационного банка в С.-Петербурге» (в 1792), «решётка с чугунными колоннами вокруг Обводного канала в Кронштадте» (в 1793–1810), «многие изделия для Михайловского дворца в С.-Петербурге и, между прочим, ворота и решётка при въезде в оный» (в 1797–1799), «чугунные базы для колонн Казанской церкви» (в 1802), «перила для берегов Мойки, которых ныне поставлено с включением Крюкова канала до 4 тысяч сажен» (поставка началась в 1803–1804 и продолжалась до 1819), «первый чугунный мост со всеми принадлежностями» (в 1806), «чугунное крыльцо в Аничков, что ныне Его высочества великого князя Николая Павловича дворец», «крыльцо в доме госпожи Яковлевой у Семеновского моста» и еще одно крыльцо, отправленное в Ригу (в 1812–1813), «боковые доски, перила и все наружные части к мостам Красному и Обуховской градской больницы» (в 1813) и «к мостам Поцелуеву и у Московской заставы» (в 1816)[3].

В последующие годы было произведено ещё несколько больших отливок: «Приготовлено для Главной Его императорского величества придворной конюшни 228 чугунных цельных колонн вышиною в 24 фута, толщиною в 5 дюймов, и множество других вещей. Отделаны на С.-Петербургском заводе чугунная решётка с медными

[2] *Чудинов И.К.* Очерк Олонецкой губернии в историческом и статистическом отношениях // Архив Карельского научного центра РАН. Разряд 6. Оп. 6. Д. 75. Л. 46.

[3] Сведения об Олонецких заводах // Национальный архив Республики Карелия. Ф. 37. Оп. 1. Д. 2/9. Л. 26–27.

вызолоченными украшениями для дворца Его императорского величества великого князя Николая Павловича, на Александровском и С.-Петербургском заводах чугунная же решётка для вновь устроенной в С.-Петербурге ассигнационной фабрики. Приготовлено множество чугунных и других вещей в село Грузино графа Аракчеева. Отлита на Александровском заводе и поставлена чугунная арка со всеми принадлежащими к оной вещами для Синего моста на Мойке в С.-Петербурге»[4].

Кроме Санкт-Петербурга художественное литьё Александровского и Санкт-Петербургского заводов изготавливалось для Царского Села: «В 1817 году отделана на С.-Петербургском заводе для внутренних комнат Его императорского величества в Царское село круглая чугунная лестница, вышиною в 52 фута. В Царское же село отлиты по высочайшей воле чугунные ворота, в коих заключается весу 6289 пудов 28 фунтов. Ворота сии отделаны совершенно в течение трёх месяцев. Восемь цельных колонн для оных вышиною без капители в 19 футов отлиты были на Александровском заводе, а верх для оных и все украшения на заводе С.-Петербургском. В то же время сделана в Царском селе около китайских домиков железная решётка с чугунными столбами для фонарей»[5].

Упоминавшийся горнозаводской историк И.К. Чудинов так оценивал значение деятельности К.К. Гаскойна: «Он усовершенствовал заводские производства по всем художествам искусственной отделки вещей на управляемых им заводах, от которых, как от рассадников, по всему обширному государству вырастали новые заводы и новые произведения, которых в настоящее время исчислить трудно»[6].

Таким образом, воспетый А.С. Пушкиным «оград узор чугунный» создавался инженерами и мастеровыми Олонецких горных заводов, а основателем чугунного художественного литья в России был К.К. Гаскойн.

---

[4] Там же. Л. 28–28 об.

[5] Там же. Л. 27 об.–28.

[6] *Чудинов И.К.* Очерк Олонецкой губернии... Л. 50.

С.Н. Искюль (Санкт-Петербург)

1812 год: «Петербургу быть пусту»?

В одном из писем к П.И. Багратиону губернатор Ф.В. Ростопчин писал в начале августа, как он сам выразился, из «матушки каменной Москвы»: «Подумайте, что здесь дело не в том, что бить неприятеля, писать реляции и привешивать кресты — вам слава бессмертная: спасение отечества, избавление Европы, гибель злодею рода человеческого! В Москве говорят: дай лишь волю, а Багратион пужнёт. Мне кажется, что он вас займёт да и проберётся на Полоцк, на Псков, пить Невскую воду...»[1]. Псков поминал не только Ростопчин; почтамтский чиновник И.П. Оденталь писал 30 июля своему знакомцу в Москву: «Приди только французы во Псков, то мы отсюда (из Петербурга — *С.И.*) поднялись бы и, может быть, пешком с жёнами и детьми, кинулись бы, сами не зная куда, искать своего спасения»[2]. Статс-секретарь вдовствующей императрицы Григорий Иванович Вилламов ещё до этого записал в своём дневнике около 10 июля 1812 г.: «Сегодня были получены известия из Риги о том, что французы перешли Двину у Юнгфергофа и подвигались к Петербургу; их силы насчитывались от 30–40 т. ч. Большое смятение...»[3]. Тогда же из Кронштадта в Гамбург должны были отправиться дипломатические представители Франции, а также дипломаты её союзников — посланники Вестфальский, Вюртембергский, Баварский и поверенный в делах Неаполитанский[4].

---

[1] Ростопчин – Багратиону, 6 авг. 1812 // Русский Архив (далее – РА). 1896. № 4. С. 563.

[2] Русская Старина (далее — РС). 1912. № 7. С. 143.

[3] Там же. С. 88.

[4] Там же. С. 137.

Но петербургское направление представлялось вероятным не только Ростопчину, поэтому время от времени предпринимались меры, чтобы, как говорил М.И. Кутузов, «позаботиться о Севере и прикрыть его»[5].

Фёдор Владимирович Акинфов, офицер Лейб-гвардии Гусарского полка, посланный перед самым вступлением французов в Москву к Мюрату с поручением от М.А. Милорадовича, вспоминал впоследствии, что король спросил его между прочим, где император Александр. Акинфов на это сказался незнанием: «я не смел сказать, что Император в Петербурге, не знавши расположения нашей армии и опасаясь, по молодости и неопытности своей, что французы могут послать корпус в Петербург»[6]. Предусмотрительность и осторожность делают честь офицеру-гусару, но между тем в направлении на Петербург уже давно наступало левое крыло Великой армии, а именно X корпус под командованием маршала Франции Этьенна Жака Жозефа Макдональда герцога Тарентского (в составе которого находился Прусский вспомогательный корпус), общей численностью до 30 тыс. солдат. С ним взаимодействовал II корпус Великой армии под командованием маршала Никола-Шарля Удино.

По мнению современника, «план сего похода, начертанный Наполеоном, был весьма дерзок. Он твёрдо уверен был, что в половине Августа месяца его Роланд (Удино) будет в Петербурге...»[7]. Удино вполне заслуженно называли ещё Байярдом французской армии, но это дело не меняет — сил и у Макдональда, и у Удино для занятия столицы было явно недостаточно (общая численность обоих корпусов доходила до 70 тыс. солдат), поэтому реально эти силы выполняли скорее демонстрационную задачу, однако ясным это стало далеко не сразу.

Четвёртого июля, ещё находясь при армии, Александр I написал графу Н.И. Салтыкову следующее письмо:

> «...Решиться на генеральное сражение столько же щекотливо, как и от онаго отказаться, в том и другом случае можно легко открыть дорогу на Петербург, но, потеряв сражение,

---

[5] Тысяча восемьсот двенадцатый год в записках графа Ф.В. Ростопчина / Пер. с фр. И.И. Ореус // РС. 1889. № 12. С. 715.

[6] *Акинфов Ф.В.* Из воспоминаний Акинфова // Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильна, 1900. Вып. 1. С. 208–209.

[7] Русские и Наполеон Бонапарте, или Разсмотрение нынешняго обладателя Франции с Тильзитского мира по изгнание его из древней Российской столицы... / Писано Московским Жителем 1813 года. М., 1813. С. 27.

трудно будет исправиться для продолжения кампании. На негосияции (фр., переговоры — *С.И.*) же нам и надеяться нельзя, потому что Наполеон ищет нашей гибели, и ожидать добраго от него есть пустая мечта. <...>

Все сии обстоятельства заставляют помыслить заблаговременно о предмете разговора нашего незадолго перед моим отъездом, то есть о возможности неприятеля пробраться до Петербурга. Я бы желал, чтобы Ваше Сиятельство внимательно подумали о сем предмете и, по крайней мере, чтобы уже решено было по здравом размышлении всё то, что надобно будет увезти из Петербурга, и о способах сего увоза <...>. При сем прилагаю реестр того, что мне на первой случай на память пришло. За сим Ваше сиятельство, быв на месте, более имеете способов сообразить сей важный предмет, нежели я <...> и я уповаю на Всевышняго, что отвратит от нас сии последствия. В прочем, если бы они должны случиться, то от происшествия здесь могущаго быть, до прибытия неприятеля в Петербург дней двадцать необходимо пройдёт».

Далее в письме приведён любопытнейший перечень того, что, по мнению императора, радевшего о спасении столицы, требовалось вывезти из Петербурга в случае прямой угрозы ему со стороны Великой армии:

«Совет. Сенат. Синод. Департаменты Министерские. Банки. Монетный двор. Кадетские корпуса. Заведения, под непосредственным начальством Императрицы Марии Феодоровны состоящие. Арсенал. Архивы. Коллегии Иностранных дел. Кабинетской [архив]. Из протчих все важнейшия бумаги. Из придворнаго ведомства: серебро и золото в посудах. Лучшия картины Эрмитажа, также и камни резные, хранящиеся также в ведении придворном одежды прежних государей. Сестрорецкой завод с мастеровыми и теми машинами, которыя можно будет забрать.

По достоверным известиям Наполеон в предположении вступить в Петербург намеревается увезти из онаго статую Петра Великаго, подобно тому как он сие учинил уже в Венеции, вывозом известных четырёх коней бронзовых с плаца Св. Марка (это имело место в декабре 1797, квадрига украшала фасад собора св. Марка — *С.И.*) и из Берлина, триумфальной бронзовой колесницы с конями с ворот, называемых Бранденбургскими (колесница была снята и отправлена во Францию как военный трофей в 1806 г. — *С.И.*), то обе статуи Петра I-го большую (работы Э.М. Фальконе — *С.И.*), и ту, которая перед Михайловским замком (работы Б.К. Растрелли — *С.И.*), снять

и увезти на судах, как драгоценности, с которыми не хотим разставаться».

Но это ещё не всё. Александр I предлагал увезти знаменитую «восковую персону» Петра I и все петровские «вещи» из петергофского Монплезира.

> «Я бы думал, — пишет далее император, — также разобрать бережно дом его, возле крепости состоящий, и равномерно на галиоте увезти — все трофеи, хранящиеся в крепости, в Исакиевской церкви, в арсенале, в Петергофской слободской церкви».

Не остались без августейшего упоминания и богатства Александровской лавры, особенно сберегаемые там мощи.

> «Везти можно все сии предметы водою по Мариинскому каналу и частию, что можно, сухим путем, в наряженных подвозах. <...> Статую Суворова с Царицынскаго луга (работы М.И. Козловского, на открытии которой в мае 1801 г. Александр I присутствовал — *С.И.*). Лучшие мраморныя статуи из Таврическаго дворца».

Всё это предполагалось вывезти через Ярославль в Казань, куда в нужном случае отправилась бы и императорская семья[8].

15 июля в письме к тому же Н.И. Салтыкову император высказывался в пользу того, что времени с вывозом «всего нужного» из Петербурга терять не следует, и желал, чтобы ко времени своего возвращения из Або, куда отправлялся для свидания с шведским наследным принцем, большая часть приготовлений была уже сделана. — «Выездом же императорской фамилии полагаю спешить нечего разве когда корпус неприятельской уже будет приближаться к Нарве», а, заранее заготовив необходимое число лошадей по Ярославской дороге на Казань всегда во время успеть можно выехать». Император считал важным заблаговременно вывезти из Петербурга «все тягости»[9].

Таким образом, государь, по видимости, спокойно относился к возможности оставления столицы.

7 августа на рассмотрение Комитета министров были вынесены записки разных правительственных учреждений «о предметах, которые Высочайше назначены к отправлению из Петербурга в случае

---

[8] Император Александр Павлович и его время. Исторические материалы, к нему относящиеся. 1804–1820 // РС. 1881. № 11. С. 663–665.

[9] *Щукин П.И.* Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 года, собранные и изданные П.И. Щукиным. М., 1905. Ч. 9. С. 139.

опасности городу от неприятеля». Выяснилось, что по предварительным расчётам общая тяжесть этих предметов достигала 500 000 пудов, под которые требовалось 2314 подвод. Кроме того, на нужды Св. Синода и церковных сокровищ — 13 больших судов. По рассмотрении записок Комитет пришёл к заключению, *что ежели бы надлежало по крайней необходимости оставить здешний город, употребив самые последние усилия на защиту его, так как потеря его сопряжена с неисчисленными несчастными для России последствиями, то нет никакой возможности всего вывести, и тем паче, что заблаговременно вывозить нельзя, а в случае настояния в том надобности, недостаточно будет ни времени, ни способов*. Комитет вынес решение «всеподданнейше представить Его Императорскому Величеству, что в сем случае в возможности будет спасти одни только самонужнейшие вещи и бумаги», но предполагал приступить к исполнению повеления, если государь распорядится, чтобы «непременно все предполагаемые предметы отправлены были»[10].

Во исполнение предполагаемых мер 2 сентября 1812 г. тем же Комитетом было вынесено постановление о выдаче всем чиновникам, отправляющимся из Петербурга для сопровождения казённых дел и вещей, вперёд двухмесячного жалования[11].

На заседании Комитета министров 3 сентября его председатель Н.И. Салтыков известил собравшихся о распоряжении императора «отправляемым из С.-Петербурга судам с делами и вещами следовать к Крохинской пристани (близ города Белозерска Новгородской губернии — *С.И.*) и там ожидать дальнейших повелений, и чтобы заготовлено было в сем месте продовольствие для всех, прибыть в оное на судах имеющих. <...> В рассуждении малого времени для судоходства остающагося, по всем министерствам» было предложено готовить к отправке «без отлагательства все те вещи и дела, в употреблении коих здесь нет необходимой надобности»[12]. Этому предшествовало «секретное» письмо от 31 августа 1812 г. А.А. Аракчееву о том, что император назначил Крохинскую пристань «местом, где должны отправляемые из С.П.Б. суда с делами и вещами остановиться и ожидать дальнейших повелений...»[13]. Подобные опе-

[10] Журналы Комитета Министров Царствование Императора Александра I, 1802–1826 гг. СПб., 1891. Т. 2. С. 521–522.

[11] Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 г.: Документы Архива Министерства народного просвещёния / Сост. и ред. К.А. Военский. СПб., 1912. С. 277.12 Там же. С. 277–278.

[13] *Щукин П.И.* Указ. соч. М., 1903. Ч. 7. С. 179.

рации требовали немалых средств, поэтому Секретный комитет по финансам 8 сентября выделил «для известного отправления» на 16 судах с грузом до 340 пудов и на 40 судах с грузом до 160 пудов полмиллиона рублей[14].

Обо всех этих приготовлениях управляющий Военным министерством генерал-лейтенант князь Алексей Иванович Горчаков ещё 6 сентября уведомил коменданта Санкт-Петербургской крепости генерал-лейтенанта Павла Андреевича Сафонова и предписал «тотчас сделать соображения» в том числе и о том, «что именно из трофееев в Санкт-Петербургской крепости хранящихся» признаётся за нужное вывести[15]. Однако, поскольку более ничего о предполагавшемся в известном письме императора вывозе трофеев неизвестно, остаётся предположить, что оно могло и не состояться вследствие того, что те ответственные лица, от которых зависело решение этого вопроса, в конце концов посчитали, что само обособленное положение крепости является гарантией сохранности находившихся там «вещей».

Между тем одной из первых к отъезду стала готовиться Императорская Публичная библиотека. Согласно секретному представлению её директора А.Н. Оленина министру народного просвещёния А.К. Разумовскому от 10 августа для этой цели в ней было изготовлено 100 ящиков для рукописей и «самых нужнейших» книг. В середине сентября последовало распоряжение о перевозке сокровищ водой, и Оленин был извещён, что корабль ожидает погрузки[16]. Согласно сохранившимся перечням, 25 сентября на «бригге» в сопровождении двух чиновников и пяти сторожей в Петрозаводск были отправлены 142 ящика с печатными книгами, 38 — с рукописями и 7 — с вазами, принадлежащими библиотеке.

Ранние снегопады и морозы воспрепятствовали успешному окончанию сего предприятия. В конце октября «бригг» вмёрз в лёд на реке Свири близ деревни Усланки. 28 декабря «189 ящиков с вещами Императорской Публичной библиотеки» вернулись обратно в Петербург по зимнему пути[17].

Также водой были отправлены из Императорской Академии наук «восковая персона» Петра Великого, предметы его гардероба, чучела его лошадей и собак, токарные станки и проч. Согласно рапорту

---

[14] Там же. С. 180–181.

[15] РГИА. Ф. 1280. Оп. 2. Ед. хр. 125. Л. 41.

[16] Там же. С. 355–356.

[17] Там же. С. 368.

Комитета Правления Академии от 13 сентября, всё, что предполагалось к вывозу, было упаковано в 72 ящика, включая «минеральный кабинет» и «костюмы китайские, японские и прочие»[18]. Хранившиеся в Кунсткамере анатомические препараты, чучела млекопитающих, птиц, земноводных и остальную «живность» решено не брать с собой, оставив на месте. При этом, согласно «реестру о расходах денежных сумм», Академии пришлось войти в немалые расходы по упаковке предназначенных к отправлению из Петербурга вещей и по снаряжению всех тех чиновников, кто был определён к сопровождению академических сокровищ[19]. Отвалив 17 сентября, два «дашкоута» и сопровождавшая их яхта прибыли в Лодейное Поле 29-го, но далее пройти не смогли «за покрытием реки Свири льдом» и остались зимовать в деревне под названием Капустина. 16 ноября туда и пришло распоряжение А.К. Разумовского с предписанием разворачиваться восвояси...

Когда отобранные предметы Академии наук ещё только предпринимали свой путь в назначенное место, состоялось очередная конференция Академии наук; выступивший на ней экстраординарный академик Вильгельм Готлоб Тилезиус фон Тиленау сделал представление о необходимости разобрать и уложить в ящики хранящийся в академическом собрании единственный экземпляр скелета мамонта. Предложение получило одобрение, и помощник интенданта Кунсткамеры обещал принять все меры, необходимые к сохранению «сего редкого и драгоценного предмета»[20]. Больше никаких академических грузов по воде из Петербурга не отправлялось, поэтому предположительно скелет мамонта всё-таки был оставлен в Кунсткамере.

В том же направлении были отправлены «дела и вещи» Министерства народного просвещёния. В сопроводительных письмах директору училищ Олонецкой губернии, подписанных министром, шла речь о размещёнии отправляемого в Гимназическом доме Петрозаводска и о выдаче сопровождающим груз чиновникам средств из «экономических сумм»[21].

Дальше всего удалось уплыть «предметам» Императорской Академии художеств, заключавшимся в 213 ящиках «с формами античных фигур», ящике с мраморной статуей Екатерины II и статуей Анны Иоанновны «в обвёртке» и 39 — с моделями античной архитектуры и

---

[18] Там же. С. 319.

[19] СПФ АРАН. Ф. 4. Оп. 11а. Ед. хр. 29. Л. 54–266 об.

[20] Там же. Ф. 1. Оп. 1а. Ед. хр. 23. Л. 93 об.

[21] *Щукин П.И.* Указ. соч. М., 1908. Ч. 10. С. 368–369.

прочими казёнными вещами[22]. Выйдя из Петербурга 18 сентября, два «дашкоута» и яхта с этим грузом к 6 ноября сумели добраться до деревни Гакручье на той же Свири, где и остались. В начале декабря для них тоже получилось предписание возвращаться сухим путём в Петербург, исключая часть громоздкой скульптуры, которая осталась дожидаться открытия новой навигации.

Из Петербурга было вывезено 205 воспитанников Академии художеств; 48 исключили «за дурное поведение». Чести быть отправленными на телегах по направлению к Петрозаводску удостоились в том числе оказавшие «отличные успехи» и награжденные золотыми медалями: по классу «живописи ландшафтной» — Сильвестр Щедрин, по классу «архитектуры» — Константин Тон, по классу «живописи портретной» — Михаил Теребенев и др.[23]

В Петрозаводск же была отправлена на четырёх яхтах часть воспитанников Губернской гимназии и Педагогического института, директором которого состоял Егор Антонович Энгельгардт, возглавивший впоследствии Царскосельский Лицей[24]. В Петрозаводске они разместились в здании гимназии (там же одно время находились и «вещи» Департамента народного просвещёния, Медицинской академии, а также Академии наук). В середине октября по случаю ледостава на Свири они направились из упомянутой выше Усланки к месту своего назначения по зимнему пути.

В январе 1813 г. все вывезенные воспитанники Академии, гимназии и института возвратились в стены своих учебных заведений[25]. Кстати, вывоз Смольного института благородных девиц, Царскосельского Лицея, Иезуитского института, Пажеского и Кадетского сухопутного корпусов, несмотря на имевшиеся предположения[26], хотя и готовился, но так и не состоялся; вероятно, поначалу с этим решили повременить, но потом угроза приближения французской армии к столице ослабла, а затем и вовсе исчезла. Памятником несостоявшейся эвакуации, например, Лицея, осталась переписка лицейского начальства с А.К. Разумовским, отечески трогательно

---

[22] Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 г. С. 335–336.

[23] Там же. С. 339–344.

[24] См. письма и донесения Энгельгардта С.С. Уварову в связи с подготовкой к отправке Педагогического института в Петрозаводск: *Щукин П.И.* Указ. соч. Ч. 10. С. 379–383.

[25] Там же. С. 386.

[26] Там же. С. 413–416. О подготовке к перевозу «смолянок» см.: Дневник статс-секретаря Г.И. Вилламова // РА. 1912. № 7. С. 93.

входившим в мельчайшие подробности приобретения для лицеистов, а значит, разумеется, и для Пушкина с его однокашниками, вещей, включая варежки и обувь, необходимых для дальнего путешествия в условиях северной зимы.

Напротив, такие учреждения как департамент мануфактур и внешней торговли и Министерство финансов были вывезены. 5 сентября. О.П. Козодавлев распорядился, чтобы «в рассуждении малого времени для судоходства остающегося» отправить водою все те «дела и вещи», в которых в Петербурге нет особой надобности, выдать отправляемым при них чиновникам жалования за два месяца вперёд и представить в Министерство сведения о количестве ящиков с делами и их весе. Получив известие, что всего уложено семь ящиков общим весом до 180 пудов, Козодавлев предписал все к 15 сентября приготовить к погрузке и выдать назначенным к сопровождению груза чиновникам, сторожам и инвалидам деньги на случай перевозки и укладки дел и вещей, а также разного рода починок в пути, а чиновников снабдить инструкциями и «шнуровыми книгами» для записи расходов[27]. В инструкции от 19 сентября титулярному советнику И. Бетхеру значилось, что судно с делами департамента должно следовать к Шлиссельбургу, мимо Новой Ладоги и далее до Крохинской пристани, а также предписывалось в дороге «как можно чаще самому осматривать все ящики и связки»; в случае же «нещастия или опасности повреждения вещей» чиновники обязаны «требовать пособия» в том числе и от «прибрежных жителей и начальства», включая городничих и земского начальника. Чиновникам предписывалось по выгрузке дел на берег поместить их в нанятый для этой цели амбар, опечатать своей печатью и приставить караул; предписывалось «остерегаться всяких разглашений и посторонних разговоров, поступать во всем с надлежащей скромностью и осторожностью». С большим опозданием, только 5 октября, судно отвалило от стенки, 6-го прибыло в Шлиссельбург, 9-го — в Новую Ладогу, 12-го — в Лодейное Поле, «откуда нимало не мешкая» отправилось далее, но 27 октября, из-за порогов и «воспрепятствовавшего с Онегского озера льда», остановилось близ селения Остречинский погост Петрозаводского уезда Олонецкой губернии на зимовку[28]. Уже в конце ноября начались переговоры о перевозке грузов обратно. Только 3 марта 1813 г. «вещи и дела» департамента возвратились назад в Петербург.

[27] РГИА. Ф. 18. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 1–2.

[28] Там же. Л. 16–21.

Хозяйственный департамент Министерства полиции и канцелярия Министерства также занимались эвакуацией дел своего архива, которая по распоряжению главнокомандующего Санкт-Петербурга началась 20 сентября, а 28-го числа им было предписано закончить увязку и доставить директору общей канцелярии сведения о количестве и общем весе подготовленных к отправке ящиков и тюков, а также о чиновниках, назначенных сопровождать груз. 1 октября помощнику начальника архива Фёдору фон Минстеру поручено было принять дела хозяйственного департамента, помещённые в 9 ящиков весом до 10 пудов каждый, опечатанных печатями департамента, и вместе со сторожем Корнеем Остаховым доставить их на судно, «имея всевозможнейшее старание о сбережении» ящиков и «сохранении их от всякой порчи и подмочки»[29]. Минстер был снабжён бумагой, в которой значилось, что «господа начальство на заставах имеющие до места назначения благоволят чинить ему свободный пропуск и в случае нужды всякое вспомоществование». Подпись в документе со ссылкой на указ императора гласила: «Двора Его Императорского Величества всемилостивейшего государя моего действительный камергер, управляющий хозяйственным департаментом Министерства полиции и ордена Св. Иоанна Иерусалимского кавалер Свистунов».

3 октября в Хозяйственный департамент сообщили, что для погрузки архивных дел уже назначены два бота, стоящие «на Неве повыше Гагаринской пристани у сенных барок», и уже на следующий день назначенные к отправке ящики были, наконец, погружены, включая и книги указов, Табель о рангах и прочее. Когда боты покинули Петербург достоверно неизвестно, но 16 октября они благополучно прибыли в Шлиссельбург и на следующий день отправились далее[30]. Суда прошли 56 вёрст по Ладожскому каналу и остановились близ села Чёрного-Бережного Новоладожского уезда «из-за невозможности продолжать более пути, от льда, которым упомянутый канал покрылся», почему и была проведена выгрузка архивных дел Хозяйственного департамента на берег. 23 числа всё было выгружено «без малейшей порчи» и помещёно на берегу в «удобнейшем сарае, к коему приставлен и караул». Возвращение же отправленных в эвакуацию грузов состоялось только весной 1813 г.: в Министерство полиции было направлено сообщение, что все ящики с грузами департамента возвратились в Петербург и 10

[29] Там же. Ф. 1287. Оп. 45. Ед. хр. 88б. Л. 4–7 об.

[30] Там же. Л. 13–16.

мая все дела «в надлежащей крепости» были выгружены и доставлены по назначению.

Эвакуация разного рода грузов и ценностей продолжалась и далее, тем более, что в Петербурге ходили упорные слухи, что Наполеон вроде бы «прокрикивал»: дескать, «к 30-му Августу будет в Петербурге» и увезёт-таки «отсюда памятник Великаго Петра в Париж дабы поставить его там же, где находится шляпа и шпага Фридриха Великого, колесница с Бранденбургских ворот и львы Венециянские»[31].

Архивные документы дают представление о том, как предполагалось решить технически сложную задачу в отношении упомянутых в письме императора двух памятников Петру I. Документ, составленный в форме вопросов и ответов едва ли не самим академиком Императорской Академии художеств архитектором Луиджи (Алозием Ивановичем) Руска, гласит: «Возможность нимало не сомнительна, тем более, что тяжесть каждаго из м[онументо]в составляет только около 1000 пуд, а вышина их от земли не более 8ми аршин, сверх же того оные довольно близки от воды». На вопрос о времени, которое может потребоваться, чтобы построить соответствующие «машины», сочинитель «Замечания относительно спуска М[онументо]в на воду» ответил: «Никаких мудрёных машин не нужно, а надлежит заготовить некоторые простые механические снаряды, <...> и которые в течение одной недели могут быть изготовлены». Вообще же, по мнению автора, «с помощию ста человек и 12ти лошадей вся работа продолжится может не более трёх дней...» Для того, чтобы поставить памятники на суда, предполагалось «м[онумен]т, находящийся против С[ена]та <...>, уклонив на левую сторону и положив на заготовленную для сего раму с полозьями из брёвен, спустить по склизям до земли, а потом на той же раме или санях катить на толстых бревенчатых скалках до самаго берега и спустить на судно также по склизям из толстых брёвен». Подымать оба памятника следовало «простыми перемогами» (т.е. рычагами), употребляя при этом верёвки, блоки и горизонтальные вороты.

В заключение «для вящего убеждения» следует такой пассаж: «...заметить должно, что в 1770м году, без всяких сложных и мудрёных машин, камень, из коего выделано подножие м[онумент]та против С[ена]та, имевший весу до ста тысяч пуд, передвигаем был по целой версте в неделю. Знавши хорошо руской народ, смело сказать можно, что с безпримерным сим народом многие почти невозможные вещи делаются возможными, а потому и нет никакаго сумне-

[31] Архив СПбИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 231. Л. 85–87 об.

ния, что в случае крайности, драгоценнейшие памятники, как говорят руские, на руках вынесут»[32].

Примечания достойно, что «спасение» скорее всего именно этого памятника Петру I было поручено Александром I «особенной распорядительности» статс-секретаря Петра Степановича Молчанова, которому на эти цели секретно была из казначейства выдана «надлежащая сумма». Когда же в Петербурге стало известно, что Великая армия покинула Москву и таким образом опасность для Петербурга, скорее всего миновала, Молчанов в одном из докладов осведомился у императора, не повелено ли будет вернуть эту сумму по принадлежности. На это Александр I неожиданно и «с живостью» отозвался: «Ты Кутузова не знаешь, было бы у него всё хорошо, а о других заботиться он не станет. Держи деньги пока у себя на всякий случай»[33].

Не так просто было с другим памятником Петру I, ибо «...оказалось, что статую, вблизи Михайловскаго замка находящуюся, нельзя спустить по Фонтанке, ибо мост не довольно для того высок», — так докладывал об этом императору главнокомандующий в Санкт-Петербурге и по совместительству министр полиции, замещая А.Д. Балашова, генерал от инфантерии Сергей Козьмич Вязмитинов, попутно испрашивая у Александра I, не поручить ли тому же архитектору Руска аналогичные заботы о домике Петра Великого и памятнике Суворову на Царицыном лугу[34]. Но до этого, по всей видимости, не дошло.

Между тем многое всё же было вывезено, но об этом было известно разве что из циркулировавших слухов и в записках современников отразилось лишь отчасти. Так, по воспоминаниям И.И. Дмитриева, «по вступлении в Москву неприятеля начали даже и в Петербурге, по всем Министерствам, отправлять нужнейшие бумаги водным путём, помнится в Олонецкую губернию, куда отряжен был от Министерства полиции чиновник, чтобы приготовить дома для поклажи дел и проживания отправленных с ними от всех Министерств приказных служителей. Но благодарение святому промыслу, распоряжениям правительства и народному духу! временное испытание наше обратилось для нас в вечную славу. Спокойствие возстановилось, течение дел вступило в прежний порядок...»[35] Однако министр

[32] Там же. Кол. 115. Д. 475. Л. 9–11.

[33] [*Вяземский П.А.*]. Из старой записной книжки // РА. 1873. Кн. 1. С. 1027.

[34] Архив СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 475. Л. 43–44 об.

[35] *Дмитриев И.И.* Взгляд на мою жизнь. М., 1866. С. 205–206.

юстиции не обо всём был в должной мере осведомлён или тому виною память: к эвакуации Петербурга стали готовиться ещё до занятия неприятелем Москвы...

Сардинский посол Жозеф де Местр в письме к графу де Фрону, ещё 5 (17) августа) писал, воздавая хвалу генералу П.Х. Витгенштейну, якобы «оправдавшему свою репутацию» близ Полоцка: «Если бы не действия сего генерала <...> французы были бы уже в Санкт-Петербурге. Тем не менее, все сокровища дворцов упакованы, и всё приготовлено для переезда двора в Казань». Правда, де Местр указывал при этим, что в устье Двины собраны русские и английские канонерские лодки, возле Нарвы готовится лагерь для принятия войск, а командование силами, назначенными для обороны столицы, возложено на Кутузова, и в этой связи опасность для Петербурга, возможно, миновала, но «для Бонапарта и то много чести, что он заставил российского императора укладывать чемоданы»[36]. Между тем, за несколько дней до генеральной баталии на бородинских полях укладывать чемоданы пришлось и самому сардинскому послу. Как писал де Местр тому же де Фрону 2 (14)–3 (15) сентября, «я отобрал все важные бумаги и сжёг остальные. Мне предложено место на барке, гружённой бронзами, картинами, серебром и прочим, которая в случае беды должна отправиться во внутренние губернии по озёрам и рекам, так что персона моя будет в безопасности...»[37]. О своём отъезде посол обещал уведомить «Его Величество», т.е. короля Виктора-Эммануила I.

Разбор и укладка бумаг и вещей императрицы Марии Феодоровны началась в Зимнем дворце уже 11 июля вечером, когда статс-секретарь Вилламов в её присутствии принялся укладывать в большой сундук различные «пакеты». Эта работа продолжалась несколько дней: в сундуки укладывались т.н. «портфели» императрицы с документами, в том числе и бумаги Павла I[38].

Немалая опасность для столицы сохранялась, если и московский генерал-губернатор писал в то же время министру полиции: «Третьего дня нашло здесь такое уныние, когда узнали, что в Кабинете, крепости, в банках и Эрмитаже укладывают по секрету вещи для отправления в Ярославль и для сего через Тихвин расставлено до двух тысяч лошадей на каждой станции, из чего и заключают, что

---

[36] *Местр Ж. де.* Петербургские письма / Сост., перевод и предисловие Д.В. Соловьева. СПб., 1995. С. 216.

[37] Там же. С. 219–220.

[38] РС. 1912. № 7. С. 90.

опасность для Санкт-Петербурга велика, а здесь, кажется, привыкли знать, что неприятель под Смоленском»[39]. Тайный агент полиции Фогель среди прочего сообщил в своём донесении Балашову о внезапно распространившемся слухе о том, что при дворе и в Эрмитаже укладываются, что в свою очередь посеяло среди жителей столицы тревогу[40].

Что касается Эрмитажа, то, по воспоминаниям Константина Карловича Жерве, его отец, Карл (Ганнибал) Еремеевич Жерве, с ноября 1811 г. комендант Выборгской крепости, получил от императора Александра I собственноручное письмо, в котором поручил ему эрмитажные сокровища. «Огромные ящики с драгоценностями из Эрмитажа и Двора, картины, бриллианты и разное другое имущество царской фамилии» было доставлено в Выборг и помещёно в замке (Шлоссе), «где был удвоен караул и учреждено особое дежурство штаб-офицеров»; последние должны были «зорко следить за целостью вещей и при смене подавать отцу особые записки о благополучной сдаче дежурства»[41]. Весной 1813 г. К.Е. Жерве благополучно сдал в целости все принятые им вещи, каковые были отправлены обратно в Петербург. Впрочем, по другим сведениям, «драгоценности и разные вещи Императорского Эрмитажа и Кабинета Его Величества» на 22 ластовых (назначенных для перевозки тяжестей — *С.И.*) судах были отправлены в город Вытегру[42].

В записке «Взгляд на теперешнюю беду», помеченной «1812 г. Сентябрь. Высокос Московски», из бумаг «Алябьевского архива» имеется такая запись: «Москва взята а Петербург в опасности: кунскамера, главная аптека, Ермитаж, часть сената, часть царского имущества на судах, из коих иные замёрзли, а некоторые потонули»[43]. По донесению полицейского агента, пронёсся слух, что стали укладываться и в Сенате «и в прочих Коллегиях то же делается, а в Архангельске очищается Монастырь для сокровищ здешнего и Московского ломбардов»[44].

---

[39] *Дубровин Н.Ф.* Москва и граф Ростопчин в 1812 г. // Военный сборник. 1863. № 7. С. 436.

[40] Архив СПбИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 44–44 об.

[41] *Жерве К.К.* Воспоминания // Исторический Вестник. 1898. № 5. С. 428.

[42] Памяти Императора Александра I Благословенного и Отечественной войны для жителей Олонецкого края / Сост. И.И. Благовещёнский под ред. А.Ф. Шидловского. Петрозаводск,. 1912. С. 14.

[43] *Щукин П.И.* Указ. соч. М., 1900. Ч. 5. С. 279.

[44] Архив СПбИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 197. Л. 12.

Петербургский чиновник писал своему московскому корреспонденту, который в то время пребывал, по всей вероятности, во Владимире, о том, что «драгоценности и архивы отправлены большею частию отсюда»[45].

Как уже говорилось, принятые меры не могли не питать слухи и толки, распространявшиеся в самых широких слоях населения Петербурга, что не оставалось вне внимания полиции и её тайных агентов.

По северной столице был разослан для чтения в церквах и рассылки по присутственным местам, но вряд ли для расклейки, поскольку имеет и оборот, листок, озаглавленный «Извещается по Высочайшему повелению». В листке сообщалось следующее:

> *Здесь в Санктпетербурге берутся некоторые меры к вывозу отселе нужных вещей. Сие отнюдь не для того делается, чтобы какая нибудь опасность угрожала сей Столице.* Далее автор воззвания распространяется о том, что опасности, в самом деле, нет ни со стороны Московской дороги, ни с других сторон, особенно имея в виду, что генерал Винцингероде стоит на коммуникациях, а фельдмаршал «наблюдает движение неприятеля». *Что же касается до вывозу, как сказано, отселе нужных вещей, оное делается единственно для заблаговременной предосторожности, предупреждая замерзание рек.* После чего в листке вновь говорится о том, что опасности никакой нет. Но *мы бы погрешили против Бога, естлиб с несомненною уверенностию стали утверждать будущее, о котором Он Один знает <...> Меры сии берутся в безопасное время и на тот один конец, что ежели бы опасность (от чего да сохранит нас Бог!) стала угрожать сему городу, тогда Правительство, известя о том заблаговременно, и имея уже все тяжёлые вещи вывезенными, облегчило бы жителям способы с лучшим порядком и без смятения выезжать отселе внутрь земли. Ибо положено единожды и твёрдо, (с чем безсомнения каждый Россиянин согласен), что какой бы ни был успех неприятельскаго оружия, но прежде испить всю чашу бедствия, нежели поносным миром предать Россию порабощению.*

Обращение было напечатано в «Северной почте» от 21 сентября (№ 76), но вряд ли оно могло внести успокоение в умы и сердца столичных обывателей. Уж если в Москве слухами земля полнилась, то в Петербурге об этом давно говорили вслух. «Слухи об отправлении отсюда воспитательного дома, ссудной Кассы, Арсенала, мо-

[45] РС. 1912. № 10. С. 13.

нетного двора и пр. Вашему Превосходительству слишком известны, — сообщал начальник Особенной канцелярии М.Я. фон Фок министру полиции 23 августа 1812 г., — чтобы здесь заслуживать места. Они распространяют однакоже большое беспокойство между жителями лучших классов и даже между средними сословиями эти дни много произвели толков об опасности Столицы нашей. Особливоже слухи что вдовствующая Императрица с двором изволит сама отправиться в Казань, тревожит умы безсильные»[46]. «Умы безсильные», т.е. те, кто томился в полной неизвестности, не зная, что делать — собирать пожитки и отправляться, например, с Выборгской стороны далее на север или поступать в ополчение. Было от чего прийти в оторопь.

Слухи об эвакуации столицы попали и в сообщения агентов тайной полиции. В одном из донесений того времени читаем: «Внезапно получила распространение новость о том, что отдано распоряжение увязываться при дворе и в Эрмитаже, а это посеяло тревогу среди здешних жителей»[47].

По далеко не полным и не вполне точным сведениям о многом осведомлённого статс-секретаря, «Эрмитаж, библиотеки, учёные кабинеты и дела всех присутственных мест вывезены водою на север, чем воспользовались и служащие, присоединив свои ящики к казённым, так что у графа Аракчеева, например, было в доме не более трёх ложек. Затем все жили, по пословице, на мази: кто мог, держал хотя пару лошадей, а прочие имели наготове крытые лодки, которыми запружены были каналы. Закрытие банка и ломбарда, с пресечением присылки доходов из деревень, сделало то, что монетный двор не успевал перечеканивать в монету приносимых сервизов...»[48].

Присоединил свои ящики к казённым или отправил их под видом казённых сам министр внутренних дел О.П. Козодавлев. Директор Особенной канцелярии М.Я. фон Фок 3 сентября 1812 г. доносил министру полиции А.Д. Балашову, что министр «отправил часть своего имущества на сбережение в Тихвинский Монастырь за надёжным конвоем под предводительством Статского Советника Мельникова, который за исправное выполнение сего поручения произведён в Действительные Статские Советники (чин IV класса, соответствующий генерал-майору — *С.И.*). Монахи, усердствуя при привозе вещей столь знаменито препровождённых, вознамерились внести

---

[46] Архив СПбИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 232. Л. 23.

[47] Там же. № 297. Л. 44–45 об.

[48] *Марченко В.Р.* Автобиографическая записка государственного секретаря...: 1782–1838 гг. // РС. 1896. № 3. С. 500.

их в Олтарь, чтобы там их сохранить; но северныя двери оказались слишком малыми для Сундуков сокровища Г. Козодавлева в себе заключающих, а потому иноки облеклись в рызы и внесли с богобоязненным велением сии драгоценности чрез Царские врата в Олтарь и там достодолжно схоронили»[49]. Полицейское донесение перекликается с аналогичным сообщением губернаторши В.И. Бакуниной — с той лишь разницей, что, по её утверждению, сундуков было 18, «от тягости коих пол треснул»[50]. Не только Козодавлев, но вкупе с ним и «многие вельможи» (plusieurs Seigneurs), согласно тому, что писал тайный агент полиции, занимались увязыванием своих ценностей, имея в виду последующий выезд из столицы. Среди них агент называл Сергея Румянцева, Голицына, Головина и др.[51]

Полицейские осведомители, засевшие в петербургском доме министра финансов Дмитрия Александровича Гурьева, донесли 13 сентября: покуда господа обретались в гостиных апартаментах, «собравшиеся в передней лакеи завели разговор о настоящих военных обстоятельствах и об опасности, в которой находится Отечество и после многих рассуждений говорили, что надобно всем споспешествовать к спасению Отечества и на защищение веры и Государя...». Когда же возник извечный вопрос что делать, «один из них отвечал, что надобно выбрать между собою однаго половчее и поумнее и начать тем, чтобы свернуть головы своим господам, то есть Русским французам, а потом идти на врага. От Господ же нечего ожидать, они совсем офранцузились и Государя обманывают».

Такие мысли посещали не только лакеев и не только у министра финансов. Разумеется, подобного рода «патриотисм» не мог не беспокоить власти. По донесению тайных полицейских агентов в Санкт-Петербурге, «Статский Советник Муратов и какой то Флотский Командир или Адмирал говорили в одном из лучших борделей (! — *С.И.*), что наверное слышали, что Государь с Императрицею Елисаветою Алексеевною выедит на иностранном корабле за море, а правление вверит Константину Павловичу»[52]. Каким именно наказанием отделались два посетителя «заведения» и последовало ли оно вообще, неведомо. Слышали это, надо полагать, не только чины полиции, и подобные рассуждения вполне могли обрасти другими, ещё более невероятными слухами!

---

[49] Архив СПбИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Д. 232. Л. 25.

[50] РС. 1885. № 9. С. 407.

[51] Архив СПбИИ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 297. Л. 55.

[52] Там же. Ед. хр. 232. Л. 23 об.

Полицейское донесение перекликается с аналогичным сообщением полицейского агента о реакции на проводившиеся правительством «упредительные» меры. Среди посетителей известного питейного заведения близ Невской першпективы, где не без пользы проводил в ожидании интересных сведений время один из агентов, велись разговоры о том, что «Государь все Свои сокровища вывозит в Кронштадт и уже в три раза по 40 ботов туда отправил, а теперь ещё столько же у Адмиралтейства и дворца в готовности», а также о том, что «Государь в Кронштадте жить не будет, а намерен с фамилиею в Англию...»[53]

По сообщению же другого агента, специализировавшегося на околопридворных «известиях», «придворные служители между собою говорят, что Императрица Елисавета Алексеевна решилась остаться здесь и от народа не бежать, почему и не велела укладывать свои сокровища; а Государыня Императрица Мария Феодоровна ежечасно в слезах, грустит и велела всё собрать во дворце и училищах (подведомственных ей — *С.И.*) и готовиться к отъезду; а сие говорят, происходит от Графини Ливеной (Дарьи Христофоровны Ливен, урождённой Бенкендорф, фрейлины Марии Феодоровны — *С.И.*), о которой разсуждают, что подкуплена Бонапартом, у двора в неограниченном кредите и первая подпора Графа Румянцева, Барклая де Толли и прочих Немцов окружающих Государя. Сии же люди внушают ей свою систему и образ мыслей и таким образом пугают чрез неё Марию Феодоровну. А народ смотря на Императрицу приходит в смущение и опасается что Она уговорит Государя к заключению мира с Франциею и к запрещёнию торговли с Англиею»[54].

Сообщение отчасти перекликается с тем, что писал в своих воспоминаниях будущий товарищ президента Академии художеств граф Ф.П. Толстой, а именно, что пока в Петербурге «казённые места спешили вывозить драгоценности Петербурга в места, безопасные от неприятеля», а «тысячи повозок приготовлялись в городе для вывоза оттуда во внутрь России обитательниц Смольного монастыря, институтов и двора», императрица Елизавета Алексеевна, когда её спросили, сколько надобно будет ей подвод для вывоза вещей, отвечала: «так как нет возможности спасти имущество всех жителей Петербурга до последней бедной, то и я должна терпеть одинаковую с ними участь»[55]. По словам Толстого, «она оставила все свои драго-

[53] Там же. № 20. Л. 35 об.

[54] Там же. Л. 44 об.

[55] РС. 1873. № 2. С. 136–137.

ценности и любимые вещи, не трогая с места» и далее: «Эта кроткая, умная государыня во всех случаях поступала как истинная царица».

А вот что случилось, по воспоминанию племянницы Г.Р. Державина Елизаветы Львовой, с её братом. Александр Николаевич, служивший до 1812 г. по статской, отправился на войну добровольцем, отличился в трёх сражениях и был представлен командованием к золотому оружию. Находясь проездом в Рязани, Львов на обеде у губернатора в присутствии двух «молодых людей во фраках», рассказал, «какое дурное впечатление делает в народе, что все богатства из кабинета укладываются в лодки и отправляют в Вытегру; как недовольны отступлением Барклая де Толли и отъездом государя Александра Павловича из армии». После обеда Львов отправился далее и вскоре был объявлен в розыск[56]. Через некоторое время Львов был выслан из армии в Петербург с фельдъегерем, причём в дороге ему запретили бриться и пользоваться ножом и вилкой. В Петербурге же заперли в подвале дома главы Военного департамента Государственного совета графа А.А. Аракчеева, который, по учинении ничего не подозревавшему Львову допроса, доложил о нём государю, после чего объявил арестованному монаршее прощение. При расставании Аракчеев показал ему бумагу за подписью Барклая де Толли, из которой следовало, что за распускание вредных слухов Львов «в пример другим должен быть расстрелян»[57]. Хорошо ещё, что Аракчеев как бывший военный министр не ладил с Барклаем и не пропустил случая показать, что он пока ещё «в силе».

«Удаление из Петербурга всех учебных заведений и драгоценностей в Финляндию, и флота из Кронштадта в Англию, — полагал Дмитрий Иринархович Завалишин, впоследствии декабрист, — показывало, сколь мало правительство надеялось отстоять самые важнейшие места от нападений Наполеона». Но предполагалось ли защищать столицу от наседавшего «француза»? Оказывается, предполагалось. Во всяком случае, с тех пор сохранился весьма примечательный документ, вышедший из-под пера неустановленного сочинителя, из которого явствует, что на пути неприятеля предполагалось положить три «преграды», каждая из которых должна была защищаться артиллерией и регулярными войсками. Если бы ни одна из этих «преград» — ни «городской ров» (Обводный канал — *С.И.*), ни Фонтанка, ни Мойка — не остановили французов, тогда оставались бы ещё обе петербургские крепости вкупе со Шлиссельбургом,

[56] *Щукин П.И.* Указ. соч. М., 1904. Ч. 8. С. 305.

[57] РС. 1880. № 9. С. 202–204.

которые бы препятствовали высадке неприятеля на правом берегу Невы. «Мысль сия, — говорилось в записке, — при исполнении может в подробностях приведена быть в совершенство, успех оной тем кажется быть надежнее, что неприятель не может иметь сведения об укреплении города, уверенность же его войти в город без сопротивления обратится ему в пагубу. Переменяя расположение улиц новыми стенами, он в самом городе найдёт в каждой улице, в каждой площади отдельные крепости, которыми без важной потери в людях овладеть не может, а напротив защищающие имея особые сообщении до Невы, как в нападении так и в отступлении не будут подвергаться ударам неприятеля».

Предполагалось, что последней преградой на пути французов станет Нева, а не уехавшее из столицы население переберется на Васильевский, Крестовский, Каменный и другие острова, а также на Выборгскую сторону, тогда как «сокровищи государственные кажется довольно будут обеспечены в крепости (Петропавловской — *С.И.*) или в Кронштадте или где в другом месте по разсмотрению правительства».

Составитель примечательного документа полагал, что следовало озаботиться мерами с тем, чтобы лишить неприятеля съестных припасов; для этого предлагалось «барки с хлебом идущие в Питербург и ещё не вошедшие в Волхов, остановить в Новгороде, а прочие остановить за Боровичами дабы ни одна не могла быть жертвою неприятеля». С той же целью автор предлагал «всех жителей на пространстве 150 и 200 вёрст от Петербурга переместить по удобности на правой берег реки Невы, других в уезды Лугской, Гдовской и Новогородскую губернию, имущество их вывезти прежде, а самим оставаться до того времени как проходить будет неприятель дабы не мог предузнать, что его ожидает здесь». Кроме этих мер предполагалось перегнать весь обретающийся в столице крупный рогатый скот на северный берег Финского залива, а собранный урожай зерновых укрыть в лесах «так, чтоб с трудом отыскать его возможно». На правый же берег и на Острова предлагалось переправить все находившееся в петербургских лавках и лабазах продовольствие, а также «переплавить» туда же все брёвна и доски из Адмиралтейства и, разумеется, все барки и лодки[58].

Вместе с тем, вследствие общей неясности положения дел к предположенным мерам решено было до поры до времени не приступать, однако подготовка петербургских учреждений к вывозу проводилась и далее. Но вскоре после перемены года, 25 февраля, ми-

[58] РГИА. Ф. 1409. Оп. 4. Д. 14980. Л. 1–4 об.

нистр юстиции И.И. Дмитриев уведомил обер-прокурора Правительствующего Сената о решении Комитета министров «по вскрытии вод» возвратить в Санкт-Петербург «все дела и вещи, отправленные отсюда по известным обстоятельствам...»[59]. Впрочем, об оставлении Великой армией Москвы в Петербурге стало известно 16 октября, о чём в этот день сообщила «Северная почта».

Таким образом, ожидания, в которых пребывал Александр I, во всё время пребывания в столице предпочитавший обретаться в своём Каменноостровском дворце, ожидания порою томительные и даже тягостные, оказались не напрасными. С самого начала войны в 1812 г. за него были само пространство необозримой империи вкупе с отнюдь не привычным для армии, прославленной своими победами в Европе, бездорожьем и воистину страшная зима. Облечённому властью абсолютного монарха императору было тем легче проявить твёрдость и, став в позу оскорблённого «вероломным» нападением посреди мира и союза, отклонять все попытки Наполеона завязать переговоры. Он поступал вполне сообразно с тем, что ранее высказывалось московским генерал-губернатором, а именно, что «император России всегда будет грозен в Москве, страшен в Казани и непобедим в Тобольске», тогда как его противник, осведомлённый об эвакуации Петербурга, надеялся, что у Александра I возобладают здравые мысли и войну удастся остановить, не предпринимая похода на северную столицу.

[59] Там же. Ф. 1400. Оп. 1. Ед. хр. 615. Л. 5.

ВЗАИМОВЛИЯНИЕ СТОЛИЦ И ПРОВИНЦИИ

В.В. Аристов (Кингисепп)

Нарва — несостоявшаяся морская столица Петра I

Принято считать, что морской столицей на Балтике мог стать только Санкт-Петербург, построенный Петром Великим в устье реки Невы, так как якобы именно это место для Петра было изначально предопределённым и безальтернативным. Существует немало исторических работ о «пра-Петербурге», доказывающих, что лишь устье реки Невы могло быть местом строительства главного морского города России[1]. Аргументы известны: здесь проходил путь «из варяг в греки», здесь существовало поселение Невское Устье, здесь шведы построили Ландскрону, а затем Ниеншанц. К этому добавляется факт разгрома на Неве шведов князем Александром Невским и легендарный рассказ о следовании через Неву апостола Андрея Первозванного.

Практически вся отечественная литература о Петре Великом так или иначе обосновывает необходимость и безусловную правильность строительства Петром морской столицы России на Неве. При этом все признают, что место для строительства в устье Невы большого города и порта было совершенно непригодным, что строительство потребовало слишком много сил и средств и повлекло за собой гибель десятков тысяч людей. Строительство Петербурга в болотистом устье Невы, постоянно подвержённом наводнениями, со времён Н.М. Карамзина признаётся «гениальной ошибкой Пет-

[1] *Мачинский Д.* Русско-шведский пра-Петербург // Шведы на берегах Невы. Сб. ст. Стокгольм, 1998. С. 9–17; Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. М., 2003; Шарымов А. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб., 2004; *Сорокин П.Е.* Ландскрона, Невское Устье, Ниеншанц: 700 лет поселению на Неве. СПб., 2001; *Жуков К.* История Невского края. СПб., 2010 и др.

ра». По мнению подавляющего большинства историков, это было неизбежной платой за прорыв России к Балтийскому морю, гигантские жертвы оправданы, и потому альтернативы Санкт-Петербургу в устье Невы не было и быть не могло.

Между тем альтернатива создания морской столицы России в другом месте Финского залива была, и существовала она несколько сотен лет. О ней знал создатель единого Русского государства великий князь Московский Иван III. Её успешно использовал первый русский царь Иван IV. Эту альтернативу имел в виду его наследник Фёдор Иоаннович и царь Борис Годунов. И, похоже, сам Пётр I, начиная Северную войну, рассматривал её в качестве основной. Альтернатива Неве — река Нарова[2], а город, который имел все шансы стать морской столицей России, — Нарва с входившим тогда в её состав Ивангородом.

Нарова издревле служила ничуть не менее важным международным торговым путём, чем Нева. Среди рек, впадающих в Финский залив, по своей полноводности она стоит на втором месте после Невы. Её водосборная площадь больше, чем вся материковая площадь Эстонии. Длина Наровы — 78 км, ширина большей частью составляет 200–300 м. В городе Нарве и ниже по течению река разливается на 300–400 м, что сравнимо с шириной Невы. В своём верхнем течении, у острова Пермискюла, Нарова достигает в ширину 90 м, а в устье — 650[3].

Нарова напоминает Неву не только своей длиной, шириной и полноводностью, но и тем, что она тоже вытекает из озера. По своей величине Чудское озеро, вместе с Псковским, — четвёртое озеро Европы и третье в европейской части России (после Ладожского и Онежского). В него впадает много рек, но вытекает только Нарова.

Через эти реки она имеет связь с западными областями России и с её древнейшими торговыми городами — Псковом и Новгородом. Через реку Великую, на которой стоит Псков, а также Череху и Ше-

---

[2] С конца 1920-х гг., когда почти всё течение реки Наровы оказалось в составе Эстонской Республики, её стали называть на эстонский манер «Нарва». Исторически же река называлась Наровой или Неревой. Как правило, Наровой её до сих пор называют русские жители города Нарва (90% населения) и население соседних с Эстонией районов Ленинградской области — Кингисеппского и Сланцевского. Автор использует историческое название «Нарова», что не только оправдано исторически, но и позволяет избегать путаницы между городом Нарва и рекой.

[3] Река Нарва. Реки с заповедными территориями в уезде Вирумаа 2. Куру–Тарту, 2010. С. 16, 18.

лонь, впадающую в озеро Ильмень, Нарова связана водным маршрутом с Великим Новгородом. Фактически это один из альтернативных Невско-Волховскому древних путей. По реке Эмайыги (Эмбах) из Наровы шёл путь в южную Эстонию. В древности по нему можно было добраться не только до Юрьева-Дерпта (совр. Тарту), но и до Пернова (Пярну), стоящего на берегу Рижского залива, т.е. пройти внутренними водными путями из Финского залива в Рижский[4], а также добраться туда из Пскова и Новгорода, не выходя в море.

В своём устье Нарова имеет связь с Лугой — самой протяжённой рекой Ленинградской области. Её истоки находятся в Псковской области, а общая длина составляет более 350 км. В полукилометре от Финского залива в Нарову впадает река-протока Россонь, левый рукав Луги. Длина Россони — 26 км, ширина — от 65 до 130 м, средняя глубина 3–4 метра. Россонь судоходна и создаёт единый водный маршрут по Нарове и Луге. Через волок в верховьях Луги, реки Кибу, Мшагу и Шелонь можно выйти в озеро Ильмень и достичь Новгорода, минуя Финский залив, Неву, Ладожское озеро и Волхов. Это был другой, ещё более важный, древний торговый путь, альтернативный Невско-Волховскому.

Своё русло из Чудского озера в Финский залив Нарова проложила около 6 тысяч лет назад[5], она значительно старше Невы, возраст которой оценивается в 2–2,5 тысяч лет[6]. Соответственно, древнее население будущей Эстонии, а также Ингрии, или Ингерманландии (Ижорской и Водской земель) стало раньше осваивать берега этой реки. Обнаруженные археологами следы древних поселений на Нарове относятся к V тысячелетию до н.э., к неолиту. Постоянное население появилось здесь в мезолите, причём наибольшее количество археологических находок относится к району нарвских водопадов на территории города Нарва[7].

Археологические находки в низовьях Наровы, Луги и на берегах Россони доказывают, что уже к III–I тысячелетию до н.э. данная территория была освоена «предками прибалтийских финнов»[8].

По Нарове, как и по Неве и Луге, проходил один из маршрутов знаменитого пути «из варяг в греки». «Бессчётные курганы и остат-

---

[4] Этот единый водный маршрут прослеживается по старинным картам Ливонии.

[5] Река Нарва. С. 18.

[6] *Анисимов Е.В.* Петербург времён Петра Великого. М., 2010. С. 3.

[7] Река Нарва. С. 5.

[8] *Рябинин Е.А.* Водская земля Великого Новгорода. СПб., 2001. С. 14.

ки городищ в Ямбургском уезде Петербургской губернии, к которому принадлежит и город Нарва, а также находимые в земле арабские, персидские и англосаксонские монеты VIII, IX и X столетий, свидетельствуют о том, как рано шёл здесь, направляясь к югу через реку Лугу, волоком в озеро Ильмень, а может быть и по Нарове в озеро Чудское, торговый путь, соединявший Скандинавию с Чёрным морем», — писал К. Случевский в своей книге о Нарве[9]. Его слова подтверждаются работами историков и краеведов[10].

Очевидно, уже в VIII–IX вв., когда возник город Ладога и началась международная торговля по Волхову, такая же активная торговля велась и по обоим альтернативным путям через Лугу и Нарову. Об этом свидетельствуют обнаруженные в верховьях Луги древние городища — Косицкое и Передольское, а также многочисленные сопки-могильники по её берегам. То, что Лужский водный торговый путь существовал в период Древнерусского государства, подтверждается сообщением летописей об установлении в 947 г. киевской княгиней Ольгой по Луге оброков и даней. Анализируя его, академик Валентин Янин утверждает, что киевской дружиной «были подавлены и присоединены конкурентные приильменскому региону обильно заселённые районы по течению рек Мсты и Луги...»[11] По мнению Янина, именно после походов на Лугу и Мсту княгиня Ольга объединила три разрозненных посёлка на берегу Волхова в единое поселение, и таким образом возник Новгород. «А это означает, — пишет исследователь истории древнего судоходства Андрей Лукошков, — что водный путь по Волхову начал играть важную экономическую роль позже, чем Лужский путь. При этом <...> раскопки на Передольском погосте указывают, что активное использование Лужского пути продолжалось и в последующие годы»[12].

От себя добавим, что Лужский водный путь использовался вплоть до начала XX в. Его значение резко упало после основания Петербурга, но, как будет показано ниже, в XV–XVII вв. он использовался более активно, чем Невско-Волжский. При этом следует отметить,

---

[9] Случевский К. Нарва. Её былое и настоящее. СПб., 1890. С. 11.

[10] См.: *Петров А.В.* Город Нарва, его прошлое и достопримечательности. СПб., 1901; Ефимов А. Кингисепп. Историко-краеведческий очерк. Л., 1972; *Канн П.Я.* Нарва. Страницы истории города. Таллинн, 1979.

[11] *Янин В.Л.* Очерки истории средневекового Новгорода. Электронный ресурс: http://lib.rus.ec/b/181606/read.

[12] *Лукошков А.* Древнее судоходство и результаты подводных археологических работ на реках Луга, Оредеж, Россонь и Нарова // Малая Родина. Вып. 2. СПб.; Кингисепп (Ямбург), 2012. С. 64.

что путь по Неве и Волхову к Новгороду был значительно более опасным из-за штормового Ладожского озера и более трудным, учитывая Невские, Ивановские и Волховские пороги[13].

Что касается города Нарвы, то его появление связано с событиями XIII в. в Прибалтике. В 1219 г. датчане высадились на западное побережье континентальной Эстонии, основали на месте эстонского городища Линданиссе портовый город Ревель (Таллинн)[14], а в последующие годы подчинили себе всю Северную Эстонию. Завоевание имело целью не только крещение язычников-эстов, но и установление контроля над торговыми путями между Северной Европой и Русью. Продвинувшись на восток до Наровы, датчане построили на её правом берегу у сухопутной дороги на Новгород и речной переправы деревянный замок. Так находившееся в 12 км от моря село Нарвия начало превращаться в город Нарву[15], а Нарова стала естественной границей между Русью и Западом. И если XIII и начало XIV в. отмечены борьбой русских со шведами за Неву, ничуть не меньшая борьба шла и за Нарову.

После поражения в 1240 г. на Неве и одновременно успешных завоеваний в Финляндии шведы, имевшие в своём войске отряды финских племён сумь и емь, совместно с датчанами во главе с правителем Ревеля Дитрихом фон Кивелем решили взять устье Наровы под полный контроль. В 1256-м объединённое войско начало строить здесь новый город. Новгородцы послали во Владимир за Александром Невским, а сами, «по своей волости разослаша», стали собирать собственные «полкы». Новое столкновение с русским войском было для шведов и датчан явно нежелательным и, бросив начатую стройку, они «побегоша за море»[16].

В 1294 г. датский наместник в Эстляндии «Титманович» (сын Дитриха фон Кивеля) сделал новую попытку установить полный

---

[13] Волховские пороги – значительно более протяжённые, чем пороги на реке Луге, они состояли из двух больших отрезков. Первый (Гостинопольские пороги) тянулся на 9,5 км, второй (Пчевские пороги) – на 8 км. Перепад воды на Гостинопольских порогах достигал 10 м, делая их прохождение очень опасным.

[14] «Таллинн» в переводе с эстонского означает «город датчан», или «Датский город» (Taani linn).

[15] Точная дата основания Нарвы неизвестна. Возможно, первый замок здесь был построен в 1220-х гг. Под 1240 г. в датской поземельной книге указана деревня Нарвия. В советское время датой основания Нарвы считался 1256 г., в 1956-м отмечали 700-летие города. В современной Эстонии отсчёт истории Нарвы ведут с 1240-го и даже с 1223 г.

[16] См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. Ч. I. М., 1953. С. 887.

контроль над судоходством по Нарове. За шесть лет до строительства шведами на Неве Ландскроны он перешёл на русский берег Наровы и соорудил здесь укрепление («городок»), захватив при этом близлежащие земли. По всей видимости, укрепление было построено на месте современного Ивангорода[17]. Новгородцы сожгли городок «Титмановича» и «село его великое взяша и пожгоша». Столкновения за Нарову с датчанами продолжались ещё несколько лет и закончились договором, заключённым новгородскими послами в Дании в 1302 г.[18]

В 1347 г. датский король Вальдемар IV продал эстонские земли вместе с Нарвой Тевтонскому ордену, перепродавшему их на следующий год ордену Ливонскому. Ливонские рыцари перестроили Нарвский замок в камне и возвели рядом оборонительную стену для укрытия в случае войны жителей Нарвы.

Ещё в 1345 г. Нарва получила права города и стала самым восточным городом с Любекским правом. Нарва стремилась стать и членом немецкой Ганзы, возглавляемой Любеком, однако против этого выступал Ревель. Будучи ганзейским городом, он боялся, что благодаря своему выгодному географическому положению Нарва станет для него слишком опасным конкурентом в торговле с Новгородом, Псковом и другими русскими городами. Как показала история, опасение было ненапрасным.

Новгород, стремясь укрепить контроль над границей и международной торговлей, в 1384 г. поставил на пересечении сухопутной дороги на Нарву и водного пути по Луге город-крепость Ям (Яма, Ямы или Ямгород, ныне Кингисепп). Ливонцы в свою очередь в 1442 г. возвели возле истока Наровы из Чудского озера замок Ниенслот (русск. название — Сыренец, эст. — Васькнарва)[19].

Торговля по Нарове продолжала развиваться, причём во многом с помощью немецких купцов из Ревеля. Некоторые из них, учитывая удобное положение Нарвы на границе с русскими землями, переезжали сюда, открывали своё дело и ставили дома. Нарва, которую русские традиционно называли Ругодивом[20], хотя и отставала

[17] Не исключено, что и в 1256 г. датчане и шведы пытались построить на месте Ивангорода город-крепость.

[18] См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв. Ч. I. С. 897.

[19] Первая крепость в истоке Наровы была возведена Орденом в 1349-м, но в том же году псковичи, почувствовавшие опасность для своего судоходства и торговли, разрушили её.

[20] Используемое русскими название «Ругодив» вовсе не означает, что город Нарва был в древности русским, как не были русскими Ревель, известный на

от таких крупных ганзейских городов, как Ревель и Дерпт[21], всё больше закрепляла за собой звание торгового города.

В 1492 году, после того как Иван III включил Новгородскую землю в состав Московского государства, на Нарове был построен Ивангород. Он должен был стать не просто пограничной крепостью, а главным торговым городом Русского государства на пограничной реке с Западным миром. Ивангород — фактически первый морской проект Русского государства на Балтийском море. Он призван был заменить собой Новгород в торговле с Европой, чему способствовало закрытие Иваном III в 1494 г. в Новгороде Ганзейского двора (Петергофа). Теперь русские экспортные товары стали скапливаться в Ивангороде. Когда в 1496 г. шведы взяли Ивангород, они захватили здесь большую добычу. После ухода шведов русские быстро восстановили Ивангород и значительно его расширили, построив напротив Нарвы одну из самых сильных каменных крепостей России. Под защитой крепости стал развиваться русский морской порт. Когда в первые десятилетия XVI в. торговля Руси с Ганзой возобновилась, она шла уже через Ивангород, а не через Новгород. После очередного разрыва Москвы с Ганзой стала расти торговля русских с датчанами и шведами — часть через шведский Выборг, часть — через русский Ивангород, причём «торговые дела» на Балтике «впервые заняли важное место в новых переговорах между Василием III и шведским королём Густавом I Ваза»[22].

Особо следует подчеркнуть, что русская торговля с Европой в Ивангороде шла в основном с использованием Лужского, а не Невско-Волховского пути. Старый торговый путь из Новгорода по Шелони и Луге активно использовался ещё до того, как Ивангород

Руси под названием Колывань, и Стокгольм, именуемый Стекольной и Стекловым. Тем не менее, некоторые историки употребляют выражения «Нарва – древнерусский Ругодив», что вводит читателей в заблуждение. «Древнерусской» Нарва на 23 года станет только после завоевания её Иваном Грозным в 1558 г. Правда, этого будет достаточно, чтобы московская дипломатия добивалась возвращения Нарвы именно как древнерусского города. Что касается происхождения слова «Ругодив», то здесь существует несколько версий.

[21] Дерпт – немецкое название города Юрьева, основанного в 1030 г. киевским князем Ярославом Мудрым на месте эстонского городища Тарту и захваченного в 1224-м Ливонским орденом. Как и Ревель, Дерпт входил в немецкую Ганзу и был крупным торговым центром, используя водный путь на восток по реке Эмайыги в Чудское озеро, Нарову и реку Великую и на запад – через озеро Вытсеръярв в Рижский залив.

[22] *Кан А.* Швеция и Россия – в прошлом и настоящем. М., 1999. С. 66–67.

превратился в важный центр русской экспортной торговли. С развитием Ивангорода Лужский путь стал ещё более активным, тогда как путь по Волхову, Ладоге и Неве захирел, о чём свидетельствует упадок стоящих на нём городов — Ладоги, Орешка, Корелы и самого Новгорода. Одновременно шёл подъём Ямгорода и Ивангорода с Нарвой. Занимавшийся этим вопросом дореволюционный историк Ильинский писал: «Из сравнения состояния городов в 1500 году по рекам Нарове и Луге, с одной стороны, и у Ладожского озера, с другой, видно, что торговые заграничные отношения этого времени, ограничиваясь одним Новгородом, гораздо в большей мере совершались по Луге, чем через Ладожское озеро по Волхову... (и по Неве — *В.А.*). Такой вывод следует из сравнения состояния промышленного и торгового сословия по количеству и по зажиточности Ямы и Ивангорода с приладожскими городами»[23].

Говоря о том же времени, историк Гадзяцкий отмечал, что «по своему многолюдству и по числу горожан, отнесённых в разряд "лучших людей", т.е. более состоятельных, Яма превосходила все города Вотской, Ижорской и Карельской земель»[24]. Очевидно, этот расцвет Ямгорода был связан с ростом русской международной торговли на Нарове в Ивангороде и Нарве. Если Ивангород развивался как морской международный морской порт, то Ямгород на Луге — как транзитный речной. Известно, что вплоть до захвата в 1581 г. Ямгорода шведами здесь «московиты имели склад своих товаров, отправляемых на мелких судах к Нарве»[25].

Ивангород первой половины XVI в. можно считать тем самым русским «окном в Европу», которым впоследствии стал Петербург. В это время город Ивана III был главным международным торговым портом России на Балтике. По своей исторической миссии и предназначению он — такой же «пра-Петербург», каким историки считают Ладогу, Новгород, Невское Устье и Ниеншанц. В сходной роли выступала и конкурирующая с Ивангородом Нарва.

Следует подчеркнуть, что Русское государство беспрепятственно владело в то время всем течением Невы, но никакого портового и укреплённого города там не строила. Местечко Невское Устье, ко-

---

[23] *Ильинский А.Г.* Городское население Новгородской области в XV веке // Историческое обозрение. Т. 9. СПб., 1897. С. 233.

[24] *Гадзяцкий С.С.* Вотская и Ижорская земли Новгородского государства // Исторические записки. Т. 6. М., 1940. С. 117.

[25] Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. III. Рига, 1880. С. 138.

торое сторонники «безальтернативности Невы» считают морским торговым городом, по всей видимости, в настоящий город-порт так и не превратилось. О существовании этого русского поселения на Неве мы узнаём из донесения выборгского коменданта Ролова (Рольфа) Матсона датско-шведскому королю Христиану II от 21 августа 1521 г. о том, что «явился корабль с несколькими яхтами к одному городу, называемому Ниэном, который они ограбили и сожгли, и взяли у Русских всё, что им попалось под руку». При этом на судах пиратов было всего «14 человек, которые и производили этот разбой»[26]. Из этого донесения следует, что русский Ниен, или Невское Устье, было небольшим слабо укреплённым поселением, вероятно, просто торговым селом, которое не смогло отбить нападения малого числа разбойников (они были захвачены позже яхтами выборгского коменданта).

Автор статьи исследовал полтора десятка географических карт с указанием региона Финского залива, изданных известными путешественниками и картографами в Европе с 1539 по 1652 г.[27] Ни на одной из них город Невское Устье обнаружить не удалось. Конечно, это не отрицает права Невского Устья считаться «пра-Петербургом», но подтверждает то, что оно почти не было известно в Европе и что Нева не была тогда главным водным торговым путём России на Балтике.

Весь XVI (а затем и XVII) в. более важной торговой артерией у Балтийского моря Европа и сама Москва считала не Неву, а Нарову, поэтому на Нарове, а не на Неве в 1557 г. царь Иван Грозный повелел «ниже Ивана-Города на устье на морском город поставить для корабельного пристанища». Речь шла о создании первого на Балтике полноценного морского города-порта, стоящего непосредственно у моря[28], на пересечении начального маршрута «нарвской торговли» и Лужского торгового пути. Летопись свидетельствует: «Того ж (7065) году июля поставлен град от немец усть Неверь (Наровы) реки на розсене (на Россони — *В.А.*) у моря для пристанища корабельного, а ставил его Пётр Петров да Иван Выродков»[29].

---

[26] *Шарымов А.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований. СПб., 2004. С. 142.

[27] Речь идёт о картах Олауса Магнуса, Сигизмунда Герберштейна, Себастьяна Мюнстера, Антона Дженкинсона, Каспара Вопеля, Антония Вида, Абрахама Ортелия, Йоханнеса Портантиуса, Мацея Стрибуча, Герарда Меркатора, Хесселя Геррица, Виллема Блау, Адриана Веена, Маттеуса Мериана.

[28] *Канн П.Я.* Нарва. Страницы истории города. Таллинн, 1979. С. 41.

[29] Цит. по: *Веселаго Ф.Ф.* Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб., 1875. С. 170–171.

Имевший чин дьяка Иван Выродков — замечательный русский военный инженер. Новый город, его деревянная крепость и порт с гаванью в непосредственной близости от Финского залива были построены всего за три месяца. «Короткий срок постройки порта даёт основание утверждать, что здесь Иван Выродков применил уже хорошо известные ему по опыту строительства Свияжска скоростные методы»[30].

Как можно понять, сходную технологию Иван Выродков применил и при строительстве первого русского морского города-порта на Балтике, на территории нынешнего Кингисеппского района Ленинградской области (бывшего Ямбургского уезда). Город находился у подошвы Кургальского полуострова, где в Нарову впадает Россонь31, благодаря которой Кургальский полуостров между Нарвским заливом и Лужской губой фактически является островом — как Васильевский остров в Петербурге, только намного больше. «Корабельное “пристанище” на Нарове было готово, а иноземные купцы продолжали плавать в немецкую Нарву»[32].

В 1558 г. Иван Грозный начинает Ливонскую войну, и его войска захватывают Нарву. Как писал Карамзин, «сие важное завоевание, дав России знаменитую купеческую пристань, столь обрадовало Иоанна, что он с великою пышностью торжествовал его в Москве»[33]. Теперь Россия стала обладательницей трёх портовых городов на Нарове, главным из которых считалась Нарва, к тому времени уже широко известный в Европе приморский город. Она «быстро превратилась в русский торговый порт, конечный пункт Нарвского морского пути — из Датских проливов мимо о. Готланд в Финский залив до Нарвы. По этому пути шла интенсивная торговля Московской Руси с Англией, Голландией, городами Ганзейского союза»[34]. Через Нарву, ставшую теперь русской, Англия осуществляла свои торговые связи с Персией и Арменией (и это несмотря на попытку европейского бойкота «нарвской торговли», объявленного в период Ливонс-

---

[30] *Жеребов Д.К., Майков Е.И.* Русское военно-инженерное искусство в XVI–XVII вв. // Из истории русского военно-инженерного искусства. М., 1952. С. 36.

[31] Недооценка морской истории этих мест привела к характерной ошибке в статье Википедии, посвящённой Ниеншанцу. Вопреки историческим фактам в ней утверждается, что «Иван Выродков в 1557 году, совместно со своим коллегой П. Петровым, руководил строительством порта-крепости в устье реки Нева». См.: http://ru.wikipedia.org/wiki/%CD%E8%E5%ED%F8%E0%ED%F6

[32] *Скрынников Р.Г.* Иван Грозный. М., 1975. С. 66.

[33] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 8. СПб., 1902. С. 238.

[34] *Канн П.Я.* Указ. соч. С. 24.

кой войны, чтобы не допустить усиления России). «Одного лишь русского воска через Нарвский порт продавалось ежегодно до 50 тысяч пудов. От торговых пошлин на заморские товары Нарва получала ежегодно до 50 тысяч рублей. Лишь из Любека в 1567 году в Нарву пришло 33 корабля, а в 1570 году — 40 кораблей с солью, сельдями, хлебом и с другими товарами. Из Голландии <...> ежегодно приходило от 200 до 300 торговых кораблей»[35]. Помимо воска, леса и соли через порт Нарвы шли пряности, вина, меха, сало, лён, шелка, бархат, полотно, европейские произведения искусства.

В результате активной торговли Нарва быстро развивалась и застраивалась. Средневековые границы города оказались тесными. «Российские власти приказали оградить деревянными укреплениями предместья Нарвы. Эти укрепления представляли собой <...> бревенчатую ограду с 8 просторными бревенчатыми башнями»[36]. Так как Нарва и Ивангород оказались под властью одного государства, между ними через Нарову был построен понтонный мост.

За 23 года, пока Нарва входила в состав Московии, её население выросло с 600 человек до пяти тысяч[37]. По другим данным, оно увеличилось более чем в 10 раз, в 1580 г. (к концу периода первого русского правления в истории города) в Нарве насчитывалось 7 тысяч жителей — больше, чем в Стокгольме, где проживало около 6 тысяч человек[38].

Иван Грозный называл Нарву своим «любимым детищем». Чтобы привлечь сюда иностранных купцов, он даровал городу ряд привилегий. Царь не препятствовал сохранению здесь и в других ливонских городах немецкого самоуправления и лютеранского богослужения. Нарва стала стапельным городом, то есть, подобно Дерпту, Ревелю и Выборгу, получила право складировать товары. Во времена Ливонского ордена она занимала второстепенное положение по сравнению с Ревелем и другими ганзейскими городами, которые старались её игнорировать, в составе же Московского царства «Нарва обрела значение, которое имел Новгород до закрытия Ганзейской конторы в 1494 году»[39].

---

[35] Там же. С. 43.

[36] Нарвская и Ивангородская крепости. Нарва, 2007. С. 35.

[37] Там же. С. 43–44.

[38] *Менандер Х.* История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. Пер. со швед. М., 2008. С. 28.

[39] *Кочневский О.* Нарва. Градостроительное развитие и архитектура. Таллинн, 1991. С. 28–29.

Без всякого преувеличения можно сказать, что для России Нарва стала настоящим «окном в Европу». При этом Нарва и Ивангород впервые стали восприниматься как единая Нарва. Неслучайно на некоторых европейских картах второй половины XVI–XVII в. Ивангород обозначен как «Русская Нарва» (Narva Rhutenorum)[40].

В результате Ливонской войны Ливония распалась и перестала существовать как государство. Её южные территории заняла Польша, восточные — Россия, остров Эзель — Дания, Ревель попал под власть Швеции. Получив этот бывший ганзейский город[41], стоящий на входе в Финский залив, Стокгольм рассчитывал, что активная торговля Европы с Россией принесёт Швеции немалый доход. Раньше конечным пунктом на востоке Балтики был как раз Ревель, где выгружались товары, предназначенные для продажи на русском рынке. Теперь суда европейских купцов, включая ганзейцев, шли мимо Ревеля в Нарву. За годы Ливонской войны торговля в Ревеле «пришла в такой упадок, что город практически утратил своё значение в транзитной торговле с Россией»[42]. Русские купцы перестали ездить в главный город Эстляндии, каковым когда-то считался Ревель[43].

Наблюдая феноменальный успех Нарвы в международной торговле на Балтике, шведский король Эрик XIV предлагал русскому царю продать город шведам, но Иван Грозный отказался — Нарва была нужна ему самому. Уникальный торговый и портовый комплекс из двух городов под защитой двух крепостей, приносил его казне невиданные прежде доходы и необходимые европейские товары. «Стечение иностранных “гостей” (купцов) в Нарве бывало громадное, — писал дореволюционный историк А. Петров, — туда свозилось такое обильное количество товаров, что, по словам летописи Ниенштедта, цена на них падала, и они продавались здесь дешевле, чем в самой Германии»[44].

В ответ на нежелание Грозного продать Нарву Эрик противопоставил ей Выборг. Сначала он отменил там таможенные сборы, по-

---

[40] См., например, карту Ливонии Йоханнеса Портантиуса, изданную в 1574 г. в Антверпене.

[41] К середине XVI в. города Ливонии, входившие в Ганзейский союз, обособились от него и стали вести независимую политику, стремясь монополизировать торговлю с Московским государством.

[42] *Бачурина Ю., Кац Й.* Таллинн времён шведского господства и Европа (1561–1710). Сравнительная и занимательная блиц-история. Таллинн, 2002. С. 12.

[43] *Исаков С.Г.* Путь длиною в тысячу лет. Русские в Эстонии. Ч. I. Tallinn, 2008. С. 48.

[44] *Петров А.В.* Указ. соч. С. 96.

том ввёл блокаду Нарвского залива и стал силой перехватывать суда европейских купцов. Стремление нажиться на «нарвской торговле» привело к развитию европейского капёрства (узаконенного пиратства). Однако ничего не помогало. Даже шведские купцы, не говоря уже о немецких, английских, шотландских, голландских продолжали идти за русскими товарами в Нарву[45]. Только поражение России в Ливонской войне и захват шведами Нарвы и Ивангорода (а также Яма и Копорья) положили конец невиданному прежде расцвету русской торговли на Нарове. После завоевания города «в 1581 году цифра отпускаемого Россиею через Нарву воска упала до 10 тысяч пудов, т.е. уменьшилась в 5 раз»[46].

Москва не смирилась с потерей Нарвы и других городов на побережье Финского залива. В 1590 году сын Ивана Грозного царь Фёдор начал со Швецией новую войну. Русским войскам удалось отвоевать Ям, Копорье и Ивангород, но осада Нарвы, которой руководил Борис Годунов, окончилась неудачей. На переговорах русские послы добивались возвращения Нарвы, но Тявзинский мир (1595) восстановил русскую границу по Нарове и оставил Нарву за Швецией. При этом Нарва была открыта только для шведов и русских, купцы из Европы туда не допускались[47].

Когда Борис Годунов стал царём, он затягивал ратификацию Тявзинского мира и при этом по-прежнему добивался возврата Нарвы. Шведы же не только не желали отдавать Нарву, но и противились «беспрепятственной русской торговле с Западом в Ивангороде»[48]. Характерно, что московские власти по-прежнему оставляли без внимания устье Невы и в качестве главного экспортного порта России стали развивать Архангельск на Белом море.

Смута и новые военные действия на берегах Финского залива впервые привели Россию к потере всего русского берега Балтики. Столбовский мир 1617 года закрепил такое положение. Стокгольм был заинтересован в русской торговле на Балтийском море, но только через шведские порты, включая Ивангород и Нарву. Москва же демонстративно сосредоточила свою торговлю с Европой на Севере. Однако, несмотря на определённый успех в развитии Архангельска, этот порт так и не смог достичь того объёма торговли, какой был на

---

[45] Подробнее об этом см.: *Смирнов А.* Схватка за золотой маршрут. Nord Stream. Б. г.

[46] *Петров А.В.* Указ. соч. С. 96.

[47] *Кан А.* Указ. соч. С. 81, 82.

[48] Там же. С. 84, 85.

Нарове при Иване Грозном. «Из челобитной торговых людей, поданной Алексею Михайловичу, в которой <...> изложена история торговых сношений России с иноземцами, мы узнаём, что во время существования торговой пристани у Ивангорода казною собиралось вдвое более пошлин, чем с архангельского порта, а именно ежегодный доход казны простирался до 50 тысяч рублей»[49].

В первые десятилетия XVII века международная торговля на Нарове пришла в упадок. Несмотря на то, что Нарва и Ивангород оказались в составе одного государства — Швеции, конкуренция между ними обострилась. Немецкие купцы Нарвы жаловались в Стокгольм на русских купцов Ивангорода, те — на нарвитян. Королева Кристина решила положить конец этой борьбе, мешавшей развитию торговли на Нарове. В 1648 году Ивангород был лишён статуса самостоятельного города и присоединён к Нарве на правах пригорода, Ивангородского форштата[50], а русские купцы и ремесленники переселены шведским правительством с правого берега Наровы на левый. Население обоих городов уравняли в правах, условия экономической деятельности для русских и немцев стали одинаковыми. Однако эти права, как и наметившийся подъём торговли объединённой Нарвы, были нарушены русско-шведской войной 1656–1658 годов. В послевоенный период «немецкая община после активной двадцатилетней дипломатической деятельности смогла устранить русских из конкурентной борьбы»[51]. Тем не менее многие ивангородцы стали гражданами Нарвы, а некоторые — преуспевающими нарвскими купцами.

Война 1656–1658 годов велась в нескольких направлениях, включая Неву и Нарову (главные силы русских на этот раз наступали на Ригу). В июне 1656 года воевода Потёмкин «двинулся к Ниеншанцу, с налёта взял его, разрушил и сжёг»[52]. Гарнизон Ниена (Канцев) «при приближении русских бежал на судах в Нарву»[53]. В следующем году князь Хованский подошёл к Нарве. Шведские силы укрылись

---

[49] *Петров А.В.* Указ. соч. С. 96.

[50] Этот статус Ивангород сохранял три века подряд, вплоть до окончания Великой Отечественной войны, после которой был отделён от Нарвы и сначала стал самостоятельным посёлком, а затем городом Кингисеппского района Ленинградской области.

[51] *Кюнг Э.* Русские купцы и граждане Нарвы во второй половине XVII века // Сборник Нарвского музея. Нарва, 2002. С. 33.

[52] Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. М., 1955. С. 504.

[53] Боевая летопись русского флота. М., 1948. С. 23.

в крепости. Войска князя сожгли посад, из которого «было выведено до 1000 русских людей». В следующем году Хованский «беспрепятственно распоряжался в Нарвском и Ревельском уездах»[54], осадил Нарву, но взять её не смог.

В результате войны окрестности Нарвы были разорены. В 1659 году беда коснулась самой Нарвы — она полностью выгорела от пожара, что, впрочем, пошло ей на пользу — был введён запрет на деревянное строительство. Теперь все дома в городе должны были строиться из камня. С 1660-х годов начинается строительный бум. В Нарве появляются новые здания в стиле нидерландского барокко. Архитектор из Любека Георг Тейфель возводит красивую ратушу с увенчанной высоким шпилем башенкой. Центром города становится Ратушная площадь, на которой строится здание таможни. И ратуша, и таможня, и многие жилые дома украшаются изящными порталами. К концу XVII века центр Нарвы становится шедевром городской архитектуры. Помимо стиля барокко здесь можно было «обнаружить некоторые черты готики, а также пришедшего в Эстонию с опозданием ренессанса»[55]. Нарву называли жемчужиной Северной Европы. При её строительстве городские власти «стремились объединить порядок и целесообразность с красотой»[56].

Строительному расцвету города способствовало развитие промышленности. На берегу Наровы были построены мельницы-лесопильни. Ещё в 1650 году из Швеции в Нарву привезли медеплавильную печь, продукция которой отправлялась в Россию[57]. «Особенно <...> следует сказать о прядильном и ткацком производстве в окрестностях Нарвы. Здесь изготовлялась парусина для нужд морского флота»[58]. В шведской Эстляндии Нарва оказалась самым подходящим местом для создания более крупных, чем ремесленные мастерские, предприятий. Благодаря новому подъёму торговли с Россией она была лучше других обеспечена сырьём для различных промыслов. В Нарве производилась обработка русского льна и конопли. Началось более активное использование энергии нарвского водопада[59], было построено несколько лесопилен для обработки русского леса. Помимо досок,

---

[54] Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. С. 505.

[55] История Эстонской ССР. Т. I. Таллинн, 1961. С. 480.

[56] *Sten Karling.* Narva. Eine Baugeschichtliche Untersuchung. Tartu, 1936. Машинописный перевод с нем. С. 116. Нарвский музей.

[57] В период войны 1656–1658 это предприятие было сожжено.

[58] Очерки истории СССР. Период феодализма XVII в. С. 746.

[59] История Эстонской ССР. Т. I. С. 417.

планок, дверных и оконных наличников, идущих на строительство домов, нарвские предприятия изготовляли шпангоуты и корабельные гвозди[60]. Когда в 1704 году Нарва вновь перешла к России, Петром I «была высказана мысль» о целесообразности строительства на нарвском водопаде «обширного промышленного предприятия, работающего силой воды»[61]. И если бы начало Северной войны для России оказалось более удачным, такое предприятие появилось бы уже при Петре и наверняка стало бы одним из самых крупных не только в России, но и в Европе[62].

Что касается развития внешней торговли, то в XVII веке из всех городов Эстляндии в Нарве наблюдался самый значительный рост. Нарва вновь обошла Ревель и далеко оставила за собой Дерпт, который как торговый центр деградировал. Через Нарву вывозился хлеб, пенька, лён, а также лес и лесоматериалы.

В 1670-х годах на Нарове, на острове Кампергольм, была сооружена судостроительная верфь. Под руководством голландских мастеров здесь строились торговые и военные корабли. Первый военный корабль был спущен на воду в 1689 году и назван в честь короля Карла XI. А первый торговый корабль «Фортуна» ходил под нарвским флагом уже в 1645–1655 и был продан впоследствии в Голландию[63].

Нарвские купцы строили и покупали себе корабли вплоть до начала Северной войны. Известно, что нарвитянам принадлежало около 80 морских судов. В то же время у граждан Ревеля их было примерно 30. Нарвский флот превосходил по численности судов не только ревельский, но и рижский. В последней четверти XVII века в Риге, самом крупном шведском порту с наибольшим товарооборотом, насчитывалось всего 30–40 собственных кораблей, из которых в торговле с европейскими странами участвовало не более дюжины[64].

Что касается шведского города на Неве, то 30–40 кораблей под флагом Ниена, упоминаемых исследователями — вероятно, завы-

---

[60] Там же. С. 418.

[61] *Томберг Т., Зубов В.* Кренгольмская мануфактура. 1857–1957. Таллинн, 1957. С. 6.

[62] Мощность Нарвского водопада оценивается в 100 тысяч л.с. Построенная на нём во второй половине XIX века Кренгольмская мануфактура оказалась как раз таким предприятием — крупнейшей текстильной фабрикой Европы, а используемые на ней водяные колёса и турбины – самыми мощными в мире.

[63] Река Нарва. С. 132.

[64] *Кюнг Э.* Нюен — центр транзитной торговли в устье Невы (1632–1703) // Tuna. Спецвыпуск по истории Эстонии. С XVII по XX век. Тарту; Таллинн, 2006. С. 35.

шенная цифра. Согласно таможенному учёту из Балтики в Северное море и обратно в 1691–1704 проходило в год два-три судна из Ниена, хотя иногда и до десяти[65]. Некоторыми кораблями ниенские купцы владели совместно с нарвскими[66].

Если проанализировать статистику прохождения в 1661–1700 на запад через Зунд голландских и английских кораблей с грузами из Риги, Ревеля, Нарвы и Ниена, видно, что Нарва стояла на втором месте после Риги, значительно опережая Ревель и Ниен. Всего за сорокалетний период до начала Северной войны в Нарве побывало 894 судов из Голландии и 868 из Англии, в Ревель пришло 1104 голландских кораблей и 81 английское судно, в Ниен — 518 голландских и только 19 английских. Общее соотношение заходов судов двух ведущих морских держав в Нарву и Ревель составляет 1762 к 1185, а в Нарву и Ниен — 1762 к 537. Таким образом, в торговле с Голландией и Англией Нарва почти в 1,5 раза обгоняла Ревель и в 3,5 раза Ниен. В 1700 году в Нарву, несмотря на её осаду русскими войсками, прибыло 72 голландских корабля и 69 английских, а в Ниен, которому ещё ничего не угрожало, — только 49 и 1 соответственно[67].

Из приведённой статистики видно, что порт на Нарове был для европейской торговли предпочтительнее, чем порт на Неве, и соответственно в Европе более известен. Этот факт подтверждается анализом европейских географических карт, проведённым автором. Нарву можно обнаружить не только на картах Европы и России, но и на картах мира (наряду с Ревелем и Выборгом). Ниена на этих картах практически нет, на Неве указан только Орешек (Нотебург). Ниен обнаруживается лишь на шведских картах и составленных шведскими картографами[68]. Это в свою очередь подтверждает, что из Ниена русские товары вывозились в основном в Швецию, а не в Западную Европу. Из Швеции же на Неву русские купцы вывозили свои товары. В конце XVII века сюда почти исключительно шли металлы (в 1697 их доля составила 96%, в 1698 — 98%[69]).

Конечно, развитие в эти годы Ниена как транзитного порта очевидно, но оно заметно отставало от бурного роста Нарвы. И хотя

---

[65] Там же. С. 36.

[66] См.: Там же. С. 35.

[67] См.: Там же. С. 33. Подсчёт сделан на основе таблицы, опубликованной в статье Энна Кюнга.

[68] Чтобы придти к этому выводу, автор исследовал около 40 карт, изданных в Европе и Швеции в XVII веке.

[69] *Кюнг Э.* Указ. соч. С. 32.

Ниен представлял собой «экономический эксперимент центральных властей» и был специально создан по инициативе Шведского государства, чтобы вернуть внешнюю торговлю России из Архангельска в Финский залив[70], значение Нарвы для Стокгольма в целом было выше. Наглядный показатель этого — лишение Ниена статуса столицы Ингерманландии и передача его Нарве. Нарве было предоставлено и право чеканки шведских монет с изображением герба этого города[71].

Ещё один важный показатель превосходства Нарвы над Ниеном (а также Ревелем, Выборгом, Дерптом, Перновом и в чём-то над даже Ригой) — следующий факт: в Стокгольме обсуждали вопрос о том, чтобы каждый четвёртый год переносить в Нарву местопребывания шведского короля. Нарва фактически должна была стать второй столицей Швеции.

Учитывая важное значение, которое приобрела Нарва для Стокгольма во второй половине XVII века, а также напоминания со стороны московских дипломатов об исторической принадлежности Нарвы и Ивангорода России и предыдущие попытки русских войск взять эти города штурмом, шведское правительство начало здесь строительство новых укреплений. По разработанному Эриком Дальбергом плану в 1682 году вокруг Нарвы стали возводить бастионную крепость. В последние годы перед Северной войной на строительство расходовалось более 40 тысяч талеров, тогда как Ревель на укрепление обороны получал менее 20 тысяч, а Тарту и Пярну — до 7 тысяч. «В общей сложности строительство новых бастионов Нарвы обошлось приблизительно в 900 000 королевских талеров. Благодаря этим колоссальным расходам Нарва получила одну из самых мощных оборонительных систем в тогдашней Европе»[72]. И хотя полностью завершить строительство не успели, Нарва считалась второй после Риги крепостью по значению и возможностям обороны.

Из вышесказанного становится понятно, почему, начиная войну против Швеции, Пётр I пошёл на Нарву, а не на Ниен, который легко мог взять уже в 1700 году, «понеже оной мал ... и место не гораздо крепко от натуры»[73]. Однако в работах о Петре Великом

---

[70] Там же. С. 37.

[71] В 1670–1672 и 1675 годах в Нарве выпускались медные монеты достоинством в половину эре, серебряные – в 1, 2 и 4 эре, а также золотые дукаты.

[72] Нарвская и Ивангородская крепости. С. 48.

[73] Гистория Свейской войны (Подённая записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 105.

и Северной войне редко даётся объяснение того, какими мотивами и причинами был вызван первый поход Петра на Нарву, и почему царь сразу же не пошёл в устье Невы, чтобы начать здесь строительство нового города-порта, которое он якобы задумал ещё перед войной. Имеющиеся объяснения сводятся к следующим положениям.

Первое: Пётр хотел овладеть Нарвой как «важнейшей исходной стратегической позицией»[74]. В чём важность этой позиции и почему она нужна была Петру в первую очередь, не объясняется.

Второе: Пётр шёл к Нарве, чтобы, взяв её, разъединить карельско-выборгскую и лифляндско-эстляндскую группировки шведов. Это объяснение не серьёзно, ведь чтобы разъединить силы противника, проще взять слабый Ниеншанц и закрепиться на Неве, как это было сделано в 1703-м, а не идти на одну из самых сильных крепостей Европы. Известный специалист по петровскому времени Е. Анисимов пишет, что и на Неве русская армия также «рассекала шведскую оборону Прибалтики надвое...»[75]

Третье объяснение близко ко второму: «чтобы обеспечить войска от неприятельского удара с фланга, решено было овладеть... крепостью Нарва и течением реки Наровы»[76]. Однако прикрыть своё строительство на Неве от наступления шведов со стороны Нарвы Пётр мог, взяв уже Ям и Копорье, — именно так он и поступил в 1703 году. Опираясь на возведённую в Яме (дополнительно к каменной цитадели) земляную бастионную крепость, русские войска отбили наступление шведов из Нарвы и тем самым обезопасили строительство Петербурга[77].

Ещё одно объяснение похода русской армии на Нарву в 1700 году таково: Пётр двинулся на город по «неотступным просьбам» своего союзника Августа II, безуспешно осаждавшего Ригу. «Цель похода заключалась в том, чтобы оттянуть силы шведов от Риги»[78].

Этот довод противоречит историческим фактам. Известно, что союзники Петра, включая Августа, хотели, чтобы военные действия Пётр начинал в Ингрии и Карелии и были категорически против его похода

---

[74] *Молчанов Н.Н.* Дипломатия Петра Первого. М., 1984. С. 157; *Осипов К.* Полтавская битва. Исторический очерк. М.; Л., 1952. С. 11.

[75] *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 22.

[76] *Заозерский А.И.* Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989. С. 54.

[77] См.: Гистория Свейской войны. С. 106, 234; *Аристов В.В.* Страницы Яма–Ямбурга–Кингисеппа в истории России и Европы. СПб.; Кингисепп, 2009. С. 90–93.

[78] *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 21.

на Нарву. Паткуль писал Августу: «Надобно договориться с царём, чтоб он не шёл дальше Наровы и Пейпуса (Чудского озера — *В.А.*); если он захватит Нарву, то ему легко будет потом овладеть Эстляндиею и Лифляндиею»[79]. Положение о том, что Пётр действует в Карелии и Ингрии, а Август в Эстляндии и Лифляндии было утверждено в союзном договоре. Паткуль указывал, что «трактатом необходимо... связать руки этому могущественному союзнику», чтобы он не завладел Лифляндией, и не позволять ему овладеть Нарвой[80].

Для Петра «Нарва была важнее Нотебурга», то есть Невы, и не только потому, что была «ближе к Риге, где должен был действовать Август»[81]. Пётр прекрасно понимал значение Нарвы как морского порта и к тому же считал её русским городом. Именно из Нарвы с Ивангородом он и хотел первоначально сделать свою морскую столицу. Этим и объясняется его упорное нежелание отказаться от нарвского похода, несмотря на уговоры союзников. «Посланник Августа, Ланген, был в отчаянии, что вместе с датским посланником никак не мог удержать царя от похода на Нарву...»[82] «Я сделал всё на свете, — писал Ланген, — <...> чтобы отклонить его от этого намерения: мы нашли его до такой степени упорным, что опасались долее трогать столь нежную струну, и должны довольствоваться разрывом царя с Швецией в надежде, что Нарва со временем не уйдет от наших рук»[83]. Беспокоился и Паткуль. «Вы знаете хорошо, как хлопотали мы о том, чтоб отвратить его от Нарвы, — писал он Лангену, — <...> не в наших выгодах пустить царя в сердце Ливонии, позволив ему взять Нарву»[84].

Как видим, Петру приходилось сражаться за Нарву не только со шведами на поле боя, но и со своими союзниками на поле дипломатии. «Союзники Петра были чрезвычайно недовольны стремлением его к занятию Нарвы»[85]. Если Августу должна была достаться Рига, Пернов и Ревель, то Пётр в любом случае хотел оставить за собой Нарву, чтобы в первую очередь через неё получить выход в Балтику.

---

[79] *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. Кн. VII. ТТ. 13–14. М., 1991. С. 592.

[80] *Ростунов И.И., Авдеев В.А., Осипова М.Н., Соколов Ю.Ф.* История Северной войны 1700–1721 гг. М., 1987. С. 20.

[81] *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. Кн. VII. Т. 13–14. С. 597.

[82] Там же. С. 597.

[83] *Ростунов И.И.* и др. История Северной войны 1700–1721 гг. С. 21.

[84] Там же. С. 598.

[85] *Брикнер А.Г.* История Петра Великого. М., 2004. С. 388.

Неву в то время он рассматривал как запасной второстепенный вариант. Недаром, наказывая послать на разведку стольника Корчмина, он в первую очередь говорил о Нарве, а уже потом о Нотебурге-Орешке.

Нарва была крупным, современным, богатым торговым и динамично развивающимся портовым городом, тип которого так понравился Петру во время его первого заграничного путешествия в составе Великого посольства. К тому же Пётр был идейным наследником Ивана Грозного и собирался повторить его успешный «нарвский эксперимент». Недаром на триумфальной арке, возведённой в честь победы над Швецией, Пётр приказал расположить рядом со своим изображением фигуру Ивана Грозного, главным достижением которого в Ливонской войне было взятие Нарвы и использование её в течение 23 лет в качестве морского порта России.

В 1700 году желание взять Нарву и вновь сделать её русским портом на Балтике было ещё более обоснованным, чем во времена Грозного, поскольку значение Нарвы как важного торгового порта и промышленного города на границе России с Европой стало ещё более очевидным. Её имя, выражаясь современным языком, было брэндом, широко известным в Европе[86], Нарва находилась ближе к Европе, чем Ниен.

О том, что Нарва была нужна Петру именно как развитый торговый город и морской порт, чтобы строить здесь флот и развивать мореплавание на Балтике, свидетельствуют и высказывания самого Петра, сохранившиеся в передаче различных информаторов. Их анализ показывает, что изначально Пётр не собирался строить на Балтике новый город, ему был нужен уже готовый порт с развитой городской инфраструктурой.

Рассказывая о пребывании Великого посольства в Митаве, Бломберг писал: «Московский царь всегда будет стремиться занять *какой-нибудь город на Балтийском море* (здесь и далее выделено мной. — *В.А.*), ибо такое место будет ему очень важно и выгодно для торговли...»[87] В Бранденбурге Пётр «обнаружил серьёзное намерение добыть порт на *Балтийском побережье*». 18 августа 1698 года

[86] Автор, написавший отличную книгу о Карле XII для серии «ЖЗЛ», ошибается, когда говорит, что Нарва только после поражения Петра в 1700 году «из совершенно неизвестного городка сразу превратилась в город всемирно-исторического значения». См.: *Григорьев Б.* Карл XII, или пять пуль для короля. М., 2006. С. 106.

[87] *Богословский М.М.* Пётр I. Материалы к биографии. Т. 2. Первое заграничное путешествие. Ч. 1–2. М., 1941. С. 43.

английский король Вильгельм III, отвечая на пожелания Петра, «заявил снова, что был бы весьма рад, если бы смог добиться от Швеции удовлетворения его претензий, добыв ему *порт на Балтийском море*»[88]. «Август ждал нового присоединения Лифляндии к Польше, Пётр в основном желал получить *порт на Балтийском море*, а Дания подумывала о расширении Гольштинии»[89], — писал, основываясь на документальных свидетельствах, историк Г.И. Гейзен. «Царь хочет добыть *порт на закрытой шведами Балтике*», — гласила поступавшая в Европу информация «о новом курсе русской политики»[90].

Как пишет исследователь дипломатических отношений того времени В.Е. Возгрин, «менялись страны, но не смысл просочившейся вовне информации о планах царя. Речь постоянно идёт об одном и том же: Пётр намерен рано или поздно "*получить гавань*" <...> на балтийском побережье»[91].

Как видно из приведённых цитат, первоначально Пётр хотел «добыть» или «получить» порт, а не строить новый на пустом болотистом берегу. Дмитрий и Ирина Гузевичи, авторы монументальной книги о Великом посольстве, пишут, что во время встречи с Петром курляндский герцог Фридрих-Казимир предложил царю организовать транзитную торговлю через Россию и Митаву с Либавой шёлком из Персии. Пётр идею принял. Таким образом, у него появилась возможность без войны со Швецией получить желанный порт на Балтике, однако в январе 1698 года, когда Пётр находился в Англии, Фридрих-Казимир умер. «И проект транзитной торговли, как и возможности быстрого невоенного выхода на Балтику, ушли в небытие»[92]. Как предполагают авторы цитируемой книги, невозможность мирного решения проблемы выхода к морю заставила Петра решать её силой. «Вспомним, что войну Пётр начал с осады Нарвы — балтийского порта — и что вначале его аппетиты были очень скромны»[93], — замечают те же исследователи.

Начиная с 1697 года, в Стокгольм стали приходить сведения о планах царя получить порт на Балтике. Похоже, что свой выбор в пользу

---

[88] *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986. С. 69.

[89] *Гейзен Г.И.* История города Нарвы. Дерпт, 1858. С. 165–166. Пер. с нем., машинопись. Архив Нарвского музея.

[90] *Возгрин В.Е.* Указ. соч. С. 68.

[91] Там же. С. 66.

[92] *Гузевич Д., Гузевич И.* Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб., 2008. С. 87.

[93] Там же. С. 88.

Нарвы Пётр сделал во время Великого посольства. «По словам высокопоставленного польского дворянина, пировавшего за одним столом с царём, Пётр неоднократно повторял, что стоит ему только освободить руки, покончив с войной на юге, как он всерьёз займётся возвращением Нарвы и ещё кое-каких мест на балтийском побережье»[94].

Летом 1698 года «в Копенгагене распространились слухи, что российские отряды уже вторглись в Ингерманландию и приступают к осаде Нарвы. <...> Датские газеты писали, что царь желает получить от Швеции Ригу, Ревель, Нарву и всю Ингрию. Если же шведы не отдадут эти земли добром, он заберёт их силой»[95].

24 января (3 февраля 1699) г. Возницын сообщал Петру «из Петер-Варадына, где завершился Карловицкий конгресс: “Непрестанно, государь, здесь в Венских курантах обносятся ведомости, что В. Г-рь, Е. Цар. Вел-во, изволяет требовати от Свейского короля городов Нарвы и прочих поморских”. Прервём цитату: в Москве Пётр ещё не окончательно решился на войну, ещё не заключены никакие союзы и тщательно скрываются все намерения, а в Петер-Варадыне уже фигурирует Нарва...»[96], — обращают внимание читателей авторы книги о Великом посольстве.

Таким образом, в Европе уже до начала Северной войны знали, что Пётр в первую очередь будет брать Нарву. 7 марта 1700 года австрийский дипломатический агент в России Отто Плеер уверенно «писал в Вену, что царь Пётр ещё в этом году непременно пойдёт войной на Ревель или Нарву»[97]. Когда русское войско было сосредоточено в Пскове, в Дерпте (Тарту) «поговаривали, что оно пойдёт на Нарву», а не на их город. Всем было ясно, что самой привлекательной добычей на Балтийском побережье для русского царя является Нарва.

Вывод, который сделали европейские агенты и дипломаты, а затем и простое население Эстонии, вполне логичен. Необходимый Петру портовый город — Нарва, имевшая свои мануфактуры, верфи, собственный флот, обученных моряков и предприимчивое купечество. Состав населения Нарвы был интернациональным: здесь жили немцы (прежде всего купцы и ремесленники), шведы, финны, русские, эстонцы, ижоры, вожане, среди купцов встречались англи-

---

[94] *Лайдре М.* Северная война и Эстония. Тарту в годину испытаний (1700–1708). Таллинн, 2010. Пер. с эст. С. 39.

[95] Там же. С. 41.

[96] *Гузевич Д., Гузевич И.* Указ. соч. С. 99.

[97] Там же. С. 49; *Брикнер А.Г.* История Петра Великого. М., 2004. С. 385.

чане и голландцы. Хронист Христиан Кельх писал о Нарве: «Нигде не услышишь столько языков, как здесь, и, в частности, здесь можно услышать шведскую, немецкую, эстонскую, польскую, русскую и английскую речь»[98]. При этом Нарва была самым русским городом Эстляндии — русские составляли самую большую этническую группу города, те самые русские, которых так не хватало царю в самой России. Все они имели опыт широких контактов с западной культурой, многие владели несколькими языками. Ещё с XVI века в Нарве существовала городская школа, в которой в XVII столетии преподавался русский язык. Двухклассная русская школа имелась и в Ивангороде, где «обучали чтению, письму, счёту, Закону Божиему». «Уровень образования русских нарвитян был достаточно высок», что принципиально отличало его от образования в Московской Руси, где «подобных школ ещё практически не было»[99].

Взяв Нарву, Пётр получил бы немало образованных людей необходимых ему специалистов. Нарва стала бы для Петра его новой «Немецкой слободой», где он претворил бы в жизнь свои мечты о флоте и европейских порядках жизни, воспринятые в Немецкой слободе Москвы и закреплённые во время путешествия в Европу.

Размышляя в своём первом заграничном путешествии о создании российского флота, Пётр распорядился «о найме матросов в Нарве»[100]. Там же должны были вербоваться штурманы и боцманы[101]. Царь также использует Нарву как порт, в который морем отправляются нанятые им в Европе специалисты, здесь их встречают новгородские послы[102]. Сюда же он велит доставить для последующей отправки в Россию заказанные в Любеке пушки[103]. Через Нарву в Москву едет мастер Джон Перри, нанятый Петром для прорытия канала между Волгой и Доном[104]. Когда наём специалистов был закончен, два корабля с ними уходят в Нарву. Всего было отправлено 9 кораблей, четыре из них — в Архангельск, а пять — в Нарву. В 1698 году сюда из Европы приходит ещё транспорт[105]. Нарва лишний раз доказывает Петру своё выгодное положение в качестве морского порта на границе русских земель.

---

[98] Цит. по: *Исаков С.Г.* Указ. соч. С. 50.

[99] Там же. С. 51.

[100] *Богословский М.М.* Указ. соч. С. 346.

[101] Там же. С. 290, 346.

[102] Там же. С. 102, 266, 329–330, 407.

[103] Там же. С. 296.

[104] Там же. С. 355, 381.

[105] Там же. С. 400, 402.

Когда в Москву прибыло шведское посольство с сообщением о восшествии на престол Карла XII и с требованием подтверждения вечного мира, Пётр, помимо извинений за оскорбление его и Великого посольства в Риге (а также Возницына при возвращении того в Россию), потребовал от нового короля Швеции «город Нарву или Нейшанец (Канцы) с окрестной землёю». Карл XII отвечал, «что рижский губернатор был совершенно прав, а жалобы русского двора неосновательны. В требовании же пристани на Балтийском море отказано»[106].

19 августа 1700 года Пётр приказывает своему послу в Стокгольме князю Хилкову «объявить войну с объяснением причин оной и выехать в Россию». Через своих резидентов царь объявляет о войне в европейских странах, при этом делает чрезвычайно важную для темы нашей статьи оговорку. Пётр сообщает, что «он готов утвердить мир, если... изо всех земель и городов, неправедно захваченных Швецией, король уступит ему *одну Нарву* (выделено мной — *В.А.*)». За это «обещал он и удовлетворение»[107]. Этот факт окончательно доказывает, что в начале Северной войны морской столицей Петровской России должна была стать Нарва, а город в устье Невы рассматривался Петром как менее значимый и второстепенный.

В сентябре 1700 года Пётр подошёл к устью Наровы и впервые увидел Финский залив. Именно здесь он намеревался строить свою первую крепость на Балтике, которая могла стать аналогом Петропавловской. Как сообщает «Подённая записка Петра Великого», 29 сентября (10 октября) «государь был на взморье для осмотру, где делать крепость». Первоначальная цель её создания была такой же, как и три года спустя в Петербурге, — «для незапного прихода неприятельского с моря»[108].

Даже после поражения русской армии в ноябре 1700 года Пётр не сразу отказался от прорыва к морю в районе Наровы. «Овладение Нарвой, конечно, было в планах русского командования одной из первоочередных задач, — писал Тарле в своей книге о Северной войне. — У нас есть документ, который определённо говорит, что уже в зиму с 1701 на 1702 с русской стороны намечались какие-то активные военные действия под Нарвой»[109].

---

[106] *Пушкин А.С.* История Петра. Подготовительные тексты. Собр. соч. в 10 тт. Т. 9. М., 1958. С. 79–80.

[107] Там же. С. 88–89.

[108] Гистория Свейской войны. С. 82.

[109] *Тарле Е.В.* Северная война. Пётр I против Карла XII. М., 2009. С. 85.

Нападение шведов на Архангельск заставило Петра уехать на Север. Уже оттуда он стал пробиваться к Неве, выбрав второе направление выхода к Балтийскому морю. Но и тогда у Петра не было ещё плана начать здесь строительство нового портового города. Всё решилось только после взятия крепости Ниеншанц, который по своим возможностям обороны заметно уступал нарвским бастионам, замку и крепости Ивангорода, а Ниен по своему торговому и промышленному развитию явно отставал от Нарвы. Тогда Пётр решил заложить в устье Невы новую крепость, а через некоторое время начал строить здесь новый город. Но и после того, как царь стал называть Петербург «столицей» и «парадизом», местоположение морской столицы России всё ещё не было окончательно утверждено (в 1712 году таким местом должен был стать остров Котлин). Петербург в первые годы развивался хаотично, «во всём начатом здесь... чувствовалась временность»[110]. По словам Фоккеродта, «если бы когда-нибудь надобно было оставить это место, то это не принесло бы большого огорчения»[111].

В первые годы строительства Петербурга Нарва оставалась самым крупным и развитым европейским городом восточной части Финского залива, которому Пётр и его окружение продолжали уделять повышенное внимание. После взятия в 1704 году Нарвы царь назначил её губернатором Меншикова, а комендантами и обер-комендантами города знатных московских сановников и самых близких к себе людей: Зотова, Салтыкова, Нарышкина, Брюса. Петербург строился пока в основном деревянным, Меншиков имел в Нарве каменный дом, а рядом с городом — виллу с оранжереей. Свои каменные дома в Нарве были у Зотова, Нарышкина, князя Шаховского[112]. С балкона двухэтажного каменного особняка Петра открывался «прелестный вид на Нарову, Ивангород, Ивангородскую крепость, форштадты и далёкую даль»[113]. Этот дом, получивший название Дворца Петра Великого, стоял рядом с одним из береговых бастионов, а внизу находилась пристань, к которой из дворца Петра спускался специальный мост. Таким образом, Пётр мог прямо из своего дома попадать на корабль.

Пётр довольно часто бывал в Нарве, где занимался важными государственными делами. В Нарве был подписан новый договор с

---

[110] *Анисимов Е.* Указ. соч. С. 80.

[111] Цит. по: *Жуков К.* История Невского края. СПб., 2010. С. 198.

[112] *Петров А.В.* Указ. соч. С. 336, 340.

[113] *Случевский К.* Нарва. Её былое и настоящее. С. 23.

Августом II. 13 ноября 1704 года Пётр впервые принимал здесь турецкого посла. Здесь же он впервые встретился с датским посланником Юстом Юлем, который перед тем, как переехать в Петербург, довольно долго жил в Нарве. Если иметь в виду, что Юст Юль был первым европейским послом, перебравшимся в декабре 1709 года вслед за царём на берега Невы[114], можно сказать, что в начальный период строительства Петербурга Нарва в определённой мере исполняла роль «дипломатической столицы» Петра на Балтике. Первый приём посла Турции в 1704 году в Петербурге был устроен после того, как Пётр встретился с посланником султана в Нарве[115].

Пётр посещал Нарву не менее 12 раз (первый — в 1700, последний — в 1721). После взятия Нарвы царь вновь приезжал сюда в ноябре 1704 годаи провёл здесь три недели. Наибольшее число визитов пришлось на 1706 год: Пётр приезжал в Нарву четыре раза и находился в ней 24 дня. Здесь он встречал Пасху, праздновал именины Меншикова. Осматривал в городе не только крепостные сооружения, но и каждый дом. Показывал «выписанному из Воронежа мастеру шведские суда, требовавшие починки»[116]. Внимание Петра к Нарве очевидно. Когда ему приходилось ехать в Москву, он держал путь через Нарву, хотя это его удлиняло.

Только после того, как Петербург стал набирать силу, он окончательно оттеснил Нарву на второй план. Однако вплоть до взятия в 1710 году Риги и Ревеля Нарва продолжала оставаться для Петра вторым по значению городом на Балтике и запасным вариантом морской столицы. В 1707 году в очередной раз предлагая Карлу XII мир, Пётр готов был вернуть ему все свои завоевания в Ингерманландии и Эстляндии, кроме Петербурга и Нарвы[117].

В 1708 году Пётр привёз в Нарву всех своих царственных родственников, чтобы показать им город. Здесь царь отпраздновал свои именины и присутствовал на освещении Спасо-Преображенского собора[118]. В том же году, опасаясь наступления шведов на Эстляндию, Пётр вывез в Россию из Нарвы и Дерпта практически всё население, заподозрив его в измене. Укрепления Дерпта были взорваны, в значительной степени пострадал и сам город, но Нарву царь не тронул.

---

[114] *Анисимов Е.В.* Указ. соч. С. 86.

[115] Приём посла Турции в «Посольском доме» в Петербурге состоялся 24 ноября 1704 года.

[116] *Петров А.В.* Указ. соч. С. 334.

[117] *Лайдре М.* Указ. соч. С. 249.

[118] *Петров А.В.* Указ. соч. С. 334.

Когда Северная война завершилась и плавание по Финскому заливу стало свободным, Нарва вновь показала, что, если бы не строительство Петербурга, она имела реальные шансы стать морской столицей и главным торговым портом России на Балтике. В 1724 году в Нарву пришли 115 судов, тогда как в Ревель — только 62, а в Выборг — 28. Торговых кораблей в Нарвском порту могло быть и больше, но, сделав окончательную ставку на город-порт в устье Невы, Пётр в 1721 году запретил вывоз через Нарву большинства традиционных товаров, ограничив экспортную торговлю «мачтами, брусьями и досками, которые доставлялись к порту реками Лугою и Наровою»[119]. Вследствие оградительных мер, действовавших вплоть до 1766 года и иной государственной поддержки «парадиза» Нарва не могла быть полноценным конкурентом городу на Неве. В том же 1724-м Петербург принял 180 судов[120]. Разница с Нарвой пока ещё была небольшой[121], но по указанным причинам с каждым годом увеличивалась, наглядно показывая, что главным портом Финского залива и всей Российской империи стал город Петра в Невском устье[122].

Если бы в 1700 году начало Северной войны оказалось для России более удачным, морской столицей Петра I и главным торговым портом на Балтике (хотя бы на определённое время) наверняка стала бы Нарва, и история русского флота, да и всей страны была бы другой.

---

[119] Там же. С. 350.

[120] Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954. С. 142.

[121] Е.В. Анисимов в своей книге «Петербург времён Петра Великого», ссылаясь на «Очерки истории Ленинграда», пишет о 270 иностранных кораблях, пришедших в 1724 году в Петербург (см. с. 83).

[122] Ещё заметнее, чем Нарва, стал сдавать свои позиции главный порт Московской России Архангельск. В 1721–1725 сюда приходило в среднем 50 судов в год.

П.А. Аваков (Аксай)

Азов и Троицкий как исторические предтечи Санкт-Петербурга

В литературе неоднократно отмечалась роль Северо-Восточного Приазовья как экспериментального полигона, на котором в конце XVII – начале XVIII в. впервые опробовались законодательные, организационные и строительные меры и методы, успешно использованные затем на берегах Невы и Балтики[1]. Представляется, что это верное по своей сути суждение нуждается в конкретизации с опорой на фактический материал.

Прежде всего, отметим, что главными очагами колонизации Приазовского края были завоёванный в 1696 г. турецкий город-крепость Азов и основанный в 1699 г. город-крепость Троицкий, более известный в историографии как Таганрог.

В ходе колонизации Северо-Восточного Приазовья правительством Петра I были осуществлены новаторские мероприятия, получившие впоследствии развитие при освоении Приневья:

1) Массовое переселение в Северо-Восточное Приазовье «на вечное житьё» жителей других регионов.

Овладев в июле 1696 г. турецкими крепостями Азов и Лютин (Азак и Сед-Ислам), Российское государство ликвидировало Азакский санджак Османской империи и аннексировало все Северо-Восточное Приазовье. Правительству Петра I предстояло решить обширный комплекс задач в области организации обороны и хозяй-

[1] *Петров П.Н.* С.-Петербург в застройке и сооружениях: (Опыт строительной истории столицы) // Зодчий. 1878. № 12. С. 124–126; *Грабарь И.Э.* История русского искусства. Т. 3. М., [1912]. С. 11; *Анисимов Е.В.* Время петровских реформ. Л., 1989. С. 23.

ственного освоения завоеванного края, для чего требовалось наличие в нём постоянного многотысячного населения и крупного военного контингента. Наиболее целесообразным способом достижения этой цели с точки зрения центральной власти была, как отметил А.А. Пушкаренко, «правительственная регулируемая и регламентируемая колонизация Приазовья»[2]. Колонизация оккупированного края осложнялась тем, что он был на сотни вёрст удалён от заселённых и освоенных российских земель.

20 октября 1696 г. Боярская дума постановила переселить в Азов 3000 семей из «низовых» (приволжских) городов, подведомственных приказу Казанского дворца[3]. Массовое заселение Северо-Восточного Приазовья началось в 1697 г. В сентябре-октябре в Азов по Дону прибыла первая партия служилых людей из Симбирского, Корсунского, Мало-Корсунского, Аргашского, Саранского и Пензенского уездов. Разумеется, переселение имело насильственный характер и обернулось для жителей этих уездов подлинной трагедией[4]. Подсчёт переведенцев по прибытии показал, что в крепость явилось 9251 мужчин и мальчиков и около 6000 женщин и девочек. К декабрю в Азове и прилегавших к нему укреплениях сконцентрировалась 2591 семья в составе 14 180 человек. Как показала О.В. Андрющенко, утверждение С.И. Елагина, согласно которому к началу 1698 г. в Азов переселилось 2747 семей в количестве свыше 15 000 человек, не соответствует действительности. Елагин и солидарный с его мнением А.А. Пушкаренко не учли того факта, что на новом месте жительства число переведенцев неуклонно уменьшалось, причём не столько за счёт бегства, сколько из-за высокой смертности. Так, только за ноябрь убыль составила 1727 умерших и 569 человек бежавших. Из переведенцев 1697 г. вскоре были сформированы пять жилых солдатских полков, составивших постоянный гарнизон Азова. Другие переведенцы стали пушкарями, гранатчиками и мастеровыми[5].

---

[2] *Пушкаренко А.А.* Приазовский край в конце XVII – начале XVIII в.: (Очерки заселения и хозяйственного освоения). Дисс... канд. ист. наук. Ростов н/Д., 1966. С. 35.

[3] ПиБ. Т. I. СПб., 1887. С. 111–113.

[4] *Андрющенко О.В.* Население и администрация города Азова в 1696–1711 годы. Воронеж, 2008. С. 107–111.

[5] *Пушкаренко А.А.* Приазовский край... С. 38–39; *Андрющенко О.В.* Население и администрация... С. 111–116, 120, 123–127; *Рабинович М.Д.* Полки петровской армии: 1698–1725: Краткий справочник. М., 1977. С. 26; *Елагин С.И.* История русского флота: Период азовский. СПб., 1864. С. 113; ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 55. Л. 3–5; *Елагин С.* Указ. соч. Приложения. Ч. I. С. 140–141.

С 1697 г. для охраны Северо-Восточного Приазовья и фортификационного строительства из центральных областей России весной туда ежегодно направлялись стрелецкие, солдатские, рейтарские и копейные полки, часть которых оставалась в крае для несения службы в зимнее время[6]. Эта практика продолжалась и в начале XVIII в.[7] Тем не менее, войск для полноценной обороны приазовских крепостей, и особенно Троицкого, постоянно не хватало. Так, 26 октября 1700 г. троицкий воевода Е.И. Янов писал азовскому воеводе С.И. Салтыкову, что после ухода с Таган рога 15 солдатских, рейтарских и копейных полков, трудившихся летом на строительстве крепости и гавани, в Троицком осталось всего 829 «здоровых и хворых» солдат зимовых полков. «А буде..., – резюмировал Янов, – в прибавку не оставить полков, и у государя чтоб города Троецкова, и в городе людей, ево государевой множественной казны без людей не потерять напрасно...»[8]. В сентябре 1701 г. азовский воевода С.Б. Ловчиков отпустил из Азова и Троицкого четыре полка, служившие в крепостях соответственно с 1698 и 1699 гг. Вместо них остались «годовать» ратные люди, присланные на строительные работы летом: 1,5 тыс. человек в Азове и 2 тыс. человек в Троицком[9]. Однако в условиях Северной войны содержать в крае значительный военный контингент было невозможно. В этой связи в 1701 г. правительство приняло решение о повторном массовом переселении в Северо-Восточное Приазовье жителей городов Приволжья – главным образом, для формирования постоянного гарнизона Троицкого. Набор переселенцев был возложен на думного дьяка А.И. Иванова.

В 1702 г. А.И. Иванов «прибрал» в приволжских городах для переселения в Приазовский край свыше 4000 семей в составе более 13 тыс. человек. По сравнению с переселением 1697 г. география мест набора значительно расширилась. Помимо Пензы, Саранска и Симбирска, она включала в себя Арзамас, Алатырь, Инсар, Казань, Курмышенск, Козмодемьянск, Нижний Новгород, Самару, Саратов, Свияжск, Сызрань, Темников, Чебоксары, Царевококшайск,

---

[6] РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 1588. Л. 355; Оп. 6. Кн. 161. Ч. 1. Л. 326 об. –328, 346–347 об., 351 об. –394; РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 2. Л. 8–44 об., 47–81; Д. 5. Л. 2–2 об., 92 об.; Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 84–84 об., 169 об. –170, 308, 394 об.; ГАВО. Ф. И-5. Оп. 1. Д. 193. Л. 2–3, 9–13, 15, 16; Оп. 2. Д. 117. Л. 83 об., 84, 105; Архив СПбИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 21. Л. 39–40, 194.

[7] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 101–122, 534 об., 558, 574 об., 776, 844 об.–845; *Рабинович М.Д.* Полки петровской армии. С. 45, 81, 86.

[8] Архив СПбИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 250. Л. 26.

[9] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 890 об.–891.

Царевосанчурск, Цивильск, Яранск. В отличие от переселенцев 1697 г., являвшихся служилыми людьми, набранный Ивановым контингент состоял из «вольницы» и посадских людей – то есть социально разнородных категорий, что отражало характерную особенность комплектования российской армии в 1702–1703 гг. в масштабах всей страны. В течение 1702–1704 гг. переведенцы четырьмя партиями были доставлены в Приазовье. Большую их часть поселили в Троицком, а остальных – в Азове, где к тому времени в посаде было «великое оскудение»[10]. Из переселенцев были сформированы три троицких жилых солдатских полка, укомплектован штат троицких пушкарей, заложена основа посада в Азове и Троицком. Десятки переведенцев стали пашенными крестьянами, мастеровыми (кузнецами, столярами, токарями, плотниками) на флоте и в гавани, дьячками и пономарями в церквях, а также пополнили аппарат троицкой приказной палаты[11].

2) Одновременное осуществление широкомасштабного фортификационного и гидротехнического строительства, не имеющего аналогов в предшествующий период.

Сразу после взятия Азова в июле 1696 г. развернулись работы по его укреплению. Летом 1697 г., во время третьего Азовского похода, воевода А.С. Шеин построил рядом с Азовом горнверк, названный «городом Алексеевским», а напротив, на правом берегу Дона, основал новую крепость – «город Петровский» (ситуационно этот комплекс укреплений напоминал будущий Санкт-Петербург с кронверком). Одновременно воевода И.И. Щепин заложил на Петрушиной косе «город Павловский» – первую российскую крепость на побережье Азовского моря. В сентябре 1698 г. воевода А.П. Салтыков построил новую крепость у гирла Миусского лимана – «город Миус», переименованный в начале XVIII в. в Семеновский шанец. В октябре 1698 г. воевода И.И. Щепин приступил к сооружению временных укреплений непосредственно на Таган роге, у берега моря. Лишь 1 сентября 1699 г., по завершению Керченского похода Петра I, в его присутствии на Таган роге был заложен

[10] *Пушкаренко А.А.*: 1) Приазовский край... С. 43–44; 2) Документы о русском земледелии в Приазовье // Краеведческие записки. Вып. 2. Ростов н/Д., 1964. С. 195; *Андрющенко О.В.* Население и администрация... С. 142–143; ПиБ. Т. II. СПб., 1889. С. 65–66, 373–374.

[11] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 22. Л. 898–898 об.; Д. 25. Ч. 1. Л. 814 об.–815 об.; Д. 36. Ч. 1. Л. 771–774; *Пушкаренко А.А.* Приазовский край... С. 45–47.

новый город-крепость Троицкий[12]. В том же году у мыса, напротив крепости, началось строительство первого в истории России военно-морского порта – Таганрогской гавани[13].

В 1702 г. город Павловский разрушили, а на перешейке Миусского полуострова была возведена Троицкая линия с шанцами Павловским и Черепаха на концах[14]. Тогда же напротив Таганрогской гавани началось строительство первой в России морской крепости – прямой предшественницы Кронштадта. Она не получила имени собственного и фигурирует в источниках как цитадель. В том же году устье донского рукава Прямая Кутюрьма заперли каменной плотиной, а на взморье, напротив устья Кривой Кутюрьмы, воздвигли два каменных маяка[15].

Фортификационным строительством в крае в разные годы руководили инженеры из разных стран Западной и Северной Европы: Антоний де Лаваль, Эрнст Фридрих фон Боргсдорф, Христофор Эрнест, Рейнгольд Трозьен, Кристиан Ругэль, Юхан Георг Рекаусен, Герард Людвиг Шток, Юхан Якоб Бреклинг. Работы по сооружению Таганрогской гавани бессменно возглавлял венецианец Маттиа Милланковидж, прозванный в России Матвеем Симонтовым (Симунтом). Строительством огромного двухэтажного каменного магазина (интендантского склада) в Троицком ведал вначале голландец Елизарий Краффорд, а затем русский Осип Старцев. Большинство названных имён канули в безвестность, так как плоды многолетних трудов этих специалистов были уничтожены ещё в 1711–1712 гг., в отличие от творений петербургских фортификаторов и зодчих Ж.Г. Ламбера де Герена, В.А. Кирштейнштейна, Д. Трезини, Ф. Фонтана.

---

[12] ОР РНБ. Основное собр. рукописной книги. F. IV.-38. Л. 130; Письма императора Петра Великаго к брату своему царю Иоанну Алексеевичу и патриарху Адриану с ответами на оныя и на отзывы боярина и воеводы Алексея Семеновича Шеина, князя Бориса Александровича Голицына, и боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева. СПб., 1788. С. 75; ОР БАН. Основное собр. № 32.6.24. Л. 57–57 об., 78; *Корб И.Г.* Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 г.). СПб., 1906. С. 290–293; изобр. 5, 6, 7, 8; Архив СПбИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 21. Л. 44, 79–80, 128, 146–147, 195, 228, 259–260; Д. 32. Л. 95, 97; Д. 250. Л. 13, 62–63, 66, 78–80, 123–125; РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 5. Л. 31 об., 33 об.; Д. 14. Л. 19 об., 94 об.–95 об., 574 об.; Д. 7. Л. 1108 об.; 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 394–395; 404–405; РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 24. Л. 292, 303, 307 об.; *Елагин С.И.* Указ. соч. С. 103–104.

3) Массовый наряд на стройки многотысячных работных людей и квалифицированных рабочих.

Ещё П.Н. Петров отметил, что грандиозные строительные планы Петра I хотя и требовали средств, «размерами своими далеко превосходивших мероприятия старого времени, но ни в характере самих требований, ни в способе выполнения их по указам царским не было ничего нового»[16].

Первый целевой наряд «ремесленных людей» на стройки Северо-Восточного Приазовья состоялся в 1699 г.[17] С 1700 г. в Азов и Троицкий начали отправлять «работных людей», организованных в полки. Эта практика продолжалась до 1711 г., с перерывом в 1708, когда наряд был отменён в связи с Булавинским восстанием. В целом, в 1701–1707 и 1709 гг., о которых имеются относительно полные данные, по подсчётам А.А. Пушкаренко, наряд работников в Приазовский край превысил 241 тыс. чел., фактически же явилось и было занято на работе около 120 тыс. чел., т.е. половина. При среднем годовом наряде в 30 200 чел. фактически ежегодно работало около 15 тыс. человек[18].

4) Превращение края в общероссийское место ссылки с целью использования труда ссыльных.

23 октября 1696 г. Пётр I издал указ, определивший Азов в качестве места ссылки, и тем самым ускорил колонизацию региона. Данный указ устанавливал пожизненную ссылку в крепость для московских стрельцов, которые со службы в Азове «ныне сбежали, или впредь станут бегать», а также на осужденных людей «всяких чинов», подсуд-

---

[13] Архив СПбИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 233. Л. 22–23, 27–28; РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 557.

[14] *Елагин С.* Указ. соч. Приложения. Ч. II. СПб., 1864. С. 337, 505, 508; ПиБ. Т. II. С. 399; РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 22. Л. 697–697 об., 775, 785, 896 об.; *Аваков П.А.* Строительство военных укреплений на южных рубежах России в 1702–1711 гг. // Военно-исторический журнал. 2011. № 2. С. 62–63.

[15] *Елагин С.* Указ. соч. Приложения. Ч. I. С. 505; Ч. II. С. 327, 329, 336–338; ПиБ. Т. II. С. 320–321, 398–399; РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 22. Л. 784 об.–785, 895–896 об.

[16] *Петров П.Н.* История Санкт-Петербурга с основания города, до введения в действие выборного городского управления, по Учреждениям о губерниях: 1703–1783. СПб., 1884. С. 56.

[17] *Елагин С.* Указ. соч. Приложения. Ч. II. С. 320; РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 44–45; ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 5. Л. 3.

[18] *Пушкаренко А.А.* Приазовский край... С. 152–153.

ных Стрелецкому приказу, вместе с их женами и детьми. При этом ссыльные отбирались с учётом возраста и пригодности к дальнейшей службе, что свидетельствует о колонизационном назначении такой ссылки. В соответствии с этим указом уже в ноябре 1696 г. Стрелецким приказом из Москвы в Азов были отправлены первые колодники. И хотя указ касался только Стрелецкого приказа, на практике это ограничение вскоре было преодолено: начиная с декабря 1696 г. Преображенский приказ, а с марта 1697 г. и Приказ сыскных дел стали приговаривать преступников к пожизненной ссылке в Азов, отправляя их через Стрелецкий приказ[19].

Издание законодательных актов об азовской ссылке возобновилось в 1699 г. в связи с началом строительства Троицкого и Таганрогской гавани[20]. Важнейшим из них являлся указ от 1 июля 1699 г., в соответствии с которым право ссылки в Азов было официально распространено на все московские приказы, а круг ссыльных строго ограничен семейными мастеровыми и посадскими людьми. Однако, как показал А.А. Пушкаренко, это ограничение «никакого практического значения не имело и осталось на бумаге уже в год издания указа». При помощи таких мер правительство пыталось «выйти за рамки ежегодной принудительной мобилизации ремесленных людей из различных районов страны» на стройки Приазовья[21]. Вслед за Азовом одним из крупнейших в России мест ссылки «на вечное житьё» стал Троицкий. Так, в 1699 г. туда вместе с жёнами и детьми сослали 597 стрельцов, казаков и засечных сторожей из «низовых» городов, которые были направлены на строительство Волго-Донского канала, но не явились на службу или дезертировали с неё по дороге[22].

Весной 1699 г. в России впервые была введена новая форма тяжёлого наказания, широко распространённая в европейских и восточных морских державах — каторга. Документальное распоряжение о введении этого наказания историками до сих пор не обнаружено. Самый ранний из известных случаев ссылки на каторгу в Приазовье зафиксирован в записках, приписываемых И.А. Желябужскому. В мае 1699 г. Преображенский приказ приговорил к такому наказанию дворянина Якова Полтева за критические высказывания «про

---

[19] ПСЗ. Т. 3: 1689–1699. [СПб.], 1830. № 1552. С. 263; *Пушкаренко А.А.* Приазовский край... С. 52–53, 59.

[20] Обзор указов о ссылке в Азов 1699–1700 см.: Пушкаренко А.А. Приазовский край... С. 55–56.

[21] ПСЗ. Т. 3. № 1690. С. 636; *Пушкаренко А.А.* Приазовский край... С. 54, 165.

[22] РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 19, 317–317 об.

великого государя о кораблях»[23]. В данном случае местом ссылки был выбран Таган рог, где в то время галеры Азовского флота проходили подготовку к Керченскому походу. Первыми каторжниками, размещёнными в сентябре 1699 г. на азовском тюремном дворе по окончании Керченского похода, стали 269 малолетних стрельцов, 131 пленный турок и татарин, а также монастырский крестьянин, воронежский казак и иноземец Пашка Арап – всего 403 человека[24].

Ряд новых указов о ссылке в Приазовский край последовал в 1701–1705 гг.[25] Особое значение имел именной указ от 11 марта 1703 г., предписывающий «на Москве изо всех приказов и из городов колодников всяких чинов людей, которые по розыскным делам за вины довелось сослать на вечное житьё, и тех ссылать в Азов на вечное житьё, или на каторгу, а в сибирские и в низовые ни в которые городы никово не ссылать». Этот указ, повторно вышедший 16 июня в новой редакции, в значительной степени обобщал все предыдущие распоряжения и превращал Северо-Восточное Приазовье в единственное место ссылки в России[26].

С 1701 г. в Приазовский край стали ссылать шведов, чухонцев и латышей, взятых в плен на прибалтийском театре Северной войны. Среди пленников были не только солдаты шведской армии, но и торговцы, работные люди, «мызницкие» (помещичьи) и свободные крестьяне, пасторские дети. Большинство из них, как правило, становились в приазовских крепостях пашенными крестьянами, остальные – жилыми солдатами и пушкарями. Шведские офицеры зачислялись в солдатские полки и артиллерийскую команду, привлекались к «городовому делу». «Свейских полоняников» охотно брали на поруки и использовали для домашних работ служившие в Приазовском крае иностранцы. Некоторые из пленных переходили в православие[27].

---

[23] *Желябужский И.А.* Дневные записки // Рождение империи. М., 1997. С. 316–317.

[24] *Елагин С.* Указ. соч. Приложения. Ч. II. С. 221–222; РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 22. Л. 331; ГАВО. Ф. И-5. Оп. 2. Д. 168. Л. 68–68 об.

[25] При обзоре законодательства об азовской ссылке 1701–1705 А.А. Пушкаренко пропустил указ от 19 января 1703 года (Пушкаренко А.А. Приазовский край... С. 56–58; ПСЗ. Т. 4: 1700–1712. № 1924. С. 210).

[26] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 1156–1156 об.; ПСЗ. Т. 4. № 1933. С. 217; *Пушкаренко А.А.* Приазовский край... С. 57–58.

[27] Воронежские петровские акты, хранящиеся в архиве Воронежского губернского статистического комитета. Вып. I. Воронеж, 1872. С. 108–109; РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 22. Л. 474 об.; Д. 36. Ч. 1. Л. 52 об., 221, 391 об.–393, 582 об., 861–861 об., 874-877; Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 499–499 об.; ПиБ. Т. II. С. 203;

5) Образование на завоеванной территории новой административно-территориальной единицы и введение там должности губернатора.

К концу XVII в. в Северо-Восточном Приазовье оформились два уезда и сложилась традиционная для Московского государства система местного управления. Азовский уезд располагался в устье Дона и включал в себя бывшие турецкие города Азов и Лютин, сооружённые на основе Каланчинских башен укрепления Сергиев и Никонов, а также новый город Петровский. В состав Троицкого уезда, находившегося на Миусском полуострове, входили город Троицкий на Таган роге, город Павловский на Петрушиной косе, и город Миус (Семёновский шанец) в устье Миусского лимана. Местная власть в крае была представлена двумя независимыми друг от друга воеводами, резиденциями которых являлись Азов и Троицкий (до сентября 1699 г. – Павловский). Между тем, объективно Северо-Восточное Приазовье являлось единой областью, и существовавшее там двоевластие затрудняло реализацию грандиозных военных, хозяйственных и строительных программ. Вскоре практика подтолкнула правительство к принятию решение о сосредоточении административной власти в Приазовском крае в одних руках. Централизация местной власти прошла три этапа. Вначале вызвавший много нареканий троицкий воевода Е.И. Янов в июне 1700 г. был подчинён своему азовскому коллеге С.И. Салтыкову на время проведения следствия. Часть дел, прежде всего надзор над строительством гавани, была вообще изъята из компетенции Е.И. Янова и передана С.И. Салтыкову. Затем сменивший Е.И. Янова в декабре 1700 г. на посту троицкого воеводы Г.С. Титов был изначально официально подчинён новому азовскому воеводе С.Б. Ловчикову в качестве товарища (заместителя). Окончательным шагом на пути централизации местной власти в крае стало введение в Азове в 1703 г. должности губернатора и назначение на неё И.А. Толстого[28].

РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Оп. 3. Д. 10. Л. 335а–335а об.; *Пушкаренко А.А.*: 1) Документы о русском земледелии в Приазовье. С. 195–196, 197–198; 2) Приазовский край... С. 112, 184–185, 188–189; ГАВО. Ф. И-296. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–2; *Андрющенко О.В.* Население и администрация... С. 103–104, 157; *Комолов Н.* Пункт назначения — Азов: Пленные шведы на юге России до и после Полтавы // Родина. 2009. № 7. С. 90.

[28] РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 414 об., 484–484 об., 486–486 об., 642–654; Д. 4. Л. 593–593 об., ОР РГБ. Собр. И.Д. Беляева. № 116. Л. 1–1 об.; *Пушкаренко А.А.* Приазовский край... С. 312–313; *Аваков П.А.* Северо-Восточное Приазовье... С. 153, 172–175, 177.

В ходе реализации губернской реформы 1709–1710 гг. Северо-Восточное Приазовье вошло в состав обширной Азовской губернии, занимавшей (полностью и частично) территорию 11 современных субъектов Российской Федерации и трёх областей Украины. Характерно, что у губернии было два официальных центра – Азов и Воронеж. Азовским генерал-губернатором в феврале 1710 г. был назначен граф Ф.М. Апраксин, возглавлявший Приказ адмиралтейских дел, в ведение которого одновременно было передано Северо-Восточное Приазовье. В результате местное и центральное руководство краем слились воедино, что способствовало большей координации правительственных усилий[29].

Нельзя не отметить ещё одно обстоятельство, сопутствующее освоению и Северо-Восточного Приазовья, и Приневья: крайне тяжёлое положение подавляющего большинства местных жителей.

Повседневная жизнь населения Приазовского края в 1696–1711 гг. была полна лишений. Скудное денежное и «хлебное» жалование, выдававшееся с большими перебоями, в сочетании с высокими рыночными ценами не обеспечивало прожиточного минимума. Возможность занятия собственным хозяйством, торгово-предпринимательской деятельностью была ограничена прикреплением к месту жительства, занятостью по службе, отвлечением на различные работы в порядке отбывания натуральной трудовой повинности, сохранявшейся внешней опасностью[30]. Большая часть населения проживала в страшной тесноте, о соблюдении элементарных норм санитарно-бытовой гигиены не могло быть и речи. В одной солдатской избе в Троицком зачастую проживало по десять человек холостых или по четыре семьи женатых солдат. Ещё более горькой была участь временных жителей края, многими тысячами пригонявшихся на летний сезон для выполнения строительных работ и селившихся в землянках и шалашах[31].

Состояние медицины в Северо-Восточном Приазовье не выдерживало никакой критики. Так, в сентябре 1700 г. строитель Троицкого инженер К. Ругэль писал азовскому воеводе С.И. Салтыкову: «...мнитца мне, что из зимовых полков многие померли... от многие

---

[29] ПиБ. Т. IX. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 70–72, 131; *Елагин С.* Указ. соч. Приложения. Ч. II. С. 89; *Комолов Н.А.* Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы. Ростов н/Д., 2009. С. 13–21; РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 249. Л. 106 об.; *Аваков П.А.* Северо-Восточное Приазовье... С. 178–180, 182, 185–186.

[30] *Пушкаренко А.А.* Приазовский край... С. 37, 40, 48–51, 278, 319–322.

[31] Там же. С. 39–40, 46–48; *Андрющенко О.В.* Население и администрация... С. 70–79, 116–117.

нужды, что они утомилися в службах, а сперва здесь в землянках жили, и нездоровою пищею кормилися... А на Таган рогу толко один лекарь, и у всех болных как доведётца ходить не успеет. А есть-ли бы кому было болных лечить, авозь бы господь Бог иных и помиловал, и здоровье дал...» В 1701 г. в крае с многотысячным населением имелось всего пять лекарей-иностранцев, которые, переезжая из одной крепости в другую, обслуживали жителей Азова и Троицкого, а также моряков Азовского флота. Сами лекари тоже периодически болели и становились нетрудоспособными, а сменщиков им из Москвы присылали очень редко. Нехватка медицинского персонала вкупе с высокой концентрацией населения, бытовой неустроенностью, изнурительным трудом и скудной пищей приводили к массовым, в том числе эпидемическим, заболеваниям и высокой смертности среди постоянных и временных жителей края. Сложившиеся условия способствовали развитию не только таких характерных заболеваний, как цинга и дистрофия, но и создавали благоприятную среду для распространения более опасных болезней – холеры и чумы. Четыре года подряд с 1700 по 1703 г. в Троицком вспыхивали эпидемии, уносившие многочисленные человеческие жертвы. Больные покрывались «смертоносными язвами» и харкали кровью. Так, в течение 16 дней с 7 по 22 декабря 1703 г. в крепости умерло 50 человек[32]. Высокая смертность рабочих в Приазовском крае стала притчей во языцех, о ней писали Л.Ю. Эренмальм, И.Г. Фоккеродт, Ф.Х. Вебер. Не имея точных данных, иностранцы приводили недостоверные сведение о погибших при строительстве крепости и гавани на Таган роге: от 50–60 тыс. до 300 тыс. человек и более[33].

Рассмотренные факты показали, что есть все основания считать Азов и Троицкий историческими предтечами Санкт-Петербурга – не как новой российской столицы, а как города нового типа, ставшего результатом урбанистического эксперимента, стоившего стране огромных материальных затрат и многих человеческих жизней и превратившегося в имперский символ, который остался для нас – потомков – отпечатком яркой и переломной петровской эпохи.

---

[32] *Пушкаренко А.А.*: 1) Приазовский край... С. 43, 324–326; 2) Документы о русском земледелии в Приазовье. С. 193–194; Архив СПбИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 250. Л. 6–7, 17–18, 49, 78–79, 81; РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 14. Л. 752 об.; Д. 22. Л. 184 об., 364, 371 об., 488 об.–489; Д. 36. Ч. 1. Л. 4–5 об.; *Андрющенко О.В.* Население и администрация... С. 114–116.

[33] *Беспятых Ю.Н.* Иностранные источники по истории России первой четверти XVIII в.: (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм). СПб., 1998. С. 249, 398.

Л.Б. Перепечаева (Азов)

Некоторые черты быта города-крепости Азов конца XVII – начала XVIII века

После овладения в 1696 г. Азовской крепостью в устье Дона Пётр стремится строить и развивать Азов не только как военную крепость нового, бастионного типа, но и как крупный город, столицу новых территорий на юге России. Во время переписи населения России 1710 г. Пётр приказал переписные книги отправить в Адмиралтейский приказ «...таковые ж оставить в главных городах в Азове и на Воронеже»[1].

Документы РГА ВМФ позволяют в разной степени проследить черты быта формирующегося населения города-крепости, «главного» города Азовской губернии.

Освоение, укрепление и оборона Приазовья, а также организация городского быта — заслуга многих социальных, национальных, этнических групп, которые были посланы, высланы и переселены на вновь завоёванные земли.

Среди населяющих Азов и округу были сезонные работные люди без семей, выполнявшие трудовую повинность. Компоненты их быта носили временный, неустроенный характер. Временные работные люди получали скудный паёк — крупу, сухари и соль. Жили они в землянках или шалашах за крепостью.

К «временным» можно отнести и большую часть иностранцев. В 1696–1711 гг. в Азове жили: голландцы, датчане, немцы, итальянцы, цареградцы, греки, словенцы, англичане, французы, испанцы и шведы. Жили и работали иностранные специалисты на условиях контракта, заключённого с ними на основании «Статьи для найма

[1] *Клочков М.* Население России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1911. С. 30.

в русскую службу мастеровых людей», поэтому быт этой категории был более-менее устроенным. Образом жизни и внешним видом они выделялись из общей массы населения.

В списке «немецких пожитков» из бытовавших у них вещей упоминаются: вилки; полсть белая; одеяло суконное, с изнанки подшито волчьими хвостами; из одежды — кафтаны суконные, разных цветов, на подкладе из сукна и «стамеда», шапки — суконные, с кистью, на одной золотом вышит двуглавый орёл, башмаки сафьяновые, рубахи мужские, «пестрядинные», платки ручные и шапочные, тёплые кафтаны, подбиты белой овчиной, а сверху покрыты сукном, либо камкой, тёплые кафтаны с верхом из камки, с суконной подкладой.

В крепости для иноземцев было выстроено 20 дворов. На дворе капитана морского флота Бекмана стояло две избы, между ними сени, погреб с надпогребницею, поварня, конюшня, сарай. В документах в домах иностранцев часто упоминаются застеклённые окна и печи «изразчатые»[2].

Выполнив работу, специалисты уезжали на родину, а многие бежали уже в первые дни пребывания. Были и такие, которых отправляли по профнепригодности.

Важную и значительную часть населения составляли постоянные жители. Статус этого населения, как и быт, был довольно разнообразным. Указом царя 20 октября 1697 г. было велено: «...быть в Азове 3000 семьям... из низовых городов». С 1702 по 1704 г. переселяют в Азов солдат «по прибору», из «вольницы», переселяют посадских людей с семьями из Арзамаса, Алатыря, Казани, Курмышенска, Козмодемьянска, Пензы, Самары, Нижнего Новгорода, Саратова, Саранска, Свияжска, Симбирска, Сызрани, Темникова, Чебоксар, Цареволокшайска, Царевосанчурска, Цивильска, Инсары, Яранска.

Жалование «переведенцам» определяют из казны по 5 руб. человеку на год и паёк продуктами: хлеб, мука, рожь — по 6 четей, овса 2 чети на семью[3]. Из них формируют азовские Жилые полки.

Азовских жителей использовали на строительных и других городских работах, на азовской пашне, в ремесленном и торговом деле. Вместе с ними участие во всех работах обязательно принимали члены их семей, в том числе дети. Жителями Азова и округи были каторжные и ссыльные, их селили в Азове «на вечное житьё». Ссыл-

[2] РГА ВМФ. Ф. 233. Д. 31. Л. 342 об

[3] ПиБ. Т. 1. СПб., 1887. С. 111–112.

кой в Азов заменяли смертную казнь тем, кто владел каким-либо мастерством. Переселённых в Азов «за разные вины» мастеровых и работных людей расселяли около крепости в землянках. Этот вид жилища обнаруживают археологи при раскопках за оградой крепости. Скарб и обстановка землянок были более чем скудными.

В 1993 г. рядом с крепостью была обнаружена такая землянка. Строение в плане имело подквадратную форму, в районе северного угла сохранился столб, вбитый в дно жилища — возможно, одна из опор перекрытия. Высота сохранившихся стен — 0,4 м, длина — 2,2 м, стены на всю сохранившуюся высоту обшиты деревянными плахами. Слой натоптанности на дне жилища — 2 см, что, по мнению археологов, говорит о недолгом, сезонном функционировании. Через четыре месяца их отправляли по домам, сменяя новой партией работных.

Были и такие, которые по своей воле «били челом на вечное житьё». Их велено было селить, выделять им «подворные места», строить на них жильё и выдавать «Великого государя жалование». Жёны посадских (вольных) людей, пришедших на пожизненную службу добровольно, по указу царя, тоже получали жалование — 5 четей ржи или деньги, позже такое же довольствие стали давать и на детей.

На постоянное жительство в Азов и Троицкое, по указу «от 10 дворов» переселяли лиц женского пола для вступления в брак с солдатами этих крепостей. С заведением под Азовом Государевой пашни в Азов переселяли пахотных крестьян с семьями. К 1711 г. постоянные жители — «переведенцы» — образовали Азовский посад и, поскольку почти все жили семьями, имели жильё и подворья, они, несомненно, обустраивали свой домашний быт и досуг, насколько это было возможно, привычным образом. Однако документы указанных фондов не отражают жизнь гражданского населения крепости.

Быт ***гарнизона Азовской крепости*** документы отражают более подробно.

В 1710 г., согласно данным переписи населения России, вместе с гражданским населением в Азове проживало более 13 000 человек. «В крепости всякого чина людей по 1-е число сего 711 года на лицо вместе с семьями 8649 человек»[4].

Для солдат на территории Алексеевского гонверка к 1711 г. выстроили 20 новых казарм, 2 кузницы, 1 амбар и «сарай с уго-

[4] РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 19. Л. 453.

льем»[5]. В слободе Покровского прихода для семейных построено 149 жилых строений: «37 офицерских и солдатских изб, бревенчатых с сеньми; 8 изб бревенчатых без сеней; пластинных изб с сенями — 39; без сеней — 14; дощатых с сеньми — 30; и без сеней — 21»[6]. В Никольском приходе 468 офицерских и солдатских изб «бревенных сосновых», 150 еловых и 50 бань (видимо, на подворьях). В Сергиевском приходе 120 изб, 30 чуланов и 26 бань. В Петровском приходе 18 изб (в том числе 6 с сенями), конюшня, амбар, кузница и слесарня[7].

Потребность в хлебе рассчитывалась на год, иногда на два с учётом остатка. Хлебное жалование состояло из муки, сухарей, круп, толокна и овса. На месяц человеку давали: муки пол осьмины (25 кг), круп — четверик на 10 человек (25,5 кг), столько же толокна. Из круп варили кашу, щи из квашеной капусты или похлёбку, разводили в воде сухари, овсяное или ячменное толокно. Бывало, что вместо муки, толокна давали рожь или овёс. На этот случай в быту военных были «ручные мельницы» (небольшие каменные жернова), на которых мололи зерно в муку или крупу. Ветряные или водяные мельницы в округе Азова в документах этого времени не упоминаются.

Интересно упоминание в перечне хозяйственного скарба крепости 105 ворсяных мельниц с множеством деталей. Эти мельницы, очевидно, необходимы были для валяния шерсти и изготовления зимней одежды и обуви. Шерсть в Азов могли привозить калмыки и кубанские татары (документы упоминают у этих народов множество верблюдов и овец).

С интересными подробностями по документам прослеживается ***быт знати Азовской крепости***.

Двор Великого государя в Азове на берегу Дона был обнесён изгородью, её передняя стена «горожена в столб», ворота передние и задние решётчатые. На царском дворе: в одной связи — светлица из белого соснового 4-х-саженного леса и поварня; против них светлицы из леса 3 саженей длиной. Стены этих построек внутри и «с надворья» обиты досками, между ними сени, — «забраны досками вкось». «На том новом строении чердаки вверх о трёх житьях»[8]. Над рекой из соснового бруса две «набережные» с сенями и дощатый «нужник»; 4 светлицы с сенями; мыльня из соснового леса, к кото-

[5] Там же. Л. 303.

[6] Там же. Ф. 177. Д. 88. Л. 325.

[7] Там же.

[8] Там же. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31. Л. 323.

рой с двух сторон приделаны сени. Около задних ворот: 3 избы с сенями, конюшня и поварня, около которой два ледника и два погреба с двумя окнами. Над погребами сооружён сарай, а около него 3 избы и караульня из досок. Все строения крыты тёсом[9].

В погребах, на случай приезда государя, хранилось: «12 бочек пива; 5 бочек — полупива; 4 бочки меду доброго и расхожего, варённого; 15 ведер двойного вина; мука ситная — 6 четей с осьминою; мука ржаная — 5 четей; крупа овсяная — 2 чети; крупа гречневая — 22 чети; горох — 3 чети; 573 пуда соли; 823 пуда 9 фунтов коровьего масла; 31 пуд ветчинного сала; сухари ржаные и пшеничные». От посещения государем Азова в 1709 г. остались грецкие орехи, изюм, пшено сорочинское, орехи турецкие, орехи русские, 31 брусок мыла простого, масло деревянное в кувшине и воск[10]. Обычно «для государева обихода» и его ближайшего окружения часть столовых запасов доставляли из Москвы и других городов, а мясопродукты заготавливали поблизости. В азовских кладовых и ледниках хранилось: «лежалой пластинной рыбы... нынешнего года — сулы щётом — 72 802 штуки; рыба весом — 2816 пудов 20 фунтов; сул, лещей, щук, сомов — 1500 пудов»[11].

Помимо съестных припасов во дворце государя в Азове хранилось «разных запасов и посуды прежних приёмов прошлых лет»[12]. Из Сытного дворца медная посуда: наливная мера малая; «полкрушки» и кружка, которой мерили вино; кумганы с крышкой и «холмогорского дела ночник», ендовы большая, малая и средняя, чарки, ведра, кумган с «кровлей и рукоятями со всех четырёх сторон и с носом»; 2 куба больших и 2 меньших с «кровлей» и с трубками (для перегонки вина — *Л.П.*), куб для мыльни — в нём грели воду для купания и стирки; стаканы, котёл; 17 больших орлёных блюд; 25 — средних; 28 блюд глубоких «меньшей руки орлёных»; 96 блюд «всякой руки». Всего 166 блюд. 3 чашки с кровлями и рукоятками, орлёные; 7 чашек порченых; 10 солонок с крышками.

Для приготовления пищи на кухне имелась разнообразная посуда и приспособления. Из Царского дворца: котлы на ведро и «котлики маленькие турецкие с кровлею», в том числе и лужёные; чумич железный; катки лужёные «на оба лица, что пропускают кушанье»; тёрка белого железа– «что хрен трут»; сковородки; 14 железных

[9] Там же. Л. 328.

[10] Там же. Л. 486.

[11] Там же. Д. 19. Л. 486.

[12] Там же. Л. 481.

«росщепов, что пропускают всякую рыбу»; решетка железная для жарки мяса; таганы, «на чём ставят жаровни»; таганы «поваренные, на которых варят»; вертела, «на которых пропускают куры и утки»[13].

В Царском дворце хранились пружинные медные весы, деревянная посуда: блюда, ложки боярские (видимо, расписные), ложки расхожие, ножи польские, кружки, блюда, чашки, крышки, две сусеки, обёрнутые чаканом, «Бандемра измайловского дела стеклянная», стол маленький нескладной, ящики, обитые жестью для перевозки посуды, шкатулка и в ней чертёж, «написанный разными красками на бумаге»[14].

Интересны названия восковых свечей, хранящихся в царских запасниках: 234 свечи — «царицыно дитя»; 21 свеча — «приказная глазная»; 31 свеча — «шестерных каленцов»; 25 свечей — «насенцов об одной светилне, приказных»; 100 свечей — «приказных рогастых»; 100 свечей — «витых толстых»; 100 свечей — «витых тонких»; 100 свечей — «боярских», 1100 свечей — ручных, «четьих, певчьих, образных и массовых»[15].

Кроме царского двора в крепости были дворы бояр, дворян и другой знати, иногда превосходящие постройками царское подворье. Недалеко у реки располагался **«адмиралтейский двор» Апраксина Ф.М.** На нём три светлицы в длину 4 сажени, обитые досками, шалеванная поварня с двумя сенями и наверху с жилым чердаком «о трёх житиях», набережные сосновые сени, поварня, две избы, два ледника и два погреба, между ними выход из погребов каменный, с окнами, над погребами сарай и конюшня, крытые тёсом, в хоромах печи голландские, «изразчатые» (фрагменты печных изразцов конца XVII – начала XVIII веков обнаруживают при раскопках на территории Азова).

На **губернаторском подворье — И.А. Толстого**: четыре светлицы на подклетье, баня с сенями и крыльцом, две избы, поварня, конюшня, сарай, ледник, два амбара[16].

Внутри крепости были ещё дворы: коменданта, обер-коменданта, капитана-командора, двор «с колокольней» — прежний комендантский.

Двор дьяка Игната Бубнова — на нём изба с «комнатою», против неё сени, погреб с «надпогребницею», над погребницею сушка из

[13] Там же. Л. 483.

[14] Там же. Л. 484, 484 об.

[15] Там же. Л. 483 об.

[16] Там же. Д. 31. Л. 302.

обломков брусового леса, у ворот изба людская, две бани, меж ними сени. Все постройки покрыты дранью.

Рядом с двором протопопа дома дьяка, дьячков, пономаря и пресвитера — всего 11 дворов.

Набор продуктов, кухонные приспособления и посуда позволяют судить о кулинарных блюдах, которые бытовали в этой социальной среде. Разнообразие построек, предметов быта, кулинарных блюд, их количество и качество убывало с понижением личного статуса потребителя. В такой же зависимости находились и другие компоненты социально-группового, индивидуального и общественного быта Азова — пограничной крепости и города.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ ГОРОДА-КРЕПОСТИ АЗОВ

В то время города-крепости должны были сочетать в себе административные, торгово-ремесленные, политические, религиозные и военные функции. Все эти критерии были учтены при строительстве и развитии Азова — пограничной крепости и главного города Азовской губернии, образованной в 1709–1710 гг.

Приказная изба — одна из первых городских построек на территории Азова — являлась административным зданием и присутственным местом[17]. Изба состояла из двух комнат. В первой комнате было девять окон, с «красные окончины». В этой комнате находился небольшой иконостас. Из обстановки — стол, покрытый красным сукном (кармазином), на нём две оловянные чернильницы и книги: печатная книга Уложений «в переплёте в досках», книга Новоуказных статей и Новый торговый Устав в переплёте «за записью дьяка Никиты Полунина». Вторая комната — «казёнка», имела четыре застеклённых окна, меньше размером, чем в первой комнате. В казёнке: стол, покрытый красным сукном; у стола стул, обтянутый чёрной кожей, пять таких же стульев в разных местах комнаты, два тюфяка, обтянутые зелёным сукном, и три тюфяка, обтянутые красной кожей.

Торговля в этот период была главным компонентом в городской сфере, и Пётр прилагал немалые усилия для развития внутренней и внешней торговли в Азове, становления южной столицы как торгового центра.

Параллельно с административными органами управления складывались и центральные хозяйственно-административные учреж-

[17] Там же. Ф. 177. Д. 10. Л. 33 об.

дения — таможенная изба, кружечный двор и др. Азовская приказная палата являлась контролирующим органом по отношению к Азовской Таможенной избе и Кружечному двору. Таможня и Кружечный двор были построены в Алексеевском городе, около них образовался торг. На Кружечном дворе: Таможенная изба — «на подклетях с сенями»; две воинские бани, три амбара, кладовые, два подвала, два ледника, пивоварня, шесть больших «пейчанов»,

Торг в крепости по причине стеснённой территории, располагался не на одной площади, а занимал свободные места между постройками и у реки. Эти хозяйственные учреждения занимались также заготовкой продуктов и товаров казённой монополии и их продажей. Самыми ходовыми товарами казённой торговли в Азове были «горячительные напитки», соль и табак. Земская изба, как правило, ставилась на торгу, в ней сидел земский староста с помощниками. В избе или перед нею собирался «земский сход» — рядовые посадские люди, и выборные — десятники и сотники, для решения посадских дел. Таким образом, городской торг был средоточием управления посадом.

Здесь же находился Тюремный двор, огороженный тыном из четырёхсаженного соснового леса. На тюремном дворе пятистенок и 8 малых изб, рядом с тюрьмой — караульная изба[18].

Гостиный и Посольский дворы были построены за городскими стенами против казачьей слободы[19]. На Гостином дворе внутри, по периметру стен размещались торговые и складские помещения, двери и окна которых выходили только во внутренний двор.

В общественный быт города-крепости входили регламентированные правила поведения и общественной деятельности общества. В случае приближения неприятеля все должны были «собраться в осад» и, в случае осады, каждый должен был занять своё место в крепости согласно расписанию. Каждый должен быть бдительным относительно шпионов и диверсантов, пришлых отдавали на поруки азовским жителям, чтобы те за ними следили, поэтому же приказано было принимать из переведенцев «добрых людей, а из гулящих не привёрстывать».

Строгие правила касались эпидемических заболеваний — «моровых поветрий»: людей, пришедших из инфицированных мест, принимали только за городом и расспрашивали «через огонь». Записанное (также через огонь) переписывали в Азове дважды. Государю

[18] Там же. Д. 88. Л. 272.

[19] Там же. Оп. 1. Д. 25. Ч. II. С. 227.

«расспросные речи» переписывали 7 раз. Седьмую бумагу подьячий зачитывал другому, а тот записывал, близко с ним не сходясь, и только тогда её отсылали в Москву через «установленную почту». На почтовых заставах эта корреспонденция также передавалась через огонь. А чтобы из моровых мест никто не проехал и не прокрался, был «учинён закон под смертной казнью».

Строгими были противопожарные меры: в летнее жаркое время запрещалось топить печи. Избы опечатывали, а для приготовления пищи и выпечки хлеба печи делали за городом, защищая их по ветру лубьём, чтобы искры не летели в сторону деревянных построек. В хоромах, торговых рядах и лавках велено было держать «кади с водой... мётлы и веники для сбивания огня». Для надзора за соблюдением противопожарных мер были «объезжие».

Духовные потребности населения обеспечивали культовые учреждения. В городе-крепости Азове было две церкви, монастырь и часовня, были церкви во всех шести слободах, где проходили общие для всех православных религиозные праздники, ежедневные службы и торжественные церемонии.

Одна из таких церемоний проходила в Азове в августе 1696 г. Воевода Большого полка боярин А.С. Шеин, уходя из Азова, передал город по составленной подробнейшим образом описи назначенному царём первому воеводе Азова Петру Григорьевичу Львову[20]. Согласно обычаю, соблюдая особый ритуал, действующий воевода, получив указ царя, предупреждал притч собора о предстоящей церемонии и молебне. Перед собором ставили стол, покрытый красным сукном. Новый воевода, приближаясь к городу, извещал прежнего воеводу и, войдя, водружал перед собором своё знамя. Прежний воевода «со товарищи» тоже шёл к собору, впереди несли его знамя и клали на стол, перед собором. Затем воеводы входили в собор. По окончанию торжественного молебна, окроплённое святой водой, городское знамя передавали новому воеводе вместе с ключами от города и городской казны. Прежний воевода прямо с площади отъезжал в Москву, а новый шёл в Приказную избу. Перед ним несли оба знамени — городское и личное. В Приказной избе в присутствии окольничьего из Разряда воевода принимал дела, припасы, казну и прочее, после чего отпускал окольничьего в Москву[21].

Быт города-крепости Азова как сферы потребления, удовлетворения материальных и духовных потребностей, несомненно, отли-

[20] «О походе под Азов...1696 года». ОР РНБ. FIV-38.

[21] *Рабинович М.Г.* Очерки этнографии русского города. М., 1978. С. 87.

чался от быта среднерусских городов и столицы. Отличия эти были обусловлены спецификой пограничной крепости, удалённостью новой провинции от российских территорий. Вместе с тем, в Азове в целом присутствовали, формировались и развивались черты быта крупного российского города.

И.А. Орлова (Александров)

Александровская Слобода — опричная столица России (по материалам опубликованных источников и работам российских историков)

Вопрос о событиях истории России середины XVI в., которые ознаменовались созданием беспрецедентного «государства в государстве» под названием «опричнина» с центром в Александровой слободе, привлекал внимание всех крупнейших русских историков XIX и XX вв.[1] Несмотря на обилие научных исследований, посвящённых этой теме, в ней по-прежнему остаются «белые пятна», а известные события получают разную трактовку. Неоднозначную оценку получила в исторической литературе и личность первого русского царя Ивана Грозного[2].

Документальная база этого вопроса состоит, в основном, из опубликованных и давно введённых в научный оборот источников, как

[1] *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 8, 9. Калуга, 1993; *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трёх книгах. Кн. 1. М., 1993; *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1997; *Соловьёв С.М.* История России с древнейших времён. Кн. 3. Т. 6. Кн. 4. Т. 7. М., 1989–1993; *Иловайский Д.* Царская Русь. М., 2008. Иван IV был предметом пристального внимания целого ряда специалистов в XX веке (*Платонов С.Ф.* Иван Грозный; *Виппер Р.Ю.* Иван Грозный. М., 1998; *Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963; *Скрынников Р.Г.* Великий государь Иоанн Васильевич Грозный. Смоленск, 1996; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992; Флоря Б.Н. Иван Грозный. М., 1999; *Кобрин В.* Иван Грозный. М., 1989; *Колобков В.А.* Митрополит Филипп и становление Московского самодержавия. Опричнина Ивана Грозного. СПб., 2004 и др.).

[2] *Веселовский С.Б.* Царь Иван Грозный в работах писателей и историков. М., 1999.

мемуарного, так и документального плана[3]. Важное подспорье в изучении заявленной темы — результаты архитектурных и археологических исследований, на протяжении многих лет проводившихся на территории Александровского кремля архитекторами-исследователями[4] и археологическими экспедициями[5]. Сделанные открытия и находки подтвердили наличие великокняжеской и царской резиденции XVI в. на территории, где располагается музей-заповедник «Александровская слобода».

Первые значительные постройки были возведены здесь в годы правления великого князя Василия III, и неслучайно это место было избрано Иваном IV для невиданного в русской истории «эксперимента» по фактическому перенесению столицы. Среди построек сохранившего уникального архитектурного ансамбля — свидетели событий XVI в.: Троицкий собор, Покровский и Успенский храмы, Распятская церковь-колокольня[6].

---

[3] *Горсей Дж.* Сокращённый рассказ, или Мемориал путешествий // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986; Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990; Послания Ивана Грозного // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI века. М., 1986; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993; *Поссевино А.* Исторические сочинения о России XVI в. М., 1983; *Ульфельд Я.* Путешествие в Россию. М., 2002; Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание» Альберта Шлихтинга. Л., 1934; *Штаден Г.* Записки о Московии. В 2-х тт. Т. 1. М., 2008; Т. 2. М., 2009; *Таубе И., Крузе Э.* Послание гетману земли Лифляндской Яну Ходкевичу // Иоанн Грозный. Антология. М., 2004; Посольские книги по связям России с Ногайской ордой (1551–1561). Казань, 2006; Никоновская летопись // ПСРЛ. М., 2000. Т. XIII; Летописец начала царства // ПСРЛ. М., 1965. Т. 29; Лебедевская летопись. // ПСРЛ. Т. 29; Продолжение Александро-Невской летописи // ПСРЛ. Т. 29; *Курбский А.М.* История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XVI в. М., 1986; Псковские летописи. М., 1955; Царственная книга // ПСРЛ. М., 2000. Т. XIII; Стоглав. СПб., 1863; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х гг. XVI в. // Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Л., 1986; Разрядная книга 1559–1605. М., 1974; и др.

[4] *Некрасов А.И.* Памятники Александровской слободы, их состояние и значение. М., 1948. Машинопись; *Кавельмахер В.В.* Древности Александровой слободы. М., 2008; *Баталов А.Л.* Памятники Александровской слободы в контексте развития русской архитектуры XVI века // Зубовские чтения. Вып. 3. Струнино, 2005. С. 29–41.

[5] ООО «Кром»: отчёты М.Н. Фролова за 2006–2011; Археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа: отчёты Е.А. Туровой за 2006–2011; *Турова Е.А.* Изразцовый декор построек Александровой слободы. 2011. Компьютерная распечатка, на правах рукописи и др.

[6] *Стромилов Н.С.* Александрова слобода. Слобода до Грозного. М., 1884; *Кавельмахер В.В.* Древности Александровой слободы. М., 2008.

Население Александровой слободы в декабре 1564 г. увидело торжественный въезд в неё царя Ивана Грозного, прибывшего со всей своей семьёй, ближними боярами, дворянами и служилыми людьми, с государевой казной[7]. В борьбе за утверждение самодержавной власти Иван IV решился на беспрецедентный шаг: покинуть столицу и поселиться «где Бог наставит», избрав для этого Александровскую слободу. «Иван Грозный не смог сломить сопротивление думы, оставаясь на почве традиционного правопорядка. Ввиду этого ему пришлось совершить в 1565 году государственный переворот и ввести опричнину»[8].

Из Александровой слободы 3 января 1565 г. были доставлены в Москву царские грамоты, в одной из которых были «писаны измены боярские и воеводские и всяких приказных людей» и подтверждались, таким образом, будоражившие население столицы слухи об отречении царя от престола[9]. Вторая грамота с тонким политическим расчётом была обращена к народу и составлена так, чтобы обратить гнев его на «верхи» и под угрозой всеобщего возмущения заставить действовать в нужном царю русле[10].

Результатом этого стало появление 5 января в Александровой слободе «депутаций» «всяких чинов людей», умолявших государя не оставлять престола. В результате «переговоров» Иван IV милостиво согласился вернуться на престол, но при условии сохранения за ним права карать изменников и тех, кто ему «непослушны». В том же указе царь заявлял о своём желании «учинити на своём государстве себе опричнину»[11]. Краткое изложение указа об опричнине сохранилось в официальной летописи[12]. Опричнина Ивана IV представляла собой удел, который государь выделил для себя из всей территории русского государства. Это были лучшие в экономическом отношении земли[13]. Впоследствии территория опричнины расширялась[14].

---

[7] *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 1. С. 334–336; *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 175.

[8] *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 1. С. 331–332.

[9] Там же. С. 333.

[10] Там же. С. 341–343; Флоря Б.Н. Указ. соч. С. 176–178; *Колобков В.А.* Указ. соч. С. 104–105.

[11] *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 1. С. 345–348; Флоря Б.Н. Указ соч. С. 180–181; *Колобков В.А.* Указ. соч. С. 106–107, 217.

[12] Государственный архив XVI столетия: Опыт реконструкции. Т. 1. М., 1978. С. 82.

[13] *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 1. С. 352–353.

[14] Там же. Т. 2. С. 53–56, 119.

«Своеобразной неофициальной столицей этого особого государства стала Александрова слобода, превращённая в крепость и окруженная заставами...»[15]. «Старинное дворцовое село превратилось в хорошо укреплённый замок, в котором нёс службу постоянный гарнизон. Опричный разряд стал назначать в Слободу воеводу»[16].

Здесь возникает особый «государев двор», по своей структуре (по наличию особых «дворцов» и «палат», обслуживавших его нужды) напоминавший тот, что существовал в Москве. Мощная деревянная стена, обложенная снаружи кирпичом, окружала весь комплекс построек, среди которых были четыре каменных храма, дворец и множество деревянных строений. На подступах к Слободе, закрывая ведущие в неё дороги, располагались заставы, которые не могли миновать ни направлявшиеся в опричную столицу, ни покидавшие её[17].

Началось формирование опричного войска: дети боярские и дворяне, зачисленные в него, получали поместья в тех уездах, которые царь включил в состав опричного государства[18]. «Необходимые земли были конфискованы у землевладельцев опричных уездов», выселенных с опричных территорий[19]. «Испомещались» опричники и вокруг Александровой слободы[20]. Получили территорию для поселения и стрелецкие войска, сопровождавшие государя ещё из Москвы, о чём до сих пор напоминают топонимы Александрова (Стрелецкие улицы, Стрелецкий мост).

В опричнине возникла своя система органов власти, параллельная той, что существовала в земщине. Сформировалась своя опричная Дума, своя система приказов. Бульшая часть новых органов центральной власти располагалась на опричной территории Москвы, так как раздел страны тщательно скрывался Иваном Грозным от правителей европейских государств. Дьяки и подъячие часто приглашались в Слободу для получения распоряжений по важнейшим вопросам. В Александровой слободе располагались такие важные приказы, как Разрядный, Разбойный и Судный, для которых со временем были возведены специальные постройки.

---

[15] *Флоря Б.Н.* Указ соч. С. 181.

[16] *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 6.

[17] *Колобков В.А.* Указ соч. С. 229.

[18] *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 1. С. 355.

[19] Там же. С. 357.

[20] *Алексеев Ю.Г.* Аграрная и социальная история северо-восточной Руси XV–XVI вв. Переяславский уезд. М.; Л., 1966. С. 189, 192–193.

«Краткие летописцы XVII века, в том числе Морозовский и Костровский, сохранили свидетельства о постройке в “Слободе” Разрядной избы, возведённой по приказу Ивана IV наряду с дворами опричных князей, бояр и дворян <...> Как и в земском разряде там составлялись походные росписи, опричные воеводы ежегодно получали назначения по городам для несения службы в полках»[21]. В Александровскую слободу к государю Иоанну Васильевичу обращались и за получением жалованных грамот на поместья и вотчины[22].

Бояре и дворяне, имевшие исключительное право поселиться близ государя, строили свои хоромы, палаты и избы в Александровой слободе[23].

«Весной 1568 года Иван IV руководил действиями московских бояр уже из загородной резиденции, лишь изредка приезжая в столицу для приёма иноземных послов. С этого времени известия о боярских и воеводских грамотах сопровождаются характерной записью: “А государь царь и великий князь в то время был в Олександровской слободе”»[24].

Коснулась Александровской слободы и крупнейшая реформа в области местного управления, проведённая ещё в доопричный период и «направленная в конечном счёте на укрепление роли и значения губных старост и городовых приказчиков как представителей уездного дворянства[25].

«Учреждение опричнины привело к серьёзным земельным переделам. По царскому указу, вотчинники и помещики, “которым не бытии в опришнине”, насильственно выводились на другие территории и получали там новые земли»[26]. «Отобранные у не взятых в опричнину землевладельцев земли — родовые вотчины — становились собственностью государя, который раздавал их своим опричникам уже как условные владения — поместья»[27]. Примеры таких «пожалований» есть в книге Ю.Г. Алексеева[28].

---

[21] *Колобков В.А.* Указ. соч. С. 143, 151.

[22] Акты служилых землевладельцев XV–XVII вв. Т. 1. М., 1997–1998. С. 46, 123–124, 181, 317. Т. 2. С. 170, 386–387.

[23] *Флоря Б.Н.* Указ соч. С. 213.

[24] *Колобков В.А.* Указ соч. С. 158.

[25] Там же. С. 152–153.

[26] Там же. С. 152.

[27] *Флоря Б.Н.* Указ соч. С. 211.

[28] *Алексеев Ю.Г.* Указ соч.

Среди известных деятелей опричнины, связанных своим пребыванием и деятельностью с Александровской слободой, — князь Афанасий Вяземский[29], Лев Андреевич Салтыков[30], Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский[31], Василий Грязный[32], Елисеё Бомелий[33].

«К началу 1569 года известия о переезде государя в Александровскую слободу широко распространились за пределами государства. Принимая во внимание возможные расспросы, приставам Андрею Мясному и Постнику Иванову, посланным навстречу литовскому гонцу, было велено говорить, что "государь царь и великий князь поехал с Москвы по монастырям молитись, а бытии государю в своём селе в слободе в Олександровской для своего прохладу". Впрочем, московские власти уже не решались отрицать существование нового государева двора вдали от столицы[34].

Слобода постепенно меняла свой облик, выходя на уровень, который позволял принимать иноземные посольства, соблюдая пышный «декор» церемоний и обычаев. Уже великий князь Василий III принимал послов в этой своей загородной «резиденции», а за годы правления Ивана Грозного её стены видели послов и гонцов из Великого княжества Литовского[35], Речи Посполитой, Крымского ханства[36], Ногайской орды[37], Швеции[38], Англии, Дании. Здесь получали царские «наказы» и русские послы, отправлявшиеся ко дворам иностранных монархов, в Слободе же они «держали ответ» об исполнении порученных миссий. И хотя Посольский приказ располагался в Москве, многие важные решения по вопросам Ливонской войны, отражения нападений крымских татар принима-

---

[29] *Флоря Б.Н.* Указ соч. С. 188.

[30] *Колобков В.А.* Указ соч. С. 227–228.

[31] *Флоря Б.Н.* Указ соч. С. 291–292; *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 38, 68, 91, 94–95, 163, 186.

[32] *Флоря Б.Н.* Указ соч. С. 293; *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 91, 163–164.

[33] *Флоря Б.Н.* Указ соч. С. 316–317; *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 91, 165–166, 221–223, 225–226.

[34] *Колобков В.А.* Указ соч. С. 158–159.

[35] *Соснина Е.В.* Литовское посольство 1563 года в Александровской слободе. Научное сообщение. 2011.

[36] *Колобков В.А.* Указ соч. С. 257.

[37] Посольские книги по связям Московского государства с Ногайской ордой. Книга 4-я. С. 67–70, 227.

[38] *Соснина Е.В.* Посольства Швеции в Александровской слободе. Научное сообщение. 2010.

лись в Александровой слободе и в виде указов рассылались по всей стране.

В начале 1567 г. в Александровской слободе шли переговоры со шведским посольством во главе с канцлером Нильсом Гюллерштерной, которые завершились заключением союза двух государств, направленного против Великого княжества Литовского[39].

«Англия лишь в правление Ивана Грозного вступила в сношения с Россией... Из всех европейских государств того времени Англия была самым дружественным по отношению к России. Не удивительно, что именно с послом этой страны Энтони Дженкинсоном летом 1567 года царь начал переговоры о предоставлении ему убежища в случае, если по каким-либо причинам ему придётся покинуть свою страну ради собственной безопасности»[40]. Иван Грозный состоял в переписке с английской королевой Елизаветой I и даже пытался к ней свататься[41]. Английская торговая компания (Московская компания) имела право беспошлинной торговли в России[42]. Наиболее полно о взаимоотношениях России с Англией в это время можно узнать из записок Джерома Горсея, который описал свои посещения Александровой слободы, аудиенции у Ивана Грозного, демонстрацию царских сокровищ[43].

В 1572–1576 гг. в Александровскую слободу стекалась информация о борьбе за королевский трон Речи Посполитой, на который Иван Грозный предъявил свои претензии[44]. Осенью 1572 г. литовские магнаты предложили трон его сыну Фёдору[45]. 6 апреля 1575 г. Иван Грозный принимал в Александровой слободе одного из своих сторонников в Речи Посполитой Кшиштофа Граевского[46]. «В декабре 1574 г. царь принимал в Слободе посланца императора Священной Римской империи Максимилиана II Магнуса Паули. Император сообщал о своём намерении прислать в Москву “великих послов”, чтобы выработать соглашение о совместных действиях в “ли-

[39] *Флоря Б.Н.* Указ соч. С. 217; *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003. С. 459–461.

[40] *Флоря Б.* Указ соч. С. 224; *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 19–21.

[41] Там же. С. 138–139.

[42] Там же. С. 124–126.

[43] *Горсей Джером*. Сокращённый рассказ, или Мемориал путешествий... С. 165, 170, 173–186.

[44] *Флоря Б.* Указ соч. С. 296–297.

[45] Там же. С. 302–303.

[46] Там же. С. 325.

товском деле”»[47]. В результате интриг и переговоров в январе 1576 г. на польский трон был избран Максимилиан II.

Важное место во внешней политике России XVI в. занимали попытки создания особого Ливонского королевства во главе с принцем Магнусом (переговоры по этому вопросу также проходили в Александровой слободе)[48].

Имевшие место в правление Ивана Грозного кровавые события навсегда связали имя Александровой слободы с понятием «опричный террор». В ноябре-декабре 1567 г. здесь проходил «розыск» по делу, получившему у историков условное название «земского заговора», в результате которого погиб известнейший русский государственный деятель И.П. Фёдоров и были казнены многие знатные лица, сочтённые его сторонниками[49]. «Один из лучших стрелецких командиров Н.Г. Казаринов-Голохвастов бежал от опричников в монастырь и постригся в монахи. Прямо из кельи Казаринов был отвезён в Слободу. Иван IV приказал взорвать воеводу на бочке с порохом, заметив, что так он скорее взлетит на небо»[50]. Расправе над осуждёнными не помог и визит в Александровскую слободу митрополита Филиппа, его попытка уговорить царя отказаться от опричнины[51].

«Лишь кропотливое изучение так называемого “Синодика опальных” — списка казнённых, составленного в самом конце правления Ивана IV, позволило установить круг лиц, подвергшихся казням после возвращения царя в Слободу»[52]. Подробные сведения о лицах, попавших в «Синодик опальных», приводит Р.Г. Скрынников[53].

«По свидетельству Таубе и Крузе, в своей любимой резиденции, Александровой слободе, царь постоянно проводил значительную часть дня в пыточном застенке. Узников пытали не для того, чтобы они сознались в совершённых преступлениях (попавшие туда уже заранее являлись виновными), но для того, чтобы они указали своих сообщников»[54].

---

[47] Там же. С. 325.

[48] Там же. С. 255–256. Те же сведения в: *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 101.

[49] *Флоря Б.Н.* Указ соч. С. 194–195, 215, 218, 224; *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 24–46; *Колобков В.А.* Указ соч. С.242–267.

[50] *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 41.

[51] Там же. С. 31–32; *Колобков В.А.* Указ соч.

[52] *Флоря Б.Н.* Указ соч. С. 225

[53] *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 36–37, 40, 46, 415–428.

[54] *Флоря Б.Н.* Указ соч. С. 233; Скрынников Р.Г. Великий государь... Т. 2. С. 104.

9 сентября 1569 г. «в Слободе умерла царица Мария, заболевшая в Вологде и не вынесшая длительного путешествия. Иван IV обвинил в смерти жены своих тайных недругов и открыто объявил, что царица «злокозненно отравлена бысть»[55]. Главным своим противником он продолжал считать двоюродного брата Владимира Андреевича Старицкого. «Осенью 1569 года царь получил сведения о новом, ещё более опасном заговоре, направленном против него»[56].

«Вероятно, уже в этих слухах называлось имя Владимира Андреевича как будущего царя, так как первой реакцией монарха на полученные сведения стало убийство двоюродного брата... Царь послал Владимиру Андреевичу приказ прибыть вместе с семьёй к нему в Слободу. О том, что последовало дальше, сохранился подробный рассказ в "Послании" Таубе и Крузе, который в своих основных моментах подтверждается свидетельствами русских источников (в частности, "Пискаревского летописца"). До Слободы удельный князь так и не доехал. На ямской станции Богане его встретило вооруженное опричное войско. Опричные дворяне Малюта Скуратов и Василий Грязной объявили князю Владимиру, что "царь считает его не братом, но врагом, ибо может доказать, что он покушался не только на его жизнь, но и на правление". Соображения престижа, почти сакральный ореол, окружавший членов царского дома, не давали возможности ни устроить суд, ни тем более казнить двоюродного брата царя. Поэтому по приказу Ивана IV Владимир Андреевич, его жена и девятилетняя дочь 9 октября 1569 года были отравлены»[57].

«Суд над участниками "заговора" Старицких положил начало новому периоду опричнины... волна опричного террора спала лишь для того, чтобы через год подняться с новой силой и вылиться в "новгородское изменное дело", которое поглотило не только противников опричнины, но и тех, кто стоял у её колыбели»[58].

«Предвестником новгородского "изменного дела" послужил розыск о причинах падения Изборска в январе 1569 г. Литовцы захватили Изборск с помощью русских изменников... Переодевшись опричниками, те глубокой ночью постучали в ворота Изборска и, "воп-

---

[55] Там же. С. 60.

[56] *Флоря Б.Н.* Указ соч. С. 234

[57] Там же. С. 236; *Стромилов Н.С.* Место казни в 1569 году князя Владимира Старицкого в Александровском уезде // Владимирские губернские ведомости. 2 сентября 1883 года, № 35; *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 60–61; Колобков В.А. Указ соч. С. 366; *Володихин Д.М.* Иван Грозный. Бич Божий. М., 2006. С. 165.

[58] *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 50.

рошаясь опричниной", заставили стражу отворить город... Изборский наместник А. Нащокин... и другие вернулись из литовского плена в июле 1569 г. По приезде из Вологды в Слободу царь Иван вызвал к себе Нащокина и других изборских пленников. "Вы не умели защищать крепость и себя самих, когда вас осаждали поляки и литовцы, — будто бы сказал он, — так я научу вас теперь". Изборский воевода был тут же расстрелян опричными лучниками. Изборская "измена" внушила правительству мысль о ненадёжности населения Псковской и Новгородской земель»[59].

В декабре 1569 г. из Александровой слободы двинулось опричное войско во главе с самим царём в «поход» на Новгород, жители которого обвинялись в «измене», в намерении отдаться под власть польского короля. Подробно этот акт опричной политики получил освещение у Р.Г. Скрынникова[60].

В результате город подвергся чудовищному погрому. «Из Новгорода была вывезена владычная казна, из собора Святой Софии взяты иконы и церковная утварь, которые должны были украсить храмы в опричной резиденции царя — Александровой слободе. Вместе с опричным дворецким Львом Андреевичем Салтыковым изъятием руководил духовник царя, благовещенский протопоп Евстафий...»[61]

Часть захваченных в Новгороде богатств была использована Иваном Грозным для украшения своей «опричной столицы». И по сей день в Троицком соборе Александрова находятся вывезенные в качестве «трофеев» врата, но остались только воспоминания о 500-пудовом «Пименовском» колоколе, помещённом на Распятской колокольне. 30 сентября 1571 г. по приказу Ивана Грозного «в Слободе мастер Иван Афанасьев слил колокол в Великий Новгород — очевидно, взамен большого 500-пудового "Пименовского колокола", который во время разгрома был снят с колокольни у Святой Софии и увезён в Слободу»[62].

Для части новгородцев «розыск» по «изменному делу» продолжился в Александровой слободе. «Уезжая из Новгорода, царь приказал тех попов и дьяконов, "которые не искупилися от правежу", "отсылати за приставы в Олександрову слободу"»[63].

---

[59] *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 65; *Колобков В.А.* Указ. соч. С. 366.

[60] *Скрынников Р.Г.* Трагедия Новгорода. М., 1994, а также: *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 67–89; *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 237–244.

[61] Там же. С. 239; *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 72, 88.

[62] *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 244.

[63] Там же. С. 241; *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 83.

По результатам «розыска» 25 июля 1570 г. в Москве вместе с обвинёнными в измене членами земской Боярской думы печатником И.М. Висковатым и главным казначеем Н.А. Фуниковым были казнены ещё 120–130 человек. «Это были, главным образом, новгородские дворяне и приказные, привезённые в Москву из Слободы»[64].

Определённую сложность из-за отсутствия достаточной документальной базы представляет вопрос о существовании в Александровой слободе «опричного братства», в котором некоторые историки склонны видеть «монашеский орден», наподобие западноевропейских. В писаниях иностранцев, попавших на опричную службу, сохранились описания существовавшего в Слободе «распорядка дня», что и наводило на мысль о «монастырском» образе жизни царя и его приближённых[65].

Для борьбы со своими противниками Иван Грозный стремился использовать и официальные летописи, которые по его требованию были переданы в Александровскую слободу. Здесь им были предприняты попытки «исправления» и «дополнения» летописных текстов в нужном для него направлении. Вместе с тем, в 1567 г. в Александровой слободе официальное летописание прекратилось[66].

С Александровой слободой связано появление летописей, известных под названием Лицевого Летописного Свода. На некоторых его миниатюрах можно увидеть (хотя и достаточно условное!) изображение Александровой слободы XVI в.[67] Большое значение для формирования представления об «опричной столице» имеют гравюры, которыми сопровождалось издание книги датского посла Якоба Ульфельдта, посетившего в 1578 г. Александрову слободу с посольством[68].

После первых опытов книгопечатания, предпринятых Иваном Фёдоровым и Петром Мстиславцем в Москве, по указу Ивана Грозного в Александровой слободе Андроник Тимофеев создал первую в русской провинции типографию и напечатал в 1577 г. первую в провинции книгу — Псалтырь, получившую название «Слободской»[69].

---

[64] Там же. С. 111–114.

[65] *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 187, 189, 252; *Володихин Д.М.* Указ. соч.

[66] *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 43.

[67] *Морозов В.В.* Лицевой свод в контексте отечественного летописания XVI века. М., 2005; *Соснина Е.В.* Миниатюры Шумиловского тома об истории Александровской слободы // Зубовские чтения. Вып. 3. Струнино, 2005.

[68] *Ульфельдт Якоб.* Путешествие в Россию. М., 2002.

[69] *Вознесенский А.В.* К истории славянской печатной псалтири. М.; СПб., 2010. С. 26, 266–268.

Важными событиями не только личной, но и государственной жизни становились женитьбы первого русского царя: в 1571 г. на Марфе Собакиной, в 1575 г. на Анне Васильчиковой и, возможно, в 1580 г. на Марии Нагой. Сохранились воспоминания о грандиозных «смотринах» невест, предшествовавших этим бракосочетаниям[70]. В Александровой слободе, параллельно с царскими, проходили женитьбы царевича Ивана Ивановича[71]. Важными факторами государственной политики становились царские пиры с их особым церемониалом и царские охоты, для которых в окрестностях Слободы имелось всё необходимое[72].

В 1571 г. опричное войско показало свою полную неспособность противостоять внешним врагам: Москва была разграблена войсками крымского хана Девлет-Гирея73. Это стало самой яркой демонстрацией невозможности дальнейшего раздела страны на опричнину и земщину, тем более что в следующем году совместными усилиями объединённого войска была одержана убедительная победа над крымцами, вновь вторгшимися на русскую землю[74]. В 1572 г. опричнина была отменена[75].

Дальнейшие события наводят, однако, историков на мысль, что Иван IV продолжал действовать прежними «опричными методами». Беспрецедентным в русской истории явилась формальная передача им осенью 1575 г. верховной власти в государстве царевичу Симеону Бекбулатовичу (всего на год!) и образование вновь для себя «удела»[76].

Теперь это образование получило название «двора», в котором существовали и своя дворовая дума, и дворовые приказы. «Стольным местом» нового образования по-прежнему осталась Александровская слобода. «Уже сам перечень владений, взятых царём под свою особую власть, показывает, что новый “удел” представлял собой целое небольшое государство, не уступающее по размерам владениям Ивана опричных лет. В уделе был свой осо-

---

[70] *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 276; *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 160–162; *Морозова Л., Морозов Б.* Иван Грозный и его жёны. М., 2005. С. 160–175.

[71] *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 279.

[72] *Кутепов Н.И.* Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси. Т. 1. СПб., 1896.

[73] *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 145–151; *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 210–266.

[74] *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 170–176.

[75] Там же. С. 182–187.

[76] *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 309; *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 227–228.

бый двор и свое войско, были созданы и свои органы управления: деятельностью войска ведал дворовый Разряд, сбором налогов — дворовая Двинская четверть, дворовый Большой приход, высшей судебной инстанцией для населения удела был дворовый Судный приказ. "Избы" этих приказов располагались отдельно от земских приказов "в дворовой стороне" Москвы»[77].

Весной 1579 г. Иван Грозный тяжело заболел. «Не надеясь на выздоровление, он вызвал в Александровскую слободу бояр и высшее духовенство, объявил своим преемником старшего сына царевича Ивана и увещевал присутствующих верно служить будущему государю... Все взоры обратились в сторону наследника. Его двор стал центром сложной политической игры... Царь Иван вскоре выздоровел. В дальнейшем разногласия в царской семье обострились ввиду осложнения военной обстановки... Наследник царевич Иван настаивал на необходимости энергичных военных мер и просил отца послать его с армией к Пскову, чтобы дать отпор полякам... Ссора имела трагический исход. Как записал псковский летописец, царевича отец "остием поколол, что ему учал говорити о выручении града Пскова"... В материалах Посольского приказа сохранилось письмо царя, написанное в 1581 году в Слободе в дни "болезни" наследника... 19 ноября 1581 года царевич Иван умер...»[78] Обстоятельства смерти царевича до сих пор вызывают споры среди историков. После смерти сына царь покинул Александровскую слободу и больше в неё не возвращался.

Своим внешним видом, укреплениями и каменными храмами, дворцовыми постройками, домами служилых людей Александровская слобода производила впечатление городского поселения. Именно так её воспринимали иностранцы, это обстоятельство нашло отражение в ряде официальных документов, где Слобода названа «городом»[79].

На основании комплекса изученных по данной теме материалов в музее-заповеднике «Александровская слобода» в архитектурных памятниках XVI в. создан ряд экспозиций, которые отражают не только события политической истории времени правле-

---

[77] *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 311; *Скрынников Р.Г.* Великий государь... Т. 2. С. 208, 211, 213, 228–241.

[78] Там же. С. 277–281.

[79] *Морозов Б.Н.* Неизвестные документы об Александровской слободе в правление Ивана Грозного // Государев двор в истории России XV–XVII столетий. Владимир, 2006. С. 12–18.

ния Ивана Грозного, но и культуру и быт бывшей «опричной столицы» России.

Наличие в Александровой слободе опричных органов центральной, а не только местной власти, важнейшие события царствования Ивана Грозного, на протяжении семнадцати лет российской истории происходившие на территории Слободы, значимые решения, принимавшиеся здесь по вопросам внутренней и внешней политики, позволяют исследователям говорить о том, что в XVI в. Александровская слобода была настоящей «опричной столицей» России.

А.А. Андреев (Санкт-Петербург)

Хива и Россия в начале XVIII века, или история одной несостоявшейся провинции

В начале XVIII в. Россия вела активную внешнюю политику как на европейском направлении, так и на восточном. Значительные успехи Петра Великого в Северной войне выразились в приобретении территорий на Балтике, ставших впоследствии неотъемлемой частью Российской Империи. Помимо западного вектора в своей внешней политике Пётр Великий достаточно внимания уделял и Востоку, где одним из перспективных направлений для экспансии были не только Закавказье и Иран, но и территория Средней Азии. Продвижение России в данном регионе в начале XVIII в., изучение предпосылок и факторов, повлиявших на успехи и неудачи в этом направлении, и являются целью данной статьи.

Завоевание Казанского и Астраханского ханства и выход Москвы к Каспийскому морю в XVI в. значительно стимулировали развитие торговли со среднеазиатскими ханствами и кочевыми племенами тюркского и западно-иранского происхождения. В XVII в., особенно во второй его половине, учащаются дипломатические контакты России с Хивинским и Бухарским ханствами.

Собственно, приглашение России на Каспийское побережье пришло изначально с Хивинской стороны, от хана Ануша Мухаммеда Бухадура (полное имя Абу-л-Музаффар Мухаммад Ануша-хан), в российской историографии известного как Ануша-хан. Хивинский хан предложил «а по сей стороне моря на берегу на Мангышлаке на пристанище чтоб государь ваш изволил велел город поставить, и как тот город на том месте поставлен будет и наши торговые люди ста-

нут ожидать с товарами ваших торговых людей»[1]. Расширение торговли с Россией и извлечение дополнительных средств были жизненно необходимы Ануша-хану, находящемуся в состоянии постоянной войны с соседним Бухарским ханством, давним конкурентом Хивы в борьбе за влияние в Средней Азии[2]. Хан Хивы, принявший впоследствии титул шаха, поначалу успешно продолжал политику своего отца по укреплению и расширению Хивинского ханства и долгое время проводил опустошительные набеги на бухарские владения[3].

В общей сложности на конец XVII в. приходится 27 хивинских посольств в Москву. Для сравнения: Бухара присылала послов 14 раз, Балх за короткий период независимости всего два раза, со стороны России было семь посольств[4]. Главная тема переговоров почти всех хивинских миссий — перспектива строительства города на «пристанище Мангишлак», чтобы «на обе стороны послом и посланником торговым ездить было безопасно»[5]. Затруднения на переговорах вызывали вопросы, связанные с будущим статусом поселения. В следующем году проект строительства города активно прорабатывался российской стороной. Местом определили Караганскую пристань. В XVII в. на восточном берегу Каспия были лучше других известны две пристани — Кабаклы и Караган, главная из них — Караганская[6]. «Русские люди и иноземцы со многими товары» вели здесь бойкий торг с начала XVII в.[7]

Переговоры о строительстве затянулись, и в 1687 г. в результате внутридворцовых интриг и не без участия Бухары Ануша-хан был свергнут ближайшим окружением и ослеплён[8]. После периода сму-

---

[1] Торговля с Московским государством и международное положение Средней Азии в XV–XVII вв. Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР / Под ред. А.Н. Самойловича. Л., 1932. С. 225.

[2] Мунис и Агехи. Райский сад счастья. Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 2. М., 1938. С. 330.

[3] История народов Узбекистана / Под ред. С.В. Бахрушина. Ташкент, 1947. Т. 2. С. 162.

[4] *Allworth Edward A.* The modern Uzbeks: from the 14 century to the present. A cultural history. Hoover Institution Press, 1990. P. 88.

[5] Торговля с Московским государством... С. 229.

[6] *Агзамова Г.А.* Волжско-Каспийский путь в XVI – первой половине XIX в. // Тюркологический сборник. М., 2003. С. 142.

[7] *Власьев В.* Очерки государственного благоустройства России в XVII веке. М., 1869. С. 510.

[8] *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей: древность и средневековье. СПб., 2004. С. 334.

ты престол достался его сыну Мухаммед Ирнак хану (Эренг, Эренк)[9]. На протяжении недолгого периода своего правления Ирнак хан пытался продолжать политику своего отца, в том числе ориентированную на Россию её внешнеполитическую составляющую. В 1689 г. от него в Россию прибывает посол Абреим (Ибрагим) Ажизов с ярлыком, в котором говорилось о желании хана «попрежнему поддерживать дружественные отношения с Московским государством», а в 1691 г. посол Ибрагим вновь озвучивает предложение о строительстве поселения на Каспийском побережье[10]. Это предложение снова вызывает интерес, но никаких практических шагов не предпринимается: «о городовом строении указ их великих государей впредь будет» указано в ответной грамоте[11]. То же касалось и предложения «воевать калмыков Аюкина улусу»[12].

В 1694 г. Эренг-хан гибнет, упав с лошади, и к власти приходит потомок Джучи-хана (сына Чингиз-хана) и его полный тёзка[13]. Джучи-хан, подобно своим предкам, ведёт агрессивную внешнюю политику: в борьбе с нехваткой средств в ханской казне он предпринимает серию грабительских походов, в том числе и против русских купцов[14]. Его непоследовательная и агрессивная политика отрицательно сказалась на отношениях с Москвой и, как следствие, — на развитии торговли между двумя государствами.

В начале XVIII в. отношения между Россией и узбекскими ханствами приняли иной характер. Бухарское и Хивинское ханства были ослаблены постоянным соперничеством. Хивинскому ханству приходилось не только бороться с Бухарой, но и отражать набеги туркменских племён с запада. Хива заметно отставала от своей соседки в экономическом и культурном развитии. Бухарское ханство, в отличие от Хивинского, строилось на культурном и экономическом фундаментах древних цивилизаций Мавераннахра, что значительно сказывалось на его развитии[15].

---

[9] *Lansdell H.* Russian Central Asia: including Kuldja, Bokhara, Khiva and Merv. Vol. 2. Sampson Low, 1875. P. 275.

[10] Торговля с Московским государством... С. 256, 258.

[11] Там же. С. 259.

[12] Там же.

[13] Munis, Shir Muhammad Mirab: Firdaws al-iqbāl: history of Khorezm / by Shir Muhammad Mirab and Muhammad Riza Mirab Agahi. Translated and annotated by Y. Bregel. Boston, 1999. P. 142.

[14] *Burton A.* The Bukharans: a Dynastic, Diplomatic and Commercial History 1550–1702. London, 1997. P. 437.

[15] Международные отношения в Центральной Азии: События и документы / А.Д. Богатуров, А.С. Дундич. М., 2011. С. 75.

Сложившаяся в Средней Азии в интересующий нас период система взаимоотношений государств и кочевых племён представляла собой классический запутанный клубок противоречий: с одной стороны, борьба Хивы и Бухары, с другой, досаждающая обоим независимость Балха, статус которого, помимо них, пытаются оспорить и набирающие силу афганские правители. Ситуация осложнялась наличием кочевых орд иранского, тюркского и ойратского происхождения, элиты которых преследовали свои зачастую узкие интересы, попеременно поддерживая в ходе бухаро-хивинского противостояния то одну сторону, то другую. Особое значение для Хивы имела позиция кочевых узбеков на севере и туркмен, кочевавших на западе, представлявших серьёзную угрозу и силу, с которой ослабленной Хиве приходилось считаться. По мере борьбы, в которой верх постепенно стала одерживать Бухара, в начале XVIII в. перед хивинскими ханами чётко обозначилась перспектива вассальной зависимости. Первыми этим обстоятельством воспользовались бухарские ханы. Номинально Хива находилась в подданстве Бухары с 1688 г., когда Субханкули-хан принял хивинскую делегацию с соответствующей просьбой. Заметно тяготясь зависимым положением, хивинский хан Исхак Ага Шах Нияз (Нияз Ишик-ага Баши Катагхан)[16], племянник бухарского хана, предпринимает попытку выйти из подданства своего дяди и сюзерена[17]. В 1698 г. он посылает посольство в Россию, сначала с ярлыком к ближнему боярину и судье Казанского приказа князю Борису Алексеевичу Голицыну об установлении правильных торговых сношений между обеими странами и с просьбой оказать содействие в этом его послу Достек-бек-Бехадуру. Через два года Достек-Бек-Бехадур привёз ярлык хивинского хана с прошением, «чтоб хану нашему быть в подданстве у великого государя»[18]. Помимо политической цели — независимости от Бухары, хивинское посольство преследовало и экономические цели. Улучшение торговли и разрешение на ввоз в Хиву свинца и оружия, по-видимому, были главной задачей посольства. В ярлыке Бехадура значилось «Предложение третье: всякого рода астраханские товары привозят в Бухару и Хиву, кроме свинца, булатного железа и дальнобойных винтовок. Запрещены, не пропускают. Просьба такова, чтобы была милость и благоволение падишахское и повелели, чтобы бояре аст-

[16] Munis, Shir Muhammad Mirab: Firdaws al-iqbāl: history of Khorezm. P. 567.

[17] Узбекистон халкларининг тарихи. Тошкент, 1947. С. 104.

[18] Торговля с Московским государством... С. 270.

раханские не задерживали»[19]. Шах-Нияз — инициатор союза с Россией — правил всего около трёх лет, а сменивший его Сеид Али-хан в 1705 г. передал трон Муса-хану.

Характерно, что даже в условиях чередования «дворцовых переворотов» начала XVIII века, аккумулировавших борьбу ведущих семейных кланов ханства за верховную власть, каждый новый правитель, начиная с Шах-Нияза, во главу угла своего политического курса неизменно ставил укрепление отношений Хивы с Россией, стремясь, во-первых, устранить препоны на пути сближения со стремительно эволюционирующим северным соседом и придать тем самым импульс традиционным торгово-экономическим связям, во-вторых, упрочить с её помощью собственную власть и обеспечить юридическую и фактическую независимость от ненавистной Бухары[20].

Воцарившись в 1712 г. в Хиве, Саид Едигер Мухаммад хан отправил посольство во главе с Ашурбеком. Достаточно живописно его визит и приключения описываются в записках брауншвейгского резидента Вебера. Пётр I после аудиенции велел послу, «чтобы он немедленно отправился, вместе с великим канцлером, на шняву, называемую "Rake" и последовал бы за ним в Кронштлот»; в пути попав на мель, а затем в бурю, посол, «никогда не бывавший на такой воде, сделался похож на труп, завернулся наконец совсем в шёлковое покрывало, лёг на пол и приказал своему мулле стать над ним на колени и читать что-то из книги пророка Али (он был Персидской[21] веры)»[22].

Ко времени визита посла от Едигер Мухаммад хана у Петра I уже существовал свой план действий относительно Хивинского ханства. Дело в том, что годом ранее в местечке Тюк Караган к купцам из России обратился именитый туркмен Ходжа Нефес (Ходжанепес — туркменский вариант произношения имени) с просьбой доставить его в Астрахань. В Астрахани он впервые сообщил о знаменитой идее поворота реки Амударьи к Каспию. Чем руководствовался Ходжа Нефес, настойчиво «приглашая» в пределы хивинского ханства? Совершенно определённо существовала конфронтация между Хивой и туркменскими племенами. Более того,

---

[19] Там же. С. 274.

[20] *Ниязматов М.* Россия и Центральная Азия: политика и практика геополитических отношений. http://eot.su/node/8558.

[21] Он придерживался шиизма.

[22] Записки о Петре Великом и его царствовании Брауншвейгского резидента Вебера // РА. 1872. № 6. С. 1082.

между племенами и родами туркмен отношения «были совершенно далёкими от всякой приязни», по отношению к другим народам прослеживалось то же самое[23]. С XVI в. активно шла миграция туркмен с Приаралья в сторону Каспия. Вынужденная оставить в силу климатических изменений гостеприимное прежде русло Узбоя, часть из них стала продвигаться на восточное побережье Каспия и вступать в конфликт с казахскими и узбекскими кочевниками. Другая часть уходила в южные пределы Каспия и сталкивалась там с Персией. У туркмен, получивших по месту своего обитания название мангышлакские, тяжело стали складываться отношения с калмыками хана Аюки, к тому времени в очередной раз перешедшему в российское подданство. Аюке удалось удачно отбить несколько направлявшихся к туркменам хлебных караванов[24]. Видимо, оказавшимся в изоляции и на грани голода туркменам пришлось искать помощи у России, чтобы регулярно получать из Астрахани хлебное довольствие. Таким образом, старейшины туркмен Мангишлака отправили своего представителя в Россию в целях наладить с ней дипломатические отношения, тем самым обеспечив бесперебойные хлебные поставки, и повернуть Амударью к Каспию.

По всей видимости, туркмены верили в благополучный исход данного мероприятия, как и в то, что это хивинские ханы некогда повернули реку к Аралу, чтобы обезводить свои северные территории и удалить оттуда непокорных кочевников, что на самом деле было, конечно, далеко от истины.

В Астрахани туркменскому посланнику удалось убедить в перспективности проекта князя Михаила Заманова. Видимо, в Москве они оба сумели заручиться поддержкой уже известного Александра Бековича-Черкасского, через него добились аудиенции у Петра Великого, где и изложили суть проекта.

Александр Бекович-Черкасский, до крещения Девлет Гирей Кизден Бекмурза[25], — человек уникальной судьбы. В условиях межродовой распри в Кабарде, где соперничали его дядя и отец, его взял в аманаты (заложники) собственный дядя Кайтуко, чтобы воздействовать на его отца Бекмурзу и предостеречь от самостоятельных действий. Впоследствии, точно в таком же статусе он появляется в Москве, в доме Бориса Алексеевича Голицына. Князь Борис Голи-

[23] *Галкин М.А.* Этнографические и этнографические материалы по Средней Азии и Оренбургскому Краю. СПб., 1868. С.18.

[24] Там же.

[25] *Налепин А.Л.* Записки из Алексеевского равелина. М., 2004. С. 287.

цын вошёл в историю не только как воспитатель — «дядька» Петра, но и как глава Казанского приказа. В его ведении были и земли Поволжья, и земли, находившиеся на территории Северного Кавказа, городка Терки в том числе. Соответственно, ему приходилось взаимодействовать и вести переговоры с кабардинской знатью, именно ему, видимо, Кайтуко отдал своего племянника в заложники. Будущий герой Хивинской экспедиции не только служил гарантом примирения двух противоборствующих черкесских кланов Бекмурзиных и Кайтукиных, но и, будучи родственником вторых, являлся гарантом их «пророссийской» ориентации сначала в городке Терки в аманатной избе[26], а затем в Москве в доме главы Казанского приказа[27]. Приняв в 1697 г. крещение[28], Девлет Мурза активно проявил себя на русской службе. Ему удалось выбиться из аманатов в прапорщики, а впоследствии в капитаны Преображенского полка; особо он отличился во время дипломатической миссии на Кавказе, где, заручившись поддержкой родственников, собрал значительный отряд и разгромил (кубанских) ногайских татар — поданных Крымского хана[29]. Благодаря своим успехам по службе, он, вероятно, имел доступ к Петру Великому и мог изложить тому план проекта, чем и воспользовались князь Заманов и Ходжа Нефес.

В это же время в Петербург приехал сибирский губернатор князь М. Гагарин с сообщением Петру I о том, что «в Сибири близ калмыцкого города Еркета, в реке Амударье» находят золотой песок, и привёз образец. Следует отметить, что М. Гагарин напутал с «городком Еркети»[30]. Город Яркенд, расположенный в долине реки с одноимённым названием, никакого отношения ни к Сибири, ни, тем более, к Амударье не имел. Сведения М. Гагарина были получены от некоего Ф. Трушникова, ездившего в Малую Бухарию и в Яркенде купившего золотой песок. Сообщая далее, что путь от Еркета до Тары занимает два с половиной месяца «нескорою водою», а от Тары до Тобольска

---

[26] Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией 1676–1700. СПб., 1842. Т. V. С. 313.

[27] *Корб Иоганн Георг.* Дневник поездки в Московское государство Игнатия Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Московскому Петру I в 1698 г. веденный секретарем посольства. М., 1867. С. 79.

[28] Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии. Вып. 1. М., 1881. С. 216.

[29] *Дзамихов К.Ф.* Адыги (черкессы) в политике России на Кавказе (1550 – начало 1770). http://adhist.kbsu.ru/book/4/4_2_2.htm

[30] *Боднарский М.С.* Очерки по истории русского землеведения. М., 1947. Т. 1. С. 105.

пять дней, сибирский губернатор предлагал царю организовать военную экспедицию для овладения этим городом, по пути же к нему построить укреплённые крепости с русскими гарнизонами[31]. Князь Гагарин, по всей видимости, действительно верил в существование приисков, заверения Нефеса ещё больше убеждали его в этом. После заявлений хивинского посла Ашурбека о русле Амударьи и «песошном золоте» было принято решение о проведении экспедиции[32].

Вначале планировалось зайти к Амударье с восточной стороны. Отряду Бухгольца следовало «иттить к калмыцкому городку Еркетю и оный городок достать». 1 июля 1715 г. экспедиция Бухгольца отправилась в путь. Поднявшись по Иртышу и дойдя до Ямышева озера, отряд основал Ямышевскую крепость, после чего был атакован войском джунгар и подвергнут двухмесячной осаде. Правитель джунгар Цэван-Рабдан негативно отнёсся к появлению в своих пределах русского отряда и ещё более негативно к возникновению новой крепости[33]. После неудавшихся переговоров с джунгарами Бухгольц покинул крепость и на обратном пути в устье реки Омь основал Омскую крепость.

Отступление Бухгольца не было отказом от предприятия по поиску русла реки «Амударья» и «песошного золота». В 1719 г. майору Ивану Лихареву было поручено с отрядом в более чем 400 человек разведать «о пути от Зайсан озера к Еркетю, как далеко и возможно ли дойти; также, нет ли вершин каких рек, которые подались к Зайсану и впадали в Дарью-реку или в Аральское море»[34]. Отряд Лихарева прошёл за озеро Зайсан вдоль Чёрного Иртыша. На обратном пути он построил Усть-Каменогорск, по существу завершив создание Иртышской линии укреплений, отграничившей русские владения в Сибири от Средней Азии. И. Лихареву поручалось собрать как можно больше сведений о «золоте Еркетском, подлинно ли оно есть, и от кого Гагарин узнал, тех людей отыскать, также и других знающих людей, и ехать с ними до тех крепостей, где посажаны наши люди»[35]. Однако очередная попытка узнать о «песошном

---

[31] *Костецкий В.* Россияне в Узбекистане. Истоки формирования дипломатических отношений России и Средней Азии. Ташкент, 2008.

[32] *Бэр К.М.* Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний о России и пограничных с ней землях в Азии // Записки Императорского Русского Географического Общества. Т. 4. СПб., 1850. С. 267.

[33] *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства, 1635–1758. М., 1983. С. 226.

[34] *Игибаев С.К.* Казахстан в источниках и материалах. Алма-Ата, 2005. С. 241.

[35] ПСЗ. Т. 5: 1713–1719. [СПб.], 1830. № 3284. С. 616–617.

золоте» с сибирской стороны к успеху не привела. И. Лихарев не смог разыскать людей, которые сообщили Гагарину об Еркете, не смог и добраться до этого города.

Неудача мероприятия (экспедиция Бухгольца) была приписана ко всем остальным обвинениям князя Гагарина, в 1717 г. он был вызван в Петербург и повешен «за его неслыханное воровство»[36]. Справедливости ради следует заметить, что направление в поиске золота было правильным, и ближе всех к цели оказался И. Лихарев. Золотые россыпи в районе Усть-Каменогорска были открыты в начале XIX в.[37], а в конце века эти края захлестнула самая настоящая «золотая лихорадка».

Вторая экспедиция была поручена лейб-гвардии капитану князю Александру Бековичу-Черкасскому. В это время, по мнению классика российского востоковедения Василия Владимировича Бартольда, «у Петра появилась мысль — воспользоваться борьбой между ханами и узбецкой аристократией для действительного подчинения ханств русской власти»[38].

Согласно распоряжению государя, ему предстояло «ехать к хивинскому хану послом, а к бухарскому хану и к маголу индейскому послать купчин». Ехать ему было поручено «подле той реки», чтобы найти плотину, «осмотреть место близ плотины или где удобно на настоящей Аму-Дарьи... и тут другой город сделать». Достигнув столицы ханства, «склонить хана хивинского к верности и подданству, обещая наследственное владение оному, для чего предоставлять ему гвардию к его службе, и чтоб он за то радел в наших интересах». При этом в целях экономии было предусмотрено, чтобы гвардейцы были на хана хивинского «плате». Следующими пунктами миссии Бековича были — послать людей «по Сыр-Дарье вверх по реке до Иркети городка для осмотрения золота», разведать «водяной» путь к Индии, «проведать о бухарском хане, не мочно ли его в подданство»[39].

Уникальность плана была, в том числе, и в том, что по мере укрепления власти ханов, при помощи российских солдат, над под-

---

[36] Военный сборник штаба Отдельного Гвардейского Корпуса. СПб., 1866. Т. 9. С. 318.

[37] *Обручев В.А.* Мои путешествия по Сибири. М.; Л., 1948. http://www.skitalets.ru/books/sibiria_obrutchev/

[38] *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России. Лекции. Издание 2. Л., 1925. С. 204.

[39] Гистория Свейской войны (Подённая записка Петра Великого). Вып. 1. М., 2004. С. 585.

данными, одновременно будет расти их зависимость от России[40]. По распоряжению Сената был снаряжён отряд в 6350 человек, экспедиция обошлась в 218 095 рублей[41].

20 сентября 1716 г. отряд выступил из Астрахани и 9 октября был в Тюк-Карагане, где была заложена крепость Святого Петра (ныне — форт Шевченко, Мангистауская область, Республика Казахстан), в ней был оставлен полк Хрущова. Следующими распоряжениями Кожин был отправлен в Астрабад, а Ходже Нефесу с астраханским дворянином Званским и Николаем Фёдоровым было поручено найти прежнее русло Амударьи и плотину, «обратившую» эту реку в Арал.

Обосновавшись на Каспийском берегу, Бекович в заливе Александр-бай закладывает вторую крепость, а у местечка Красные воды — третью. С этого момента экспедицию начинают преследовать неудачи. Туркмены до сего времени «вели себя с возможной предупредительностью: доставляли необходимые средства, содействовали в возведении укреплений»[42] и «показали верность свою, когда противной погодой выкинуло на берег 12 судов малых и больших», они не стали грабить беспомощные суда, а стали перевозить людей и провиант «на своих водах»[43]. После того как стало ясно, что Нефес не знает, где плотина и где старое русло, они стали менее гостеприимны. Довольно скоро отряд покинул сам Нефес[44]. Из местечка Красные воды Бекович направил к хивинскому хану Ширгази своих представителей с просьбой о помощи, ответа не последовало.

Бекович вернулся в 1717 г. в Астрахань, где в письменной форме отчитался о работе. Часть миссии была выполнена. В Астрахани были получены известия от резидентуры в Хиве. Хивинский хан крайне негативно отреагировал на продвижение отряда и на строительство крепостей. Кроме того, была информация, что данные об

---

[40] *Бартольд В.В.* История изучения Востока... С. 204.

[41] Извлечение из Дела Московского Сенатского Архива об отправлении Лейб-Гвардии Преображенского полка капитана князя Бековича-Черкасского на Каспийское море и в Хиву, в 1714–1717 гг. // Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868. С. 289–290.

[42] *Галкин Н.М.* О туркменах восточного побережья Каспийского моря // Этнографические и исторические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб., 1868. С. 19.

[43] ЦГАДА. Ф. 134. Сношения с Хивой. Д. 1. 1716. Л. 45–46а.

[44] Его судьба в дальнейшим сложилась, в целом, хорошо. По преданиям, Ходжа Нефес благополучно вернулся на Мангышлак и вскоре перебрался далеко на юг, в пределы Ирана. (*Аннанепесов М., Росляков А.А.* Укрепление русско-туркменских взаимоотношений в XVIII–XIX вв. Ашхабад, 1981. С. 34).

экспедиции были переданы калмыцким ханом Аюкой, который во всей этой истории вёл двойную игру. В дальнейшем в историографии часто звучала версия, что калмыцкий хан якобы мстил Бековичу за то, что тот, проходя через владения Аюки, не помог ему в войне с кубанскими (ногайскими) татарами. Был ещё один интересный эпизод, позволяющий говорить, что Бекович-Черкасский и Аюка были знакомы ещё до миссии Бековича на Северный Кавказ. Речь идёт о посольстве князя Голицына к Аюке в степи Поволжья. Согласно воспоминаниям очевидца, это был поход «с обозом, шумом пушек и труб, с более чем тысячью солдат-ветеранов и 200 мальчиками дворянами, которые должны упражняться, чтобы хорошо стрелять и биться в рукопашную»[45]. Знаменитые переговоры Голицына и Аюке на реке Камышинке проходили в 1697 г.[46] Учитывая это обстоятельство, представляется весьма возможным, что среди этих «200 мальчиков-дворян» был Бекович-Черкасский. Возможно, именно тогда состоялось знакомство будущего капитана Лейб-гвардии Преображенского полка со знаменитым вождём калмыков, сыгравшем свою роль в последующем Хивинском походе и печальном исходе экспедиции.

По всей видимости, один из великих вождей калмыков руководствовался тогда вовсе не мотивами мести в отношении давнего знакомого. На наш взгляд, два обстоятельства беспокоили его больше всего: союзнические отношения России и туркменских племён Мангышлака и продвижение России вглубь Средней Азии (и потеря им роли посредника в результате расширения границ Империи).

Справедливости ради следует заметить, что о настроениях хивинского хана калмыки Бековича-Черкасского предупредили. Тем не менее, в марте 1717 г. отряд, подкреплённый присланными с Яика и Терека казаками и с проводниками-калмыками от Аюки, двинулся в направлении Хивы. О тяжелейших условиях похода впоследствии было немало сказано. Век спустя, при более совершенном снабжении и вооружении, мало кому удавалось сделать в этих местах подобный переход. Неудачи продолжали преследовать отряд. На полпути к Хиве Бековича-Черкасского покинули проводники-калмыки. На подступах к столице ханства и после переговоров с посыльными хана отряд был атакован Шир Гази. После кратковре-

[45] *Кафенгауз Б.Б.* Записки Филиппио Балатри о России при Петре I // Старая Москва: Статьи по истории Москвы в 16–19 вв. М., 1929. С. 96.

[46] Кочующие и оседло живущие в Астраханской губернии инородцы. Их история и настоящий быт // Отечественные записки. 1846. Т. XLVII. С. 20.

менной осады, понимая, что силой победить не удастся, хан пошёл на хитрость. Свою роль здесь сыграл и князь Заманов, поддержавший — «в противоположность всем остальным — гибельное решение принять предложение хана о разделении русского войска на мелкие части»[47].

Об этом трагическом событии упоминают и хроники Хивинского ханства, составленные в конце XVIII–XIX в. на чагатайском языке Шир-Мухаммад бен Эмиром Авазбий-мирабом и его племянником Агахи-Мухаммедом Реза-мираб бен Эр-Нийаз беком. «Фирдаус аль Икбал» (в переводе — «Райский сад счастья»), несмотря на компилятивный характер первой части[48], опирается на большой свод материалов других историков, в частности Абу-л-Гази-бахадур-хана, и посвящён преимущественно XVIII столетию. Именно поэтому «Райский сад счастья» является оригинальным и уникальным источником, позволяющим нам взглянуть на события с хивинской стороны.

Вот как там описываются итоги миссии Бековича. «В год курицы Даулат Гирей и Андрей Губернатор[49] с тридцатью тысячами русских с намерением овладеть Хорезмом “прибыли” к горам Шейх-Джалил — таги (незначительная возвышенность в Арале, на территории современной Каракалпакии)[50], в которых находятся золотые и серебряные рудники, и с этими помыслами остановились на границе Арала. Для защиты хан назначил с бесчисленным войском конграта Кул Мухаммед-аталыка и наймана Эмира Аваз Инака. Они заключили с Даулат Гиреем перемирие и под предлогом угощения отправили врагов святой веры в пекло преисподней»[51].

Этот отрывок представляет для нас большой интерес. Во-первых, по всей видимости, подтверждается факт, что Бекович во время похода, вступая в контакт с местными племенами, использовал своё мусульманское имя. Во-вторых, говорится о поддержке Шир Гази кочевыми племенами Кунграта (Каракалпакии) и найманами (одно

---

[47] *Гусарова Е.В.* Князья Замановы, Александр Бекович-Черкасский и Летний дворец Петра в Астрахани // Петровское время в лицах – 2002. СПб., 2002. С. 23.

[48] Материалы по истории Казахских ханств 15–18 веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов, Н.Н. Манулов, К.А. Пищулин, В.П. Юдин. Алма-Ата, 1969. С. 433.

[49] В тексте приводится запись انـدرای کـوبـرنـوت, что дословно можно прочитать как «Андрей Кубернат».

[50] Материалы по истории Казахских ханств... С. 433.

[51] Firdaws al-iqbāl: history of Khorezm / Shir Muhammad Mirab Munis and Muhammad Riza Mirab Agahi: edited by Yuri Bregel. Leiden, 1998. P. 100.

из казахских племён). Накануне прихода Бековича в пределы ханства хан Шир Гази в первые дни своего правления подчиняет себе каракалпаков, живших по соседству с аральскими узбеками[52]. После оттеснения одной части каракалпаков в сторону Сырдарьи и приведения к присяге других Шир Гази обращает внимание на приаральских узбеков и приводит их в повиновение[53].

Баланс сил во время миссии Бековича, согласно источникам российского и хивинского происхождения, был следующим. На стороне Хивы кочевые племена Кунграта — каракалпаки, кочевые узбеки и казахские племена. На стороне Бековича только туркмены Мангышлака, представлявшие собой, после первых же неудач, сомнительных союзников. Бухарское ханство проявляло нейтралитет и в происходящее не вмешивалось. В итоге, как известно, путём ложных переговоров российский посланник был завлечён в западню и жестоко убит, как и ближайший круг его офицеров.

То, что Бекович позволил себя обмануть, ставится ему в вину большинством исследователей, существует даже сомнение в его вменяемости. Автор статьи позволит себе с этим не согласиться и процитировать мнение автора прошлого столетия, которое им полностью разделяется. «Бекович, нет сомнения, осознавал, какой опасности он себя подвергает. Но, тем не менее, он также осознавал, что небольшое русское войско, заброшенное за тридевять земель, действовать самостоятельно не может. Отряд уже слишком истощил свои силы. Разбить силы Ширгази в открытом поле он не мог, отступить назад без помощи населения он не мог (калмыки и туркмены к этому времени перешли на сторону Ширгази — *А.А.*). Оставалась одна надежда, что хивинский хан сдержит слово»[54]. Для уроженца Северного Кавказа, с детства живущего по адатам, клятва имела гораздо большее значение, чем для деспотичного хана, не всегда живущего по сунне.

В итоге, экспедиция не дала положительных результатов. Огромной потерей и трагедией стала гибель отряда Бековича-Черкасского. В дальнейшем происходит стратегический откат России из Средней Азии, выразившийся в ликвидации крепостей и пунктов бази-

---

[52] *Камалов С.К., Уббинязов Ж.У., Кощанов А.К.* Из истории взаимоотношений каракалпаков с другими народами Средней Азии и Казахстана в XVII – начале XX века. Ташкент, 1988. С. 41.

[53] Там же.

[54] *Костенко Л.* Исторический очерк распространения русского владычества // Военный сборник. Т. CLXXVI. СПб., 1887. С. 221.

рования флота на полуострове Мангышлак и Балханском заливе (Красные воды), основанных для обеспечения этого направления в 1714–1715 гг.[55] Хива сумела отстоять свои позиции. Восточный Каспий так и не стал тогда провинцией. Вместо России спустя несколько десятилетий, в период правления знаменитого Надир Шаха, расширяет своё влияние Персия. Повторные усилия со стороны Российской Империи по укреплению здесь своего влияния будут предприняты только через полтора века (1869–1873), уже в качестве вспомогательного направления относительно главного движения в Среднюю Азию с севера, через Киргизскую степь (Казахстан).

[55] *Дубовицкий В.В.* Усмотрения корпусных командиров (или о мотивах и характере присоединения Средней Азии к России). URl: http://www.ca-c.org/datarus/dubovicki.shtml

А.Н. Акиньшин (Воронеж)

Приезды императоров в Воронеж как отражение роли провинциального города в жизни страны

Пётр Великий первым из российских царей стал предпринимать длительные поездки по стране. Государство для него не сводилось к столице, будь то Москва или Петербург. Его поездки носили не ознакомительный характер, а были вызваны «производственной» необходимостью. По числу посещений провинциальных городов первенствует Воронеж. С 1696 по 1722 г. Пётр I не менее 13 раз побывал в Воронеже и провёл здесь в общей сложности более 500 дней. Исследованиями В.П. Загоровского[1] и Н.А. Комолова[2] установлены точные даты приездов и отъездов монарха: 29 февраля — 3 мая 1696, первая неделя сентября 1696, 31 октября — 16 декабря 1698, 22 февраля — 4 марта 1699, 18 марта — 27 апреля 1699, 14–24 сентября 1699, 21 февраля — 11 мая 1700, 23 марта — 8 июня 1701, 5 февраля — не ранее 6 марта 1703, конец ноября — не ранее 14 декабря 1703, 21 февраля — 19 апреля 1705, 13 февраля — 9 апреля 1709, 8–9 декабря 1722. Все поездки (к ним совершенно не подходит

[1] *Загоровский В.П.* Воронеж. Историческая хроника. Воронеж, 1989. С. 43–59; Он же. Пётр Великий на воронежской земле / Послесл. А.Н. Акиньшина, О.В. Скобелкина. Воронеж, 1996. С. 167.

[2] *Комолов Н.А.* О датировке некоторых визитов Петра I в Воронеж // Проблемы изучения истории Центрального Черноземья. Сборник статей памяти проф. В.П. Загоровского. Воронеж, 2000. С. 146–151; Он же. Подготовка визита Петра I в Воронеж в 1722 г. (по письмам губернатора П.В. Измайлова кабинет-секретарю А.В. Макарову) // Воронежский краеведческий вестник. Воронеж, 2004. Вып. 6. С. 5–120; *Он же*. Пётр I // Воронежская энциклопедия. Воронеж, 2008. Т. 2. С. 90.

слово «визит») были вызваны необходимостью наблюдения за постройкой военного флота, закладкой (19 ноября 1698 г.) и спуском на воду (27 апреля 1700 г.) корабля «Гото Предистинация» (построен по чертежам Петра), организацией защиты города и корабельных верфей перед Полтавской битвой (февраль–апрель 1709 г.). В марте–апреле 1709 г. в Воронеже побывали царевич Алексей Петрович и сестра Петра I царевна Наталья Алексеевна. В декабре 1722 г. здесь была его супруга Екатерина Алексеевна.

Помимо Воронежа Пётр I посетил города Воронежского края Валуйки (1695, возвращаясь с первого Азовского похода), Павловск (1709, 1722), Коротояк (4 мая 1699), Острогожск (конец августа 1696, где встречался с гетманом И.С. Мазепой), Дивногорский Успенский монастырь (6 мая 1699), крепость Тавров (1709, 1722). В 1699 г. в Воронеже велись переговоры с послами Дании Паулем Гейнсом и Бранденбурга Людвигом Марквардом Принценом и был подписан союзный договор с Данией (21 апреля 1699 г.). Лишь приезд 1722 г. носил ностальгический характер: возвращаясь из Персидского похода, Пётр захотел побывать в памятных ему Павловске и Воронеже.

Попытки увековечить в Воронеже память о Петре I предпринимались с 1830-х гг. в по инициативе губернатора Д.Н. Бегичева. 15 мая 1834 г. Николай I утвердил проект памятника в виде обелиска или колонны на Острожном бугре. Широкая аллея от него должна была вести через мост на остров, к цейхгаузу, где в одной из комнат собирались создать музей Петра. В верхнем этаже цейхгауза предполагали устроить домовую церковь во имя св. Митрофана Воронежского (1623–1703) с помещением туда новооткрытых мощей[3]. В 1834–1835 гг. по распоряжению военного министра А.И. Чернышёва в Военно-топографическом депо Главного штаба были выполнены оттиски с гравировальных досок петровского времени и отправлены в Воронеж[4]. В 1834 г. город выкупил цейхгауз, а затем и остров, на котором он находился. На ремонт здания и укрепление острова было израсходовано около 50 тыс. руб. добровольных пожертвований, однако средства закончились, и в 1843 г. последовало высочайшее повеление оставить мысль о сооружении памятника до будущих времён, а цейхгауз обратить на нужды города[5].

---

[3] *Вейнберг Л.Б.* Памятники деяний Петра Великого в Воронеже: Исторический очерк. Воронеж, 1889. С. 23–27.

[4] См.: Петровская гравюра из собрания Воронежского областного художественного музея им. И.Н. Крамского. Альбом-каталог / Авт.-сост. М.А. Кривцова. Воронеж, 2010.

[5] *Вейнберг Л.Б.* Указ. соч. С. 27.

Осталось неизвестным, были ли выполнены чертежи обелиска или же речь шла о замысле в общих чертах. Документы конца 1850-х гг. вроде бы позволяют говорить о детальной проработке тогдашнего проекта: «Генерал-майор Синельников полагает вместо высочайше одобренного в 1834 году рисунка сделать монумент, изображающий Петра Великого в мундире того времени»[6]. Однако в печатном тексте «Высочайше утверждённого проекта о сооружении памятника императору Петру Великому в Воронеже...», обнаруженном среди архивных документов[7], никакого рисунка нет, как нет его и в изданной по этому поводу брошюре[8].

В 1857 г. воронежский губернатор Н.П. Синельников вернулся к давней идее. 2 октября 1858 г. Александр II утвердил проект памятника с замечанием «возвысить и расширить пьедестал и точнее проверить обувь того времени»[9]. Авторами монумента стали петербургский скульптор Антон Евграфович Шварц (1818–1892) и воронежский архитектор Александр Антонович Кюи (1824–1909). Памятник Петру I был торжественно открыт 30 августа 1860 г. Во время Великой Отечественной войны немцы увезли бронзовую статую на переплавку, в январе 1956 г. на старом пьедестале была установлена новая фигура работы московского скульптора Н.П. Гаврилова с сохранением прежней композиции[10]. В 1988 г. в районном городе Павловске открыт бюст Петра I работы московского скульптора Л.Е. Кербеля (изготовлен в 1973).

Достаточно торжественно отмечались в Воронеже в мае 1872 г. 200-летний юбилей со дня рождения Петра I, в июне 1909 — юбилей Полтавской битвы, где часть мероприятий сводилась к чествованию царя-преобразователя. 200-летний юбилей создания военно-морского флота прошёл в Воронеже в 1896 г. практически незамечен-

---

[6] РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 843. Л. 1 об.

[7] Там же. Ф. 789. Оп. 1. Д. 1853. Л. 2–3.

[8] Высочайше утверждённый проект о сооружении памятника в городе Воронеже императору Петру Великому с присовокуплением к тому описания освящения здания, оставшегося в городе Воронеже от времён сего Великого Государя, и письма, заключающего в себе несколько мыслей по случаю сооружения сего памятника. Воронеж, 1834. 18 с. На обороте титульного листа значится: «Напечатано по распоряжению губернского начальства с тем, чтобы вырученные за продажу деньги присоединить к числу пожертвований, поступающих на сооружение памятника Императору Петру Великому».

[9] РГИА. Ф. 218. Оп. 4. Д. 843. Л. 18.

[10] Более подробно об этом см.: *Акиньшин А.* Юбилей памятника // Подъём (Воронеж). 1985. № 10. С. 143–144.

ным[11]. В 2011 г. было принято решение воссоздать по старым чертежам корабль «Гото Предистинация» и сделать его действующим музеем.

После Петра I российские императоры в течение почти века не бывали в Воронеже. Тем не менее, не предполагавшийся приезд императрицы Екатерины II породил живущую до сего дня легенду о строительстве «Путевого дворца» (он же дворец князя Г.А. Потёмкина, он же дворец поселённого в Воронеже последнего крымского хана Шагин-Гирея)[12].

Последующие царские приезды носили иной, ознакомительный характер. Императоры приезжали в Воронеж на два-три дня в ходе длительной, иногда многомесячной поездки по России. Александр I 25–28 мая 1818 г. посетил Воронежскую губернию, побывав в Павловске (здесь была отслужена панихида по недавно скончавшемуся генерал-фельдмаршалу М.Б. Барклаю-де-Толли), в Хреновском конном заводе графини А.А. Орловой, Воронеже и Задонске (ехал из Новочеркасска на Москву)[13]. Приведу любопытные факты из дневника купеческого сына Алексея Петровича Капканщикова за 1818 г.:

> «Марта 20. В Воронеже уже начались приготовления к приезду Государя. Мая 2. Какая перемена в городе! Какое смятение! Многие строения, которые были недоделаны или пришедшие в ветхость, построены и поновлены. Рабочих: каменщиков, щекатуров, плотников везде видеть можно. Большая половина города обязана подпиской, чтобы вместо баляс поставлены были перед дворами надолбы, выкрашенные чёрною, белою и красною краскою.
>
> Мая 27. В понедельник часов в девять вечера прибыл в Воронеж император Александр Павлович[14] и, въехавши в город, приехал прямо в Благовещенский собор, где на монастыре и в церкви было народу множество. Бороздин, губернатор, архи-

[11] См.: *Акиньшин А.Н.* Празднование петровских юбилеев в Воронежской губернии в XIX – начале XX вв. // «Морским судам быть!..» Российскому военно-морскому флоту-300 лет. Воронеж, 1996. С. 200–215.

[12] См.: *Комолов Н.А.* Императорское величество // Воронежский курьер. 2012. 10 июля. На самом деле – это собственный дом воронежского губернатора И.А. Потапова. См.: *Акиньшин А.* Воронежский дворец // Подъём (Воронеж). 1984. № 1. С. 117–120.

[13] ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 446; *Михайловский-Данилевский А.И.* Из воспоминаний // Русская старина. 1897. № 8. С. 350–352.

[14] Когда въезжал Государь в город, тогда был по городу звон (примечание автора дневника).

ерей и прочие чиновники. Встретили государя на паперти собора. Взошедши государь в церковь, кланялся по обеим сторонам народу. По отправлении молебна государь прибыл на квартиру в дом Лизаветы Васильевны Тулиновой. Ехатши из собора, стечение народу было ужасно, который при громком восклицании "Ура!" бежал в след государя. Перед квартирой государя горела прозрачная картина. Город был улиминован. Часов одиннадцать государь изволил быть в доме Дмитрия Васильевича Черткова. Часу в первом ночи государь выехал из дому Черткова. Народ гнался за коляской, до самой квартиры восклицая "Ура!"

В свите императора приехал в Воронеж принц Киборский[15], который по назначению поставлен был к нам в дом.

Утром изволил государь быть при разводе, после коего ездил в судебные места, в лазарет, в госпиталь. Был у Михайлы Михайловича Бороздина на завтраку. От Бороздина изволил отправиться в дорогу по тракту на Москву»[16].

Такова была реакция 17-летнего юноши на первый, после 96-летнего перерыва, визит царствующей особы.

Кстати, с пребыванием Александра I на конном заводе графини А.А. Орловой в с. Хреновое Бобровского уезда связан любопытный сюжет, отражённый в рассказе В.И. Коптева, знавшего многих участников описываемых событий. Управляющий конным заводом В.И. Шишкин длительной тренировкой добился того, что лошади приветствовали вошедшего в конюшню царя дружным ржанием. Растроганный император подарил Шишкину перстень со своей руки. Чтобы не поставить своего высокого гостя в неловкое положения, графине пришлось вчерашним днём подписать своему управляющему вольную[17].

23–25 июля 1820 г. Александр I вновь побывал в Воронежской губернии, посетив Новохоперск, Воронеж, Нижнедевицк (ехал со стороны Саратова на Курск)[18].

---

[15] Имеется в виду принц Леопольд Саксен-Кобургский (1790–1865), генерал-лейтенант, адъютант Александра I.

[16] Книга памяти Алексея Петровича Капканщикова / предисл. и публ. П.А. Попова и Л.П. Сотниковой; коммент. А.Н. Акиньшина // Из истории Воронежского края. Воронеж, 2000. Вып. 8. С. 191.

[17] *Коптев В.И.* Материалы для истории русского коннозаводства. М., 1887. С. 223; См. также: Конь. Человек. Время... Воронеж, 2002. С. 144–145.

[18] ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 564, 593.

Описание этого приезда императора уже лишено былого восторга, возможно, потому, что А.П. Капканщиков повзрослел. Я приведу его полностью, поскольку оно точно фиксирует времяпровождение императора в Воронеже:

«Июля 23. Пополудни во 2-м часу при звоне колоколов, освещении города и при многолюднейшем собрании всех сословий Государь Император прибыть изволил в Воронеж, прямо к Соборной церкви и там встречен был преосвященным епископом Епифанием с духовенством, со крестом и со святою водою, также гг. Главнокомандующим 1-й армией, генерал-губернатором, корпусным командиром, генералитетом и чиновниками. По окончании молебствия отправился государь в приуготовленный для него дом помещика Якова Василича Тулинова.

24. По утру изволил быть государь на параде 4-го кавалерийского корпуса. В полдень имели счастие представляться Его величеству преосвященный Епифаний с духовенством, военный генералитет со штаб- и обер-офицерами, гражданские чиновники, губернский предводитель с дворянством и купечество, а равно хозяйка дома с семейством, которая, а также и две дочери её, удостоились получить от монарха по богатому фермуару. В 4-м часу пополудни изволил Государь кушать у г. Генерал-губернатора. В 10-м часу вечера осчастливил присутствием своим данный дворянством бал в доме г. гражданского губернатора, где многие дамы имели счастие танцевать с Его величеством. Перед домом сделан был большой щит с прозрачною картиною.

25. По утру в 7-м часу изволил быть на маневрах, во втором часу пополудни удостоил посещением своим обед, данный от того же 4-го кавалерийского корпуса генералов и штаб-офицеров в казённом саду, в нарочно для сего построенной галерее. По окончании обеденного стола отправился император в вожделенном здравии по тракту в город Нижнедевицк»[19].

Николай I впервые побывал в Воронеже в июле 1816 г., ещё будучи великим князем, по пути из Новочеркасска в Курск, посетив попутно Хреновской конный завод[20]. 16–17 сентября 1832 г. он приезжал в город на поклонение мощам недавно канонизированного св. Митрофана. Описание этой краткой поездки со ссылкой на публикацию в «Московских ведомостях» помещено в приложении

[19] Книга памяти... С. 198.

[20] ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 361.

к специально изданной книге[21]. Визит этот оставил след в истории Воронежской духовной семинарии. Император посчитал, что здание бурсы, находящееся на главной улице, «стоит на месте совершенно неудобном и неприличном». Было приказано «употребить корпус для батальона военных кантонистов... а для семинарии приискать другое, более приличное место». В 1835–1838 гг. архитекторы А.А. Тон и А.Ф. Щедрин выполнили чертежи нового семинарского корпуса[22], но «приличного» места для него найдено не было и после нескольких лет переписки всё осталось на своих местах[23].

Александр II трижды останавливался в Воронеже, будучи великим князем: 5–7 июля 1837 г., в ходе длительной поездки по России, 24–25 октября 1837 г. и 5–6 ноября 1850 г. — последние оба раза проездом с юга в Москву. Неизгладимое впечатление на купеческое сословие приобрело приглашение прасольского сына Алексея Кольцова на встречу с воспитателем царевича В.А. Жуковским: они общались в июле и в октябре.

В июле 1837 г. маршрут пролегал из Тамбова через Липецк в Воронеж, затем через Задонск и Елец на Богородицк и Тулу. К приезду наследника в Воронеже впервые была открыта выставка сельскохозяйственных и мануфактурных произведений, устроены конные скачки, вечером состоялся бал «в великолепной дворянской зале»[24]. Великий князь осмотрел острог, гимназию, женский монастырь, военный госпиталь, заведения Приказа общественного призрения, «делал учение» двум батальонам военных кантонистов. Впечатления о Воронеже Александр Николаевич отразил в письме отцу 6 июля 1837 г.[25], В.А. Жуковский — в дневнике, сделав одновременно в альбоме целый ряд зарисовок[26].

Во время пребывания в Воронеже в ноябре 1850 г. наследник осмотрел Воронежский Михайловский кадетский корпус и некото-

---

[21] Краткое описание пребывания Государя Царя и Великого князя Петра Алексеевича I-го в Воронеж и Митрофан, первый епископ Воронежский. С. Т. С-ником А.С. Ф-мъ. М., 1832. С. 98–101.

[22] РГИА. Ф. 835. Оп. 1. Д. 67.

[23] *Никольский П.В.* История Воронежской духовной семинарии. Воронеж, 2011. С. 371–372.

[24] ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1336, 1338.

[25] Венчание с Россией: Переписка великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год / Сост. Л.Г. Захарова, Л.И. Тютюнник. М., 1999. С. 84–86.

[26] *Корниенко Н.Г.* В.А. Жуковский в Воронеже // Записки воронежских краеведов. Воронеж, 1987. Вып. 3. С. 91–108.

рые другие учреждения. Архитектор С.И. Соколов преподнёс ему альбом гравюр видов корпуса, за что удостоился награды в виде перстня[27].

Император Александр III сделал остановку в Воронеже 8 мая 1887 г. на несколько часов при возвращении из Новочеркасска в Москву на поезде. Его сопровождали супруга Мария Фёдоровна и великие князья Николай и Георгий. Для встречи коронованных особ на центральной улице была устроена триумфальная арка. Высокие гости посетили Митрофановский монастырь, Михайловский кадетский корпус и его лазарет, император принял парад Можайского пехотного полка[28].

Приезд Николая II 6 декабря 1914 г. был связан с начавшейся войной. Император приехал из Новочеркасска утром, в Воронеже к нему присоединились императрица Александра Фёдоровна с дочерьми Ольгой и Татьяной, прибывшие из Харькова. Для встречи были устроены две триумфальные арки. Особую торжественность встречи придавало то обстоятельство, что она совпадала с днём царского тезоименитства. Император поклонился мощам св. Митрофана в Благовещенском соборе одноимённого монастыря, посетил многочисленные госпитали и лазареты. Вечером семья уехала в Тамбов[29].

По окраине Воронежа (ст. Раздельная, ныне Отрожка, в черте города) проходила железная дорога, соединявшая Москву с Новочеркасском и Ростовом. Проезд здесь императорского поезда не привлекал особого внимания горожан, кроме высших чиновников. К примеру, 15 августа 1904 г. из Москвы на юг проследовал Николай II, записавший в дневнике: «В Козлове была встреча, и перед Воронежем также»[30]. Таких блицвизитов могло быть и больше, но реального значения для жизни города они не имели, да и в памяти высоких гостей следов не оставляли.

В послепетровское время Воронеж утратил особый статус и превратился в обычный провинциальный город, который императоры посещали не специально, а в ходе общих поездок по стране. Источ-

---

[27] ГАВО. Ф. И-30. Оп. 1. Д. 1745; Жалованный перстень // Дон. 1896. 18 янв.

[28] Знаменательный для Воронежа день 8 мая // Воронежские епархиальные ведомости. 1887. 1 июня, № 11. Часть неофиц. С. 453–458.

[29] Посещение Царской семьёй Епархиального лазарета духовенства // Воронежские епархиальные ведомости. 1914. 14 дек., № 50. Часть неофиц. С. 1269–1271; *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 468–469.

[30] Дневники императора Николая II (1894–1918) / Отв. ред. С.В. Мироненко. М., 2011. Т. 1. С. 820.

ником для воссоздания фактуры являются архивные дела губернского предводителя дворянства (с 1818), воспоминания А.И. Михайловского-Данилевского (1818), «Записки» А.П. Капканщикова (1818, 1820), письма вел. кн. Александра Николаевича (1837), газетная информация (с 1838), воспоминания В.Ф. Джунковского (1914).

Пётр I воспринимал Воронеж не как некую абстрактную провинцию, а как удалённое на 500 верст от Москвы место, где строится флот, средоточие его забот. Поездки туда предпринимались им по мере необходимости без долгих сборов, без церемоний и специального ритуала. Для правивших после него монархов Воронеж — один из городов огромной империи, расположенный на дороге из Москвы на юг, где расквартированы воинские части, которым время от времени надлежит устраивать смотр. Пребывание в городе сопровождалось определённым ритуалом: богослужение в соборе, приём высших должностных лиц, военный смотр, посещение учебных, медицинских и благотворительных учреждений, бал. В истории края случались и значимые события, которые предполагали приезд императора, но его не последовало: открытие Михайловского кадетского корпуса (1845; на закладку здания в 1837 г. приезжал великий князь Михаил Павлович), открытие памятника Петру 1 (1860), канонизация св. Тихона Задонского (1861).

Для воронежцев визиты императоров означали возможность воочию увидеть носителя божественной верховной власти, признание определённой роли, которую играет их город в жизни страны, нарушение однообразного и привычного уклада жизни, благоустроительные работы на дорогах и мостах, центральных улицах и площадях. Все персоналии посещавших Воронеж монархов включены в двухтомную «Воронежскую энциклопедию» (2008).

В.Я. Чернышёв (Муром)

Материалы ревизии Мурома 1723 года как источник для изучения быта провинциального города петровской эпохи

Результаты первой ревизии г. Мурома 1723 г. следует рассматривать как важный источник изучения социально-экономической жизни города периода петровской эпохи. На сегодняшний день в отечественной историографии отсутствуют работы, посвящённые этой тематике[1].

Эта тема вызывала интерес у местных историков-любителей ещё в начале XIX в. Одним из первых исследователей данного направления стал муромский краевед А.А. Титов. Имея доступ к архиву городского магистрата, в 1820–1830-е гг. он использовал в своей работе данные описания 1723 г.[2] Однако в силу специфики изложения материала (автора интересовали прежде всего сведения общего характера) А.А. Титов на страницах своего сочинения ограничился простой констатацией фактов. Он не анализирует цитируемые сведения и не рассматривает их в контексте общей социально-экономической истории города, что, безусловно, снижает ценность и значимость его работы.

Во второй половине XIX в. архив Муромского городского магистрата был расформирован, а делопроизводство разбросано по цен-

[1] М.Е. Гусарова, защитившая в 2002 г. кандидатскую диссертацию по теме «Социально-экономическое развитие Мурома и Муромского уезда в XVIII в.» (Нижний Новгород, 202 стр.), не использовала в своей работе публикуемые в этом сборнике документы, поэтому её исследование нельзя считать полноценным изучением истории Муромского посада XVIII в.

[2] *Титов А.А.* Историческое обозрение города Мурома // Труды Владимирской Губернской учёной Архивной комиссии. Кн. IV. Владимир, 1902. С. 68–69.

тральным архивам страны. Таким образом, на сегодняшний день Муром петровской эпохи фактически не исследован.

Настоящее сообщение ставит перед собой следующие цели: 1) дать общую характеристику материалам первой ревизии Мурома 1723 г. как источнику для изучения быта провинциального города петровской эпохи; 2) привлечь к нему внимание современных исследователей, занимающихся изучением социально-экономической историей петровского времени.

Первая городская ревизия была составлена полковником Коробовым. Известны два списка этого документа. Первый, беловой, за подписью полковника Коробова, секретаря Ивана Лебедева и подканцеляриста Ефима Измайлова, хранится в РГАДА[3]. Второй происходит из архива Муромской городской ратуши[4]. Оба списка идентичны.

В составе конволюта Муромской городской ратуши хранится промежуточная версия этого документа, составленная на основе сказок 1719 и 1723 гг.[5] Данный манускрипт является рабочим списком, подготовленным местной администрацией на основе посадских сказок 1719 г., предназначенных для составления нового описания 1723 г. В основных чертах сведения 1719 схожи с данными 1723, за исключением указания возраста лиц, подлежащих ревизии. Также в описи 1719 г. нами выявлены упоминания отдельных лиц, выбывших (скончавшихся — ?) из посадского тягла к 1723 г.

В дополнение в описание 1719–1723 гг. включили младенцев, родившихся после поданной сказки в 1719. Эти выписки, уточнённые и исправленные, и легли в основу окончательного белового списка 1723 г., составленного Коробовым. Однако сличение белового списка из собрания РГАДА с копией из конволюта Муромской городской ратуши выявило в составе последнего два небольших раздела, отсутствующие в тексте столичного списка, а именно: 1) список лиц, определённых на муромский посад указом Владимирской управы (без указания даты); 2) перечень муромцев, находившихся в описываемое время «за нищетою и за старостью и за дряхлостию в богодельнях»[6]. Оба раздела представляют немалую историческую значимость. В частности, в первом списке находится имя некоего иноземца Лаврентия Иванова Олотса (крещённого пленного шведа — ?), взятого по указу в посад (Л. 567 об.). Во втором списке фигурируют в основном старожилы Мурома, насчитывав-

[3] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1884. Л. 1 об.–52.

[4] СПбИИ РАН. Русская секция. Коллекция 238. Оп. 1. Ед. хр. 370. Л. 522–569.

[5] Там же. Л. 570–599.

[6] Там же. Л. 567 об.–569.

шие к 1723 г. шестьдесят и более лет. Эти сведения могут быть интересны антропологам, демографам и генеалогам.

Отметим отличительные приёмы описания 1723 г., отсутствующие в более раннее время (например, в 1678 и 1710). Во-первых, ревизия проводилась строго по приходам, с указанием конкретного числа дворов, полного имени владельца, возраста и рода занятий. Обозначение прихода свидетельствует о том, что в основу описания легли сведения, предоставляемые руководителям описания местным приходским духовенством, хорошо знавшим своих прихожан. Это позволяет сделать важное наблюдение: лица, обитавшие в конкретном приходе в 1723 г., без сомнения, проживали здесь и в более раннее время, что, в свою очередь, позволяет применить ретроспективный метод для выявления проживания конкретных фамилий в XVII в. В итоге, анализ данных описания 1723 г. и сведений переписных книг XVII в. позволяет реконструировать расселение посадских семейств города Мурома весьма достоверно[7].

Второй важный момент, зафиксированный в ревизии 1723 г., — указание на род занятий владельца двора. Если эти сведения встречались и в описании посада XVII в. с обозначением специальности (кожевник, плотник, мясник и т.д.), то теперь в описи фигурирует новая социальная характеристика — наличие купечества. Этот показатель значительно расширяет наши сведения об изучаемом семействе, позволяя проследить динамику становления того или иного купеческого рода на рубеже XVII–XVIII вв. Необходимо только помнить, в 1723 г. под определение «купечество» попадал довольно широкий спектр занятий. Например, в «купечестве» значились люди, промышлявшие «дворовым постоем», а также мясники и даже огородники.

На страницах описания 1723 г. есть информация, неизвестная по предыдущим источникам. Речь идёт о староверах, так называемых «раскольниках». Согласно правительственным постановлениям, они облагались двойным окладом. Их число невелико. В 1723 г. в Муроме было зарегистрировано три двора, чьи владельцы открыто признали себя староверами и готовы были платить в казну двойной налог. Вместе с родственниками мужского пола их было 16 человек[8].

Фиксация населения по приходам с указанием профессии позволяет проанализировать социально-экономические показатели того или иного района города. Эти сведения представлены в *табл. 1.*

---

[7] Основные положения этой темы затронуты в нашей работе «Топография расселения посадских семейств г. Мурома XVII – первой половины XIX в.» // Культурно-историческое наследие русского города. Материалы научной конференции. V Плёсские чтения. Плёс, 2001. С. 114–121.

[8] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1884. Л. 51 об.

Таблица 1. *Приходы, жилые дворы Мурома и их население по данным описи 1723 г.*

приход	дворов	мужчин[9]	«в купечестве» (фамилии)	род занятий (дворов / мужчин)
Вознесенский (Л. 2–5)	36[10] (35)	119 (117)	Смольяниновы, Коняхины, Неудачины, Мяздриковы, Королевы, Зотиковы, Названовы («из поповичей»)	«в купечестве»: 12 дв. / 47 муж.[11] «мясного промыслу»: 3 дв. / 11 муж. «медное и оловянное мастерство»: 1 дв. / 2 муж. «овчинного мастерства»: 1 дв. / 5 муж. «калашный промысел»: 2 дв. / 6 муж. «кормятца огородною усадьбою и работою»: 6 дв. / 15 муж. «кузнечное мастерство»: 2 дв. / 8 муж. «кормятца работою»: 8 дв. / 22 муж.[12] род занятий не указан: 1 муж.
Спасский[13] (Л. 5–8 об.)	45	135 (129)	Дубенские, Кречковы, Неуструевы, Серпуховитиновы, Зворыкины, Гундобины, Пономаревы, Лузгины, Пролубщиковы, Константиновы, Аксенов	«в купечестве»: 15 дв. / 39 муж.[14] «мясного промыслу»: 2 дв. / 7 муж. «калашный промысел»: 3 дв. / 9 муж. харчевник: 1 дв. / 3 муж. «кормятца огородною усадьбою и работою» – 9 дв. / 31 муж. «кормятца работою»: 15 дв. / 39 муж.[15] род занятий не указан: 1 муж.
Архангельский (Л. 8 об.–10)	14	38	Хмелевы, Сосульниковы, Зубчениновы	«в купечестве»: 5 дв. / 16 муж.[16] «калашный промысел»: 2 дв. / 5 муж. «портное мастерство»: 1 дв. / 1 муж. «рыбный ловец («рыбник»)»: 1 дв. / 5 муж. «кормятца огородною усадьбою и работою»: 2 дв. / 4 муж. «кормятца работою»: 3 дв. / 7 муж.

[9] Учитывается всё мужское население посада, включая малолетних детей.

[10] Здесь и далее цифры приводятся по итогу переписи, указанному переписчиками; цифры в скобках – по нашим подсчётам.

[11] Из них: в «услужении» – 1 чел., в «работниках» – 1 чел.

[12] Из них два человека – «бездворные».

[13] Спасский приход, учреждённый не позднее 1676 г., находился на посаде, в юго-восточной части города. Во второй половине XVII в. он вобрал в себя упразднённый приход церкви Николая чудотворца Можайского. См.: Казанская церковь // Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 4. Владимир, 1897. С. 153–157.

[14] Из них: 4 чел. крепостных, 1 чел. – «работник по крепости».

[15] Из них 1 чел. – «бездворный».

[16] Из них 1 чел. крепостной.

Успенский (Л. 10–13)	28	90[17] (87)	Лихонины, Родивиловы, Рукавишниковы	«в купечестве»: 8 дв. / 22 муж.[18] «кузнечное мастерство»: 2 дв. / 9 муж. «сапожное мастерство»: 2 дв. / 7 муж. плотники: 1 дв. / 5 чел. «калашный промысел»: 2 дв. / 5 муж. «рукавишное мастерство»: 2 дв. / 5 муж. «сыромятное мастерство»: 1 дв. / 2 муж. «рыбный прасол»: 1 дв. / 2 муж. «кормятца работою»: 8 дв. / 29 муж.[19] род занятий не указан: 1 муж.
Рождественский[20] (Л. 13–15 об.)	30 (27)	83 (91)	Суздальцевы, Ширшиковы, Жиряковы, Пестовы, Поповы, Кульпины	«в купечестве»: 8 дв. / 27 муж.[21] «котельное медное мастерство»: 2 дв. / 6 муж. «котельнаго ж меднаго и колокольнаго мастерства»: 1 дв. / 1 муж. «кузнечное мастерство»: 6 дв. / 17 муж. калачник: 1 дв. / 4 муж. кожевник: 1 дв. / 1 муж. «печет хлеб на продажу»: 1 дв. / 3 муж. «кормятца работою»: 7 дв. / 32 муж.[22]
Троицкий (Л. 15 об. –17 об.)	16 (15)	61 (71)	Гладковы, Трусовы	«в купечестве»: 2 дв. / 5 муж.[23] крашенинники: 2 дв. / 9 муж. солодовники: 1 дв. / 3 муж. хлебник: 1 дв. / 3 муж. «мясного промыслу»: 1 дв. / 5 муж. «кормятца огородною усадьбою и работою»: 3 дв. / 10 муж. «кормятца работою»: 5 дв. / 36 муж.[24]
Козьмодемьянский (Л. 17 об.–21)	38 (37)	111 (113)	Клепиковы, Пахолковы, Линьковы, Страховы, Елины, Абрамовы, Быковы, Патырмины, Самарины	«в купечестве»: 12 дв. / 35 муж. крашенинники: 2 дв. / 8 муж. «портное мастерство»: 1 дв. / 1 муж. калачник: 1 дв. / 1 муж. «медное котельное мастерство»: 1 дв. / 3 муж. «кормятца огородною усадьбою и работою»: 6 дв. / 14 муж. «кормятца работою»: 14 дв. / 51 муж.[25]

[17] А.А. Титов упоминает о 89 чел. См.: *Титов А.А.* Историческое обозрение... С. 68.

[18] Из них: 3 чел. крепостных; 2 чел. – «работные».

[19] Из них 1 чел. «бездворный».

[20] В работе А.А. Титова Рождественский приход не упоминается.

[21] Из них 1 чел. «работник».

[22] Из них 5 чел. «бездворные, явились из бегов».

[23] Из них 1 чел. крепостной.

[24] Из них 1 чел. «бездворный».

[25] Из них 2 чел. «бездворных», 3 чел. – «явились из бегов».

Пятницкий (Л. 21 об.–22 об.)	12	31 (33)	–	сапожник: 1 дв. / 4 муж. рукавичник: 1 дв. / 3 муж. «рыбник («рыболов»)»: 1 дв. / 1 муж. «портного мастерства»: 1 дв. / 1 муж. «кормятца огородною усадьбою и работою»: 3 дв. / 9 муж. «кормятца работою»: 4 дв. / 15 муж.[26]
Воздвиженский (Л. 22 об.–24 об.)	21[27]	64[28] (68)	Тагуновы	«в купечестве»: 4 дв. / 16 муж. «рыбники («рыболовы»)»: 4 дв. / 11 муж. «сыромятное мастерство»: 2 дв. / 6 муж. плотники: 1 дв. / 4 муж. «кормятца работою»: 10 дв. / 31 муж.[29]
Спаса нового[30] (Л. 24 об.–26)	14	43 (42)	Козмины, Кушельниковы, Шешины	«в купечестве»: 3 дв. / 12 муж. калачник: – / 4 муж.[31] «кузнечное мастерство»: 1 дв. / 2 муж. «сыромятное мастерство»: 2 дв. / 8 муж. «сапожное мастерство»: 1 дв. / 2 муж. «кормятца огородною усадьбою и работою»: 3 дв. / 5 муж. «кормятца работою»: 4 дв. / 9 муж.
Предтеченский (Л. 26–28 об.)	23	75[32] (78)	Зуевы, Железниковы, Дегтяревы	«в купечестве»: 4 дв. / 11 муж. серебряники: 2 дв. / 5 муж. калачники: 1 дв. / 1 муж. «делают роговые гребни»: 1 дв. / 5 муж. сапожник – 1 муж. «кузнечное мастерство»: 7 дв. / 27 муж. шапочник: 1 дв. / 4 муж. «кормятца огородною усадьбою и работою»: 1 дв. / 5 муж. «кормятца работою»: 5 дв. / 19 муж.[33]
Николо-Зарядный (Л. 28 об. –33)	43 (37)	111 (112)	Будыловы, Казанцевы, Сверловы, Абросимовы	«в купечестве»: 4 дв. / 10 муж. калачники: 2 дв. / 11 муж. шапочник: 1 дв. / 5 муж. сапожники: 2 дв. / 6 муж. плотник: 1 дв. / 2 муж. ножевник: 1 дв. / 5 муж. «мясного промыслу»: 3 дв. / 5 муж. «портного мастерства»: 1 дв. / 1 муж. «кормятца огородною усадьбою и работою»: 2 дв. / 6 муж. «кормятца работою»: 17 дв. / 58 муж.[34] род занятий не указан – 3 муж.

[26] Из них 5 чел. «бездворных».

[27] В работе А.А. Титова – 30 дворов. Вероятно, это ошибка.

[28] В работе А.А. Титова – 84 чел. Вероятно, это ошибка.

[29] Из них 6 чел. – «из бегов».

[30] Новоспасский приход находился на территории городского кремля на месте упразднённой деревянной церкви Петра и Февронии. Впоследствии приход упразднённой церкви Спаса нового приписали к Христорождественскому храму. См.: Титов А.А. Статистическое обозрение г. Мурома. Владимир, 1900. С. 5.

[31] Живут во дворе огородника.

[32] В работе А.А. Титова – 74 чел. (С. 68).

[33] Из них 3 чел. «бездворные», 5 чел. – «явились из бегов».

[34] Из них 13 чел. «бездворные», 2 чел. – «явились из бегов».

Дмитриевский (Л. 33–36)	25	71 (69)	Жадины, Корольковы, Зворыкины, Стариковы, Елатомцевы	«в купечестве»: 6 дв. / 24 муж. «мясного промыслу»: 6 дв. / 14 муж. калачники: 2 дв. / 7 муж. кузнец: 1 дв. / 3 муж. крашенинник: 1 дв. / 1 муж. «кормятца работою»: 8 дв. / 19 муж. род занятий не указан – 1 муж.
Николы мокрого (Л. 36 об.–39 об.)	27 (24)	75 (74)	Овчинниковы, Плотниковы, Вязниковцевы, Мухины, Пупковы	«в купечестве»: 5 дв. / 12 муж. хлебник: 1 дв. / 4 муж. овчинник: 2 дв. / 5 муж. «портного мастерства»: 2 дв. / 7 муж. иконописцы: 1 дв. / 2 муж. «мясного промыслу»: 1 дв. / 3 муж. сапожник: 1 дв. / 1 муж. рыболов: 1 дв. / 2 муж. «кормятца огородною усадьбою и работою»: 2 дв. / 6 муж. «кормятца работою»: 8 дв. / 32 муж.[35]
Ильинский (Л. 39 об.–41 об.)	13 (12)	43 (45)	Андронниковы, Крюковы, Минин	«в купечестве»: 4 дв. / 13 муж. «мясного промыслу»: 1 дв. / 4 муж. калачник: 1 дв. / 5 муж. кожевник: 1 дв. / 3 муж. иконописец: 1 дв. / 2 муж. «кормятца огородною усадьбою и работою»: 3 дв. / 11 муж. «кормятца работою»: 1 дв. / 7 муж.[36]
Воскресенский (Л. 41 об.–44)	26	54[37]	Грязновы, Неуструевы, Лопатины, Такжины	«в купечестве»: 4 дв. / 10 муж.[38] сапожник: 1 дв. / 1 муж. кожевники: 9 дв. / 16 муж. рукавичники: 1 дв. / 3 муж. хлебник: 1 дв. / 3 муж. «кормятца огородною усадьбою и работою»: 1 дв. / 4 муж. «кормятца работою»: 9 дв. / 20 муж.[39]
Егорьевский (Л. 44–46 об.)	12 (11)	32 (36)	–	калачник: 1 дв. / 4 муж. кожевники: 5 дв. / 18 муж.[40] рукавичники: 1 дв. / 4 муж.[41] «волошники» (?): – / 2 муж.[42] мясник: 1 дв. / 2 муж. «кормятца работою»: 3 дв. / 8 муж.

Таким образом, в 1723 г. в Муроме насчитывалось 17 локальных территориальных центров (приходов), к которым достаточно жёстко тяготела фиксированная группа дворов. Отметим важный факт: в описании города 1646 г. тоже зафиксировано 17 микротопонимических центров (улиц и урочищ), ещё не имевших постоянной при-

[35] Из них 3 чел. «бездворные», 4 чел. – «явились из бегов».

[36] Из них 1 чел. «бездворный», 3 чел. – «явились из бегов».

[37] В работе А.А. Титова – 83 чел. Вероятно, ошибка.

[38] Из них 1 чел. крепостной.

[39] Из них 2 чел. «явились из бегов».

[40] Из них 2 чел. крепостные.

[41] Из них 1 чел. «бездворный».

[42] Проживают во дворе кожевника.

вязки к приходам[43]. Вероятно, это совпадение не случайно. Можно предположить, что во второй половине XVII столетия происходило постепенное формирование внутреннего административно-территориального деления города с выделением церковного прихода как основной локальной единицы. И если в середине XVII в. при описании посадских дворов писцы ориентировались на улицы и урочища (например, «Успенская улица», «в Кожевниках у Оки на берегу» и т.д.), то в более поздний период (к началу XVIII столетия) главной привязкой становится приход.

Однако, несмотря на видимую идентичность топографических данных 1646 и 1723 гг., довольно сложно сопоставить количество дворов, описанных в середине XVII в. (описание 1646 г.), с приходами 1723 гг., поскольку из текста документов далеко не всегда ясно, насколько далеко простирался приход вглубь той или иной улицы.

Проанализируем статистические данные табл. 1. Самыми густонаселенными районами города в 1723 г. были приходы[44] (в порядке убывания): Спасский (45 дв., 135 муж.), Николо-Зарядный (43 дв., 111 чел.), Козьмодемьянский (38 дв., 111 муж.), Вознесенский (36 дв., 119 чел.), Рождественский (30 дв., 80 муж.), Успенский (28 дв., 90 муж.), Николы мокрого (27 дв., 75 муж.), Воскресенский (26 дв., 54 муж.), Дмитриевский (25 дв., 71 муж.), Предтеченский (23 дв., 75 муж.), Воздвиженский (21 дв., 64 муж.), Троицкий (16 дв., 61 муж.), Архангельский (14 дв., 38 муж.), Спаса нового (14 дв., 43 муж.), Ильинский (13 дв., 43 муж.), Егорьевский (12 дв., 32 муж.), Пятницкий (12 дв., 31 муж.).

Наивысшая плотность населения городского посада зафиксирована к югу, юго-востоку и западу от кремля, т.е. на территории, тяготевшей к бывшей монастырской Кудринской слободе Спасского монастыря (впоследствии — Спасский приход), торговым площадям и центру города (приходы Николо-Зарядной, Вознесенской, Рождественской церквей), а также прибрежной части города, имевшей выход к Оке — главной транспортной артерии средневекового Мурома (Козьмодемьянский приход).

В среднем в муромском дворе 1723 г. проживало 3 муж. Что касается качественного показателя — наличия купеческих дворов, то больше всего их в Спасском приходе (15 дв.), Козьмодемьянском (12 дв.), Вознесенском (12 дв.), Рождественском (8 дв.), Успенском

[43] См. табл. 4 «Тяглые жилые дворы Мурома в 1646 г.» // Памятники истории Мурома. Владимир, 2010. Вып. 3. С. 7–8.

[44] Здесь за основу берутся подсчёты писцов как основные показатели, попавшие в официальную статистику.

(8 дв.), Дмитриевском (6 дв.). На окраинах Мурома (Егорьевский и Пятницкий приходы) купцов вообще не было.

Что касается ремесленной специализации горожан, то здесь ярко выраженных закономерностей не видно. Впрочем, в отдельных приходах проживали люди, тяготевшие к определённому роду занятий. Так, в Рождественском и Предтеченском приходах жило наибольшее количество кузнецов и лиц, связанных с обработкой металла (Рождественский приход: кузнецов — 6 дворов; «котельнаго меднаго мастерства» — 2 двора; «котельнаго ж меднаго и колокольнаго мастерства» — 1 двор; Предтеченский приход: кузнецов — 7 дворов, серебряников — 2 двора).

Обратим внимание на большое число дворов, владельцы которых относились к разряду городской бедноты, добывая себе пропитание подённым трудом и чёрной работой. Например, в Спасском приходе «кормились работой» 15 дворов из 45 (33% от общего числа приходских дворов), в Козьмодемьянском — 14 дворов из 38 (36 %), в Воздвиженском — 10 дворов из 21 (50 %), Николо-зарядном — 17 дворов из 43 (39 %).

Общегородская торгово-ремесленная статистика по описанию 1723 г. выглядела следующим образом (*табл.2*):

Таким образом, в табл. 1–2 зафиксировано 400 посадских дворов, в которых проживало 1250 лиц мужского пола. Эти сведения несколько разнятся с официальными данными описания 1723 г., согласно которым на муромском посаде находилось 422 двора и 1274 мужчины[45].

В описании отмечено также количество беглых посадских людей. На 1723 г. их было 58 человек, 4,5 % от общего числа мужчин.

После проведения ревизии в следующем, 1724 г., к посаду было приписано несколько семейств (мужчин — 13 чел.), согласно их прошению. В основном это так называемые «разночинцы» и «церковники» — дети священно-церковнослужителей. В одном случае зафиксирован иностранец — «иноземец Лаврентей Иванов Олотс»[46].

Пока составлялась и уточнялась официальная документация, из бегов явилось 5 человек. Один человек был приписан к посаду из соседней Шацкой провинции.

---

[45] РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1884. Л. 50. А.А. Титов приводит другие цифры: 420 дворов и 1235 душ мужского пола (Историческое обозрение... С. 68).

[46] Архив СПбИИ РАН. Русская секция. Коллекция 238. Оп. 1. Ед. хр. 370. Л. 567 об.

Таблица 2. *Торгово-ремесленный состав населения Мурома в 1723 г.*

дворов	мужчин[47]	род занятий жильцов
129	434	«кормятца работою»[48]
96	299	«в купечестве»
41	120	«кормятца огородною усадьбою и работою»[49]
19	66	кузнецы
19	58	«калашный промысел»
18	48	«мясной промысел»
16	38	«кожевенное мастерство»
8	22	«сапожное мастерство»
7	19	рыболовы
6	11	«портное мастерство»
5	18	«крашенинное мастерство»
5	15	«рукавишное мастерство»
5	16	сыромятники
4	13	хлебник («печет хлеб на продажу»)
3	11	плотники
3	10	«овчинное мастерство»
3	9	«медное котельное мастерство»
2	9	шапочники
2	5	серебряники
2	4	«иконное мастерство»
1	5	«делают роговые гребни»
1	3	харчевник
1	3	«медное мастерство»
1	3	солодовник
1	2	«медное и оловянное мастерство»
1	2	«рыбный прасол»
1	1	«котельное, медное и колокольное мастерство»
–	2	волошники (?)
–	4	род занятий не указан

[47] В данной категории учитывается всё мужское население, отмеченное в описи, включая малолетних.

[48] Указанные в этой категории люди далеко не всегда имели отдельный двор; нередко они проживали у родственников, занятых определённым ремеслом (см., напр.: Л. 27, 26 об. и др.), поэтому данная дворовая статистика нуждается в дополнительной корректировке.

[49] В отдельных случаях, наряду с огородным хозяйством, жители посада занимались ремёслами. Например, о жителе прихода Николы-Зарядного И.Я. Будылове сказано: «Кормятца огородной усадьбою» и тут же – «Имеет калашной промысел» (Л. 29 об.). Поэтому размещённая в данной графе статистика имеет некоторую погрешность.

Учитывая крепостных и раскольников, в 1723 г. в Муроме в подушном окладе значилось 1292 мужчины и 422 двора[50]. Эта цифра нуждается в корректировке, поскольку в списке из архива СПбИИ РАН имеется существенное дополнение к описанию 1723 г. В нём приведён список «нищих и старых людей», помещённых в городских богадельнях (68 человек в возрасте от 35 до 91 года). Кроме того, в описываемое время на посаде проживало довольно много лиц духовного звания, которые по традиции освобождались от подушного оклада и, следовательно, не фигурировали в официальных документах. Их число (с семьями «белых» церковнослужителей, а также «трудниками» и обслуживающим персоналом монастырей) могло достигать ста. Однако эта категория не поддаётся точному учёту, и мы можем говорить об их количестве только приблизительно.

Нельзя также забывать, что при составлении любого описания находятся лица, уклоняющиеся от ревизии. Я.Е. Водарский определяет это число от нескольких до 10%[51]. По нашему мнению, число уклоняющихся от переписи не следует преувеличивать, поскольку при существовавшей в XVII — начале XVIII в. круговой поруке посадские люди были кровно заинтересованы, чтобы в опись попало максимальное количество людей — от этого зависело распределение и сбор платежей[52].

Принимая всё это во внимание, а также то, что в силу специфики описания учёту не подлежали женщины, к концу первой четверти XVIII столетия в Муроме на посаде проживало не менее 2800 человек. Если сравнить эти данные с показателями пятидесятилетней давности (1678), окажется, что по количеству населения посад фактически пребывал в стагнации. В 1678 г. на посаде насчитывалось 347 дворов и 1129 душ мужского пола[53]; к 1723 г. это соотношение составило 422 и 1274. Причины следует искать во внутриполитической жизни страны. Многочисленные войны, активные петровские преобразования, значительное усиление налогового бремени и, как следствие, открытое недовольство ря-

---

[50] См.: *Кизеветтер А.* Посадское население России в эпоху двух первых ревизий // Журнал министерства народного просвещения. Январь 1903. С. 66. Здесь автор, говоря о первой ревизии, указывает, что в Муроме находилось 1143 мужчин.

[51] *Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. (Численность, сословно-классовый состав, размещение). М., 1977. С. 41.

[52] См.: Памятники истории Мурома. Владимир, 2010. Вып. 4. С. 29.

[53] См.: там же. Табл. 7. С. 25.

дового народа политикой Петра I препятствовали формированию благоприятных условий для успешного развития социально-экономического базиса.

Подводя итог, отметим следующее. Для объективного освещения городской жизни первой четверти XVIII в. одних только данных о количестве дворов, жителей и ремёсел недостаточно. Чтобы оценить происходившие на посаде качественные изменения, необходимо привлечь более широкий архивный актовый материал и местное делопроизводство.

Н.В. Колышницына (Санкт-Петербург)

Взаимовлияние столицы и провинции на примере развития народного образования в России XVIII – начала XIX в.

Взаимовлияние столицы и провинции проявлялось во многих сферах общественной жизни страны, в том числе и в связи со становлением и развитием системы народного образования. Нужно отметить, что вплоть до начала XVIII в. вопрос о создании единой образовательной системы, подчинённой государству, не возникал в принципе. В Московской Руси вопросами первоначального обучения чтению и письму занимались в основном представители духовного сословия, поскольку они были самыми образованными людьми. Умение читать церковные книги и писать считалось в то время важным искусством, по большей части ему обучались готовящиеся к духовному званию выходцы из низших сословий, иногда дети бояр. Остальные не считали необходимым знание грамоты как лишнего бремени, а в нужных случаях обращались к грамотным[1]. Но в начале XVIII в. начавшаяся Северная война и проводимые Петром I коренные реформы резко обозначили вопрос о необходимости подготовки грамотных специалистов в области государственной и военной службы. Без образованных людей немыслимо было строить флот, сооружать каналы, составлять географические карты, поэтому вопросам профессионального и общего образования юношества стало уделяться пристальное внимание.

[1] *Воронов А.С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа. 1715–1828. СПб., 1849. С. 2.

Первым понял значение систематического образования на государственном уровне Пётр I. Именно тогда достаточно подробно планы распространения образования в России были разработаны в записках Г.В. Лейбница и В.Н. Татищева, где шла речь о создании стройной системы, подчиненной государству. В результате в стране появились первые государственные школы, которые по большей части имели практическую направленность, и несколько частных школ (например, школа пастора Э. Глюка в Москве, 1705–1716) гуманитарного направления. В последнем случае речь идёт о так называемых «разноязыких школах», которые содержали иностранцы[2]. Самым сложным оказалось привлечь в эти школы учеников, которых набирали повсюду, лишь бы только укомплектовать заведение.

Безусловно, говорить о каком-то заранее выработанном плане школьной реформы в это время не приходится. В 1714–1725 гг. был составлен ряд указов, касающихся организации учебных заведений. Первым стал указ «Об обучении дворян приказного чина, дьячих и подьяческих детей арифметике и геометрии, о посылке для того в губернии учеников из математических школ и об учреждении училищ при архиерейских домах и монастырях», подписанный 28 февраля 1714 г.[3] Согласно указу, все дворянские дети в возрасте от 10 до 15 лет из всех губерний империи должны были обязательно изучать арифметику, первую часть геометрии и географию. Для организации учебного процесса по нескольку учеников из математических школ направлялись в губернии к архиереям и в крупные монастыри, при которых и должны быть организованы школы. Они были бесплатными, содержание учителям («кормовые деньги») выплачивалось за счёт губернских доходов.

Пётр I прекрасно понимал, что привлечь дворянских детей в школы будет чрезвычайно трудно, нужны были веские аргументы, поэтому тот же указ предписывал: без предоставления свидетельства об образовании не выдавать венечных памятей[4] и запрещать вступать в брак. В декабре следующего, 1715 г., вышел ещё один указ: теперь всех детей высших дворян в возрасте от 10 лет и старше

[2] РГИА. Ф. 733. Оп. 207. Д. 1.

[3] ПСЗ. Т. 5: 1713–1719. [СПб.], 1830. № 2778. С. 86.

[4] Венечная память — письменное разрешение священника на вступление в брак, которое подтверждало беспрепятственность брачного союза и его законность.

следовало отправлять для получения образования в Санкт-Петербургскую школу адмирала Ф.М. Апраксина[5].

Кроме того, с 1714–1715 гг. стали появляться так называемые цифирные (или арифметические) школы, в которых основу обучения составляли общеобразовательные предметы[6]. Эти школы находились в ведении Адмиралтейств-коллегии, а непосредственный надзор за организацией обучения и посещением возлагался на губернаторов и воевод[7]. Эти школы можно считать всесословными, так как обучаться в них могли представители всех сословий.

Несмотря на все принимаемые меры, дело с организацией образования в стране двигалось довольно трудно. В ноябре 1719 г. были подведены неутешительные итоги предшествующих пяти лет. В частности, возглавлявший наблюдение за Псковской, Новгородской, Ярославской, Московской и Вологодской школами Г.Г. Скорняков-Писарев[8] отмечал, что в Ярославской школе обучалось 26 человек из церковного звания, а в остальных школах учеников не было[9]. Тогда был составлен более жесткий указ, который требовал давать в столицу отчёт по каждому распоряжению правительства, что по нему можно и в какое время сделать. При неподчинении виновные в этом лица подлежали наказанию: ссылке, конфискации имущества и даже смертной казни[10].

Рассматривая зарождение идеи народного образования в России, нельзя обойти вопрос об открытии в Петербурге Академии наук, университета и гимназии при ней. Разработанный в 1724 г. проект предполагал, что в университете будут обучаться молодые люди на четырёх факультетах: теологическом, юридическом, меди-

---

[5] ПСЗ. Т. 5. № 2968. С. 186.6 ПСЗ. Т. 6: 1720–1722. [СПб.], 1830. № 3845. С. 451–452.

[7] Там же.

[8] Скорянков-Писарев Григорий Григорьевич (? — после 1745). В 1696 г. служил бомбардиром, потом изучал математику, механику и инженерное искусство в учебных заведениях Италии и Берлина. Вернулся в Россию в 1699 и в течение 20 лет наблюдал за обучением в бомбардирской роте. После указов 1714 и 1716 заведовал школами в Пскове, Новгороде, Ярославле, Москве и Вологде. С 1715 г. преподавал артиллерию в Морской академии, с 1719 — директор Морской академии и Московской навигацкой школы. В 1723 г. за участие в заговоре против А.Д. Меншикова был лишён чинов и званий и сослан в Сибирь. В 1731–1740 был начальником Охотского порта. В 1741 г. возвращён в европейскую Россию с восстановлением в званиях и чинах.

[9] ПСЗ. Т. 5. № 3447. С. 751–752.

[10] Там же. № 3333. С. 681.

цинском и философском. Для подготовки к слушанию университетских лекций при той же Академии создавалась гимназия. Это было тем более необходимо, что подготовленных к восприятию университетских курсов молодых людей в стране просто не было. Однако учебный план гимназии в полном объёме никогда не выполнялся, большинство воспитанников изучало только отдельные предметы. Иными словами, гимназия не выполняла своего прямого предназначения — готовить воспитанников для поступления в университет, для чего требовалось прохождение систематического курса среднего образования.

Таким образом, в петровское время единой системы школьного образования не сложилось, как не сложилось и чёткой структуры управления учебными заведениями страны. В первой четверти XVIII в. Петербург выступает как центр подготовки педагогических кадров для школ империи, не более того. Отсутствие единого организационного и контролирующего органа привело к тому, что петровские преобразования до конца доведены не были. Сенат и Адмиралтейств-коллегия с этой задачей явно не справлялись.

Ближайшие преемники Петра вопросам организации образования уделяли слишком мало внимания, и если, например, в июне 1731 г. указом Анны Иоанновны цифирные школы по-прежнему оставались в ведении Адмиралтейств-коллегии и им было предписано немедленно выслать в Сенат ведомости о количестве обучающихся в этих школах и программах преподавания, то сведений о них мы практически не имеем. По петровским указам 1714 и 1719 гг. в губернии для обучения детей из податных сословий в цифирных школах из Петербурга было отправлено 47 человек, из которых 18 возвратилось в Адмиралтейств-коллегию за неимением учеников. Впоследствии по рапортам из Адмиралтейств-коллегии было выяснено количество учеников в таких школах по губерниям. Цифры неутешительны: в Смоленской губернии — 78 человек, в Казанской — 484, в Новгородской — 56, в Белгородской — 2, в Костромской — 37, Юрьево-Польской — 18, в Свияжской — 18, Тверской — 91[11].

Второй этап создания государственной образовательной системы связан с деятельностью Екатерины II. 7 ноября 1775 г. она подписала «Положение об учреждении губерний». Пункт 384 этого «Положения» предписывал Приказам общественного призрения открывать училища по всем городам и крупным сёлам империи[12]. Прика-

[11] ПСЗ. Т. 8: 1728–1732. [СПб.], 1830. № 5788. С. 483

[12] ПСЗ. Т. 20: 1775–1780. [СПб.], 1830. № 14391. С. 228–229.

зы сделали попытку выполнить распоряжение императрицы, но деятельность их оказалась, как и прежде, малоуспешной: не хватало учебных руководств, толковых и образованных преподавателей, сильным было и сопротивление со стороны общества. А.С. Воронов приводит такой пример. В 1779 г. была предпринята попытка открыть училище в Олонце, где желание учиться высказали 195 мальчиков со всей Олонецкой губернии. Училище, тем не менее, не открылось: родители решили обучать их дома и раз в четыре месяца сдавать экзамены специально присланным экзаменаторам. Небольшие училища открылись в 1784–1785 гг. в Вологде и Петрозаводске[13].

Задавшись целью создать в стране сети народных училищ и стремясь организовать преподавание в них по единому образцу, Екатерина II подписала 7 сентября 1782 г. именной указ П.В. Завадовскому[14], Ф. Эпинусу[15] и П.И. Пастухову[16] о создании Комиссии об учреждении народных училищ в России. В обязанности Комиссии

---

[13] *Воронов А.* Указ. соч. С. 10.

[14] Завадовский Пётр Васильевич, граф (1732–1812) — государственный деятель. Окончил Киевскую духовную академию. Во время Русско-турецкой войны 1768–1774 вместе с С.Р. Воронцовым занимался редактированием Кучук-Кайнарджинского мирного договора 1774 г. Принимал участие в составлении Манифеста об учреждении губерний (1775). С 1780 — управляющий Санкт-Петербургским дворянским и государственным заёмным банками, председатель Комиссии по составлению законов, председатель Комиссии об учреждении народных училищ, заведующий Медико-хирургической школой. С 1802 — министр народного просвещения, с 1810 — председатель Департамента законов в Государственном Совете. Инициатор открытия в Петербурге Главного педагогического института.

[15] Эпинус Франц Ульрих Теодор (1724–1802) — немецкий математик, астроном и физик. Доктор медицины Ростокского университета, в 1755–1757 — профессор астрономии при Берлинской Академии наук, в 1757–1798 — профессор физики Петербургской Академии наук. С 1765 — воспитатель наследника престола вел. кн. Павла Петровича. Около 1781 г. составил записку об организации в России высшего и низшего среднего образования, взяв за образец австрийскую учебную систему. Этот проект получил одобрение, и с 1872 г. Эпинус вошёл в состав Комиссии для заведения в России народных училищ.

[16] Пастухов Пётр Иванович (1739–1799) — воспитатель вел. кн. Павла Петровича. Окончил Сухопутный шляхетский корпус (1761). В 1779 г. входил в состав свиты, встречавшей принцессу Софию-Доротею Вюртембергскую (в православии — Мария Фёдоровна), обучал её русскому языку. С 1770 член Всероссийского экономического общества, в 1773 возглавил Кабинет для принятия прошений на высочайшее имя, с 1782 — член Комиссии для заведения в России учебных заведений.

вменялось подобрать и рассмотреть учебные руководства, в случае необходимости перевести их на русский язык, рассмотреть учебные планы и заняться непосредственно организацией учебных заведений, начав с Петербургской губернии[17]. Для организации в России низших и средних школ по единому образцу был приглашён известный в то время педагог Фёдор Янкович де Мириево[18].

В сентябре 1782 г. с целью подготовки учителей для возникающих в империи училищ в Петербурге под непосредственным ведением «Комиссии об учреждении училищ» была открыта учительская гимназия[19]. Первый выпуск составили воспитанники Александро-Невской духовной семинарии, которых готовили к занятию учительских мест в первую очередь в петербургских училищах[20]. Затем число учащихся гимназии пополнялось за счёт выходцев из духовных семинарий разных губерний, Харьковского училища, Московской и Киевской академий, дворцовой канцелярии и, как указано в документе, «с воли», то есть получивших начальное домашнее образование[21]. Из некоторых губерний, например, Ярославской и Калужской, губернаторы присылали в гимназию учеников «сверх штата», обучение которых велось частично за счёт средств губерний, частично за счет «Комиссии». В декабре 1782 г. Ф. Янкович сообщил «Комиссии», что

[17] ПСЗ. Т. 21: 1781–1783. [СПб.], 1830. № 15507. С. 663–664.

[18] Янкович де Мириево [Мириевский] Фёдор Иванович (Теодор) [1741, Сремска-Каменица, — 1814, Петербург], русский и сербский педагог, член Российской академии (1783). Получил юридическое и камеральное образование в Венском университете. Работая с 1773 директором народных школ провинции Тимиш Баната, возглавил в ней проведение в жизнь австрийского школьного Устава 1774 применительно к традициям славянского населения. Для учителей Я. де Мириево подготовил специальное педагогическое руководство. В 1782 по приглашению Екатерины II переехал в Россию. Работая в Комиссии об учреждении народных училищ, составил общий план школьной системы, закреплённой Уставом 1786, по которому учреждались малые народные училища и главные народные училища, и организовал подготовку учителей для них в открытом по его инициативе Петербургском главном народном училище, директором которого он был в 1783–1885. Вместе с русскими учёными и педагогами Я. де Мириево написал «Руководство учителям первого и второго классов народных училищ Российской империи» (1783). Создал несколько учебников: «Букварь», «Прописи и для них руководство по чистописанию», «Правила для учащихся» (все в 1782), «Руководство к арифметике» (не позднее 1784) и др. В 1802–1804 член Комиссии об училищах Министерства народного просвещения (с 1803 — Главное правление училищ).

[19] РГИА. Ф. 730. Оп. 1. Д. 5. Л. 31–31 об.

[20] Там же. Ф. 737. Оп. 1. Д. 18. Л. 8.

[21] Там же. Ф. 730. Оп. 1. Д. 6. Л. 23–25.

первые выпускники его гимназии готовы приступить к преподаванию большинства предметов в низших училищах или двух младших классах главных училищ. Большая их часть была распределена в семь народных училищ Петербурга (по два учителя в каждое).

Число школ росло, нередко они открывались на добровольные пожертвования. Например, к 1788 г. была составлена краткая ведомость о благотворительных взносах на училища, общая сумма которых составила 223 тыс. 574 рублей[22]. Большую поддержку оказывали некоторые частные лица, которые жертвовали значительные денежные суммы, дома для открытия училищ, а иногда и здания для сдачи внаём и передачи полученных средств училищам[23]. Но хороших учителей для училищ по-прежнему не хватало.

Проанализировав ситуацию, «Комиссия об учреждении училищ» признала необходимым открыть в столице Главное народное училище, при котором планировалось содержать, помимо вольноприходящих, порядка 100 человек из бедных, но способных людей на казённом содержании, специально для подготовки к преподавательской деятельности и распределять их потом по училищам империи[24]. В результате 9 июня 1783 г. Екатерина II распорядилась открыть в Санкт-Петербурге Главное народное училище, «и содержать на казённом иждивении не меньше ста человек, для должностей учительских из духовных семинарий, из школ воинских команд и из добровольно желающих»[25].

В 1786 г. были выпущены первые 100 учителей, которые и составили комплект учительских кадров для 25 главных народных училищ страны[26]. К августу 1786 г. только в одной Петербургской губернии общее количество учащихся народных училищ составило 3 тыс. 121 человек. По сравнению с 1783 г. количество учащихся в них увеличилось за три года в 2–3 раза, тогда как количество учителей оставалось на прежнем уровне и явно не соответствовало потребностям текущего момента.

5 августа 1786 г. был высочайше утверждён «Устав народных училищ Российской империи»[27]. В результате его принятия 22 сен-

---

[22] Там же. Д. 5. Л. 73–73 об.

[23] Там же. Д. 23, 35.

[24] Там же. Д. 5. Л. 23.

[25] ПСЗ. Т. 21. № 15755. С. 938.

[26] Филоненко Т.В. Реформы и контрреформы: история школьных систем в России XIX — первой трети XX в. Воронеж, 2004. С. 14.

[27] ПСЗ. Т. 22: 1784–1788. [СПб.], 1830. № 16421. С. 646–669.

тября 1786 г. в Петербурге была открыта Учительская семинария, которая содержалась по прежнему штату Главного народного училища[28]. Число воспитанников семинарии не было постоянным, оно то увеличивалось, то уменьшалось в зависимости от необходимого количества учителей для учебных заведений империи. Так, в 1789 г. семинарию окончило 64 человека, а в 1792–1794 занятия были временно прекращены. Каждый следующий поток набирался после выпуска предыдущего, таким образом, за 15 лет своего существования (до 1801 г.) семинария подготовила и выпустила 275 учителей.

В целом ситуация с организацией системы народного образования в екатерининское время складывалась довольно благоприятно: главные народные училища были открыты практически повсеместно. Хуже обстояло дело с малыми народными училищами. По результатам проверки 1802 г. было выявлено существование 249 малых училищ из 497 предполагавшихся (50%). При этом, некоторые из несуществующих на 1802 г. 248 училищ, в 1780–1790-е гг. действовали, но были закрыты из-за недостатка средств в Приказах общественного призрения и «предубеждения жителей уездных городов против наук»[29]. Действительно, Приказы общественного призрения с трудом содержали главные народные училища, предоставив малые училища на попечение Городских дум. Последние часто жаловались на отсутствие средств и выносили предложения о закрытии училищ. Некоторые малые училища обязаны своим существованием исключительно «Комиссии народных училищ», которая отказывала в прошениях на их закрытие. Тем не менее, количество учащихся в училищах постоянно увеличивалось. Например, в Петербургской губернии число учащихся за 20 лет (с 1786 по 1802) выросло почти в два раза.

Таким образом, на протяжении тридцатилетнего царствования Екатерины Великой были заложены основы системы народного образования. Петербург как столичный город по-прежнему оставался главным «поставщиком» учителей для училищ империи, хотя заметную поддержку ему стали оказывать Киево-Могилянская академия в Киеве и Славяно-греко-латинская академия в Москве. Однако гораздо более важным моментом стало создание первого контролирующего и направляющего органа в системе народного просвещения — «Комиссии об учреждении училищ». Именно сюда стала стекаться информация о состоянии народных училищ во всей импе-

[28] РГИА. Ф. 737. Оп. 1. Д. 18. Л. 8 об.

[29] *Воронов А.С.* Указ. соч. С. 51–52.

рии, от «Комиссии» зависело открытие и закрытие училищ, назначение в них учителей. Члены «Комиссии» занимались составлением единых учебных планов, по которым велось преподавание, и определением круга учебных пособий и литературы для учащихся. В сущности, эта комиссия стала прообразом будущего Министерства народного просвещения.

Третий период становления системы народного просвещения связан с именем императора Александра I, одним из первостепенных мероприятий которого стало реформирование всей системы центрального управления. Отныне отдельные отрасли администрации стали распределяться между восемью министерствами, созданными по Манифесту от 8 сентября 1802 г.[30] Среди них появляется и Министерство народного просвещения, не имевшее в русской центральной администрации XVIII в. аналогов. Первым министром народного просвещения был назначен гр. П.В. Завадовский, председатель бывшей Комиссии об учреждении народных училищ. Тогда же в помощь Министерству, для управления общими делами было создано Главное правление училищ, в состав которого вошли: М.Н. Муравьев, Н.Н. Новосильцов, кн. А.А. Чарторижский, гр. С.О. Потоцкий, С.Я. Румовский, Ф.И. Клингер, П.И. Пастухов, Ф.И. Янкович де Мириево, Н.Я. Озерецковский и Н.И. Фусс.

Главное правление училищ активно приступило к работе, и уже 24 января 1803 г., на основании доклада министра народного просвещения и Главного управления училищ, Александр I подписал «Предварительные правила народного просвещения»[31]. Эти правила предполагали создание в стране целой сети учебных заведений разных уровней: приходские, уездные, губернские училища (или гимназии), университеты. Приходские училища должны быть открыты в каждом церковном приходе, в крайнем случае — одно на два прихода. В каждом уездном городе следовало открыть как минимум одно уездное училище, что же касается губернских городов, то помимо уездных училищ, там должны были открываться гимназии. Уже в «Предварительных правилах» прослеживается попытка создания строгой иерархии учебных заведений: приходское училище — уездное училище — гимназия — университет.

В тот же день был подписан указ «Об учреждении учебных округов»[32]. Первоначально было организовано шесть учебных окру-

[30] ПСЗ. Т. 27: 1802–1803. [СПб.], 1830. № 20406. С. 243–248.

[31] Там же. № 20597. С. 437–442.

[32] Там же. № 20598. С. 442.

гов: Московский, Виленский, Дерптский, Харьковский, Казанский и Санкт-Петербургский, которые возглавили члены Главного правления училищ. Каждый округ должен был состоять из университета и подведомственных ему гимназий и училищ нескольких губерний. Таким образом, управление училищами, находившееся до этого в ведении Приказов общественного призрения, получило теперь большую сосредоточенность и самостоятельность, начиная с высших степеней до самых низших. Училища уездов были подчинены смотрителям училищ, смотрители — губернскому директору гимназии, губернские директора — университетскому правлению, представлявшему дела по округу попечителю. Попечители инспектировали учебные заведения, в том числе частные[33], отслеживали выполнение учебных программ[34], назначали должностных лиц, вносили дела в Главное правление училищ, откуда они представлялись на рассмотрение министру. Огромная выгода этого управления заключалась в том, что училищными делами занимались теперь особые лица, которые, не имея посторонних занятий, должны были всю свою деятельность направлять на распространение образования[35]. В состав Санкт-Петербургского учебного округа в 1804 г. вошли Петербургская, Псковская, Новгородская, Олонецкая и Архангельская губернии. Впоследствии границы округа неоднократно менялись, например, позже в него вошла Вологодская губерния. Первым попечителем округа стал гр. Н.Н. Новосильцев[36], а его заместителем гр. П.А. Строганов[37]. Заложенные в «Предварительных правилах»

---

[33] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д.. 732. Л. 1–1 об.

[34] Там же. Д. 2173. Л. 1–4.

[35] *Воронов А.С.* Указ. соч. С. 91.

[36] Новосильцев Николай Николаевич (1761–1836), незаконный сын сестры гр. А.С. Строганова, воспитывался в доме последнего. В 1783 поступил в армию в чине капитана, в 1786 был причислен к Коллегии иностранных дел. Участвовал в войнах со Швецией (1788–1790), в Польше и Литве (1792–1795). В 1796 вышел в отставку, до 1801 жил в Лондоне, посещал в университете лекции по физико-математическим и медицинским предметам. В 1801–1803 — один из самых деятельных членов Негласного комитета. В 1802–1810 — попечитель Петербургского учебного округа. С 1813 — вице-президент временного совета, учреждённого для управления Варшавским герцогством. В 1815–1831 — главный делегат при правительственном совете Царства Польского, в 1831–1836 — член Государственного совета.

[37] Строганов Павел Александрович (1774–1817), граф, генерал-лейтенант, сенатор. С 1802 — товарищ министра внутренних дел, управляющий медицинским департаментом. В 1804–1807 исполнял обязанности попечителя Петербургского

основы были официально закреплены в «Уставе учебных заведений, подведомственных университетам», который был высочайше утверждён 5 ноября 1804 г.[38] По этому уставу общеобразовательная школа была объявлена всесословной, чтобы максимально увеличить возможность населения страны получить образование. Преобразование главных и малых народных училищ согласно новому уставу началось с 1805 г., но шло довольно медленно. С приходскими училищами дело обстояло чуть лучше, их открывалось больше, но иногда за счёт разделения уже существующих на несколько более мелких[39].

Общество продолжало относиться к реформаторской деятельности правительства в области образования в целом негативно. Дворяне, считая обучение низших сословий делом вредным, не желали жертвовать на учебное дело, практически игнорировали и гимназии, предпочитая частные пансионы и домашнее обучение[40]. К началу XIX в. в столице существовал 21 частный пансион, за следующие 20 лет их количество удвоилось. Количество обучающихся в государственных учебных заведениях первой половины XIX в. дворян не превышало 16,7%, тогда как представителей низших сословий было 51,8%[41]. Главная причина этого явления — общесословность школы: дворяне не считали достойным для своих детей совместное обучение с детьми из других сословий, предпочитая отдавать их в пансионы при гимназиях, благородные пансионы при университетах и другие закрытые дворянские учебные заведения. Положение осложнялось тем, что выпускники гимназий и университетов имели равные права и преимущества при продвижении по службе. Чтобы переломить эту ситуацию, Александр I по предложению М.М. Сперанского подписал 6 августа 1809 г. указ «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытании в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники», согласно которому «никто не будет произведён в чин коллежского асессора, хотя бы и выслужил положенное

учебного округа (во время отсутствия Н.Н. Новосильцева). В 1807 поступил на военную службу. Принимал участие в войне со Швецией, Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах 1813–1815 гг.

[38] ПСЗ. Т. 28: 1804–1805. [СПб.], 1830. № 21501. С. 626–647.

39 ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 351. Л. 34.

[40] Начальное и среднее образование в Санкт-Петербурге. XIX — начало XX века. Сборник документов / Отв. сост. Н.Ф. Никольцева. СПб., 2000. С. 14.

[41] *Шапкина А.П.* Петербургская школа в первой половине XIX в. Автореф. к.и.н. Л., 1984. С. 11.

число лет в титулярных советниках, если сверх отличных одобрений своего начальства не предъявит свидетельства от одного из состоящих в империи университетов, что он обучался в нём с успехом в науках, гражданской службе свойственным, или что, представ на испытание, заслужил на нём одобрение в своём звании»[42]. Тем не менее, именно в начале XIX в. были заложены основы системы школьного образования в России, которые практически без изменений просуществовали до 1917 г.

[42] ПСЗ. Т. 30: 1808–1809. [СПб.], 1830. № 23771. С. 1054–1057.

О.А. Рашитова (Кингисепп)

Влияние новой столицы на церковную жизнь Ингерманландии (на примере Ямбургской земли)

В первой половине XVIII в. складывается новая модель государственно-церковных отношений. С построением Санкт-Петербурга начинается возвышение всего Санкт-Петербургского края как в церковном, так и в социальном отношении. Православная церковь всё более распространяла в нём своё влияние. Со стороны правительственных органов территория Ингерманландии была более подвержена контролю, чем другие российские провинции.

В писцовых книгах XVI в. можно увидеть положение этой местности. Из пяти частей или пят, составлявших Новгородскую землю, крепость Ям с окрестностями входила в состав Водской и отчасти Шелонской пятин или Ямского, Ивангородского и отчасти Копорского уездов, или присудов. Эта территория издавна была заселена финно-угорскими племенами, которые, будучи соседями славян, от них приняли христианскую веру.

В Копорском присуде действовало шесть храмов. В городе Ям находились две церкви, Пресвятой Богородицы в посаде на Новгородской стороне, другая — Спасская, на Копорской стороне. Последняя была монастырём, который владел многими сёлами. В Ямском присуде действовало три прихода: Опольский, с церковью Воздвижения Креста Господня, Радчинский с церковью св. Великомученика Георгия; Здылецкий с церковью св. Великомученика Георгия[1].

[1] См.: Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Издание С.-Петербургского епархиального историко-статистического комитета. Вып. 10. СПб., 1885. С 293.

По Столбовскому мирному договору 1617 г. эта территория перешла к Швеции. Столетнее шведское владычество сопровождалось мерами к насаждению лютеранства, особенно среди финноязычного населения. Однако лютеранство не оказало значительного влияния на водь и ижору, и после возвращения северо-западных земель в начале XVIII в. России православие вновь стало официальной религией. Несмотря на то, что территория принадлежала Швеции, Новгородский митрополит контролировал православную паству и приходы.

В начале XVIII в. в пределах Ингерманландии были священники и причётники, занявшие должности до Северной войны. Таких пунктов четыре: в Опольском погосте у церкви Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня, в Котельском погосте у церкви Николая Чудотворца, в вотчине боярина П.И. Бутурлина в Горском погосте у церкви Николая Чудотворца. Перешёл, боясь разорения от шведских войск, в Ильешский погост священник Тимофей Андреев, Копорского уезда Сойкинского погоста[2].

В начале XVIII в. Ямбургская земля становится театром военных действий, в 1702–1703 гг. эта местность была снова присоединена к России, а при первом учреждении губерний вошла в состав Ингерманландской губернии. Нарва, Ямбург и Копорье были отданы во владение светлейшему князю Меньшикову.

26 февраля 1709 г. митрополит Иов прислал грамоту в город Копорье, чтобы в «церквах о здравии князя Меншикова и всего благословенного дома его молились по всей той (Санкт-Петербургской) стране нашей епархии, наипаче же в его княжеской земле — Копорском и Ямбургском уездах»[3]. Александр Данилович Меншиков неоднократно посещал ямбургский храм. Так, 11 сентября 1720 г. после осмотра Нарвской крепости «приехав в Ямбург изволил отслушать литургию, и откушав отправился в путь свой»[4].

Паства отвоёванных земель примкнула к Новгородской епархии, поэтому потребовалась особая администрация для управления церковными делами. До 1721 г., т.е. до открытия св. Синода, вся эта местность, называемая тогда новозавоёванною, по делам церков-

[2] См.: *Селин А.А.* Покровский Озерецкий погост и проблемы историко-географического изучения Северо-Запада России. http://adrianselin.narod.ru/ Размещение в библиотеке «РусАрх»: 2006.

[3] Историко-статистические сведения... Вып. 1. СПб., 1869. С. 58.

[4] Труды и дни Александра Даниловича Меншикова. Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. 1716–1720, 1726–1727 / Публикация С.Р. Долговой и Т.А. Ханта. М., 2004. С. 444.

ным, как и в старину, относилась к ведомству новгородского митрополита, составляя часть его епархии. Митрополитом в то время был высокопреосвященный Иов, который управлял церковными делами по всему пространству новозавоёванной местности. Для этого ему приходилось не однажды бывать в разных местностях края.

Когда Ямбург в 1703 г. взяли русские, церкви в честь Богородицы здесь не было, монастырь был разрушен. На их месте по указу Петра Великого был построен деревянный собор в честь Архангела Михаила; одновременно с собором упоминается церковь Петра и Павла. 16 августа 1703 г. в письме к государю Борис Шереметьев докладывал о том, что «город Ямбург с наружи пришёл в совершенство, и ворота замкнули у Города. И воздав хвалу Господу Богу и Пресвятой его Богородице с молебным пением, около всего Города ходили со кресты и со святыми иконами; было в том городе новоселье, в новопостроенных хоромах генералы и полковники, и офицеры обедали, и про Твоё Государево здоровье пили, и солдат всех удовольствовали <...> внутри только не доделано несколько казарм да Церковь, да колокольня, да в каменном городе не покрыта стена дёрном <...>»[5].

Когда в Ямбурге был устроен православный храм, преосвященный Иов отправил туда священника Никиту Иоаннова с причтом для освящения его и для служб церковных. Священник Никита с диаконом Косьмою Герасимовым, дьячком Андреем Никитиным и пономарем Саввою привезли в Ямбург от митрополита Иова животворящий крест, св. евангелие, серебряные церковные сосуды с покровами, книги: четьи, апостол, служебник, требник, общую минею с праздниками, октоих, прологи, псалтырь и святое миро.

Притч ямбургского храма содержался жалованием. При Петре Великом священник получал 150 р. в год и 30 четвертей ржаной муки, диакон 20 р. и 10 четвертей ржаной муки и овса; причетники по 5 р. и по 10 четвертей ржаной муки. Диакон содержался на счёт князя Меншикова[6].

Духовенство Санкт-Петербургского края получало доходы из разных источников. Некоторым давалось жалованье из казны, другим помогали помещики, третьи жили землёю и подаянием мирских людей. В селе Рождествене Ямбургского уезда — из казны царицы Параскевы Фёдоровны, которой принадлежало село. От помещиков духовенство получало содержание в следующих сёлах: в Клопецкой

[5] *Шереметев Б.П.* Письма к государю императору Петру Великому. Ч. 1. 1778. С. 214.

[6] Историко-статистические сведения... Вып. 10. С. 295–296.

мызе, Ямбургского уезда, от графа Б.А. Мусина-Пушкина; в Выславсной мызе, того же уезда, от стольника И.И. Стрешнева; в городе Копорье — из казны князя Меншикова; в Стремлясской мызе — от окольничаго А.А. Юшкова; в селе Успенском — от помещика Волкова. Землёю жили в погостах: Опольском, Ястребинском, Ратчинском, Покровском, Котельном, Сойкинском, Ильешском, Горском, Спасском, в Путиловских горах, в Тосненских каменоломнях и в приходской Успенской церкви города Копорья. Подаянием от мирских людей духовенство питалось в Удосольском погосте и в Тосненском яму[7].

В новозавоёваных землях начинают строиться храмы не только в городе, но и в окрестностях. В 25-ти верстах от Ямбурга в селе Кейкино на реке Луге в 1718 г. была построена деревянная церковь во имя апостолов Петра и Павла. В 60 верстах от Ямбурга на Сойкинской горе в 1726 г. вместо прежней обветшавшей устроена деревянная церковь в честь Святителя Николая на каменном фундаменте и с железной крышей. Перестраивалась в 1729 и 1766 гг. В первой четверти XVIII в. было построено пять часовен. Они находились не очень далеко от центра прихода, в 3–5 верстах от приходской церкви.

Среди духовенства находились люди, которые должны были наблюдать за правильным и законным течением дел приходской жизни и доносить в соответствующие органы церковной власти. По замыслу Петра, духовный чин сделался органом религиозно-нравственного влияния на народ, находившийся в полном распоряжении государства.

Для поднятия в среде православной паствы общего уровня нравственности были изданы указы, *«чтобы в городах и уездах всякого чина мужского и женского пола люди у отцов своих духовных исповедовались ежегодно»*, причём за уклонение от исповеди взимался штраф. Мера эта, помимо целей нравственного характера, имела главным образом задачу установить принадлежность данных лиц к древнему благочестию, т.е. старообрядчеству, за что они облагались двойным налогом. Особыми указами, изданными в 1718 г., православным обывателям предписывалось непременно посещать церкви и в храмах стоять с благоговением и в безмолвии, слушая святую службу, иначе грозил штраф, взимаемый тут же в церкви особым приставленным для того *«добрым человеком»*.

Таким человеком в Ямбургской земле был лейб-гвардии поручик Пётр Зиновьев. Ему была дана Инструкция Именного Его Импера-

[7] Там же. Вып. 1. С. 56.

торского Величества указа 1718 года 17-го февраля о не исповедующихся для сбору штрафных денег. Если кто у исповеди не будет, а священник о том не донесёт, — ... взять с него штраф: первый 5 рублей, второй 10 рублей, третий 15 рублей.

При этом делалась оговорка о сборе штрафов в летний период. С дворцовых крестьян, в прошлых годах не исповедавшихся, *штрафных денег в нынешнюю летнюю деловую пору не спрашивать дабы от того ныне в пашне и в сенокосе помешательства не было*. А по прошествии пашенного и сенокосного времени деньги, по содержанию Имянного Его Императорского Величества указа, сбирать без упущения, и о том доложить поручику Петру Зиновьеву в Дворцовую Канцелярию[8].

К 1724 г. сбор штрафных денег для поручика был расширен. Он начинает штрафовать не только не исповедующихся крестьян, но и старообрядцев. В инструкции, данной поручику Зиновьеву, написано: «быть ему во Пскове, в Нарве, в Дерпте, в Копорье, в Ямбурхе и тех городов в уездах, где раскольщиков как мужеска, так и женска полу, которые Святой Церкви противны сыскивать...

С обретающихся в Ямбурге на работах драгун, и солдат и пушкарей мужеска и женска полу людей, которые являются в неисповеди, по чему за то штрафу брать, по силе прежняго Февраля 15 дня 723 года Синодального определения, с требованием немедленной резолюции, сообщить в Правительствующий Сенат вторичное ведение»[9].

Одним из направлений государственно-церковной политики становится борьба со старообрядчеством. В 20-х гг. XVIII столетия славился Ямбургский протоиерей Константин Фёдоров, обращённый из раскола и известный у раскольников под именем «Ямбургского гонителя православия (т.е. раскола)[10].

В 1718 г. Фёдоров пришёл в Санкт-Петербург, где с некоторыми другими раскольниками присоединился к Православной церкви. Его рукоположили во священника в Ямбург в церковь св. архистратига Михаила. Константин Фёдоров с несколькими своими приспешниками получил право распоряжаться старообрядческими делами. Неофиты изъявили желание действовать увещаниями своими на раскольников, а о непокорных доносить начальству.

---

[8] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Т. IV. 1724–1725 января 28. СПб., 1876. С. 186–187.

[9] Там же. С. 286–289.

[10] Историко-статистические сведения... Вып. 10. С. 295.

17 февраля 1718 г., им, за рукою самого царя Петра, дана была грамота с полномочием: «в Копорском и Ямбургском уездах принимать, призывать и обращать свободно всякого, кто захотел бы повиниться гласу истины».

В уезды Ямбургский и Копорский раскол был занесён из Новгорода, ещё до основания Санкт-Петербурга. У них была своя часовня. Основателями раскола были новгородцы Симон Иовлев и его сосед Ермолай с двумя дочерями. Раскольники эти держались беспоповского толка. Многие из знатных лиц им покровительствовали, сам царевич Алексей Петрович приезжал побеседовать с ними.

Священник Константин Фёдоров занялся обращением раскольников, «со всяким своим тщательным новолюбным усердием, учил их, приводя вины, и попов их овых поимаше, а овых разгнаше, такожде и всех христиан и боголюбивых». Сверх того, Фёдоров, в качестве заказчика, донёс государю Петру, что в заказе его крестьяне деревень Чёрной и Сосниц держатся раскола. По предложению царского кабинет-секретаря Макарова, указом сената 18 октября 1720 г. поручено было поручику Зиновьеву произвести розыск раскольников не только в названных местах, но и во всём Ямбургском и Копорском уездах. На этот счёт ему дана была особая инструкция из сената, в которой в общих чертах определялась деятельность сыщика. В ней предписывалось, чтобы Зиновьев, прибыв в Ямбург, отыскал священника Константина Фёдорова и, пользуясь его указаниями и советами, произвёл перепись раскольников, и собрал с них в казну штраф и двойной оклад, согласно указам 1716 и 1718 гг.[11]

Инструкция уполномочивала Зиновьева брать по три обывательских подводы от мызы до мызы, от деревни до деревни, и подьячего — для письменных дел, бумагу и чернила, а также двух солдат для необходимых услуг требовать из канцелярии над Ингерманландией. На пути своих розысков Зиновьев встречал постоянные затруднения со стороны местных гражданских властей. Несмотря на сенатскую инструкцию, ему не давали ни подьячего, ни солдат. Однако же от гвардии поручик вёл своё дело быстро. По его сыску наибольшее сосредоточение раскола оказалось в Копорском уезде в деревнях Заречье, вотчины князя Меншикова, Грязная, вотчины царицы Параскевы Фёдоровны, и Фалилеево, вотчины также Меншикова. Грязновские раскольники все были из Новгородского уезда. В продолжение четырёх лет, Зиновьев собрал с раскольников 2500 рублей и привёл к православию 428 человек.

[11] Там же. Вып. 1. С. 77.

Упомянутая выше часовня была обращена в храм, и к ней определён священник. Некоторые из раскольников, кто не успел наладить семейную жизнь, бежали от увещаний священника Константина Фёдорова и сыска Зиновьева в разные земли и страны.

Обращён из раскола и стал священником в Опольской Воздвиженской церкви Семён Никитин. Происходил из крестьян Ямбургского уезда. Был посвящён архиереем Ярославским на место своего тестя Фомы Иванова. Использовался «для вспоможения» священнику Ямбургского Архангельского собора отцу Константину по обращению раскольников.

Указ Петра 1707 г. и синодальный указ 1722 г. запрещали строить новые часовни и предлагали разбирать старые. Иконы и утварь из часовен предписывалось отдавать монастырям и приходским церквам или церквам, нуждающимся в восстановлении. Однако сопротивление выполнению указа было настолько сильным, что вскоре пришлось менять политику в отношении почитаемых мест.

Только три часовни Копорского и Ямбургского уездов были разобраны после указа 1722 г., но и они позже восстановлены. Остальных часовен кампания по борьбе с деревенскими святынями не коснулась. Иногда, словно бы в оправдание, священники указывали про иные часовни, что «молиться Богу ходили в ней до запрещения, а когда указы составили чтоб часовни разорять, то с того времени молиться во оную часовню и поныне не ходят»[12]; или: «А молились до запрещения, а после заказу во оную часовню молиться не ходили»[13].

Решением Синода от 5 мая 1727 г. неразобранные постройки было приказано оставить, а «которые и разобраны, а будут просители, чтоб их паки возобновить и взятые из тех часовен святые иконы отдать», разрешить выстроить вновь; рассмотрение этого вопроса передать в ведение епархиальных архиереев[14].

Возможно, этим компромиссом и закончилась бы попытка перемещения центра религиозной жизни крестьянства и городских обывателей в приходские церкви, если бы не события, произошедшие несколькими годами позже в непосредственной близости от столицы. На территории Санкт-Петербургского духовного правления осо-

---

[12] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 1270. Л. 26.

[13] Там же. Л. 31.

[14] *Платонов Е.* Первая перепись часовен Санкт-Петербургской провинции 1734–1735 гг. и обстоятельства её появления. http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/016online/platonov2.pdf. С. 255.

бое внимание деревенским часовням было уделено после ряда инцидентов в Ямбургском уезде, связанных с религиозными обычаями финно-угорского края — води и ижор. Расследование этих событий обнаружило распространение «суеверий» в деревнях Ямбургского уезда: жертвоприношения у часовен, камней, родников и крестов, а также самостоятельные службы в часовнях.

К лету 1734 г. возникла необходимость в получении точных сведений о культовых постройках и связанных с ними народных религиозных практиках, требовавших синодального вмешательства и ограничения. Непосредственной причиной этого была ситуация, сложившаяся в Ямбургском уезде. Инструкции по составлению сведений о часовнях были написаны самим Константином Фёдоровым, для которого вопрос суеверий был одним из главных.

Реформаторская деятельность Петра I затронула все сферы жизни общества, в том числе и религиозную. Примером преобразования церковной жизни может служить Ямбургская земля, где строились новые храмы, благоустраивались существующие, преследовались раскольники, уничтожались остатки языческих суеверий. Благодаря близости столицы эта территория подвергалась более тщательному контролю, чем другие регионы страны.

С.А. Корепанова (Екатеринбург)

Столичные учёные и провинциальное научное объединение (Из истории Уральского общества любителей естествознания)

29 декабря 1870 г. (10 января 1871 по нов. ст.) в Екатеринбурге было учреждено Уральское общество любителей естествознания (далее: УОЛЕ), ставившее целями «а) изучение и исследование Уральского края в естественно-историческом отношении и б) распространение естественно-исторических знаний в этом крае»[1].

Инициатор создания УОЛЕ, преподаватель французского языка О.Е. Клер, увлекавшийся ботаникой, метеорологией и фенологией, ещё на организационном этапе обратился за поддержкой к таким учёным, как вице-президент Московского общества испытателей природы (далее: МОИП), директор Румянцевского музея Карл Иванович Ренар, секретарь МОИП Николай Иванович Кауфман, председатель Московского общества любителей естествознания, археологии и этнографии (далее: МОЛЕАиЭ) Григорий Ефимович Щуровский. Приветствуя появление научного любительского объединения в провинции, Г.Е. Щуровский писал 1 декабря 1870 г. Онисиму Егоровичу Клеру: «Мы душевно радуемся новому собрату — Уральскому обществу любителей естествознания, и подаем ему нашу дружескую руку. Русская наука скажет со временем большое спасибо тому, кто подал мысль об основании учёного общества на Урале»[2].

---

[1] Записки УОЛЕ. Т. X. Вып. 2. Екатеринбург, 1887. С. 1.

[2] ГАСО. Ф. 140. Оп. 1. Д. 14. № 43. Цит. по публикации: *Зорина Л.И.* Онисим Егорович Клер. 1845–1920. М., 1989. С. 102.

Среди 82 учредителей УОЛЕ — имена учёных-металлургов Александра Андреевича и Николая Александровича Иосса (Санкт-Петербург), зоолога Леонида Павловича Сабанеева (Москва).

Уже со следующего года в Обществе состояли геолог и палеонтолог Валериан Иванович Меллер (Санкт-Петербург), секретарь Императорской Академии наук Константин Степанович Веселовский, профессор минералогии, будущий академик Николай Иванович Кокшаров, профессор зоологии Санкт-Петербургского университета Модест Николаевич Богданов.

В 1873 г. членами УОЛЕ стали директор Петербургского Ботанического сада Рудольф Эрнстович Траутфеттер; академик, директор Главной физической обсерватории Генрих Иванович Вильд (Санкт-Петербург); профессор ботаники, академик Карл Иванович Максимович (Санкт-Петербург).

К 1886 г. в числе 38 почётных членов УОЛЕ были такие известные в научном мире двух столиц учёные, как один из основателей российской антропологии, председатель Императорского МОЛЕАиЭ Анатолий Петрович Богданов; академик, профессор геологии Петербургского Горного института Александр Петрович Карпинский; профессор химии Императорского Санкт-Петербургского университета Дмитрий Иванович Менделеев; известный исследователь и путешественник, почётный член Санкт-Петербургской академии наук, член ИРГО Николай Михайлович Пржевальский; академик Санкт-Петербургской академии наук Леопольд Иванович Шренк и другие[3].

Среди десятка действительных членов и членов-корреспондентов Общества в этот же период — магистр естественных наук, сотрудник Центрального статистического комитета и член ИРГО Владимир Дмитриевич Аленицын; доктор философии, бывший директор Пекинской обсерватории Герман Александрович Фритше, магистр минералогии Санкт-Петербургского университета Сергей Федорович Глинка и некоторые другие[4].

В 1910 г. УОЛЕ отмечало 40-летие своей деятельности. К этому времени круг столичных учёных, состоявших в Обществе, значительно расширился. Кроме уже упоминавшихся, почётными членами УОЛЕ стали: основатель отечественной школы географов и один из основателей антропологии в России, археолог и этнограф, почёт-

[3] Записки УОЛЕ. Т. X. Вып. 1. Екатеринбург, 1887. С. 23–25.

[4] Там же. С. 26–27.

ный член Петербургской академии наук Дмитрий Николаевич Анучин (с 1887 — почётный член УОЛЕ, с 1890 — президент МОЛЕАиЭ); академик, основатель и первый президент Русского ботанического общества Иван Парфенович Бородин (Санкт-Петербург, поч. член УОЛЕ с 1907); климатолог и географ, основатель климатологии в России, член-корреспондент Петербургской академии наук Александр Иванович Воейков (с 1895 — поч. член УОЛЕ); петрограф, автор трудов по кристаллографии и минералогии Франц Юльевич Левинсон-Лессинг (Санкт-Петербург, поч. член УОЛЕ с 1909); палеонтолог Мария Васильевна Павлова и её супруг, геолог и палеонтолог Алексей Петрович Павлов (Москва, поч. член УОЛЕ с 1907); географ, статистик, почётный член Петербургской АН, вице-председатель и глава ИРГО Пётр Петрович Семёнов-Тянь-Шанский (Санкт-Петербург, поч. член УОЛЕ с 1896); один из основоположников русской научной школы физиологии растений, член-корр. Петербургской АН Климент Аркадьевич Тимирязев (Москва, поч. член УОЛЕ с 1898); председатель Императорского Московского археологического общества графиня Параскева Сергеевна Уварова (поч. член УОЛЕ с 1896)[5].

Среди 72 действительных пожизненных членов УОЛЕ в этот же период — 7 представителей Москвы и Санкт-Петербурга, в том числе — известный нумизмат Михаил Гугович Деммени и археолог Владимир Яковлевич Толмачев из Санкт-Петербурга (д. чл. с 1907).

Практически все состоявшие в УОЛЕ учёные из Санкт-Петербурга и Москвы оказывали обществу помощь в комплектовании научной библиотеки, возникшей одновременно с учреждением Общества и появлением его музея. Одними из первых прислали свои труды профессор-геолог Николай Павлович Барбот-де-Марни (восемь изданий по геологии, геогнозии, геологической картографии), академик-минералог Николай Иванович Кокшаров, академик-геолог Григорий Петрович Гельмерсен, действительный член УОЛЕ из Москвы Леонид Павлович Сабанеев (первый номер издаваемого им естественноисторического журнала «Природа»).

В библиотеку УОЛЕ поступили также от Императорского Московского университета Известия за 1871 и 1872 гг., от МОЛЕАиЭ — Известия за 1871 г. и Программа Политехнической выставки 1872 г., приуроченной к 200-летию со дня рождения Петра Великого, от ИРГО — Известия и Отчёт ИРГО за 1871 г., сочинение Э. Гофмана «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой» (1856, т. I) и работа

[5] Записки УОЛЕ. Т. XXXI. Вып. 1. Екатеринбург, 1911. С. I–II.

Радде «Путешествие на юг Восточной Сибири в 1855–1859 гг.» (на немецком языке, т. 1–2, 1862–1863).

С октября 1871 по сентябрь 1872 г. УОЛЕ установило регулярную переписку и обмен изданиями с Императорским МОИП, МОЛЕАиЭ, Московским университетом, Императорским Вольным экономическим обществом, ИРГО, Санкт-Петербургским минералогическим обществом, Санкт-Петербургским обществом естествоиспытателей, Петербургским университетом, Главной Физической обсерваторией, Императорским Санкт-Петербургским Ботаническим садом, Лесным обществом в Петербурге, Русским Энтомологическим обществом[6]. К 1873 г. УОЛЕ установило контакты с Императорским Санкт-Петербургским минералогическим обществом и Императорской Академией наук. Например, в конце 1872 г. стараниями непременного секретаря Академии наук, почётного члена УОЛЕ К. С. Веселовского в Екатеринбург были присланы каталоги изданий Академии на русском и французском языках.

В феврале 1873 г. вышел первый выпуск собственного периодического издания Уральского общества — «Записки УОЛЕ», который вскоре был представлен на IV съезде русских естествоиспытателей в Казани. Членами УОЛЕ было решено посылать «Записки» бесплатно научным обществам, Академии наук, университетам, с которыми УОЛЕ установило или желало установить научные связи, а также почётным членам Общества, авторам статей и тем, кто способствовал пополнению библиотеки или коллекций Общества.

Массированная рассылка «Записок» принесла неплохие результаты. Например, в мае 1873 г. Академия наук поблагодарила УОЛЕ за присланный экземпляр его «Записок» и в ответ на просьбу выслать некоторые издания Академии с рассрочкой уплаты нашла возможным подарить Обществу относящиеся к Уралу академические издания, тем самым «желая споспешествовать предпринятым исследованиям» УОЛЕ[7]. Таким образом в библиотеку Общества поступило 19 книг, среди которых — работы И.П. Фалька, И. Георги, С.Г. Гмелина, П.С. Палласа, Лепехина, Рупрехта и других.

Многие столичные учёные с большим вниманием отнеслись к публикации «Записок». Так, известный геолог Г.П. Гельмерсен писал в УОЛЕ 24 февраля 1874 г.: «Я дорожу изданиями Общества не только потому, что в них нахожу много, много поучительного и по-

[6] Записки УОЛЕ. Т. I. Екатеринбург, 1873. С. 56–64.

[7] Там же. Т. X. Вып. 2. С. 120–121.

лезного для себя, но и потому, что они много будут способствовать развитию на Урале горного промысла»[8].

Редактор «Записок» О.Е. Клер постоянно обращался с просьбой к авторам из Москвы, Петербурга, других российских городов присылать свои статьи для публикации в сборнике. Так, в 1881 г. в ответ на просьбу О.Е. Клера известный геолог А.П. Карпинский, уроженец селения Турьинские Рудники на Урале, писал: «Одно, что я могу обещать теперь же и что я, работая в последние годы преимущественно на Урале, поставлю себе в непременную обязанность, — это участвовать в изданиях Уральского Общества»[9].

В разные годы здесь были опубликованы работы члена-сотрудника ИРГО М.В. Малахова «О доисторических эпохах на Урале» (т. XI, XXVII), «Географические карты и планы Пермской губернии, находящиеся в Московском Главном архиве Министерства иностранных дел» и другие; академика А.П. Карпинского «Третичные осадки восточного склона Урала» (1883), профессора-минералога И.Д. Мушкетова «О Смолинском прииске Миасской дачи» и «О местонахождении железных руд на Урале», палеонтолога М.В. Павловой «Послетретичные жвачные Екатеринбургского музея», профессора геологии и палеонтологии Г.А. Траутшольда «Следы тонгрийского яруса около Камышлова» (в переводе О.Е. Клера), а также минералогов академика А.Е. Ферсмана и профессора С.Ф. Глинки.

Значительным событием в жизни УОЛЕ стала Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка, проходившая в Екатеринбурге в июне–сентябре 1887 г. (в 2012 отмечалось её 125-летие). Разностороннюю поддержку этому «грандиозному для Уральского края предприятию», которое, по словам председателя комитета экспертов П.И. Глуховского, поставило УОЛЕ, «наряду с другими старшими по времени существования учёными обществами»[10] — оказали многие научные учреждения и общественные организации России и других стран.

Ещё в ходе подготовки выставки и разработки её программ привлекались приезжавшие в Екатеринбург секретарь Антропологического отдела Московского общества любителей естествознания Н.Л. Гондатти, профессор минералогии Московского университета М.А. Толстопятов, инспектор сельского хозяйства, один из органи-

[8] ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 18. Л. 32.

[9] Там же. Ф. 40. Оп. 1. Д. 19. Л. 65.

[10] Записки УОЛЕ. Т. X. С. 274.

заторов сельскохозяйственного отдела Всероссийской промышленной выставки 1882 г. В.В. Черняев[11]. Особую благодарность организаторов заслужили члены ИРГО Владимир Дмитриевич Аленицин, активно привлекавший экспертов в научные отделы выставки[12].

Так, среди экспонентов выставки были Императорская Академия наук и её Зоологический музей, Военно-топографический отдел Главного штаба, Центральный Статистический комитет, Учёный комитет Горного департамента, Геологический институт, Императорский Санкт-Петербургский Ботанический сад, Ботанический сад при Московском университете, а также Императорское Минералогическое общество, ИРГО, Русское Энтомологическое общество, Императорское общество поощрения художеств. Например, среди экспонировавшихся в естественноисторическом отделе минералогических коллекций образцовой называли коллекцию Уральских ископаемых, присланную минералогическим комитетом из Санкт-Петербурга. Каждый экземпляр в коллекции имел подробное описание[13].

В разделе «Геология» при содействии директора Геологического комитета А.П. Карпинского была сформирована специальная витрина, где демонстрировались издания по геологии Урала, образцы окаменелостей и редких пород, встречающихся на Урале, а также их микроскопические препараты. За новую рукописную геологическую карту Урала, издания и коллекции по геологии региона Геологический комитет был удостоен золотой медали УОЛЕ[14].

В географическом отделе выставки самой представительной среди 52 участников была витрина Императорской Академии наук. Экспонировавшиеся здесь академические издания К.И. Максимовича, Л.И. Шренка, В.В. Радлова, И.М. Крашенинникова, А. Кастрена, Н.П. Фалька, П.-С. Палласа были переданы в дар УОЛЕ по окончании выставки. Заслуженной наградой Академии наук стала Золотая медаль Московского общества любителей естествознания.

Русское географическое общество прислало на выставку материалы археологических раскопок в Пермской губернии уральца Михаила Викторовича Малахова, который в последние годы жизни работал в Санкт-Петербурге.

---

[11] Там же. Т. VIII. Вып. 1. Екатеринбург, 1885. С. 29–30.

[12] Там же. Т. X. С. 304.

[13] *Анучин Д.Н.* Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка в Екатеринбурге и VII Археологический съезд в Ярославле. М., 1887. С. 26.

[14] ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 48. Л. 2 об.

В составе Художественного отдела Сибирско-уральской научно-промышленной выставки работала передвижная выставка Императорской Академии художеств, где демонстрировались работы И.К. Айвазовского, П.П. Верещагина, В.П. Виллевальде, Г.И. Семирадского и других. По окончании выставки 14 картин и 9 акварелей были подарены городу Екатеринбургу, сегодня они находятся в Екатеринбургском музее изобразительных искусств.

В отчёте УОЛЕ об устройстве Сибирско-Уральской выставки секретарь Общества О.Е. Клер специально отмечал имена «русских первоклассных учёных», которые «обогатили выставку своими произведениями» — академик Николай Иванович Кокшаров, историк и библиограф Дмитрий Фомич Кобеко, профессор Иван Васильевич Мушкетов, географ и натуралист, член-корреспондент Петербургской академии наук Густав Иванович Радде.

На просьбу УОЛЕ о присылке в распоряжение Комитета выставки наград откликнулись Императорское Вольное Экономическое общество (8 наград), Императорское Русское Техническое общество, Императорское МОЛЕАиЭ, Императорское Московское общество сельского хозяйства, Российское общество садоводов в Санкт-Петербурге, Российское общество покровительства животным.

Особенно важным для провинциального любительского объединения, устроившего выставку, в которой участвовало около 4 тысяч экспонентов из 32 губерний Российской Империи и 5 иностранных государств, было личное участие делегатов от столичных научных обществ и учреждений.

Делегат Императорского Московского археологического общества Д.Н. Анучин побывал на выставке в Екатеринбурге, где несколько дней знакомился с её научными отделами. Подробное описание выставки и высокая оценка ей даны Анучиным в брошюре «Сибирско-Уральская научно-промышленная выставка в Екатеринбурге и VII Археологический съезд в Ярославле» (М., 1887).

В Комитете экспертов выставки работали петербургские учёные-специалисты по горному делу и металлургии Александр Андреевич и Александр Александрович Иосса, делегат от Московского Общества любителей естествознания, археологии и этнографии, товарищ председателя зоологического отдела Николай Викторович Насонов, делегат Центрального статистического комитета и ИРГО Владимир Дмитриевич Аленицын, делегат от Императорского общества поощрения художеств, член-сотрудник ИРГО Мария Васильевна Бородина.

Как до, так и после проведения Сибирско-Уральской выставки прочные связи, установленные и поддерживаемые УОЛЕ с ведущи-

ми российскими учёными, помогали качественному комплектованию и описанию коллекций музея Общества.

Так, в письме за декабрь 1871 г. Русское Энтомологическое общество, обещая УОЛЕ поддержку и обмен научными изданиями, «изъявляло готовность некоторых его членов принять на себя разработку коллекций, отправляемых УОЛЕ». Тогда же в Петербург были высланы «те части коллекций, которые не могут быть разрабатываемы на месте по неимению специалистов»[15].

Московский учёный Александр Андреевич Колесов, работавший в Петровской сельскохозяйственной академии, в письме за март 1872 г. изъявил готовность заняться описанием гербария УОЛЕ «и вообще участвовать в трудах Общества»[16].

Гербарии уральской флоры, собранные членами УОЛЕ, отправлялись также для определения директору Санкт-Петербургского ботанического сада Р.Э. Траутфеттеру.

Ещё до отъезда в Петербург, будущий профессор геологии Иван Васильевич Мушкетов занимался систематизацией минералогической коллекции УОЛЕ. Для научной обработки минералогического собрания он избрал передовую для того времени систематизацию американского профессора Дана, которую считал «современной, естественной и простой». По этой же системе было распределено одно из самых больших и богатых минералогических собраний России — коллекция Горного института. На заседании УОЛЕ 19 мая 1873 г. Мушкетов по просьбе членов УОЛЕ прочёл лекцию «О минералогической классификации Дана. По поводу устройства минералогической коллекции Общества». Опубликованная в «Записках УОЛЕ» (т. 1. С. 115–125) лекция написана живым и доступным даже для понимания неспециалистов языком. Работая в столице, И.В. Мушкетов не прерывал связей с Екатеринбургом. В 1896 г., будучи избранным почётным членом УОЛЕ, он писал в Екатеринбург: «свои первые научные шаги я начал в среде Общества и благодарен его нравственной поддержке»[17].

В 1870-х гг. над описанием зоологической коллекции музея работали упоминавшиеся специалисты Л.П. Сабанеев (Москва) и В.Д. Аленицын (СПб). Тогда же атрибуцией коллекции занимались будущий известный зоолог и зоогеограф, основатель русской орнитологии Михаил Александрович Мензбир (в 1915–1935 — президент

[15] Там же.

[16] Записки УОЛЕ. Т. I. Вып. 1. С. 21.

[17] ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 96. С. 170.

МОИП, с 1886 — профессор, в 1917–1919 — ректор Московского университета) и хранитель Зоологического музея при Петербургской Академии наук Иван Семёнович Поляков.

С 1889 г. консультантом по геологии и палеонтологии стал академик А.П. Карпинский. Для научной атрибуции музей УОЛЕ отправлял ему в Петербург горные породы и окаменелости.

К описанию и изучению собранных УОЛЕ коллекций привлекались палеонтолог М.В. Павлова, которая побывала в музее УОЛЕ в 1902 г., ботаник А.Н. Петунников (оба — Москва), профессор минералогии С.Ф. Глинка, археолог В.Я. Толмачёв (Петербург) и др.[18] Со своей стороны, уральские любители естествознания, и, прежде всего, О.Е. Клер, старались оказать столичным учёным обществам посильную помощь. Так, О.Е. Клер отправил в дар Петербургскому минералогическому обществу образцы розовых корундов, а затем — образцы пироморфита на березите и на кварце. В 1896 г. он был избран почётным членом этого общества.

В августе 1897 г. на Урале побывали делегаты VII Международного геологического конгресса, посетившие Музей УОЛЕ. Выступив перед гостями с докладом по истории Общества, О.Е. Клер призвал русских и иностранных геологов расширять научные контакты. Клер сопровождал делегатов во время экскурсии в д. Палкино и на Евгение-Максимилиановские минеральные копи.

Увлекшись археологическими раскопками, О.Е. Клер вместе с членом УОЛЕ К.И. Фадеевым подготовил и опубликовал в сборнике Московского археологического общества статью «Гончарное производство доисторического человека, жившего на городище у дер. Палкино на р. Исети» (Материалы по археологии восточных губерний России. М., 1895. Т. 2. С. 1–12). По просьбе президента Московского археологического общества графини П.С. Уваровой Клер передал некоторые дублеты из Палкинской коллекции в дар московскому обществу[19]. Как знаток уральских археологических памятников, Клер привлекался Московским археологическим обществом к составлению Археологической карты России по восточной части Пермской губернии.

Постоянное внимание столичных коллег не оставляло УОЛЕ равнодушным. Члены Уральского общества стремились поддерживать дружеские контакты, откликались на важные события и памятные даты в жизни других научных обществ и учреждений. Благоприятными поводами становились и знаменательные даты российской истории.

---

[18] *Зорина Л.И.* Указ. соч. С. 37–39.

[19] Там же. С. 65.

К примеру, Общее собрание членов УОЛЕ 30 мая 1872 г. президент общества, главный начальник уральских горных заводов И.П. Иванов открыл «короткой речью, в которой он напомнил в широких чертах о деятельности великого преобразователя России Петра, в особенности в отношении его покровительства наукам. Он затем предложил собранию отправить от имени Общества поздравительную телеграмму Императорскому Московскому обществу любителей естествознания, археологии и этнографии по случаю открытия устраиваемой им к 200-летнему юбилею Петра Великого Политехнической выставки»[20]. Другой пример: в 1910 г. УОЛЕ направило приветствия Русскому Энтомологическому обществу — в связи с 50-летием деятельности и графине П.С. Уваровой — в связи с 25-летием пребывания председателем Императорского Московского археологического общества[21].

В 1910 г. праздновалось 40-летие деятельности УОЛЕ, с которым коллег поздравили многие научные учреждения, общества и отдельные учёные. Среди десятков телеграмм, опубликованных в «Записках УОЛЕ» — слова приветствия и добрые пожелания от Императорской Академии наук и МОЛЕАиЭ, Главной Физической обсерватории и её директора М.А. Рыкачева, ИРГО и Московского Археологического общества, Геологического комитета и Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей.

Процитирую лишь два поздравления. Первое — от Московского общества сельского хозяйства, где в обращении к президенту УОЛЕ О.Е. Клеру говорится: «Желаем вам ещё многих лет бодрой работы в пример настоящим и будущим культурным деятелям провинциальной России»; второе — от географа и геоботаника Ипполита Михайловича Крашенинникова из Москвы: «Как уроженец Зауралья, приветствую 40-летие культурной работы УОЛЕ, внесшего первый луч света истины в познания природы Приуралья»[22].

Как видим, многообразная собирательская, научно-исследовательская и просветительная деятельность УОЛЕ в XIX — начале XX в. была неразрывно связана с именами ведущих российских учёных, работавших в Москве и Санкт-Петербурге. Это постоянное общение и стало основой высокого уровня естественноисторических исследований, проводимых членами Уральского общества любителей естествознания.

---

[20] Записки УОЛЕ. Т. I. Вып. 1. С. 29.

[21] Там же. Т. XXXXI. С. XXI.

[22] Там же. Т. XXXI. С. LXXXVII, XCIX.

Список сокращений

ГАВО	– Государственный архив Воронежской области
ГАСО	– Государственный архив Свердловской области
ДППС	– Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого (издание)
ИРГО	– Императорское Российское Географическое Общество
МИРФ	– Материалы для истории Русского флота (издание)
ОР БАН	– Отдел рукописей Библиотеки Академии наук
ОР РГБ	– Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	– Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
ПиБ	– Письма и бумаги императора Петра Великого (издание)
ПСЗ	– Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	– Полное собрание русских летописей
РАН	– Российская Академия наук
РГА ВМФ	– Российский государственный архив Военно-морского флота
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РГИА	– Российский государственный исторический архив
Сб. РИО	– Сборник Русского Исторического Общества
СПбИИ РАН	– Санкт-Петербургский институт истории РАН
СПФ АРАН	– Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
ЦГИА СПб	– Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга

Список авторов

Аваков Пётр Ашотович (*Аксай*), заведующий отделом Аксайского военно-исторического музея

Андреев Артём Алексеевич (*Санкт-Петербург*), младший научный сотрудник отдела «Дворец Меншикова» Государственного Эрмитажа

Андреева Екатерина Александровна (*Санкт-Петербург*), старший научный сотрудник отдела «Дворец Меншикова» Государственного Эрмитажа

Акиньшин Александр Николаевич (*Воронеж*), профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета

Анисимов Евгений Викторович (*Санкт-Петербург*), главный научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, научный руководитель Института Петра Великого

Аристов Вадим Владимирович (*Кингисепп – Будапешт*), президент Исторического общества Ямбурга–Кингисеппа

Богданов Александр Ильич (*Санкт-Петербург*), заведующий научно-исследовательским отделом библиографии и библиотековедения Библиотеки Российской академии наук

Вагеманс Эммануэль (*Лювен*), профессор Католического университета г. Лювена

Гузевич Дмитрий Юрьевич (*Париж*), сотрудник Школы высших социальных исследований

Гузевич Ирина Давидовна (*Париж*), сотрудник Школы высших социальных исследований

Искюль Сергей Николаевич (*Санкт-Петербург*), ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Исупов Константин Глебович (*Санкт-Петербург*), профессор кафедры эстетики и этики РГПУ имени А.И. Герцена

Кантор Владимир Карлович (*Москва*), профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ–ВШЭ)

Колышницына Наталья Валерьевна (*Санкт-Петербург*), ведущий научный сотрудник Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга

Конингсбрюгге Ханс ван (*Гронинген*), директор Нидерландско-Российского центра Гронингенского университета

Корепанова Светлана Анатольевна (*Екатеринбург*), заместитель генерального директора по научной работе Свердловского областного краеведческого музея

Лапин Владимир Викентьевич (*Санкт-Петербург*), ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН

Леонов Валерий Павлович (*Санкт-Петербург*), директор Библиотеки Российской Академии наук

Мезин Сергей Алексеевич (*Саратов*), заведующий кафедрой истории России Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского

Орлова Ирина Анатольевна (*Александров*), заведующая научно-экспозиционным отделом Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Александровская слобода»

Пашков Александр Михайлович (*Петрозаводск*), заведующий кафедрой истории дореволюционной России Петрозаводского государственного университета

Перепечаева Людмила Борисовна (*Азов*), заведующая сектором древней истории Азовского историко-археологического и палеонтологического музея-заповедника

Писарева Виктория Андреевна (*Дрезден*), сотрудник Дрезденской Оружейной палаты

Рашитова Ольга Анатольевна (*Кингисепп*), заместитель директора по научной работе Кингисеппского филиала Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина

Славнитский Николай Равильевич (*Санкт-Петербург*), главный научный сотрудник Государственного музея истории Санкт-Петербурга

Сорокин Пётр Егорович (*Санкт-Петербург*), заместитель директора Северо-Западного института культурного и природного наследия

Трофимова Надежда Сергеевна (*Санкт-Петербург*), заведующая сектором научно-исследовательского отдела библиографии и библиотековедения Библиотеки Российской академии наук

Тульчинский Григорий Львович (*Санкт-Петербург*), профессор кафедры прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики – Санкт-Петербург»

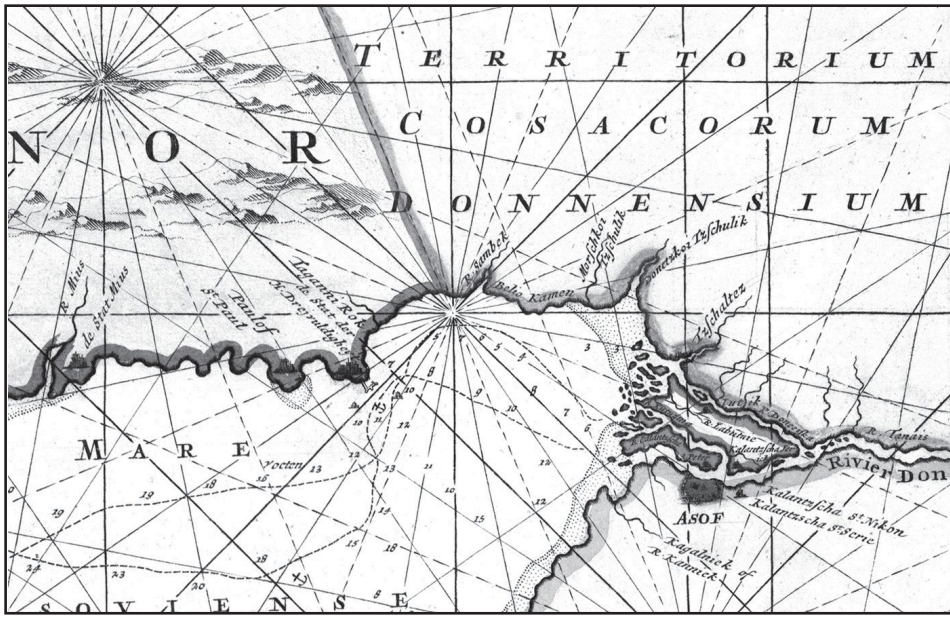
Усенко Олег Григорьевич (*Тверь*), доцент кафедры отечественной истории исторического факультета Тверского государственного университета

Чернышёв Владимир Яковлевич (*Муром*), доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Муромского института (филиала) Владимирского государственного университета имени А.Г. и Н.Г. Столетовых

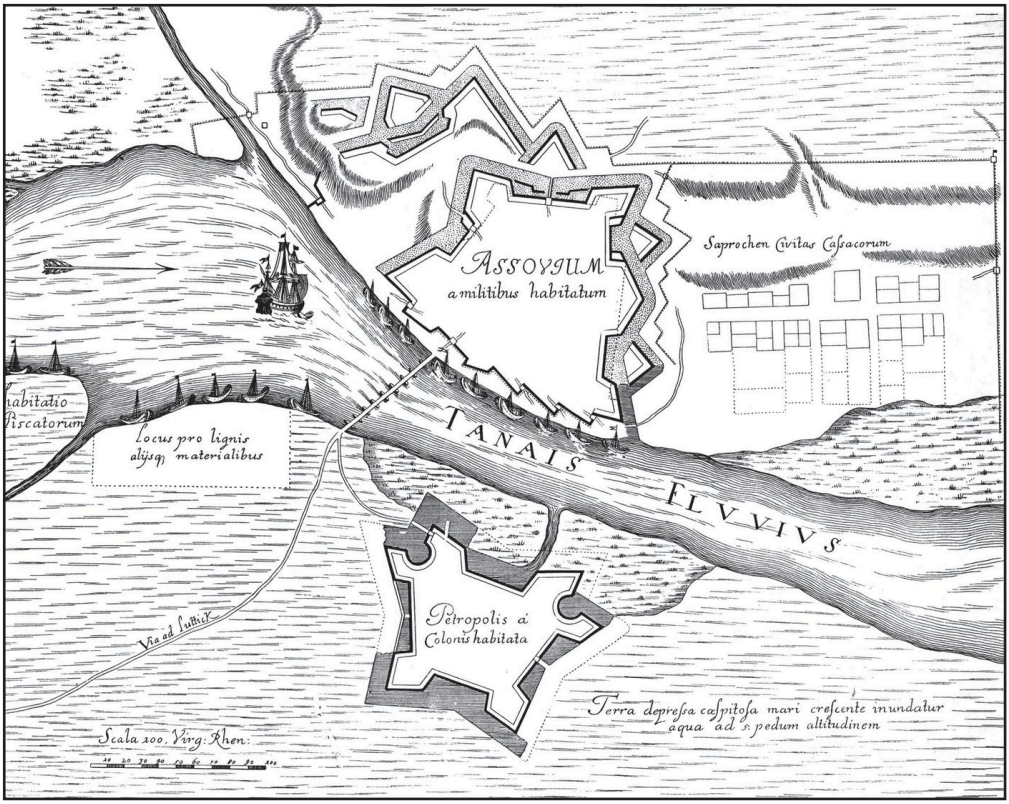
Шварц Искра (*Вена*), профессор Института истории Восточной Европы Венского университета

Шкаровский Михаил Витальевич (*Санкт-Петербург*), ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга

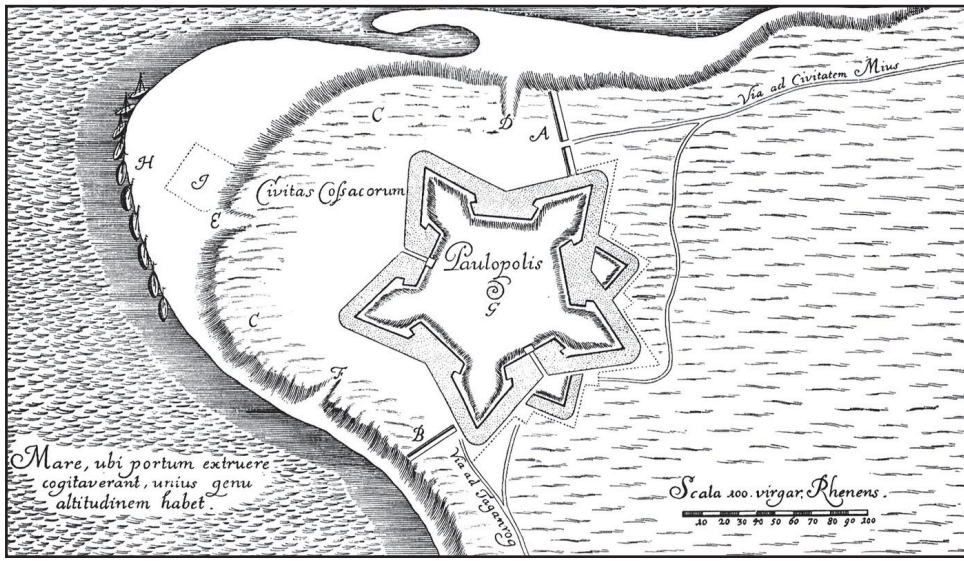
ИЛЛЮСТРАЦИИ

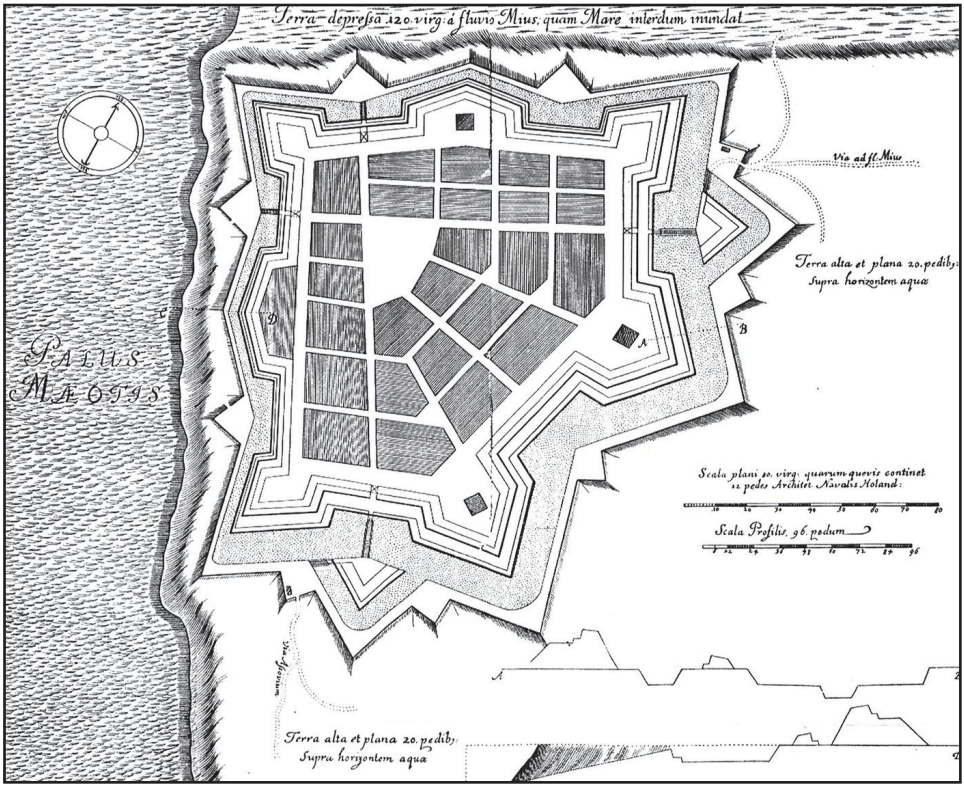
Илл. 1. Северо-Восточное Приазовье в конце XVII века
(фрагмент карты из атласа р. Дон 1703/4)

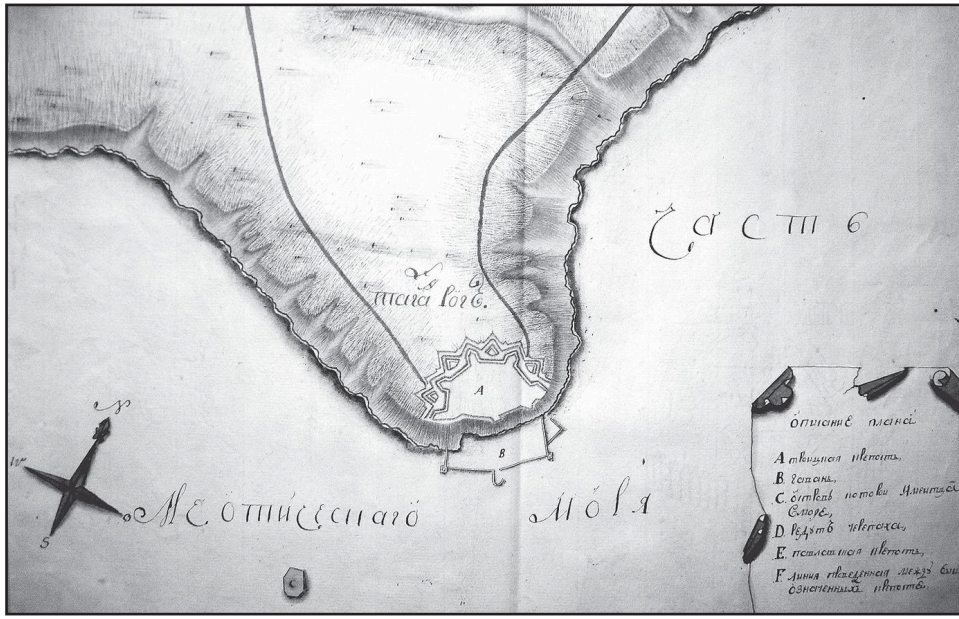
Илл. 2. Азов и Петровский в 1698 году
(гравюра из дневника И.Г. Корба)

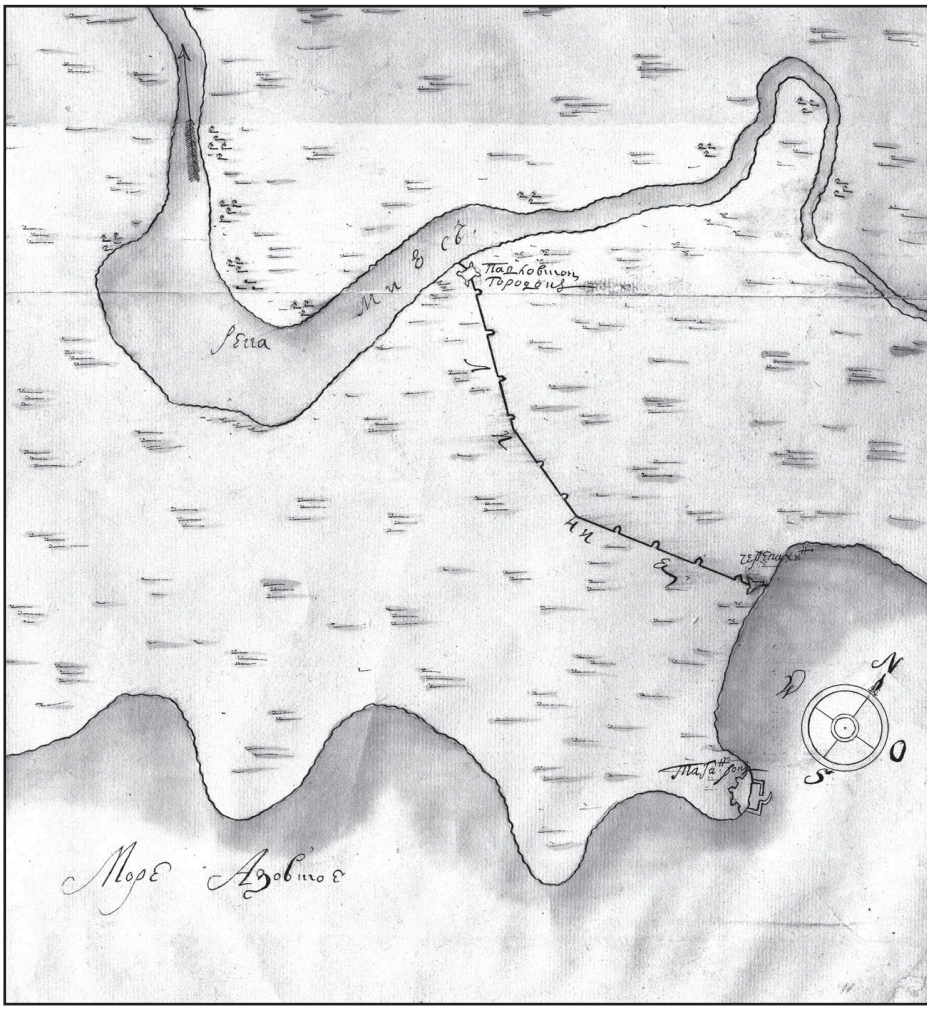
Илл. 3. Павловский в 1698 году (гравюра из дневника И.Г. Корба)

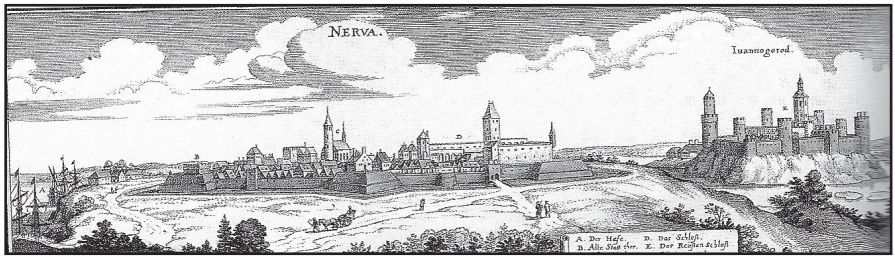
Илл. 4. Миус (Семеновский шанец) в 1698 году
(гравюра из дневника И.Г. Корба)

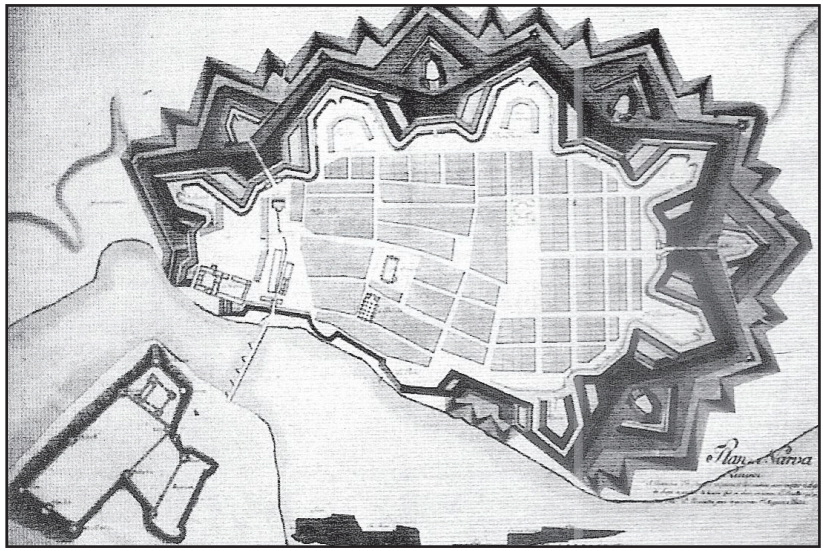
Илл. 5. Троицкий и Таганрогская гавань в начале XVIII века
(фрагмент плана 1768 года)

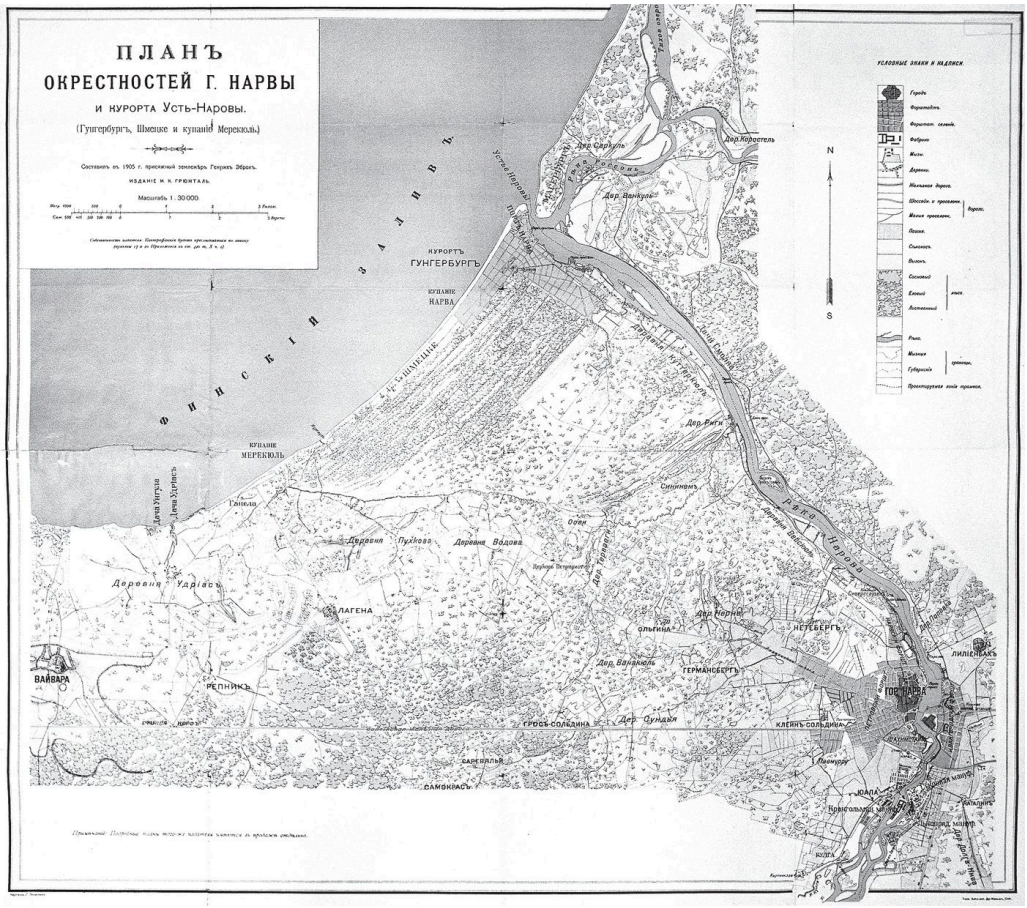
Илл. 6. Троицкая линия в начале XVIII века
(фрагмент карты второй половины XVIII века)

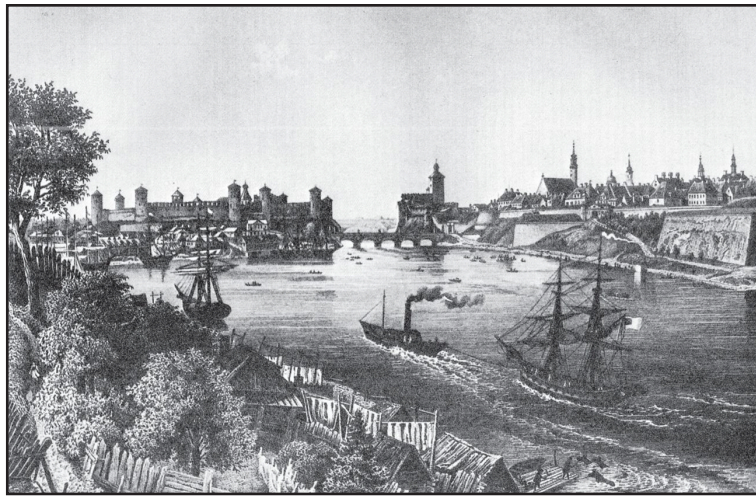
Вид Нарвы и Ивангорода.
Гравюра XVII века

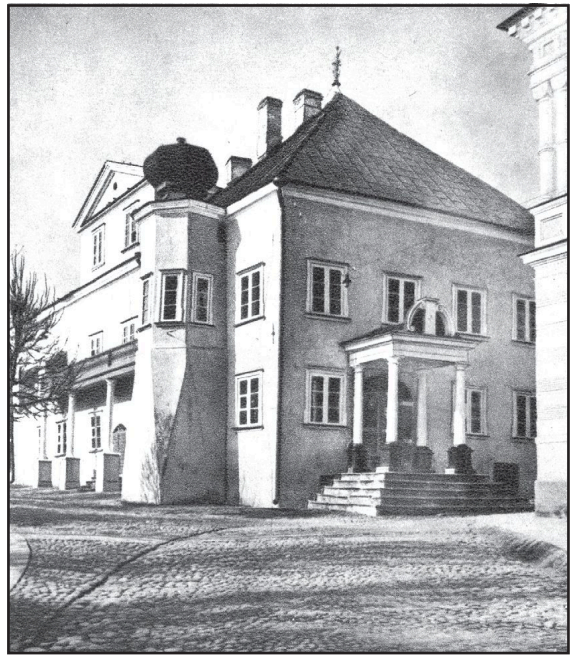
План Нарвы

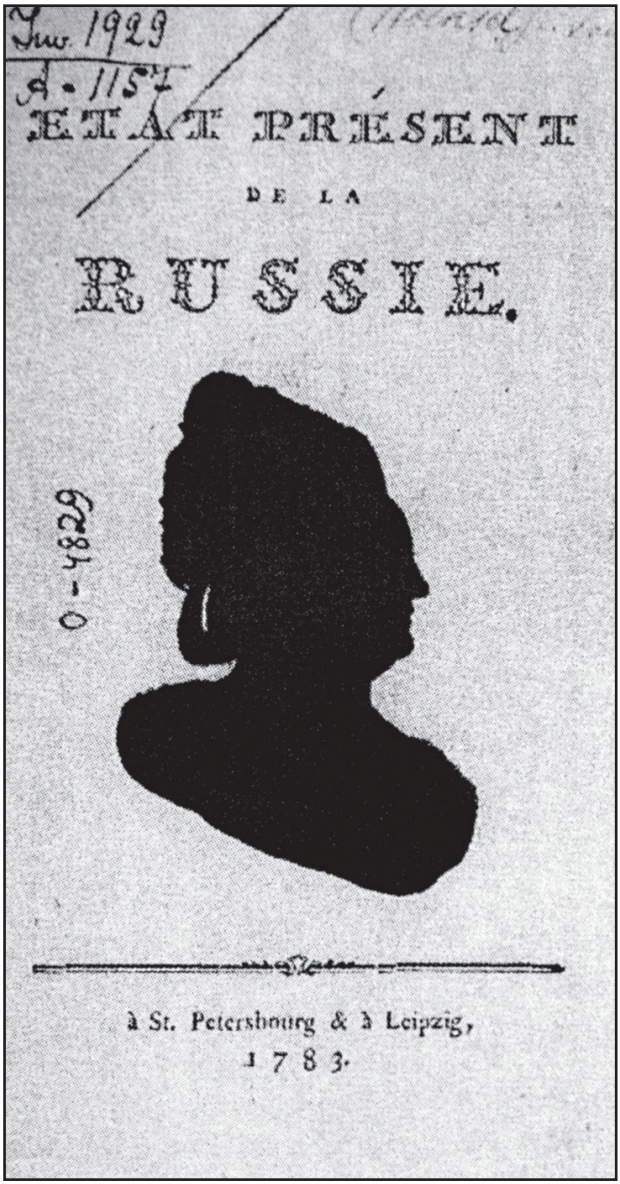
План окрестностей Нарвы и курорта Усть-Наровы. 1905 г.

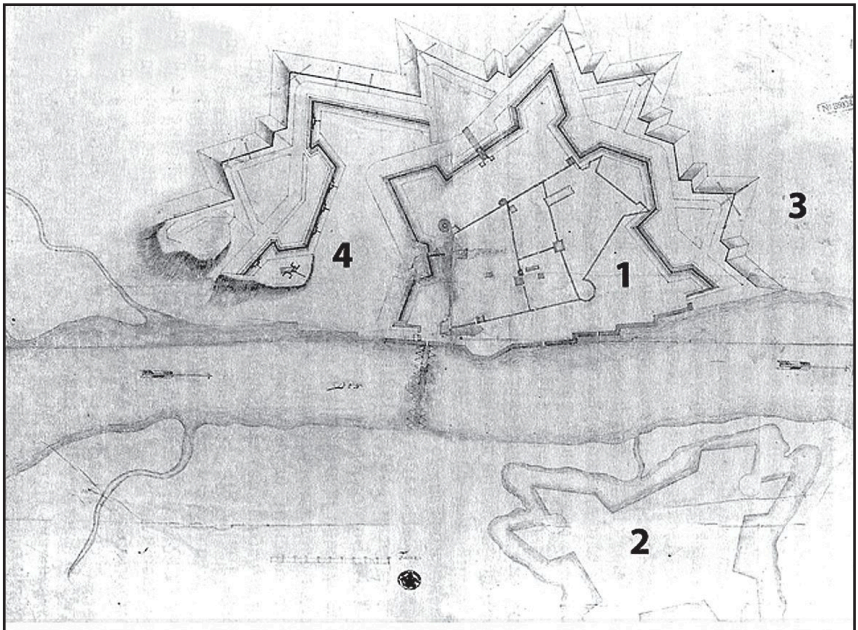
Вид Ивангорода и Нарвы.
Гравюра В. Ставенхагена. XIX в.

Дворец Петра I в Нарве.
Открытка 1930-х гг.

Титульный лист французского перевода книги *Питера ван Вунсела* «Detegenwoordige staat van Rusland» (Нынешнее положение России)

1 - Азов кон. XVII - нач. XVIII вв. со слободами.

2 - Петровская слобода (крепость Петровская).

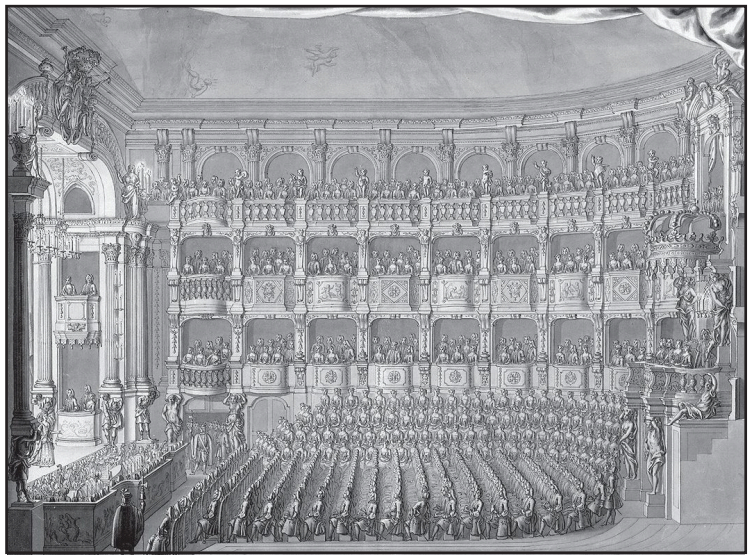
3 - Казачья слобода.

4 - Алексеевская слобода.

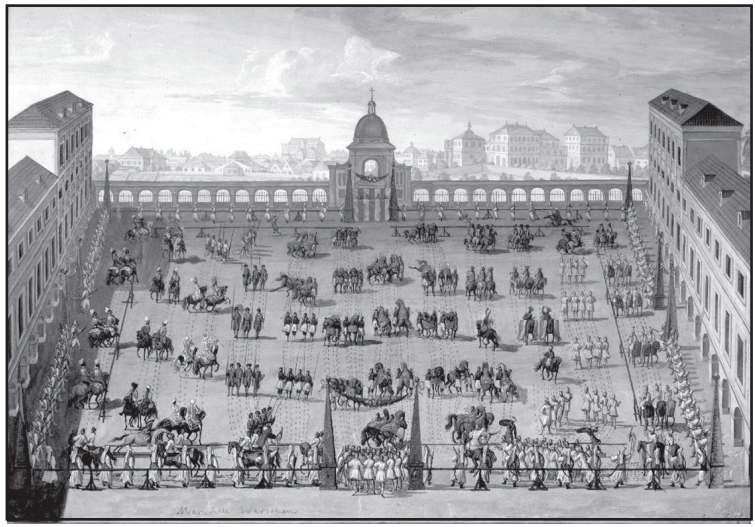

Илл. 1. *Маттеус Даниэль Пёппельман*. Титульная страница собрания гравюр с изображением Цвингера. 1729 (Vorstellung und Beschreibung des von Sr. Königl. Majestät in Pohlen u. Churfl. Durchl. Zu Sachsen erbeuten so genannten Zwinger-Gartens Gebäuden, oder der Königl. Orangerie zu Dresden. Dresden 1729) Rüstkammer, Dresden

* Права на все фотографии принадлежат: Staatliche Kunstsammlungen Dresden (Государственным художественным собраниям Дрездена).

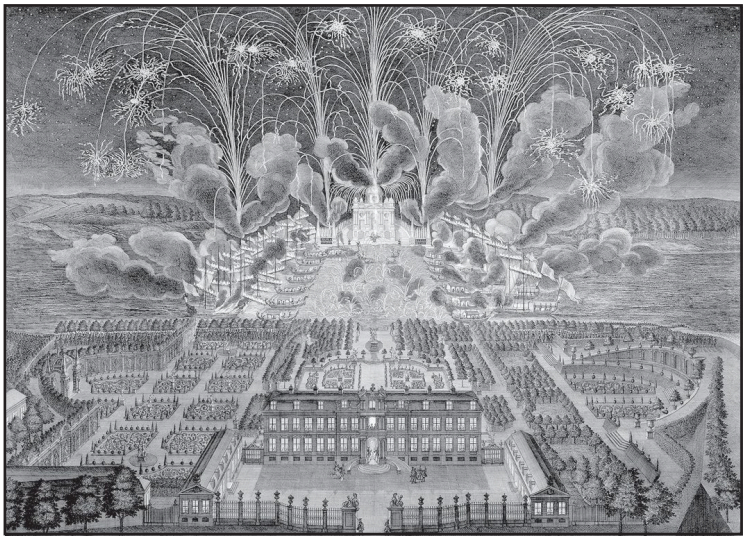
Илл. 2. *Карл Генрих Фелинг*. Оперный театр в Дрездене. Дрезден, после 1719 г. Kupferstichkabinett, Dresden

Илл. 3. *Иоханн Самуэль Мок*. Турнир 5 февраля 1701 г. в Варшаве, 70 листов, 1706 Kupferstichkabinett, Dresden

Илл. 4. Коронационный костюм Августа Сильного, 1697 г. Реконструкция 1997 г. Rüstkammer, Dresden

Илл. 5. *Иоганн Август Корвинус.* Фейерверк перед Голландским дворцом в Дрездене в 1719 г. Kupferstichkabinett, Dresden

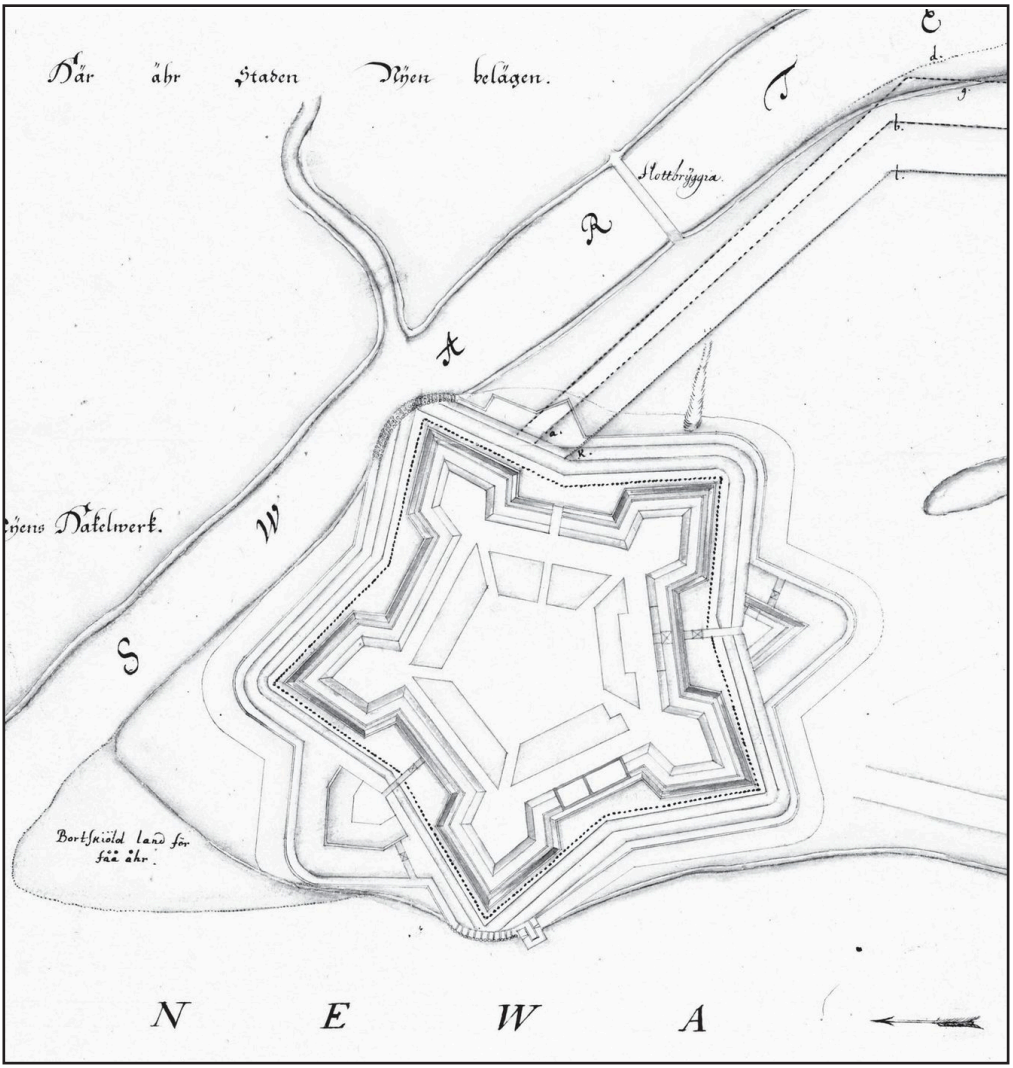
Илл. 1. Макет крепости Ниеншанц и города Ниен
в музее «Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц», 2003–2007 гг.

Илл. 2. Внутренний ров Ландскроны. Юго-восточный угол

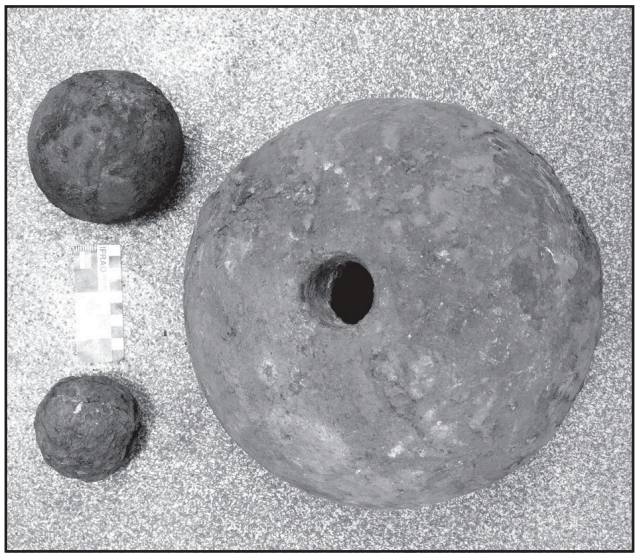
Илл. 3. Захоронения из могильника на левом берегу Охты

Илл. 4. Цитадель крепости Ниеншанц на плане 1681 года

Илл. 5. Ров Ниеншанца на фланке Мертвого бастиона

Илл. 6. Мортирная бомба и ядра из раскопок Ниеншанца

Вена. Дворец Хофбург. Нойе-Бург (Новый дворец)

Вена. Дворец Хофбург. Леопольдовский корпус

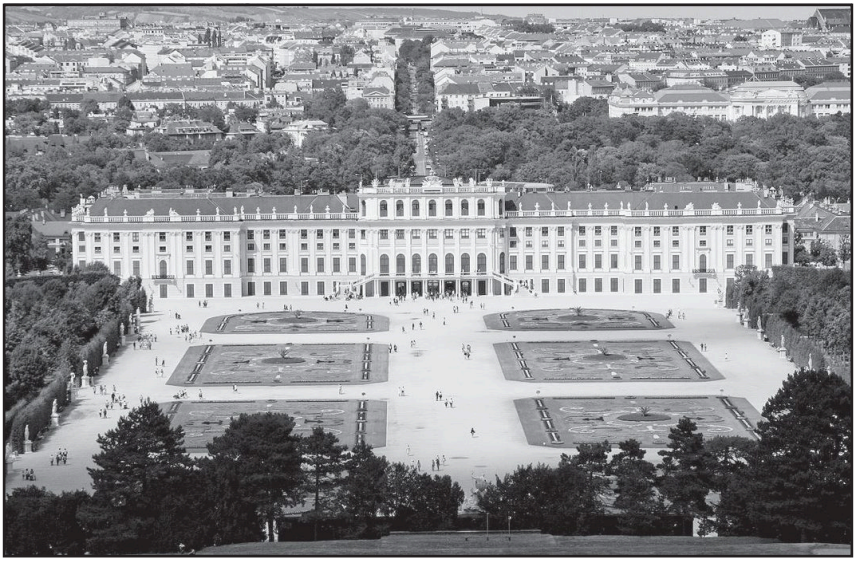
Вена. Дворец Хофбург. Площадь героев

Винер-Нойштадт. Резиденция императора Фридриха III

Вена. Императорская резиденция Фаворита

Вена. Дворец Шёнбрунн

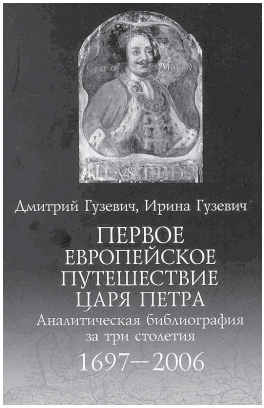

Вена. Дворец Шёнбрунн

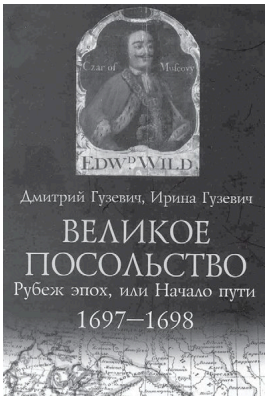

Вена. Дворец Шёнбрунн

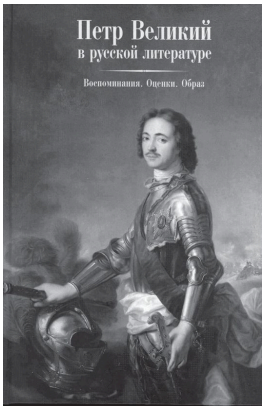
ИЗДАНИЯ ИНСТИТУТА ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Гузевич Д.Ю., *Гузевич И.Д.* **Первое европейское путешествие царя Петра: Аналитическая библиография за три столетия: 1697–2006.** Науч. ред. Э. Вагеманс. СПб.: Феникс; Дмитрий Буланин, 2008. 912 с.

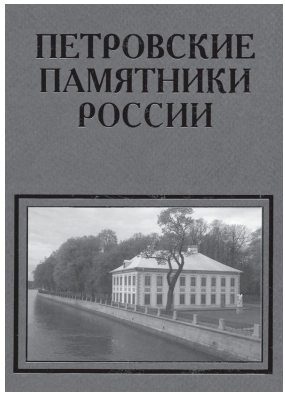

Гузевич Д.Ю., *Гузевич И.Д.* **Великое посольство: Рубеж эпох, или начало пути: 1697–1698.** СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 696 с., илл.

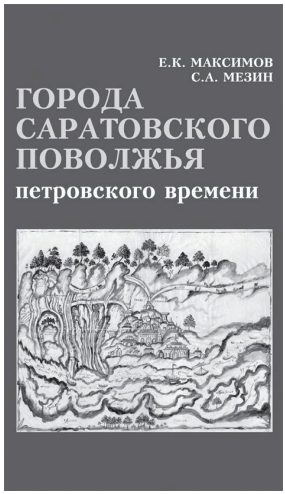

Пётр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ. Сост., вст. статья, прим. И.Н. Сухих. СПб.: Геликон Плюс, 2009. 552 с., илл.

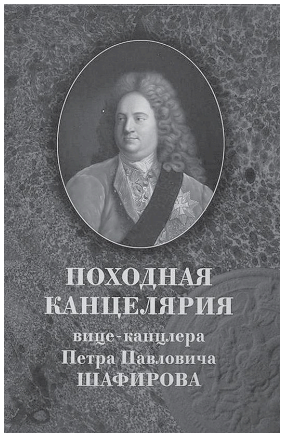
Петровские памятники России: Свод исторических и мемориальных памятников Российской Федерации петровского времени. Часть 1. Ред.-сост. А.В. Кобак, Н.Л. Корсакова. СПб.: Европейский Дом, 2010. 440 с., илл.

Максимов Е.К., *Мезин С.А.* **Города Саратовского Поволжья петровского времени.** СПб.: Европейский Дом, 2011 178 с., илл.

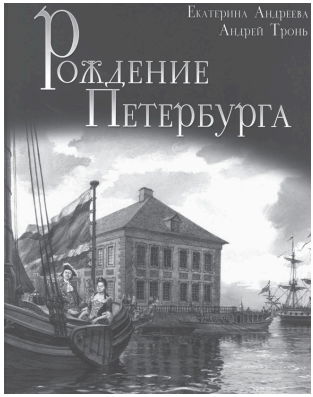

Походная канцелярия вице-канцлера Петра Павловича Шафирова: в 3 ч. Часть 1: 1706–1713 годы. Часть 2: 1714 год. Часть 3: 1715–1723 годы / Изд. подгот. Т.А. Базарова и Ю.Б. Фомина. Сост., вступ. ст., коммент. Т.А. Базаровой. СПб.: Издательский дом «Міръ», 2011. 416, 453, 464 с.

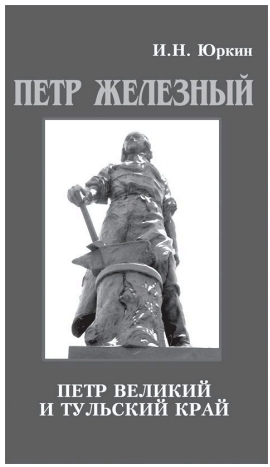

Культурные инициативы Петра Великого: Материалы II Международного конгресса петровских городов. Санкт-Петербург, 9–11 июня 2010 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова. Сост. Е. В. Анисимов, М.Г. Вадейша, А.В. Кобак. СПб.: Европейский Дом, 2011. 294 с., илл.

Андреева Е.А. **Рождение Петербурга.** СПб.: Лики России, 2011. 184 с., илл.

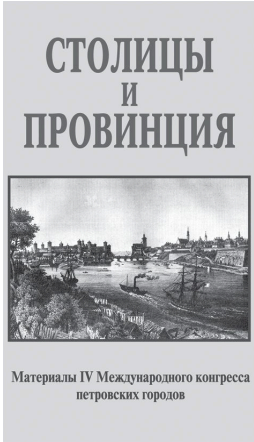

Юркин И.Н. **Пётр железный. Пётр Великий и тульский край: факты, гипотезы, документы.** СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.

Петровские реликвии в собраниях России и Европы: Материалы III Международного конгресса петровских городов. 8–10 июня 2011 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов, Н.Л. Корсакова. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Свидерская. СПб.: Европейский Дом, 2012. 352 с., илл.

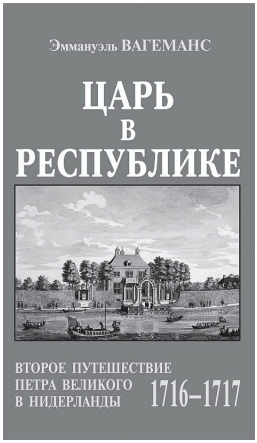

Столицы и провинция: К 300-летию перенесения столицы из Москвы в Санкт-Петербург. Материалы IV Международного конгресса петровских городов. 8–9 июня 2012 года. Научн. ред. Е.В. Анисимов. Сост. А.В. Кобак, О.Л. Кувалдина, И.Ф. Свидерская. СПб.: Европейский Дом, 2013. 344 с., илл.

Кросс Э. **Английский Пётр: Пётр Великий глазами британцев XVII – XX веков.** Пер. с англ. М.А. Вишнякова. СПб.: Европейский Дом, 2013. 232 с., илл.

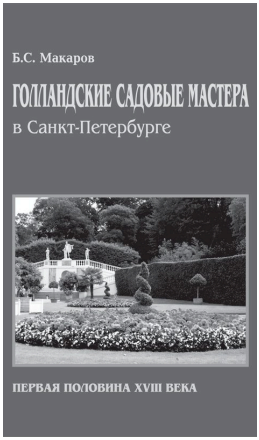

Вагеманс Э. **Царь в Республике: Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717 гг.).** Пер. с нидерланд. В.К. Ронина. СПб.: Европейский Дом, 2013. 256 с., илл.

Гузевич Д.Ю. **Захоронения Лефорта и Гордона: Могилы, кладбища, церкви. Мифы и реалии.** СПб.: Европейский Дом, 2013. 336 с., илл.

Макаров Б. **Голландские садовые мастера в Петербурге в первой половине XVIII века.** СПб.: Из-во ВМА, 2013. илл.

СТОЛИЦЫ
И
ПРОВИНЦИЯ

Материалы
IV Международного конгресса
петровских городов

Санкт-Петербург
8–9 июня 2012 года

Директор издательства
Е.Н. Кальщиков

Оформление, оригинал-макет
Татьяны Николаевой

978 5 8015 0315 7

ЛР № 065334 от 7 августа 1997 г.

Формат 60x88/16.
Бумага офсетная Печать офсетная.
Печ.л. 22,5. Тираж 500 экз.
Заказ №

Издательство «Европейский Дом»
191187, Санкт-Петербург, ул. Моховая, 15
Тел. (812) 279-0285
E-mail: evrodom2006@list.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., 12/28